

Армен
ГАСПАРЯН

ВОЕННЫЙ
АРХИВ

Армен
ГАСПАРЯН

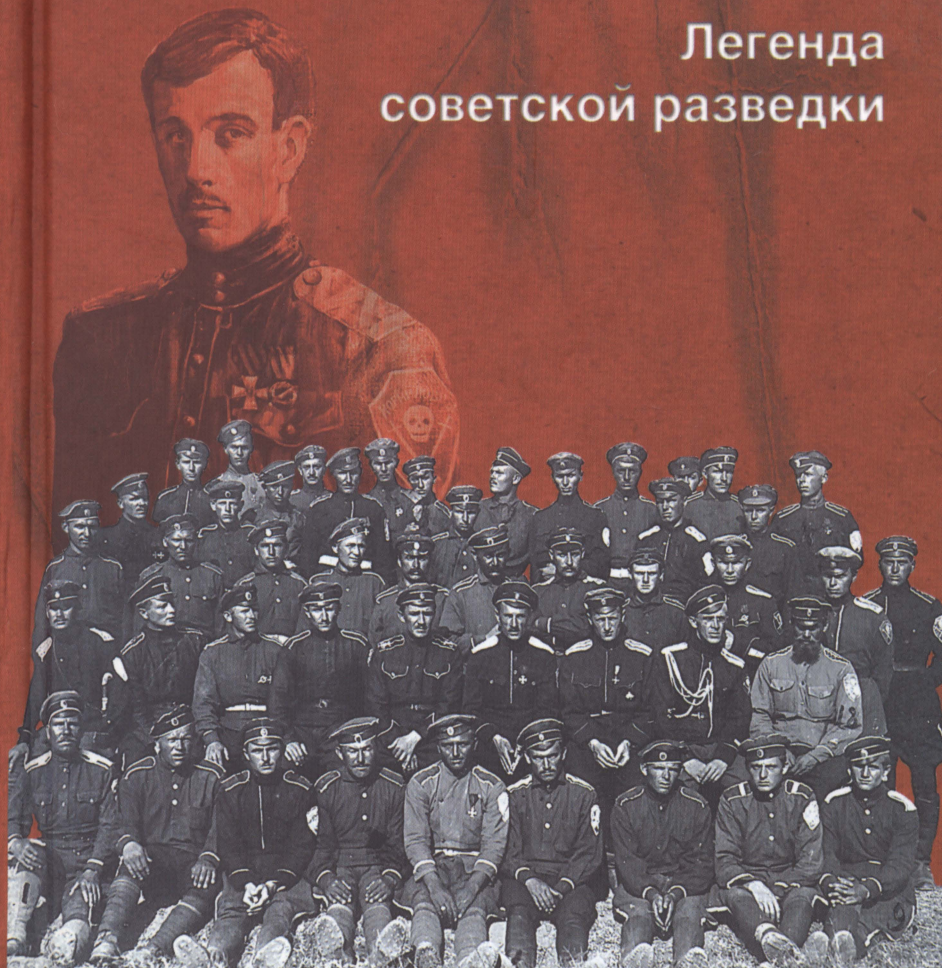
В
А

ГЕНЕРАЛ СКОБЛИН

Легенда советской разведки

ГЕНЕРАЛ СКОБЛИН

Легенда
советской разведки

ВОЕННЫЙ АРХИВ

А.С. Гаспарян

ГЕНЕРАЛ СКОБЛИН
Легенда советской
разведки

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2) 612.8
Г11

Гаспарян, А.С.

Г11   **Генерал Скоблин. Легенда советской разведки / А.С. Гаспарян. — М.: Вече, 2012. — 416 с. : ил. — (Военный архив).**

ISBN 978-5-9533-6441-6

Николай Владимирович Скоблин (1893—1937) считается одним из самых успешных советских разведчиков. Большая часть биографии «Фермера» до сих пор остается под грифом «совершенно секретно». Эта книга открывает читателю максимально возможную информацию о легендарном агенте внутри эмигрантских организаций — Русского общевоинского союза и таинственной «Внутренней линии», о которой до сих пор мало что известно. Работая над книгой, журналист Армен Гаспарян, лауреат премии «Патриот России», изучил сотни документов и воспоминаний людей, близко знавших Николая Владимировича, встречался с родственниками Скоблина. Ряд фотографий в книге публикуется впервые.

**УДК 94(47)
ББК 63.3(2) 612.8**

ISBN 978-5-9533-6441-6

© Гаспарян А.С., 2012
© ООО «Издательский дом «Вече», 2012
© ООО «Издательство «Вече», 2012

Предисловие

Писать о разведке невероятно сложно. Подлинная биография нелегала навсегда остается под грифом «секретно». Как отметил Герой Советского Союза Геворк Вартанян:

«Про нас, например, можно говорить только, что было в Тегеране, то есть до 51-го года. Мы и потом работали, но что было потом, пока рассказывать нельзя». Пресловутое «пока» может продолжаться долгие годы. К Николаю Владимировичу Скоблину, которого многие считают одним из самых успешных советских разведчиков, это относится в первую очередь.

23 сентября 1937 года русская эмиграция была потрясена новостью: таинственно исчезли в Париже председатель Русского общевойскового союза генерал Евгений Карлович Миллер и начальник Объединения чинов Корниловского ударного полка генерал Николай Владимирович Скоблин. Газеты еще не успели даже разобрать чрезвычайное происшествие, как стало известно, что пропала и жена Скоблина, знаменитая русская певица Надежда Васильевна Плевицкая. Вся французская полиция была поднята на ноги, установлено круглосуточное наблюдение на вокзалах, морских портах, приграничных станциях.

Миллера и Скоблина больше никто из русских эмигрантов никогда не видел. А вот Плевицкая нашла. На следующий день она давала объяснения в полиции. Через год легендарный «Курский соловей» предстанет перед судом. Ее обвинят

в участии в похищении председателя РОВС и работе вместе с мужем на советскую разведку. 53-летняя женщина будет осуждена на долгое заключение и умрет в тюрьме.

Эту историю знают многие. Кто-то читал классическую книгу Б.В. Прянишникова «Незримая паутина», кто-то смотрел сериал «Очарование зла» или многочисленные документальные фильмы, разной степени достоверности. За прошедшие 70 лет реальный Скоблин забылся. Ушли в прошлое многочисленные свидетельства военной доблести Николая Владимировича: *«На помощь были направлены три роты, общей численностью 160 человек, под командой Скоблина. Эрдели стал объяснять обстановку. “Ваше высокопревосходительство, все равно ни зги не видно, просто укажите рукой точное направление противника”, — сказал Скоблин. Генерал указал.*

Раздалась тихая команда: “Интервал три шага. От середины в цепь! Вперед!” Бесшумно поползли к окопам. “В штыки! Ура!”, — крикнул Скоблин. *Корниловцы подхватили так неистово, что заглушили стрельбу. Паника захлестнула большевиков. Обезумевшие толпы, в несколько тысяч человек, уже ничего не соображали».*

Сегодня культивируется совсем другая память о генерале, которая взрастила множество мифов разнообразной степени достоверности. Эта книга — первая попытка показать настоящего Скоблина, его военную карьеру, деятельность в Русском общевойсковом союзе и то самое пресловутое участие в «деле Тухачевского». Я старался не выставлять оценки поступкам и мыслям героев этой книги. Это сможете сделать вы — мои читатели. В мою задачу входит просто констатировать факты и приводить свидетельства, которые собирал многие годы.

Автор выражает огромную признательность за помощь в работе над книгой И.С. Скоблиной, Т.И. Ивановой, В.Н. Грекову

(Франция), Н.В. Никитиной (Великобритания), И.А. Марченко, Н.В. Вишневному, Н.Л. Казанцеву, А.И. Рудиченко (США), С.М. Пушкареву, А.С. Громову (Германия), М.А. Кублицкой (Аргентина), К.М. Александрову, О.А. Шевцову, В.Ж. Цветкову, С.Г. Зирипу, И.П. Воронину, В.В. Голицыну, А.Ю. Мельникову, А.И. Колпакиди, К.К. Семенову, В.Г. Чичерюкину-Мейнгардту, С.Ю. Василенко, М.Ю. Блинову, О.Г. Гончаренко, А.А. Словохотову, С.Д. Акиньшиной.

Первый корниловец

Октябрьский переворот 1917 года, а именно так и назвали Троцкий с Лениным свою революцию, вверг страну в пучину братоубийственной Гражданской войны. Первыми поднялись на борьбу с Третьим интернационалом Лавр Георгиевич Корнилов и четырехтысячная Добровольческая армия, составной частью которой был Корниловский ударный полк. Что мы знали о нем еще до недавнего времени? Только скудную информацию, почерпнутую из энциклопедии: *«Назван по имени генерала от инфантерии Л.Г. Корнилова и ведет свое начало от 1 Ударного отряда, сформированного в составе 8 армии в июне 1917 года. Приказом Верховного главнокомандующего от 11 августа 1917 года получил наименование Корниловского ударного полка, с 10 сентября 1917 года — 1 Российский ударный полк, с 30 сентября 1917 года — Славянский ударный полк. После Октябрьской революции около 600 ударников пробивались на Дон».*

Мы, рожденные в СССР, ничего толком о Гражданской войне не знали. Мы говорили «белогвардейцы» и даже не задумывались, а что означает это слово. А ведь основоположники сопротивления большевизму — генералы Русской Императорской армии Алексеев и Корнилов, создавая Добровольческую армию, таким определением не пользовались.

«Белогвардейцами» их стали называть их противники большевики, по якобы существовавшей аналогии между Добровольческой армией и эмигрантской белой армией эпохи Великой французской революции. Однако это в корне неверно. Французская армия воевала за идею легитимной монархии, выбрав для своего флага белый цвет королевского дома Бурбонов. А русская добровольческая армия не была ни реставраторской, ни монархической. Но название «белое» постепенно привилось, добровольцы стали им пользоваться, придавая ему иной смысл. Так белый цвет, войдя в название движения, стал символом чистоты устремлений его участников. Символом, который противопоставлялся классовой ненависти и перманентной революции, олицетворявшихся красным цветом — цветом крови. Ну и поскольку в Белом движении был представлен весь политический спектр от монархистов до социалистов, стали говорить, что белый цвет включает все цвета радуги. Это был символ политической солидарности, ради которого его приверженцы были готовы и пойти на все, и от всего отказаться.

Долгие годы нас пичкали суррогатной историей, и все, и всегда принималось на веру. Мы были убеждены, что в белых армиях были только графы и князья, фабриканты и помещики, буржуазия и купечество. Но было ли так на самом деле? В архиве командующего Вооруженными силами Юга России генерала Деникина сохранился уникальный документ, датированный 5 мая 1918 года. *«Не просим Вас, а прямо умоляем принять нас в Добровольческую Армию. Я — Сергей Николаевич Большеков, мне уже исполнилось 10 лет, а мой брат — Леонид Николаевич Большеков — ему уже 9-й год. Пожалуйста, примите нас в свою Армию. Мы умеем ездить верхом и делать гимнастику. Папа и мама ничего не знают, но как Вы напишете, не посмеют».*

В январе и феврале восемнадцатого года под Новочеркасском сражались двенадцатилетние кадеты, ростом меньше трехлинейной винтовки, в черных мундирчиках с красными лампасами. Потом их, окоченевших, в белых бумажных смертных венчиках вокруг желтых бескровных лбов, отпесали в новочеркасском Войсковом соборе. А тех немногих, кто провожал их в полупустом храме в последний путь, мучила только одна мысль: почему должны гибнуть дети, когда на Дону столько взрослых мужчин? Это о тех бедных мальчиках сказал с грустью основатель Добровольческой армии генерал Алексеев: *«Орлята защищали родное гнездо. А где же были орлы?»*

Орлы тоже были. Только Корниловская ударная дивизия потеряла в боях 13 674 человек. За три года русской смуты были ранены 34 328 красно-черных воинов. Из восемнадцати человек командного состава времен Ледяного похода в 30-х годах были живы лишь пять человек. Двенадцать погибли в боях, один — застрелился, не выдержав новороссийского кошмара. Вдумайтесь в эти цифры. Те же, кого большевики не добились в Крыму, — умерли на чужбине. Навсегда оставшись верными своей Родине.

Корниловский ударный полк. Полк-легенда. Осколок Русской армии, уничтоженной большевиками в 1917 году. Вспомним гнуснейшие слова маршала Тухачевского, сказанные спустя четыре года: *«Мы не получили в наследство от царской армии хороших приемов общевойскового обучения и нам самим надо настойчиво их разрабатывать применительно к условиям Красной Армии»*. Вспомним и сравним с воспоминаниями полковника-марковца Биркина: *«Я слышу сзади музыку. Было, как будто, недалеко, но не видно еще за скатом. Наконец за скатом появилась цепь Корниловцев с их эмблемами на своих левых рукавах. Я много уже слышал про них, впервые и воочию*

увидел этот знаменитый полк и как раз в бою. Не отрываясь, смотрел на него, даже не слыша свиста пуль. А полк разворачивался к атаке, не изменяя шага и отбивая ногу, как на параде. Ни криков, ни беготни, ни одной заминки. Полк поравнялся с нашей цепью и прошел через нее, не ускоряя и не замедляя шага. Мне кажется, что я смотрел на полк, разинув рот — до того удивительно, картинно-захватывающе и даже страшно было это зрелище. Цепи их были в 6—8 шагов интервала и удивительней всего, что они на ходу строились, одна уступом за другой. Большевики встретили полк ураганным огнем, а Корниловцы и не дрогнули: как шли, так и идут, даже шагу не прибавили, и казалось, что они чрезвычайно быстро приближаются к окопам большевиков. Вдруг пальба большевиков сразу прекратилась. Густыми цепями они сразу поднялись и побежали изо всех сил к станции. В ту же минуту грянуло Корниловское “Ура!”»

***

В начале 1918 года помощником командира Корниловского ударного полка был штабс-капитан Николай Владимирович Скоблин. Скупые строчки биографии — «Участник Первой мировой войны. В 1914 году — прапорщик 126-го пехотного Рыльского полка. В 1917 году — штабс-капитан, вступил в 1-й ударный отряд. Командир роты, командир батальона...» — ничего существенного не говорят.

Молодой офицер запомнился многим еще до того, как Добровольческая армия отправилась в свой Ледяной поход. В конце января 1918 года отступающие от Таганрога красные расстреляли бригаду железнодорожников. Живот одного из них был распорот саблей. В его рот были засунуты окровавленные гениталии. На обнаженной груди лежала фотография,

на которой были изображены двое молодых людей в форме, с надписью: «Нашему дорогому папе».

Как раз в этот момент прибыл вагон, который привез человек двадцать большевиков, взятых в плен на соседней станции. Вперед вышел один из юнкеров, как потом выяснилось, сын убитого железнодорожника. Прежде чем кто-нибудь успел его остановить, он разрядил свой карабин в толпу. Его разоружили, и он с рыданиями повалился на землю. Скоблин попытался успокоить безутешного юношу, которому едва исполнилось 18 лет: «Мы отомстим за твоего отца, можешь на меня положиться! Даю тебе слово чести!»

Они действительно отомстили. Первопоходник Роман Гуль с горечью вспоминал уже в эмиграции:

«Нежинцев скачет к нам, остановился — под ним танцует мышиноного цвета кобыла.

“Желающие на расправу!” — кричит он.

“Что такое? — думаю я.— Расстрел? Неужели?” Да, я понял: расстрел, вот этих 50—60 человек, с опущенными головами и руками.

Я оглянулся на своих офицеров.

“Вдруг никто не пойдет?” — пронеслось у меня.

Нет, выходят из рядов. Некоторые смущенно улыбаясь, некоторые с ожесточенными лицами.

Вышли человек пятнадцать. Идут к стоящим кучкой незнакомым людям и щелкают затворами.

Прошла минута.

Долетело: пли!.. Сухой треск выстрелов, крики, стоны...

Люди падали друг на друга, а шагов с десяти, плотно вжавшись в винтовки и расставив ноги, по ним стреляли, торопливо щелкая затворами. Упали все. Смолкли стоны. Смолкли выстрелы. Некоторые расстреливавшие отходили.

Некоторые добивали штыками и прикладами еще живых.

Вот она, гражданская война; то, что мы шли цепью по полю, веселые и радостные чему-то, — это не “война”... Вот она, подлинная гражданская война...

Расстреливавшие офицеры подошли.

Лица у них — бледны. У многих бродят неестественные улыбки, будто спрашивающие: ну, как после этого вы на нас смотрите?

“А почему я знаю! Может быть, эта сволочь моих близких в Ростове перестреляла!” — кричит, отвечая кому-то, расстреливавший офицер».

С Добровольческой армией Николай Владимирович Скоблин был в двух Кубанских походах (за Ледяной поход он был награжден орденом за № 29, что свидетельствует об авторитете тогда уже полковника), наступал на Москву, эвакуировался из Крыма. Боевой офицер, он по приказу Врангеля был произведен в генералы. Бывший доброволец Димитрий Лехович писал спустя годы: *«Небольшого роста, худой, хорошо сложенный, с правильными, даже красивыми чертами лица, с черными, коротко подстриженными усами, он производил бы вполне приятное впечатление, если бы не маленькая, но характерная подробность: Скоблин не смотрел в глаза своему собеседнику, взгляд его всегда скользил по сторонам. Человек большой личной храбрости, Скоблин имел военные заслуги и в то же время значительные недостатки. Он отличался холодной жестокостью в обращении с пленными и населением. Но в суровые дни и однополчанам, и начальству приходилось прежде всего считаться с воинской смекалкой Скоблина, закрывая глаза на его недостатки».*

Одним из них была безрассудная храбрость. Собственно, этим в Добровольческой армии было трудно кого-нибудь удивить. Но Скоблин выделялся даже среди столь же отважных

офицеров: «Квартирьеры доложили, что наиболее удобным помещением для штаба дивизии будет или дворянское собрание, или же дворец Скоропадского. В это время подошел пожилой мужчина, вежливо приподнял шляпу и осведомился, не он ли здесь главный начальник. “Да, я, — ответил Скоблин. — А вам что нужно?” “Хочу предупредить вас, чтобы вы ни в коем случае не останавливались в бывшем дворянском собрании или во дворце Скоропадского. Оба здания минированы большевиками”. “А кто вы такой?” — спросил Скоблин. “Я ваш друг, старый земский деятель”, — ответил незнакомец. Капитан Капнин стал настаивать, чтобы для штаба выбрать какое-нибудь другое помещение. “Охота тебе, Константин Львович, слушать всякие рассказы”, — возражал Скоблин. “Николай Владимирович, — закипятился Капнин, — нельзя ведь рисковать, чтобы начальник дивизии со всем своим штабом взлетел на воздух”. “Ну, ты делай, как хочешь, а я со своим конвоем остановлюсь во дворце Скоропадского”. К ночи, когда Скоблин уже укладывался спать, вдруг он услышал громкое шипение, и в его комнату поползла гарь. Скоблин распахнул двери. Весь зал был полон дыма».

Корниловцы, уже в эмиграции, вспоминали такой случай: однажды их колонну из ста человек обогнал броневик Дроздовского полка. Вышедший из него офицер обратился к Скоблину с вопросом: «Где остальные ударники?» «Вот все, что осталось от полка», — печально бросил Николай Владимирович и тут же приказал готовиться к атаке. Уже тогда он пользовался таким непререкаемым авторитетом, что позволял себе выговаривать даже своему непосредственному начальнику, генералу Кутепову. Полковник Левитов в своих воспоминаниях «Корниловский ударный полк» привел весьма показательный пример:

«Полковник Скоблин поехал разыскивать штаб корпуса. По дороге он встретил молодого адъютанта, причисленного к Генеральному штабу. Капитан передал начальнику дивизии в конверте приказание командира Добровольческого корпуса. Скоблин пробежал приказ и весь побледнел. Выпустив трехэтажнос ругательство, он набросился на капитана: “Как, приказ об отходе моей дивизии вы доставляете мне только сегодня? Почему вчера не доставили его мне? Из-за вашей трусости у меня убитых только 600 человек! Расстреливать таких офицеров!”

Скоблин помчался к Батайску. Штабной поезд медленно отходил. “Задержать поезд!” — закричал Скоблин. Поезд остановили. Вне себя он вскочил в вагон командира корпуса. “Николай Владимирович, — это ты? Слава Богу! Твоя дивизия цела?” Кутепов обнял Скоблина и поцеловал. Скоблин, возмущаясь, стал рассказывать ему, что перенесли корниловцы. “Ты потерял половину дивизии, а я почти весь свой корпус. Катастрофа. Поезжай — твоя задача защищать Батайск. Когда успокоишься, спокойно обо всем переговорим”. Медленно, шагом поехал Скоблин к корниловцам».

Скоблину прощалось все. Офицер отчаянной храбрости (один из самых молодых георгиевских кавалеров за всю историю Русской Императорской армии) всегда лично водил свой полк в атаку, он был ранен 6 раз. По устоявшейся в Добровольческой армии традиции, офицеры всегда шли впереди, поэтому и потери их превышали все допустимые нормы. (К примеру, командир батальона Корниловской ударной дивизии Фукс после каждой атаки оказывался в лазарете. В результате он был ранен 14 раз и лишился левой руки. Последний командир второго Корниловского ударного полка полковник Левитов был ранен также 14 раз, из них 8 тяжело. Сам о себе он говорил так:

«С мая 1915 года моя левая рука от ранения в плечо не поднималась, штыком я работать не мог, а стрелял отлично».) Скоблин был одним из первых кавалеров ордена Святого Николая Чудотворца — высшей награды Русской армии генерала Врангеля. (Приказ ВСЮР №167 от 11/24 июля 1920 года. Вручал орден сам Главнокомандующий 14 сентября того же года в селе Федоровка Северной Таврии. Спустя 11 лет фотография этого знаменательного момента украсила обложку журнала «Часовой». № 54 от 30 апреля 1931 года.)

Поручик Критский писал почти через 20 лет: *«Скоблин вышел к матросам. — Здорово, — сказал он. Матросы ответили как следует. — Знаете ли вы, — спросил Скоблин, — в какую часть вас прислали? — В Корниловскую дивизию, — ответило несколько голосов. — Не в Корниловскую дивизию, а в Корниловскую Ударную дивизию, — поправил Скоблин. — Так вот что: всех трусов, всех тех, кто дрожит за свою жизнь, и тех, кто задумал в бою переметнуться к красным, нам таких не надо. Все храбрые и честные — три шага вперед! Все полтора-раста человек сделали три шага вперед. Из этих матросов была сформирована рота, и она честно воевала с красными».*

Корниловцы своим командиром гордились. Молодого генерала боялись и уважали враги, что говорит о многом. Разгром конного корпуса Жлобы, одна из самых страшных катастроф красных в Гражданской войне, произошел при самом активном участии нестигаемых ударников. Петр Николаевич Врангель писал в своих воспоминаниях: *«Корниловская артиллерия с открытых позиций открыла огонь по наступающим на донцов красным. Наши броневики, ворвавшись в колонны конницы Жлобы, расстреливали красные полки. Одновременно эскадрилья аэропланов осыпала красных кавалеристов сверху пулеметным огнем. Остановив атаку на 3-ю донскую диви-*

зию, “товарищ” Жлоба всеми силами, до пяти кавалерийских бригад, бросился на корниловцев. Однако корниловцы выдержанным ружейным и пулеметным огнем встретили атаку красной конницы. Наша артиллерия, выскочив на открытую позицию, открыла огонь во фланг атакующим. В то же время 3-я донская дивизия, быстро оправившись, сама перешла в наступление на север.

Атакующие с фронта и фланга и поражаемые метательными снарядами нашей воздушной эскадрильи, массы красной конницы смешались и бросились бежать в разных направлениях. Большая часть, до двух дивизий, во главе с самим Жлобой, прорываясь на северо-запад, бросилась на Гальштадт и Большой Токмак, но здесь была встречена резервами 13-й пехотной дивизии и бронепоездами, в упор расстреливавшими беспорядочно метавшиеся толпы красных кавалеристов. Жлоба бросился на юг, но здесь вновь попался под удар дроздовцев. Последние, частью сев на повозки, преследовали противника, перехватывая ему дорогу и расстреливая в упор из пулеметов... Остатки красных дивизий были настигнуты в районе Черниговки конницей генерала Морозова и окончательно рассеяны. Вторая группа красной конницы из района Александеркрона бросилась на север в направлении на деревню Моргенау, но здесь наткнулась на дроздовцев и, встреченная убийственным огнем, бросилась на восток, но была перехвачена 2-й донской дивизией, овладевшей на рассвете деревней Штейнфельд и преследующей выбитых из этих селений красных, отходивших на Фриденсдорф. Передовые части конницы генерала Морозова и донцов долго преследовали остатки разгромленного противника, бегущего на Черниговку. Красные кавалеристы уже не оказывали никакого сопротивления. Многие бросали загнивших коней и разбежались по хуторам и балкам.

Конная группа “товарица” Жлобы была разгромлена совершенно. Вся артиллерия противника, свыше сорока орудий, до 200 пулеметов и до 2000 пленных попали в наши руки. Мы захватили до 3000 коней. Полки 2-й конной и донских дивизий полностью пополнили свой конский состав. Штабы двух дивизий красной конницы были захвачены нами».

После эвакуации из Крыма в Галлиполи Корниловская ударная дивизия была сведена в полк. Командовал им, как и раньше, Скоблин. В то время все чины белых армий жили надеждой, что со дня на день генерал Врангель отдаст свой знаменитый приказ: «Орлы, за дело! Кубанский поход продолжается!» О капитуляции никто не думал, все были готовы к новым сражениям с большевиками. Последний начальник штаба Корниловской ударной дивизии Генерального штаба полковник Месснер напишет спустя годы: «*Ленин и Троцкий, борясь против Добровольческой Армии генерала Корнилова, Вооруженных Сил генерала Деникина и Русской Армии генерала Врангеля, ставили целью уничтожение того, что они называли контрреволюцией. Этого они не достигли; они — НЕ ПОБЕДИЛИ.*

Генерал Алексеев, начиная Белую борьбу, целью ее поставил зажечь свечку России; эта задача ВЫПОЛНЕНА: свечка была зажжена, свечка не была погашена; свечка и по сей день горит. Белые воины НЕ БЫЛИ ПОБЕЖДЕНЫ. Конечно, советская власть не признает моральной победы Белого Дела. Ее торопливые историки пишут, что Белое войско было разбито. Но ведь разбитые полки бегут, сдаются. Русская же Армия имела тактические успехи до последнего дня борьбы: славная конница генерала Барбовича прижала четыре дивизии противника к Гнилому морю; непоколебимая пехота завершила последний

бой штыковой атакой Корниловской Ударной дивизии у села Юшунь. Так не дерется разгромленная армия!»

Вот только Николай Владимирович постепенно отстранялся от борьбы до победы. Нет, он не разочаровался в идеалах Белого движения. Все очень прозаично — 26-летний генерал влюбился до беспамятства. Собственно, случилось это еще в Крыму, но только на чужбине корниловцы обратили внимание, что теряют своего командира. Все его мысли занимала известная русская певица Надежда Плевицкая, «Курский соловей», как называл ее последний русский император Николай II.

***

Надежда Васильевна Вишникова родилась в 1884 году в деревне Винниково Курской области. Ее детство ничем не отличалось от детства сотен других деревенских детей. В своих воспоминаниях «Дежкин карагод», изданных в Берлине в 1925 году, она писала: *«Семеро было нас: отец, мать, брат да четыре сестры. Всех детей у родителей было двенадцать, я родилась двенадцатой и последней, а осталось нас пятеро, прочие волей Божьей померли.*

Жили мы дружно, и слово родителей для нас было законом. Если же, не дай Бог, кто “закон” осмелится обойти, то было и наказание: из кучи дров выбиралась отцом-матерью палка, потолще, со словами: “Отваляю по чем ни попало”.

А вот и преступления наши: Родители не разрешали долго загуливать. “Чтобы засветло дома были”, — наказывала мать, отпуская сестер на улицу, потому что “хорошая слава в коробке лежит, а дурная по дорожке бежит”.

Вот той славы, “что по дорожке бежит”, мать и боялась. У моего отца было семь десятин пахоты. На семью в семь человек — это немного, но родители мои были хозяева креп-

кие, и при хорошем урожае и у нас были достатки. Бывало, зайдешь в амбар: закрома полные, пшено, крупы, на балках висят копченые гуси, окорока, в бочках солонина и сало. А в погребе — кадки капусты, огурцов, яблок, груш. Спокойна душа хозяйская, все тяжким трудом приобретено, зато благодать: зимой семья благоденствует. Мать усердно гоняла нас в лес: дикие яблоки для сушки возами свозились, мешками таскали орехи, которые припрятывались до Рождества. Было и у нас изобилие.

Отобедали и снова на улицу. Мать дала нам по десятку яиц на пряники, но сказала, чтобы я погуляла немного да и вернулась; нужно гусей на речку согнать, а то в закутке они ис-кричались. Как не хотелось с улицы идти, а вернулись домой, выпустили гусей из закутка и погнали под гору.

Под горой, не боясь, что нас кто увидит, стали мы с Машуткой плясать, подражая Татьяне и старшим сестрам. Я запела протяжную:

*Дунай-речка, Дунай быстрая,
Бережечки сносит.
Размолоденький солдатик
Полковника просит:
— Отпусти меня, полковник,
Из полку до дому.
— Рад бы я, рад бы отпустить,
Да ты не скоро будешь,
Ты напьешься воды холодной,
Про службу забудешь...*

Пела я и прислушивалась к своему голосу. Мне очень хотелось, чтобы походил он на Татьянин.

А с горы на плотину съезжал в ту пору экипаж, в котором сидели соседнего помещика барыня и барышни. Поравнявшись с нами, они замахали платками, и в нашу сторону полетел большой кулек. Коляска промчалась, а мы с Машуткой стали собирать как с неба упавшие гостинцы: каких только сластей не было в кульке».

После этого и стали говорить се земляки, что петь Плевицкой было гораздо легче, чем говорить. В возрасте 10 лет она приняла первое самостоятельное решение в своей жизни — ушла в монастырь. Провела там всего два года, а потом сбежала с бродячим цирком. *«Я теперь вижу, что лукавая жизнь угораздила меня прыгать необычно: из деревни в монастырь, из монастыря в шантан. Но разве меня тянуло туда дурное? Балаган сверкнул внезапным блеском, и почуяла душа красоту, пусть маленькую, неказистую, убогую, но для меня новую и невиданную»,* — писала спустя годы Надежда Васильевна.

В цирке она познакомится со своим первым мужем, танцовщиком из Польши Эдмундом Плевицким. В 1903 году состоялась их свадьба. Именно под фамилией Плевицкая Надежда Васильевна скоро стала известна всей России.

На одном из выступлений ее услышал знаменитый певец Леонид Собинов. Едва дождавшись окончания, он пришел к ней за кулисы с букетом роз и был краток: «Вы талант!» С этого момента карьера Плевицкой резко пошла в гору. Ее даже стали звать на благотворительные концерты, где она выступала вместе с такими мастерами сцены, как актер МХАТа Василий Качалов и прима балета Мариинки Матильда Кшесинская. В своих воспоминаниях Плевицкая писала: *«В зале обычно шумели. Но когда на занавес выбрасывали анилаг с моим именем, зал смолкал. И было странно мне, когда я выходила на сцену: предо мной стояли столы, за которыми вокруг бутылок*

теснились люди. Бутылок множество, и выпито, вероятно, не мало, а в зале такая страшная тишина.

Чего притихли? Ведь только что передо мной талантливая артистка, красавица, пела очень веселые, игривые песни, а в зале было шумно.

А я хочу петь совсем невеселую песню. И они про то знают и ждут. У зеркальных стен, опустив салфетки, стоят, не шевелясь, лакеи, а если кто шевельнется, все посмотрят, зашикают. Такое необычное внимание я не себе приписывала, а русской песне. Я только касалась тех тихих струн, которые у каждого человека так светло звучат, когда их тронешь».

Летом 1911 года Надежда Васильевна отправилась на свои первые гастроли. 40 концертов по всей стране. На гонорар она даже сумела купить себе дом в родной деревне Винниково и начать там большое строительство. Надо сказать, что газеты восторженно приветствовали новую звезду русской эстрады, и кое-кто даже вспомнил, что взлетом своей карьеры Плевицкая обязана, прежде всего, Леониду Собинову: *«Меня чрезвычайно радует ее успех, и я счастлив, что мне удалось уговорить Надежду Васильевну переменить шантан на концертную эстраду. Москва просто покорена пением молодой певицы, таким простым, как поют деревенские бабы, но “пронзительным”.*

Настоящая слава к Плевицкой пришла после концерта в Царском Селе. В 1912 году ее позвали петь для государя императора и его свиты. В своих воспоминаниях она так описывает пик карьеры: *«И вот распахнулась дверь, и я оказалась перед Государем. Это была небольшая гостиная, и только стол, прекрасно убранный бледно-розовыми тюльпанами, отделял меня от Государя.*

Я поклонилась низко и посмотрела прямо Ему в лицо и встретила тихий свет лучистых глаз. Государь будто догадывался о моем волнении, приветил меня своим взглядом.

Словно чудо случилось, страх мой прошел, и я вдруг успокоилась. По наружности Государь не был величественным, и сидящие генералы и сановники рядом казались гораздо представительнее. А все же, если бы я и никогда не видела раньше Государя, войди я в эту гостиную и спроси меня — “узнай, кто из них Царь?” — я бы, не колеблясь, указала на скромную особу Его Величества. Из глаз Его лучился прекрасный свет царской души. Поэтому я Его и узнала бы.

Он рукоплескал первый и горячо, и последний хлопок всегда был Его.

Я пела много. Государь был слушатель внимательный и чуткий. Он справлялся, может быть, я утомилась. “Нет, не чувствую я усталости, я слишком счастлива”, — отвечала я.

Выбор песен был предоставлен мне, и я пела то, что мне по душе. Спела я и песню революционную про мужика-горемыку, который попал в Сибирь за недоимки. Никто замечания мне не сделал.

Теперь, доведись мне петь Царю, я, может быть, умудренная жизнью, схитрила бы и песни этакой Царю бы не пела бы, но тогда была простодушна, молода, о политике знать не знала, ведать не ведала, а о партиях разных и в голову не приходило, что такие есть. А как я в политике не таровата, достаточно сказать то, что, когда слышала о партии кадет, улавливала слово “кадет” и была уверена, что идет речь об окончивших кадетский корпус.

А песни-то про горюшко-горькое, про долю мужицкую кому же и петь-рассказывать, как не Царю своему Батюшке?

Он слышал меня, и я видела в царских глазах свет печальный. Пела я и про радости, шутила в песнях, и Царь смеялся. Он шутку понимал простую, крестьянскую, незатейную. Я пела Государю и про московского ямщика:

*Вот тройка борзая несется,
Ровно из лука стрела,
И в поле песня раздаётся, —
Прощай, родимая Москва!*

После моего “Ямщика” Государь сказал Мосолову: “От этой песни у меня сдавило горло”.

Во время перерыва Комаров сказал, что мне поручают поднести Государю заздравную чару.

Чтобы не повторять заздравную, какую все поют, я наскоро, как умела, тут же набросала слова и под блистающий марш, в который мой аккомпаниатор вложил всю душу, стоя у рояля, запела:

*Пропоём заздравную, славные солдаты,
Как невали с чаркою деды наши встарь,
Ура, ура, грянемте, солдаты,
Да здравствует русский наш сокол Государь!*

И во время ретурнеля медленно приблизилась к Царскому столу. Помню, как дрожали мои затянутые в перчатки руки, на которых я несла золотой кубок. Государь встал. Я пела ему:

*Солнышко красное, просим выпить, светлый Царь,
Так невали с чаркою деды наши встарь!
Ура, ура, грянемте, солдаты,
Да здравствует русский, родимый Государь!*

Государь, приняв чашу, медленно ее осушил, глубоко мне поклонился и сказал: “Я слушал вас сегодня с большим удовольствием. Мне говорили, что вы никогда не учились петь. И не учитесь. Оставайтесь такою, какая вы есть. Я много слышал

ученых соловьев, но они пели для уха, а вы поете для сердца. Самая простая песня в вашей передаче становится значительной и проникает вот сюда". Государь слегка улыбнулся и прижал руку к сердцу».

Надо сказать, что именно на том концерте она познакомилась со своим будущим вторым мужем, кирасиром-поручиком Шангиным. Это была любовь с первого взгляда. Через какое-то время последовал ее развод с Плевицким. А ведь в то время браки между офицерами и певичками были для офицеров запрещены. Однако Шангин, не был отправлен в отставку. Говорили, что развод лично благословил Николай II.

Надежда Васильевна недолго упивалась семейным счастьем. Грянул 1914 год. Первая мировая война. Ее муж, кирасир-поручик Шангин оказался в рядах действующей армии. 22 января 1915 года он погиб в Восточной Пруссии. Но, по слухам, Плевицкая не слишком-то переживала эту потерю, потому что увлекалась уже поручиком лейб-гвардии Юрием Левицким. Кстати говоря, война практически не коснулась карьеры певицы. Она по-прежнему выступала, пела для солдат русской армии. Известно, что Плевицкая дала не меньше сотни таких концертов.

Слава Надежды Васильевны была столь велика, что она стала героем фельетона известного журналиста Аркадия Аверченко:

«Давайте телеграмму Плевицкой пошлем. — А и дело говорите. Исполать вам. Пишите. "Ой-ты, гой еси, наша матушка Надежда ли Васильевна! Земно кланяемся твоему истинно национальному дарованию, а молчим на многая лета тебе на здоровьица на погибель инородцам. Поднимаем ендову самоцветную с брагой той ли шипучей!" — Подписывайтесь, детинушки! И все расписались: — Барон Шлиппенбах. Граф

Стенбок. То ли барон Вурст. Гой еси барон Кригс. А и тот ли жандармский ротмистр Шпице фон Дракен. — Все подписались? — Я не подписался, — застенчиво сказал новопоступивший националист. — Так подписывайтесь же! И он застенчиво подписал: — Семен Яковлевич Хацкелевич, православный».

Тогда же Надежда Васильевна снялась у известного русского режиссера Гардина в фильмах «Крик жизни» и «Власть земли». Он вспоминал через несколько лет: *«Дом Плевицкой деревянный, в русском стиле. Чисто, уютно. Актеры довольны, хозяйка любит петь. По вечерам концерты. Плевицкая работала с забавным увлечением. Она совершенно не интересовалась сценарием, ее можно было уговорить разыграть любую сцену, без всякой связи с предыдущей».*

Критики благосклонно отнеслись к новой актрисе. В одной из статей отмечалось, что *«Плевицкая с большим мастерством нарисовала нам образ женщины-крестьянки, которой, в силу своего живого темперамента, было тесно жить в деревенской среде около своего богатого, но ограниченного интеллектуально мужа. И стоило на ее горизонте появиться барину, поманившему ее к новой жизни, как она решительно порвала с мужем. Но судьба не прощает такие резкие переломы, и при первом упреке любовника к ее “деревенщине”, было нарушено ее счастье».*

В 1918 году оба фильма были перемонтированы и выпущены в прокат под общим названием «Агафия». Но, как считают коллекционеры, до наших дней ни одна из копий не сохранилась.

Плевицкая продолжала выступать даже тогда, когда русская армия фактически развалилась. Начала петь уже для отрядов рабочей гвардии, которые через несколько месяцев стали основой Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Плевицкая вы-

ступала на Северо-Западном и Южном фронтах, и именно на Южном фронте она познакомилась с сотрудником одесской Чрезвычайной комиссии Шульгой, с которым у нее завязался еще один бурный роман. Надежда Васильевна не была особенно цепестильной ни в жизни, ни в творчестве. Она с одинаковым успехом исполняла и «Боже, царя храни», и «Марсельезу».

Как именно оказалась Плевицкая в Белой армии, до сих неизвестно. Существует две версии. Согласно первой, певицу взяли в плен чины 2-го Корниловского ударного полка, совершившие внезапный налет на позиции красных во время концерта. Шульгу повесили, а Плевицкую доставили в штаб, на допрос к командиру, полковнику Пашкевичу. Согласно второй, и я склоняюсь именно к ней, ее муж поручик Левицкий при первом же удобном случае присоединился к белым. Один из первых добровольцев, участник Ледяного похода Пашкевич стал новым фаворитом любвеобильной певицы. Доходило до того, что он увлекала его в спальню даже в редкие минуты, отделявшие один бой от другого.

Кто же такой Яков Антонович Пашкевич? В книге «Корниловский Ударный Полк» полковник Левитов писал: *«Этот человек был верный корниловец и прирожденный “отец-командир”*: вне своего полка, его спайки и славы он мало чем интересовался. Пашкевич входил во все мелочи полковой жизни и вносил в эту жизнь всю крепость крестьянского хозяйственного быта, унаследованного им от рождения. Как рачительный хозяин, Пашкевич терпеть не мог “разгильдяйства”, и не было для него большей обиды, чем увидеть своего корниловца пьяным или хотя бы навеселе. Пашкевич с презрением оглядывал провинившегося и только бросал сквозь зубы одно короткое выразительное русское словечко.....! Особо требователен был Пашкевич в боевой обстановке. Он, памятуя, что малые

причины часто рождают великие последствия, не успокаивался до тех пор, пока не убеждался, что его приказание усвоено полностью. Мало того, через некоторое время непременно сам пойдет и проверит, все ли сделано, что нужно.

Первопоходник, он был начальником пулеметной команды в Корниловском Ударном Полку и отличался знанием боевого и строевого дела. Умение все узнать и все согласовать помогло капитану Пашкевичу, а подобранный им кадр делал свое дело превращения сырого материала в корниловцев.

Сам капитан Пашкевич и старые корниловцы постоянно вели беседы с солдатами о России, о ее былом величии и теперешнем унижении, о целях и смысле борьбы, начатой генералом Корниловым. Бывшие махновцы вели себя примерно. Не было случая, чтобы кто-либо продал выданную пару белья или другую принадлежность обмундирования, они были всегда трезвы, исполнительны и добросовестно несли службу. По вечерам они собирались и пели песни. С особым подъемом пели "Кудеяра", должно быть, относя к себе слова этой песни, и добровольческие».

Всякое дело Пашкевич начинал перекрестясь. Его вера была наивная и трогательная. Однажды он остался заместителем начальника дивизии как раз в то время, когда корниловские полки должны были на Перекопе устроить прорыв. Общее руководство операцией требовало присутствия Пашкевича в штабе. Когда все распоряжения были уже отданы и наступили томительные часы ожидания сообщений о ходе наступления, Пашкевич заперся у себя в комнате. Наконец пришло известие об успехе прорыва. Пашкевич выскочил из штаба и верхом помчался на фронт. Офицеры вошли в комнату Пашкевича: она была вся усыпана маленькими клочками бумаги, а на каждом из них было написано два слова: «Господи, помоги».

Чины второго Корниловского ударного полка относились к Пашкевичу с огромным уважением. За глаза ласково называли его «Эмблема». Дело в том, что голова Якова Антоновича очень напоминала всем знаменитую корниловскую нашивку — адамова голова над скрещенными мечами. Острословы даже шутили: командир специально позировал художнику, чтобы он уловил и сумел правильно передать мельчайшие детали.

15 июля 1920 года не щадивший ни себя, ни других в бою, храбрый до безумия корниловец Пашкевич был смертельно ранен. Плевицкая рыдала и голосила по-деревенски. Но траур носила недолго. Уже через несколько дней она нашла себе нового фаворита. Очередным избранником сердца стал скромный, застенчивый в жизни и неопытный в любовных романах, 26-летний командир Корниловской ударной дивизии генерал-майор Николай Владимирович Скоблин.

***

Галлиполи. Голгофа Белого движения. Ключок старой России на турецком берегу. Корниловцы окрестили это место «Долиной роз и смерти». Не было возможности бороться со вшами, люди умирали от тифа и холеры. Ходили во фронтовых обносках или самодельных гимнастерках. Полковник Левитов вспоминал позднее: *«В Марковском полку был зафиксирован серьезный случай. Один из солдат, собирая дрова в горах, "почувствовал" какое-то постороннее влияние на него, стал осматриваться вокруг и, взглянув на дерево, увидел здоровую голову удава с выпущенным жалом, гипнотизирующего его. Солдат был без оружия и поэтому решил спастись бегством. Его душевное потрясение от гипноза было настолько тяжело, что в госпитале его лечили от горячки.*

В мою землянку заползали иногда очень вредные сколопендры, которые больно кусались. Будучи разрубленными пополам, их половинки разбежались в разные стороны, гремя своей чешуей. Были безобидные вредители — это шакалы, которые подходили к лагерю, рылись в ямах с отбросами, стучали банками и жалобно выли и плакали. Они устраивали нам настоящие концерты, как будто выпрашивая у нас подачку, но, увы, у нас у самих желудки были до предела пусты и взывали о том же. Все это убивало нас морально и физически».

Постоянное сокращение пайков обрекало белых воинов на полуголодное существование. Кроме чахлого кустарника на холмах, не было топлива, чтобы просушить одежду и обогреться. Лучше одного из марковских офицеров об этом и не скажешь:

*О долина пустынная смерти и роз,
Гадов, змей, сколопендр, скорпионов!
Сколько горя я в лоне твоём перенес,
Не сочтут и десятки Ньютонов.
Русь православную,
Боже, избави
Ныне от гнета толпы!
Ныне в борьбе святой,
Боже всесильный,
Армию нашу навеки храни!*

На правом фланге лагеря Первого армейского корпуса расположились чины Корниловского ударного полка. В палатке со Скоблиным жила покорившая его Плевицкая. По соседству — ее бывший муж, Юрий Левицкий, ожидая со дня на день развода.

В середине июня 1921 года в узком кругу старших офицеров Корниловского ударного полка и командиров Первого армейского корпуса состоялось бракосочетание Николая Скоблина с Надеждой Плевницкой. Посаженым отцом был генерал Кутепов, венчал их главный священник Галлиполийского лагеря, благочинный Дроздовской дивизии, военный протоиерей отец Николай Бутков. Благословляли их иконой Николая Чудотворца, полковой реликвией дроздовцев. Сегодня она хранится в семье Павла Николаевича Буткова, о котором речь еще пойдет в этой книге. Художественной ценности не представляет вовсе никакой, но историческая значимость ее бесспорна.

От имени чинов Корниловского ударного полка поздравлял новобрачных капитан Копецкий. Галантно поцеловав руку Плевницкой, он под восторженные крики «Ура!» торжественно произнес: «Принимаем мы вас, Надежда Васильевна, в нашу полковую среду».

Плевницкая счастлива. Доволен Скоблин. Гордятся своим командиром корниловцы. Теперь у них есть своя мать-генеральша, которая немедленно взялась за дело. Почти каждую неделю устраивала она концерты для белых воинов, согревая теплом родных и милых русских песен, сердца тосковавших по Родине дроздовцев, марковцев, алексеевцев. Один из галлиполийцев, штабс-капитан Дмитрий Мейснер, через несколько лет вспоминал на страницах журнала «Часовой»: *«В счастливые для нас минуты мы заслушивались песнями Надежды Васильевны Плевницкой — щедро раздававшей тогда окружающим ее молодым воинам блески своего несравненного таланта. Ее и буквально, и в переносном смысле, носили на руках».*

Из Галлиполи чинов Русской армии генерала Врангеля перевели в Болгарию. Плевицкая с этим мириться категорически отказывалась. Ее артистической натуре претила захолустная дыра Горно-Паничерово, откуда, как писал классик, «хоть сто лет скачи, а до Парижа не доберешься». Лучше полковника-корниловца Левитова, пожалуй, об этом и не скажешь: *«Сначала большинство не было довольным размещением полка в такой глуши, хотелось в город и там понемногу встряхнуться. А на какие коврижки можно было это сделать — этого молодежь не учитывала. Однако всем скоро пришлось столкнуться с действительностью жизни. Довольствоваться полк без предварительных закупок было довольно трудно. Ближайшие города представляли собой наши захудалые жидовские местечки западного края, и в них не брались даже печь хлеб на полк. При ограниченном складе и при отсутствии своих средств передвижения довольствие наладить было страшно трудно».*

Плевицкой надоели одни и те же лица на концертах в бараках. Рамки полкового театра она решительно взялась раздвигать, не обращая ровным счетом никакого внимания на службу мужа. Больше того, сам Скоблин стал активно тяготиться своими обязанностями командира корниловцев. Складывалось впечатление, что без Плевицкой он не может прожить ни минуты. Где была она, там и мелькала синяя корниловская нашивка на черной полковой форме генерала. Именно по настоянию жены Скоблин отпросился у командира корпуса Кутепова в заграничный отпуск. Его отъезд совпал с трагедией. Полковник Левитов вспоминал позднее: *«Произошла стычка между двумя доблестными офицерами: подполковником Граковым, первоходником, и капитаном Гнояным, тоже первоходником. Подполковник Граков был полным инвалидом: на Румынском*

фронте болгары выбили ему глаз, а в Гражданскую войну, под Ставрополем, он лишился ноги. Утром мне доложил дежурный офицер, что подполковник Граков вызывает капитана Гнояного на дуэль и требует, чтобы она состоялась немедленно. В ответ на это капитан Гнояной уговаривает его отложить дуэль, так как он в данный момент пьян. Я предлагаю председателю Суда Чести рано утром срочно разобрать это дело и предупреждаю, что без разбора дуэли не должно быть. А потом тот же дежурный офицер доложил мне, что подполковник Граков застрелился. Выстрелом из винтовки в рот он снес себе всю верхнюю часть головы. Так ушел от нас мой старый соратник по 1-му Кубанскому генерала Корнилова походу, оставив в недоумении весь полк. В Болгарии законом дуэли были запрещены, и в случае рокового исхода оправданием перед судом было одно только — это разбор дела Судом Чести. А без этого дуэль была просто “предумышленным убийством”. До этого в полку было 9 дуэлей, проведенных достойно, а вот десятая вылилась в “самосуд” подполковника Гракова над самим же собой. Железная воля выдающегося по храбрости корниловца на этот раз не выдержала».

Зимой 1922 года Плевицкая метеором вернулась на эстраду. Русские эмигранты, разбросанные по всему миру, стоя аплодировали ей, вызывая по несколько раз на бис. Многие плакали на ее концертах. Страны менялись как в калейдоскопе: Польша, Прибалтика, Германия, Чехия. Особенно полюбили ее в Праге. Когда 29 марта на сцене зала имени Бетховена она в конце спела «Замело тебя снегом, Россия», некоторые слушатели упали в обморок от переизбытка чувств:

*Замело тебя снегом, Россия,
Запуржило седою пургой,
И одни только ветры степные*

*Панихиды поют над тобой.
Замела, замела, схоронила
Все святое, родное пурга,
Ты, слепая, жестокая сила,
Вы, как смерть, неживые снега.
Замела тебя снегом, Россия,
Занесло небывалой пургой,
И одни только ветры степные
Панихиды поют над тобой.*

(Кстати сказать, вокруг этой песни сложено великое множество мифов. Вот лишь три из них:

1. Этот романс не мог быть любимым у Николая П. Филарет Чернов написал его уже после гибели царской семьи. И к русской смуте он никакого отношения не имел. Текст был впервые опубликован осенью 1918 года в московской газете «Свобода». 2. Плевицкая была не единственным исполнителем этой песни. Романс также пели Иза Кремер, Стефан Данилевский, Николай Гедда. Но именно вариант «Курского соловья» стал неофициальным гимном русского зарубежья. А ведь Надежда Васильевна изменила текст (в оригинале было «И холодныя ветры степныя») и вычеркнула второй куплет: *Ни пути, ни следа по равнинам, По сугробам безбрежных снегов. Не добраться к родимым святыням, Не услышать родных голосов* 3. Филарет Чернов не был в эмиграции. Поэтому в 20-х годах он и не афишировал свое авторство этой песни.)

Это был триумф! Скоблин с гордостью стоял за кулисами, ловя на себе завистливые взгляды. Еще бы, молодой генерал, командир легендарного Корниловского полка, становился своим в высшем свете благодаря жене. Ведь, как писал один музыкальный критик, *«песни Плевицкой для национального самосо-*

знания и чувства дают в тысячу раз больше, чем все гунявые голоса всех гунявых националистов, вместе взятых».

Брюссель, Берлин, София, Белград — всюду концерты проходили в лучших залах, при постоянных аншлагах. Но триумф не был бы полным без Парижа. 15 марта Плевницкая впервые выступила в культурной столице Европы. «Занесло тебя снегом, Россия» стала не только ее визитной карточкой. Эту песню можно смело назвать явлением, на тот момент главным событием в культурной жизни эмиграции. Не случайно раздавались голоса, что когда большевиков скинут, на коронации нового государя императора Надежда Васильевна должна будет исполнить «И будет Россия опять».

На Родине Плевницкую отблагодарили по-своему. Репертуарная комиссия Главлита вынесла почти судебный вердикт: *«1. Все, напетое Плевницкой, не представляет художественной ценности. 2. Плевницкая в свое время была выдвинута в “знаменитости” и разрекламирована монархистами. 3. Теперешняя деятельность Плевницкой в эмиграции носит явно черносотенный характер».*

Между тем отпуск Скоблина явно затягивался. Певица с горечью вынуждена была прервать гастроль, чтобы ее Коленька смог приступить наконец-то к своим прямым обязанностям — командира Корниловского ударного полка. Вернувшись к своим офицерам, Скоблин с горечью для себя узнал, что впервые за все время службы в армии удостоился строгого выговора от командования. И хотя Кутепов считал главного корниловца своим близким другом, даже для него исключения делать не стал. Скоблин пообещал исправиться и рьяно взялся за дело. Полковник Левитов вспоминал спустя годы: *«Франция после изнурительной войны нуждалась в рабочих, чем и воспользовались корниловцы. На втором месте по устройству на работы*

была Бельгия, откуда Наталья Лавровна Корнилова-Шапрон прислала на мое имя сто виз, но воспользоваться ими я не мог, так как генерал Скоблин увидел в этом "разложение полка", отобрал у меня эти визы и через несколько дней по ним же стал набирать партию в Бельгию. Небольшие группы устроились в Сербии, Греции и Люксембурге. На новых местах жительства были организованы группы, и связь с полком была восстановлена».

Но Николая Владимировича мирная жизнь уже засосала. 1 мая 1924 года Скоблин снова оставил полк ради гастролей во Франции. Надо сказать, что эти концерты предоставили генералу возможность быть представленным великой княгине Ксении Александровне, сестре Николая II. Уже через несколько лет, в разговоре с полковником Тропиным, Скоблин с гордостью говорил: *«Стоял перед ней как юнкер, хотя на плечах у меня "зигзаги"».*

Плевицкая со своим верным мужем, выполнявшим при ней функции секретаря, директора и пресс-агента, отправилась на гастроль в США. Там и произошел первый скандал. В Нью-Йорке она дала благотворительный концерт в пользу советских беспризорников. Эмиграция была в шоке. Как может жена легенды Белого движения помогать большевикам? Однако это была только прелюдия.

Неожиданно для всех, в просоветской газете «Русский голос» появился анонс, приглашавший представителей СССР посетить концерт с участием «рабоче-крестьянской певицы» Плевицкой. Разгромная статья «Глупость или измена» оскорбила чету Скоблиных до глубины души. Но сам генерал отвечать не решился. Все же он находился еще на службе. Вместо него выступила Плевицкая, заявившая в начале концерта: *«Я артистка и пою для всех. Я вне политики».*

Возмущению русской эмиграции не было предела. Скоблина бросились уговаривать, чтобы он повлиял на жену. Пустое. Сам генерал занял весьма странную позицию, заявив, что Надежда Васильевна сама знает, что делает, он не вправе диктовать ей выбор аудитории. С тех самых пор и закрепилось за ним презрительное прозвище «генерал Плевицкий». А некоторые даже отправили гневное письмо генералу Врангелю, суть которого сводилась к следующему: как может такой беспринципный подкаблучник возглавлять один из старейших полков Белой армии?

Главнокомандующий был взбешен. Ему уже до смерти надоели неуправляемые галлиполийцы, которые до этого то дуэли на винтовках устраивали, то не подчинялись приказам командования снять форму и ходить по городам Болгарии и Сербии в штатском. А теперь еще и с большевиками начали заигрывать. С ведома великого князя Николая Николаевича Врангель подписал 9 февраля 1927 года приказ об освобождении Скоблина от командования корниловцами. 9 сентября того же года он был повторен в приказе № 24, который гласил: *«В виду отъезда командира Корниловского Ударного Полка генерал-майора Скоблина в Америку, генерал-лейтенант Витковский вошел с представлением об освобождении генерал-майора Скоблина от должности командира полка. Представление вызывалось невозможностью для генерал-майора Скоблина продолжать, из Америки, руководить жизнью части, находящейся в Европе. Одновременно с этим генерал-лейтенант Витковский ходатайствовал об освобождении по аналогичным причинам начальников отдельных частей».*

Освобождение Скоблина стало обрастать многочисленными слухами, поэтому председатель РОВС в письме генералу Шатилову отмечал: *«Удалось ли тебе повидать генерала Ско-*

блина? Я весьма огорчен произошедшим недоразумением. Отчисляя Скоблина по представлению генерала Витковского, я далек от мысли, что приказ мой будет истолкован как осуждение его доблестной службы».

Справедливости ради стоит сказать, что Скоблин стал жертвой не только необдуманных поступков собственной жены, но и негласного противостояния Врангеля с Кутеповым. Ведь Александр Павлович был сторонником активной борьбы с советами, для чего и создал Боевую террористическую организацию, которая, правда к РОВС не имела никакого отношения. Петру Николаевичу оставалось лишь грустно наблюдать за этим. А Скоблин, обидевшись на всех, уехал во Францию, налаживать свой быт.

***

Николай Владимирович относился к той категории людей, которым тяжело найти себя в обычной жизни. Боевой офицер, привыкший водить полк в «психическую» атаку, никак не мог привыкнуть к новым реалиям. Мало того, что Белая армия была вынуждена покинуть Родину, и надежд на возобновление борьбы уже не было, так еще и все эти князи, графы и камергеры с презрением относились к нему. Нет, дело тут не в личных качествах Скоблина. Но для всех он был, прежде всего, командиром Корниловского ударного полка. А всех его чинов считали убежденными республиканцами, которые сделали все, чтобы развалить Российскую империю. Хотя по этому поводу существует безукоризненное свидетельство самого Лавра Георгиевича:

«Февраля 24-го дня 1917 г. № 13100

Его Преосвященству Сильвестру Епископу Омскому и Павлодарскому

Преосвященнейший Владыко!

Письмом от 2-го минувшего декабря недавно мною полученным, Ваше Преосвященство изволили сообщить мне текст телеграммы, полученной Вами от моих земляков, казаков Каркаралинской станицы, и уведомить меня о высылке мне в благословение от Вас образа Матери Божией и Святого Иоанна Тобольского и нательного креста в благословение от родной мне Каркаралинской станицы.

Глубоко тронутый вниманием Вашего Преосвященства и доброю памятью обо мне моих земляков, я с сердечной признательностью и чувством глубокого благоговения приму высылаемые мне молитвенные знаки, с твердою верою, что являемая в них сила Господня, сохранившая меня в стольких боях и выведшая меня среди великих опасностей из тяжелого плена, сохранит меня целым и невредимым в предстоящих боях и даст мне новый запас сил для служения Царю и Родине.

Препровождая в дополнение к сему переводом по почте 200 рублей, я покорнейше прошу Ваше Преосвященство не отказать выслать в благословение от Вас образ по Вашему выбору Каркаралинскому высшему начальному училищу, бывшей приходской школе, где я начал учение, а остальные деньги обратить на дела благотворения по Вашему усмотрению.

Поручая себя молитвам Вашим, прошу Ваше Преосвященство принять уверение в моем глубоком почтении и таковой же преданности.

Ваш покорный слуга Л. Корнилов».

(Обратите внимание на дату письма. Вот так готовился, с точки зрения адептов конспирологических теорий, масонский генерал Корнилов к заговору против «Царя и Родины» в дни, когда уже всюду начались «беспорядки». — А.Г.).

Доходило до того, что «великолепные реки самой благородной крови» не подавали Скоблину руки, называя его правой

рукой Корнилова, того самого человека, который арестовал императрицу. Генерал сначала робко возражал, говоря, что Корнилов был убежденным монархистом, а потом вовсе махнул на это рукой. Не пристало оправдываться, когда его жене пишет восторженное письмо сам Рахманинов: *«Дорогая Надежда Васильевна. Мне хочется Вам высказать мое искреннее душевное восхищение вашим исполнением “Беляницы, румяницы вы мои”. Оно глубоко проникнуто духом русской народной песни центральной России и Поволжья. Его русский характер выражен очень ярко. Оно русское, и никакое больше. Нахожу эту песнь такой оригинальной, а исполнение таким хорошим, что специально написал к ней аккомпанемент и попросил компанию “Виктор” сделать пластинку этой песни. Я согласился аккомпанировать Вам для пластинки, хотя очень устал от концертов, всякое лишнее движение рук меня утомляет. Мой душевный привет Вам».*

Да и кровь, пролитая Скоблиным за Родину, была лучшим подтверждением верности им присяге и долгу. Он прекрасно понимал, что с наскока Париж не захватить, ведь, как совершенно справедливо заметил полковник Левитов, *«Париж — мировой город, кого только в нем нет, и потому жизнь там бьет ключом, все покупается и продается оптом и в розницу, кумиром являлся его величество франк».*

Прежде всего, на гонорары от концертов Плевицкой был куплен участок земли во французском департаменте Вар. Вызвав из Болгарии своего закадычного друга, командира 1-го Корниловского ударного полка полковника Карпа Гордеенко, Скоблин снял ферму.

Однако он не был морально подготовлен к сельскому хозяйству. Блестящая певица Плевицкая, хотя и сама вышла из крестьянской семьи, считала ниже своего достоинства пасти на

досуге коров или кормить кур. Все тяжесть работ взвалили на Гордесенко, который был еще меньше готов к этому. Вот если бы ему поручили взять позиции большевиков — результат был бы другой. А так полковник изнывал от усталости и еще больше от тоски по настоящему делу.

Гордесенко, выражаясь языком Алексея Толстого, был «отчетливый рубака» и умел произвести неизгладимое впечатление на людей. Известный журналист Раковский запомнил его на всю жизнь: *«Потоки площадной брани, расправы плетьюми, сбрасывание с борта всех, кто не корниловец, — вот атмосфера, в которой происходила погрузка Корниловской дивизии. Недопустимей всех вел себя командир 1-го полка полковник Гордесенко, сбросивший в море трех офицеров и одного лично ударивший прикладом по голове»*. (Но это взгляд человека, который вернулся в СССР. Поэтому вполне логично больше доверять безукоризненному свидетельству полковника Левитова: *«Его знание строевого дела, родная корниловскому сердцу лихость и простота в обращении создали ему прочное положение на почетном месте служения нашей Родине»*.)

Нет ничего удивительного, что его терпение быстро лопнуло. Он все чаще стал выговаривать Скоблину, что не может работать один за всех. Кончилось все скандалом. Гордесенко предпочел покинуть ферму. На его место был немедленно рекрутирован старший брат Скоблина Феодосий и один из офицеров Корниловского полка. Но дела новоявленных фермеров лучше от этого не пошли. Со временем Скоблин с огромным облегчением продал эту землю, предпочтя жить рядом с Парижем, не утруждая себя думами об урожае. Благо, было о чем размышлять. Корниловец Моисеев написал спустя годы: *«Припоминаю последнюю встречу со Скоблиным в эмиграции: это было в Польше, в городе Гродно, куда Скоблин приехал с*

Плевицкой дать концерт. Вместо бравого Скоблина, подтянутого, в военной форме, я встретил Скоблина в штатском костюме. Встреча была неожиданной для него, и она что-то пробудила в нем: он что-то порывался сказать, держал обеими руками мою руку, смотрел пытливо в мои глаза, но долго ничего не говорил. Наконец сказал, как старому другу, что он плывет по неизвестному для него течению. Куда судьба вынесет — он не знает, хорошего ничего не ожидает. «В нашей борьбе нас победили, — проговорил он, — но в этом вина не наша, т.е. молодежи, а тех, кто был у власти, исключая генерала Врангеля, да безвременно погибшего генерала Корнилова. Со смертью я не раз играл — Бог хранил. Посмотрим, чем теперь все кончится, но того Скоблина, которого ты знал в 1-м и 2-м Корниловских походах — уже нет. Храни тебя Господь! — Крепко пожали руки, поцеловались, и он быстрыми шагами ушел к извозчику. Это была последняя моя встреча с очень большим боевым офицером и Старой Русской, и Белой Армии, в числе первых пришедшим спасти Россию».

***

1 сентября 1924 года, согласно приказу генерала Врангеля, Русская армия была преобразована в Русский общевойсковой союз. К тому моменту стало понятно — союзники не очень-то и хотят, чтобы белые продолжали сражаться за свою Родину. Нет, на словах все как один клялись в ненависти к большевизму, но дела свидетельствовали об обратном. Солдаты и офицеры Русской армии вынужденно разъехались по всей Европе. Но надежда на возобновление борьбы, на новый Кубанский поход все-таки оставалась. Поэтому в приказе Врангеля отмечалось: «Считая своим долгом в новых формах бытия Армии связать возможно теснее всех тех, кто числит себя в наших рядах,

приказываю: Включить в РОВС все офицерские общества и союзы, вошедшие в состав Русской Армии, все воинские части и войсковые группы, рассредоточенные в разных странах на работах, а также отдельные офицерские группы и отдельных воинов, не могущих по местным условиям войти в какие-либо офицерские общества или союзы, пожелавших числиться в составе Русской Армии».

Соответственно, части, которые находились в Болгарии, перешли в подчинение начальника III отдела РОВС генерала Федора Федоровича Абрамова. В годы Гражданской войны он был начальником Первой Донской конной дивизии, потом инспектором кавалерии Донской армии. Уже в Крыму, на последнем этапе Белой борьбы, принял командование над Донским корпусом. Вместе с ним он и эвакуировался в лагерь Чаталджа, находившийся в Турции. В своих воспоминаниях Абрамов с грустью писал о первых мгновениях жизни казаков на чужбине:

«Это было, в сущности, говоря, самое тяжелое время. Несмотря на прибытие в порт, казаки все еще страдали от жажды, так как воду подвозили на пароходы в недостаточном количестве, а на некоторые и вовсе не подвозили; продовольствия также выдавали очень мало. Страдания еще больше усугублялись сознанием бесцельности пребывания на судах и видом близкого берега. Впрочем "берег" сам подошел к казакам, в виде бесчисленного количества лодочников, торговцев съестными припасами, которые со всех сторон облепили суда. На лодках самым соблазнительным образом были разложены великолепный константинопольский хлеб, копченая рыба, фрукты и сладости. Были и спиртные напитки. Ко всему этому потянулись руки изголодавшихся казаков, но торговцы сразу же объявили, что они согласны продавать на какие угодно

деньги, только не на русские. Конечно, кроме русских, никаких денег у казаков не имелось. Но соблазн был велик. И вот в жадные руки торговцев посыпались долго хранимые серебряные рубли и золотые монеты, часы, перстни, обручальные кольца, портсигары и, даже, нательные кресты. Цены, при этом, устанавливались самые произвольные, в зависимости от жадности торговца и сопротивляемости голодного казака. Были случаи, когда за хлеб отдавалось обручальное кольцо или часы. Французы принимали меры к прекращению этого грабежа и пытались, было отгонять лодочников от пароходов, но это ни к чему не повело. Точно жадные акулы, ища добычу, лодочники, отогнанные в одном месте, назойливо подходили к другому. И много, много казачьего добра перешло тогда к ним».

Переехав потом в Болгарию, Абрамов, как и все, ожидал возобновления борьбы с большевиками. Вместо этого получил приказ барона Врангеля возглавить отдел РОВС. Он располагался в просторном доме № 17 на улице Оборище в Софии. Все было хорошо, вот только здание было очень уж старым и жило единственной надеждой на скорый капитальный ремонт. Но средств для этого у чинов Русской армии не было, да и призывали они в Галлиполи к спартанской обстановке. Поэтому и переносили треснувшую штукатурку на удивление спокойно. Благо, улица была тихая, перед домом сад, пусть и заросший, но напоминающий о русской поляне.

Обстановка в доме вовсе не походила на штаб армии: деревянные столы с видневшимися чернильными пятнами, хромые стулья, простые крестьянские скамейки для посетителей. Посреди этого оазиса аскетизма, как назвал управление РОВС один из марковских офицеров, располагался кабинет начальника канцелярии капитана Клавдия Александровича Фосса. Именно он и войдет в историю всей русской эмигра-

ции как создатель и идеолог таинственной «Внутренний линии».

***

В годы Гражданской войны капитан Фосс служил в артиллерийской бригаде Дроздовской дивизии. Участник похода «Яссы—Дон», что было весьма значимым для любого чина Русской армии. Владел пятью языками: русским, болгарским, французским, немецким, английским. Был глубоко верующим человеком. Очень скромный, он никогда не позволял себе повысить голос. Капитан-дроздовец Раевский вспоминал спустя годы:

«Наши личные отношения были и остаются добрыми, хотя мы только хорошие знакомые, но не друзья. Не раз поручик Фосс оказывал мне небольшие личные услуги в связи с разными служебными и полуслужебными делами. И я не могу не быть ему за это благодарным. Таким образом, никакой предвзятости по отношению к Клавдию Александровичу у меня нет. Я считаю, однако, что каждый из нас, кто играет известную общественную роль, отвечает, если не перед историей, то, во всяком случае, перед историей эмиграции. В историю русской эмиграции в Болгарии имя Фосса несомненно попадет, в историю Русского общевойскового союза — тоже. Таким образом, есть основания писать о нем не с личной точки зрения.

В его характере есть, как мне кажется, три основных черты — храбрость, настойчивость и жестокость. Кроме того, Фосс несомненно весьма культурный человек, но, по-моему, не обладающий большим умом. Мне ни разу не приходилось лично видеть его в бою, однако все служившие с Фоссом в 1-й батарее Дроздовского артиллерийского дивизиона, отзываются о нем, как о человеке исключительной храбрости, даже по

добровольческим масштабом. Он принимал участие в походе генерала Дроздовского Яссы—Дон, насколько я помню, будучи еще юнкером. До самого последнего дня оставался в строю, хотя превосходно знал иностранные языки, без труда мог устроиться в одном из высших штабов или получить командировку за границу. Надо сказать, что к концу гражданской войны у многих участников первых походов сказалось вполне естественное утомление и они, говоря военным жаргоном, “подались в тыл”. Фосс выдержал на скромных полях боевую страду до конца.

Кроме храбрости товарищи по батарее часто говорили о его жестокости. Я слышал о нем очень жуткие вещи, отзываются духовным садизмом. (На языке того времени «духовный садизм» — наслаждение неумолимой беспощадностью мучительной и заслуженной расправы с врагом или подозреваемым во вражде.

Раевский никогда не стал бы называть садизмом духа просто казни пленных большевиков. Его отзыв означает в лучшем случае, что Фосс на эти казни вызывался с большим увлечением и убивал с большим восторгом. В среднем случае — что он убивал этих большевиков с мучениями. А в третьем, едва ли не худшем случае — что убивал он не только большевиков, но и безвинно или по произвольному или почти произвольному подозрению, и опять-таки с увлечением жестокостью таких казней. Если бы увлечения не было, Раевский о садизме говорить бы не стал.

Скажем, корниловец Месснер совершенно сознательно и твердо считал, что оправданной самообороной войск является захват и расстрел произвольно выбранных заложников из пласта «нелояльного/враждебного» населения, если кто-то из этого пласта устраивает нападения на войска, считал оправ-

данным, хотя и крайним делом нанесение прицельных ударов по гражданскому населению не считаясь с полом и возрастом, одобрял в принципе соответствующие немецкие методы времени ВМВ и считал, что исполнение любых приказов, кроме приказа о мятеже, — то есть, в частности, любых приказов о поголовной расправе с гражданским населением — есть неуклонный долг офицера. — А.Г.)

Имею основания думать, что мне рассказывали правду. Сам Фосс как-то сказал мне с грустью о военных годах: “В конце концов, одна кровь — своя кровь, чужая кровь и ни одного светлого воспоминания”.

Мне не удалось найти сейчас вырезки из “Последних новостей”, где были приведены выдержки из секретного циркуляра Национально-трудового союза нового поколения о “Внутренней линии” в Болгарии, там приписывались форменные преступления и в частности попытка отравить при помощи бактерий кого-то из деятелей союза. Лично я убежден в том, что это вздор, но мое убеждение основано на том, что для такой попытки нужно соучастие опытного бактериолога, которое предположить очень трудно. По своему характеру Фосс, чистой воды фанатик, вряд ли бы остановился перед преступлением, если бы был убежден в том, что оно необходимо для сохранения Русского общевоевского союза. Сначала армии, а потом союзу он отдал более двадцати лет своей жизни и работал действительно не покладая рук.

Фосс очень ценный для белого дела человек при условии, чтобы им руководил менее фанатичный и более умный начальник. Я никак не мог отделаться от моего впечатления, что Клавдий Александрович образован, культурен, но недостаточно умен. У него нет широты взгляда, нужной для самостоятельной политической работы, и, как мне кажется, недостаточно

развито чувство реальности. Благодаря этому Фосс при всей своей преданности Общевоинскому союзу оказал ему в недавние годы очень дурную услугу. Я имею основания думать, что ссора между воинскими организациями и Трудовым союзом нового поколения была вызвана именно деятельностью Фосса в Болгарии, причем он считается с директивами руководителей организаций только постольку постольку....

В 1923 году он был совсем молодым человеком лет 26—27, очень дисциплинированным на вид, очень убежденным и видимо ценившим интересы армии. Только его завалившиеся, неподвижные глаза иногда бывали жутковаты — может быть потому, что я знал много рассказов о военном прошлом Фосса».

Фосс быстрее многих понял и принял изменившиеся методы борьбы с большевиками и с огромным энтузиазмом отдался новому делу. Для начала организовал тайную организацию «Долг Родине», куда и взялся вербовать верных Белому движению офицеров. Структура ее в целом повторяла знаменитую Боевую организацию генерала Кутепова: тайные тройки, начальники которых знали лишь своего командира и двух подчиненных. Всем вступавшим гарантировали, что скоро им представится возможность бороться с оружием в руках против коммунистов и сочувствующих им. Вспоминает князь Ратиев: *«Произошло нападение на Андрея Николаевича Игнатьева, по младоросской линии, в 11 вечера на одной из улиц, недалеко от ул. Оборище 17 (управление РОВС в Софии. — А.Г.). Нападающих было трое, набросились они неожиданно сзади и сразу сбили пострадавшего с ног. Лица их, по рассказу пострадавшего, были измазаны чем-то темным вроде сажи, и узнать их он не мог, кроме одного, которого выдавала форма его головы, и это, как он категорически утверждает, был служащий*

и живущий постоянно на Оборище рассылный и доверенное лицо Фосса и генерала Абрамова — Минин.

Такие нападения случались не впервые, и каждый раз все признаки их совершения указывали все туда же — на Оборище, и эта группа или шайка вскоре даже получила особое наименование — “Валеты Фосса” и “Фоссовские валеты”.

Это и упростило мое решение. Не дожидаясь очередной встречи, я пошел к Клавдию Александровичу и даже не присаживаясь заявил, что подобных методов борьбы и кулачной расправы не признаю, участвовать в подобных делах даже случайным и косвенным образом не желаю и с этого дня считаю наши отношения прерванными».

Многих офицеров смущало, что не было приказа генерала Абрамова о создании новой организации, хотя Фосс и говорил постоянно, что действует согласно указаниям Федора Федоровича. В числе первых откликнулся на его призыв капитан Корниловского артиллерийского дивизиона Николай Дмитриевич Закржевский, ставший со временем одним из руководителей «Внутренней линии».

Как раз в этот момент, выполняя распоряжение Врангеля, генерал Шатилов взялся за организацию переселения чинов армии из Болгарии и Сербии во Францию. Разумеется, проводилось это по линии Русского общевойскового союза. Ответственным в Софии был назначен капитан Фосс. Воспользовавшись тем, что паспорта оформлял его близкий друг капитан Арнольди, Клавдий Александрович сделал все от него зависящее, чтобы в Париж в первую очередь попали завербованные им члены «Долга Родины».

Для чего они были нужны во Франции, из которой до России дольше добираться, нежели из Болгарии? Дело в том, что именно в тот момент генерал Кутепов и заговорил о том, что

РОВС нужна контрразведка. Ведь члены Национального союза террористов были, в сущности, не совсем удачными боевиками-смертниками, и на роль профессиональных разведчиков никак не подходили, о чем убедительно свидетельствует рапорт полковника Бубнова генералу Кутепову по итогам сорвавшегося покушения на Бухарина в 1928 году.

«Мы давно знали, что в ГПУ сидят не дураки, а энергичные и умные люди, пусть прохвосты, но, тем не менее, знающие свое дело, умеющие и нападать, и защищаться. Даже без поездки в Москву заранее можно было знать, что после прошлогоднего покушения меры охраны ими приняты.

Я далек от мысли признать невыполнимым проведение в жизнь белого террора, но, ознакомившись на месте с деталями и возможностями, я отдаю теперь себе ясный отчет, насколько трудно нам, при теперешнем положении вещей и при наших ограниченных возможностях, достигнуть положительных результатов, оправдывающих потери. Бросить бомбы в какое-либо собрание второсортных коммунистов, убить десяток, другой партийных марионеток, поджечь склад, взорвать мост — все это хотя и трудно, но выполнимо и при теперешних наших возможностях. Такого рода акты могут быть полезны лишь тогда, когда они будут следовать непрерывной цепью один за другим, появляться в разных частях СССР, пробуждая активность самого населения, ни на минуту не давая противнику покоя.

На основании своего собственного опыта, а не из головы фантазии, я категорически утверждаю, что такого террора нам не провести — не по силам — и вот почему. Прежде всего, рассчитывать на массовое пробуждение активности в СССР нам не приходится. Хорошо мечтать о народном терроре, сидя за границей, а войдите в шкуру полуголодного,

вечно борющегося за кусок хлеба забитого обывателя СССР, постоянно дрожащего перед гипнозом всемогущества ГПУ, с психологией, что сильнее кошки зверя нет. Общйй вывод: помощи оттуда, пробуждения активности и самостоятельности самого населения нам ждать не приходится, надо рассчитывать на свои собственные средства. А это значит, что для каждого такого маленького акта, путем напряжения всех наших ресурсов, мы должны перевозить, перекидывать через границу, инструктировать, снабжать деньгами, оружием, техническими средствами, документами и т.д. минимум двух лиц, т.е. при расчете на многочисленность актов (а иначе овчинка не стоит выделки) — десятки лиц. Вряд ли нам это будет под силу.

Даже если отбросить в сторону финансовую сторону дела, то останется еще более важное дело — вопрос кадров. Желающих много, но подходят далеко не все. Людей ни разу не бывавших там и незнакомых с условиями жизни посылать прямо на террор — слишком рискованно, большинство погибнет, не дойдя до цели. Нельзя базироваться на петроградском взрыве — это был первый неожиданный для большевиков акт. Условия тогда были другие. Значит, надо всех этих лиц сначала подготовить.

Предположим, что и этот вопрос так или иначе разрешился. В первую минуту, при совершении мелкого акта, риск, конечно, будет значительно меньше, чем при покушении на какое-либо крупное лицо, где 100 процентов за гибель покушающегося. Но все же риск будет, ведь после акта людям, совершившим его, надлежит выбраться за границу из центра России. Они попадают в положение затравленного зверя. Против них будут все силы ГПУ, компартии, комсомола и Красной Армии. На границах опять выложат цепи солдат и

*этим прервут возможность дальнейших посылок. При оди-
ночном террористическом акте выскочить трудно, а при не-
скольких, одновременно произведенных, это станет и совсем
невозможным, так как люди, спасающиеся в какой-либо рай-
он после взрыва, рискуют попасть как раз туда, где другая
группа готовит свой взрыв. Итак, почти гарантировано, что
при такой системе почти все люди, идущие туда, обратно не
вернутся. Кадры надо все время пополнять и начинать всякий
раз с азбуки. Опытных людей в запасе не будет. Каждый из
выразивших желание идти на террор сознает, на что идет, и
к смерти готов, но весь вопрос в том, целесообразна ли будет
их гибель, принесет ли она пользу делу освобождения Родины.*

*Раньше я верил в осуществление такого систематического
террора, теперь ясно вижу, что это невыполнимо, и на вопрос
ответчу — “нет, не целесообразно”. Разве стоит гибель нуж-
ных людей для дела, которое, как видно заранее, не даст жела-
емых результатов? Одиночными мелкими взрывами, поджога-
ми и т.д. немногочисленными, и еще вопрос, всегда ли удачны-
ми, мы ГПУ не устроим, общественное мнение изволнуем, но
к активности вряд ли кого вызовем. Вернее, ответный террор
ГПУ придавит всякое проявление этой активности. Если бы
мелкий террор шел снизу, от всей массы населения, тогда он
был бы грозным для коммунистов, но ведь трагедия в том, что
на это даже рассчитывать сейчас нельзя. Мое мнение, что
такая игра не стоит свеч. Мы эту игру не в силах пронести
в таком масштабе, когда она станет опасной для советской
власти, и результаты не оправдают потерь».*

Фосс доложил Шатилову о проделанной им работе, а тот, в свою очередь, довел эту информацию до Кутепова. После получения одобрения от бывшего командира 1-го армейского корпуса Фосс с утроенной энергией взялся за работу, посте-

ленно превращая «Долг Родине» во «Внутреннюю линию» — секретную организацию в РОВС. Руководителем стал генерал от кавалерии Павел Шатилов.

***

Выпускник Николаевской академии Генерального штаба, георгиевский кавалер, в декабре 1918 года он прибыл в Екатеринодар в штаб Добровольческой армии Деникина. Шатилов привез сведения о сохраненной разведывательной сети на Кавказе. Как раз в это время на Северном Кавказе шла ожесточенная борьба Добровольческой армии с 11-й Красной армией, в которой насчитывалось свыше 100 000 пгтыков и сабель. Именно тогда и прогремело имя Петра Николаевича Врангеля. Благодаря его исключительной энергии и несокрушимой воле в борьбе за Северный Кавказ наступил перелом после разгрома красных под Ставрополем.

Деникин отправил Шатилова в распоряжение Врангеля. Приезду старого приятеля по Русско-японской войне и однокашнику по Николаевской академии Генерального штаба Петр Николаевич был очень рад. Он поручил ему командование конной группой из частей двух дивизий. В своих воспоминаниях Шатилов писал: *«Увидев своего друга, я даже не успел его как следует разглядеть. Врангель быстро подошел ко мне. Мы расцеловались, и он мне сказал, что я прибыл более чем своевременно. Тут же немедленно он стал знакомить меня с общей обстановкой на фронте, с данной ему задачей и о распоряжениях, которые он отдавал своим частям. Я погрузился в карту и стал по ней следить за его словами.»*

Кроме того, мне было как-то странно не обмолвиться с моим другом — теперь моим командующим армией — хотя бы одним словом о всем том прошлом, которое нас разъединило

физически на многие годы, столь насыщенные событиями. Видя мой озабоченный вид, Врангель подошел ко мне: “Поверь, ты легко справишься с этим поручением. Обе твои дивизии имеют прекрасные части, а среди подчиненных ты встретишь храбрейших и умелых начальников”.

Я ему ответил, что эта сторона меня нисколько не волнует, но я опасаясь, что сам не оправдаю вполне оказываемое им мне доверие.

«Я знаю о тебе больше, чем ты думаешь, — заявил мне мой друг, — твоя работа на Кавказе и твоя деятельность во время революции мне хорошо известны от тех лиц, кто непосредственно и видел. Одной нашей дружбы было бы для меня недостаточно, чтобы вызвать тебя к себе и поручить тебе ответственную роль.

Посмотрев на часы, он сказал мне, что мы заболтались и что нужно торопиться, чтобы к утру поспеть к своему штабу. Распрощавшись со своим другом и погрузив свое седло и чемодан на поданную мне подводку, я отправился в путь».

7 января 1919 года Шатилов взял Георгиевск, через несколько дней разгромил Минеральноводскую группу красных и освободил от красных Терскую область и Дагестан.

Весной 1919 года у белых на фронте создалось критическое положение. Крупные силы 10-й армии красных выдвинулись на линию реки Маныч и, охватив правый фланг Донской армии, угрожали ей полным окружением. Большую часть конницы Деникин тогда объединил в руках Врангеля. Под его началом оказалась и 1-я конная дивизия Шатилова. Манычская операция закончилась разгромом 30-тысячной группы красных. В эти дни особенно отличился Шатилов, нанеший решительный удар по красным у Великокняжеской. Деникин лично

поздравил его, произвел его в чин генерал-лейтенанта и назначил командиром 4-го конного корпуса.

Когда же осенью 1919 года между Деникиным и Врангелем начался разлад, Шатилов первым поддержал своего друга. Вместе с ним подал в отставку и, по желанию главнокомандующего, покинул Россию вместе с Петром Николаевичем. На английском корабле они прибыли в Константинополь.

Существует устойчивый миф, что тогда все чины Вооруженных сил на Юге России были в этом конфликте на стороне Врангеля. Это не так. Есть прекрасное свидетельство: письмо генерала Шапрона дю Ларре Петру Николаевичу. Оно не известно широкой публике, поэтому я приведу его почти полностью: *«Когда генерал Деникин вступил в должность Главнокомандующего по приказу генерала Алексева, то наследием ему было около 2500 солдат армии, не выходявшей ни на минуту в течение последних пяти суток из кровавого боя, без пищи и питья, совершенно раздетой, имеющей около 60 снарядов и обоз с ранеными в 12 верст длиной. Армия уходила без тыла, без базы, без всякой надежды на чью-либо помощь, без всякой возможности каких-либо сношений с внешним миром, но с твердой верой в дело и своего любимого вождя, генерала Деникина. Он оправдал доверие к нему Армии, правда, тогда в ней не было разлагающих, пошлых честолюбцев.*

Переданное Вам генералом Деникиным наследство, о котором вы жаловались всему миру через прессу, было: армия до 40 тысяч бойцов, хотя сравнительно и плохо, но одетая, вооруженная, снаряженная миллионным запасом патронов и громадным количеством снарядов, с аэропланами, танками, с флотом и с миллионным запасом зерна. Повторяю, все это Вами было принято в Крыму, когда море было в вашем распоряжении, а не в руках противника.

Когда, с первых же дней революции, началась трагедия русского офицерства, забрасываемого потоками грязи, восстал всей силой своего мощного духа генерал Деникин, бросивший прямо, честно, публично, на заседании в Ставке обвинение в лицо всесильному тогда Керенскому. Порыв, чуждый всякой мысли о себе. Это было в то время, когда Вы, оставаясь верным себе, послали телеграмму генералу Корнилову, бывшему тогда Главкомом 8-й армии, с просьбой о выдвигении Вас с поста командира бригады на пост начальника дивизии, после неудачных хлопот о том же в Ставке, как видно из телеграммы, которая в данный момент находится в папках с некоторыми бумагами генерала Корнилова.

Вы, сознавая приближение конца, кричали, что Ваш величайший грех — это Ваше исключительное честолюбие, которому Вы всю свою жизнь приносили в жертву решительно все и вся. Вы клялись, что Вы каетесь с полной искренностью и что, если Вам Господь дарует жизнь, Вы отбросите от себя навсегда Ваше честолюбие, и что же после? Ваше письмо генералу Деникину.

ВЫ БОГА ОБМАНУЛИ, ГЕНЕРАЛ!»

Отставка Антона Ивановича Деникина после кошмара новороссийской эвакуации в марте 1920 года привела к назначению барона Врангеля на пост главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. Петр Николаевич прекрасно понимал, какое тяжелое наследство ему досталось: «Армия в безвыходном положении. Если выбор моих старых соратников падет на меня, я не имею права от него уклоняться».

Узнав о решении Врангеля, Шатилов ужаснулся: «Ты знаешь, что дальнейшая борьба невозможна. Армия или погибнет, или вынуждена будет капитулировать, и ты покроешь

себя позором. Ведь у тебя ничего, кроме незапятнанного имени, не осталось. Ехать теперь — это безумие!»

Уговоры Шатилова не помогли. Утром 22 марта 1920 года предоставленный Врангелю броненосец «Император Индии» бросил якорь на рейде Севастополя. Вместе с Врангелем прибыл и Шатилов, которого никто не приглашал на военный совет. О том, как утверждалась накануне кандидатура нового главнокомандующего, сохранилось безупречное свидетельство генерала Махрова:

«Со стороны правее Кутепова встал молодой небольшого роста генерал, с румяным лицом, одетый строго по форме и с иголки. Это был начальник Дроздовской дивизии Витковский. Он звонким, приятным голосом заявил: — Нам не нужно нового Главнокомандующего. Мы хотим, чтобы генерал Деникин продолжал оставаться на своем посту. — Просить генерала Деникина! Да здравствует генерал Деникин! Ура генералу Деникину! Ура! — раздался всеобщий крик и шум. Генерал Драгомиров явно выходил из себя. Лицо его налилось кровью, и он тоном начальника резко стал призывать к порядку. Когда наступило успокоение, он опять, отчеканивая каждое слово, точно слова команды, повторил: “Генерал Деникин мне сказал, что его решение категорическое и бесповоротное. Я прошу, господа, приступить к делу исполнения приказа Главнокомандующего и назвать имя заместителя генерала Деникина”. В это время в группе Добровольческого корпуса кто-то опять громко крикнул: — Да здравствует генерал Деникин! Просить генерала Деникина по аппарату изменить свое решение! — Просить! Просить! — раздавались голоса в разных концах зала.

Лицо генерала Драгомирова побагровело от непривычного для него неповиновения. Он еще раз повторил, что решение,

принятое генералом Деникиным, непоколебимо. Однако настойчивые возгласы с требованием просить Главкомандующего по аппарату изменить свое решение и продолжать оставаться на своем посту вынудили Драгомирова поручить делопроизводителю совета, Генерального штаба полковнику Аметистову, доложить Главкомандующему по аппарату через полковника Колтышева пожелание Военного совета.

Полковник Аметистов ушел на телеграф. В зале совета наступило успокоение. Члены его вполголоса переговаривались.

Через минут двадцать возвратился с телеграфа Аметистов с лентой. Полковник Колтышев, штаб-офицер для поручений при Главкомандующем, передавал, что генерал Деникин остается при своем решении. Прочтя ленту телеграфного разговора, Драгомиров торжествующим тоном сообщил Военному совету о неизменности решения Главкомандующего.

В зале наступила тишина. Томительное молчание длилось несколько минут. Молчал и Драгомиров, вопросительно оглядывая членов Военного совета. Вдруг встал сидевший как раз напротив меня начальник штаба флота капитан 1-го ранга Рябинин и спокойно произнес: — Мы должны назвать имя того, кто мог бы заменить генерала Деникина. Я не сомневаюсь, что это имя теперь у вас на уме. Это генерал Врангель! Моряки оживились. Раздалось несколько голосов: — Да, генерал Врангель. Рябинин сел. Наступило опять молчание. Генерал Драгомиров, казалось, преобразился, точно он только и ждал, чтобы услышать имя Врангеля, и поспешно громко произнес: — Итак, господа, генерал Врангель? Общее молчание. Вдруг капитан 1-го ранга Рябинин поддержал Драгомирова, громко крикнув: — Да здравствует генерал Врангель! Только несколько нерешительных голосов в зале повторили имя Врангеля, и наступило гробовое молчание. Ощутилась какая-то неловкость. Ясно было, что кандидатура Врангеля не вызывает

одобрения. Тем не менее Драгомиров поторопился закрыть заседание без баллотировки имени Врангеля и поручил полковнику Аметистову доложить по телеграфу через полковника Колтышева генералу Деникину о результате решения Военного совета».

Петр Николаевич назначил Шатилова начальником штаба. Возрожденная Русская армия, как стали называть Вооруженные силы Юга России, неожиданно для всех начала буквально творить чудеса. Прорвавшись с боями из тесного Крыма на просторы Северной Таврии, белые одерживали одну победу за другой.

Тогда же между Врангелем и Шатиловым состоялся откровенный разговор:

«— Да, мы сами не отдаем себе отчета в том чуде, которого мы свидетели и участники. Ведь всего три месяца тому назад мы прибыли сюда. Ты считал, что твой долг ехать к армии, я — что мой долг не оставлять тебя в эти дни. Не знаю, верил ли ты в возможность успеха. Что касается меня, то я считал дело проигранным окончательно. С тех пор прошло три месяца.

— Огромная работа сделана за это время, и сделана недаром. Что бы ни случилось в дальнейшем, честь национального знамени, поверженного в прах в Новороссийске, восстановлена. И героическая борьба, если ей суждено закончиться, закончится красиво.

— Нет, о конце борьбы речи теперь быть не может. Насколько три месяца тому назад я был уверен, что борьба проиграна, настолько теперь я уверен в успехе. Армия воскресла, она мала числом, но дух ее никогда не был так силен. В исходе кубанской операции я не сомневаюсь, там на Кубани и Дону армия возрастет численно».

Однако блестяще задуманная операция не принесла столь нужного тогда Белому движению успеха. Врангель поручил

своему другу общее руководство проведением этого важнейшего стратегического наступления. Казалось бы, обычно инициативный и энергичный Шатилов должен был вложить всю душу, чтобы достичь победы. Но гладко было на бумаге...

Удачно высадившийся пятитысячный отряд вначале действовал быстро и энергично. К нему постоянно присоединялись казаки-повстанцы, численность его росла, несмотря на потери в непрерывных боях. И вот тут-то и начались странности. Отряд начал топтаться на месте, упустил драгоценное время и дал красным возможность сосредоточить превосходящие силы.

Упустив возможность победы, десант был разбит и вынужден вернуться в Крым. В довершение всех бед, Польша заключила перемирие с правительством Ленина. Армия Врангеля осталась в трагическом одиночестве. Сопrotивляться вчетверо превосходящему в силах противнику долго было невозможно. По приказу Врангеля командующий Черноморским флотом вице-адмирал Кедров, генералы Шатилов и Стогов разработали план эвакуации войск и всех желающих выехать из Крыма за границу. В это время Шатилов, по большому счету, уже был лишь пассивным исполнителем. Но исполнителем блестящим. Не случайно за организацию великого исхода он был произведен в генералы от кавалерии.

Как происходила эвакуация Русской армии из Крыма, можно судить хотя бы по воспоминаниям полковника-марковца Павлова: *«Тяжело на душе. Вблизи на набережной церковь. Несколько офицеров поспешили туда. Где, как не у Бога, найти успокоение! Полумрак, свечи. Всюду коленапреклоненные фигуры жителей. Приходят, ходят. Марковцы молились, и из глаз их текли слезы, как и у жителей. “Спаси и сохрани”, — слышались слова. “Спаси и сохрани”, — просили у Господа марковцы.*

Вышли. Уже ночь, Направились к пристани. Навстречу — мужчина и женщина.

“Дорогие! Да даст вам Господь благополучия!” — сказал, остановившись, мужчина. А женщина, широко осенив их крестным знаменем, рыдая, могла только сказать: “Храни вас Всевышний”. Так же трогательно желали им счастливого пути и другие. Глубоко растроганные, шли марковцы последнюю сотню-другую шагов по родной земле. Увидят ли они ее? Но оставляли они свою землю, свои храмы с твердым сознанием полной любви к народу, даже к встретившим их красногвардейцам военно-революционной охраны. Русские люди в конце 1920 года уже были не те, какими они были раньше: они поняли, что белые отнюдь не их враги.

Около 12 часов дня со стороны Графской пристани раздались крики “Ура!”, постепенно все увеличивающиеся. Оказалось, что это генерал Врангель на моторном катере объезжает пристани. Около каждой он останавливался, держал речь и под громовые крики “Ура!” следовал дальше. Подъехал, наконец, и к нашей пристани.

“Здравствуйте, мои дорогие соратники!” — отчеканивая каждый слог громким голосом, поздоровался с нами генерал Врангель. Никогда ему еще никто не отвечал на приветствие так громко и стройно, как ответила масса людей, в несколько тысяч, в этот раз.

“Куда вы едете? Знаете ли вы, что ждет вас на чужбине? Я вам ничего не обещаю, так как сам ничего не знаю. Обещаю только одно, что как бы плохо ни было — вывести вас с честью. Обещаю вам, кто решит окончательно за мной следовать, вывезти с родной земли. Распоряжения все даны, и сейчас должны подойти пароходы и забрать вас всех”.

Нескончаемое “Ура!” последовало в ответ. И действительно, минут через 20 стали подходить пароходы. К нашей пристани подошел маленький пароходик-угольщик “Бештау”; имевший распоряжение в первую очередь погрузить нас и лейб-казаков.

Погрузили сначала раненых, затем в полном порядке, без всякой спешки, стали грузиться здоровые.

До свидания, Родина! До свидания, русские люди!»

***

Тут необходимо сделать достаточно пространное отступление. О «Внутренней линии» за прошедшие 70 лет писало великое множество самых разнообразных авторов. За исключением Прянишникова и Савина, почти никто из них никогда не держал в руках документов этой организации. Соответственно, рассуждения основывались на старом как мир принципе «Мне хочется, чтобы было так». Борис Витальевич Прянишников в своей знаменитой книге «Незримая паутина» привел лишь очень короткие выдержки из исключительного важного с исторической точки зрения документа. Именно они потом кочевали из статьи в статью. Во время работы над этой книгой мне удалось частично ознакомиться с его знаменитым архивом. Там и был обнаружен полный вариант знаменитой «Идеологии», который я ниже приведу полностью, вводя таким образом в исторический оборот. Оригинальная парижская копия была напечатана крупным шрифтом, с голубой французской копиркой, по старому правописанию. Сохранены все опечатки оригинала и пунктуация. В оригинале 12 пронумерованных листов, весь текст занимает 11 с половиной страниц. Итак:

«1 Октября 1933 года. Совершенно секретно. Идеология организации.

Идеологически организация является восприимчиком и носителем идей БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ — внеклассовая борьба за Национальную Россию. Отсюда — естественный контакт с РОВС-ом, как наследником и продолжателем Белого Движения. Особенной чертой идеологической установки организации является ее НАЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВОЙ и АКТИВНО-БОРЧЕСКИЙ характер. Эти два факта составляют одно целое — основу жизни и работы организации, как органа революционной борьбы за Национальные идеалы.

Главным объектом революционной деятельности организации является борьба с властью III интернационала. Эта борьба является для организации главной операционной линией, на которую направлено максимум усилий и средств таковой. Организация рассматривает III интернационал, как центр антинациональной и антирелигиозной борьбы, широко и систематически проводимой в международном масштабе. Эта борьба не является продуктом отрицательного отношения к существующему социально-экономическому положению вещей, но является главной и исчерпывающей целью работы III интернационала по линии получасмых им заданий. Коммунистическое учение есть лишь средство для достижения главной цели — лишения всех наций свободы их и уничтожения христианской религии. Это учение имеет две части: 1) нравственно-этическую доктрину, в основе которой лежит материализм, отрицание личности и Родины, и 2) социально-экономическую доктрину, основанную на отрицании права собственности. Первая часть коммунистического учения направлена на разрушение духовного мира, моральных устоев современного общества и государства. В результате умелого и систематически проводимого воздействия на все мыслящие слои человеческого общества достигается паралич национально-волевых и интеллектуальных

центров народа. Теряется ясное представление о долге, чести, любви к ближнему, честности, верности и т.д. Распатываются нравственные устои, внедряются убеждения об относительности всего существующего и, наконец, провозглашается лозунг переоценки ценностей. Такой обработкой устранена опасность реального противодействия сдерживающих и мыслящих центров нации и создается психология, благоприятствующая революционным выступлениям масс.

Для приведения в действие масс служит вторая часть коммунистического учения — его социально-экономическая доктрина. Она рассчитана на разжигание ненависти со стороны неимущих слоев общества против зажиточного слоя населения. Результатом комбинированного действия этих двух теорий достигается создание разрушительных сил внутри самой нации и ее самоуничтожение. Эта разрушительная работа искусно маскируется тем, что разжигаемая ненависть и борьба прикрываются принципами справедливости, равенства, братства, т.е. понятиями нравственного порядка, никоим образом не вытекающими из материалистического понимания коммунистов, основанного на животнo-физиологическим подходе к человеческой личности и истории развития общества.

Играя на самых низменных сторонах человеческой натуры, разнуздывая и узаконивая зависть, злобу, склонность к легкой наживе и грабежу, коммунизм легко приобретает себе сторонников среди преступного элемента, равно как и среди людей, склонных к авантюре или сильным ощущениям.

Искусно используя недовольство неимущих слоев населения существующим резко выраженным социальным неравенством и недостатками капиталистического производства и распределения, раздувая и осложняя их, коммунизм приобретает многих последователей среди трудящихся, выставя себя за-

щитником интересов пролетариата, маскируя этим истинные цели своей работы.

Широко поставленная самореклама, рассчитанная на вкусы и запросы этих групп населения, позволяет коммунизму поддерживать это убеждение среди трудящихся.

Позиция защитника угнетаемых и борца за справедливость дает возможность коммунизму завербовывать в свои ряды многих идеалистов, действительно желающих найти средство против существующих недугов. Среди этого сорта людей коммунистическое учение пополняет кадры борцов-фанатиков, слепо верящих в спасительную миссию коммунизма и воспринимающих таковой, как некое религиозное учение, несущее обновление человечеству. Таким образом создается тот псевдопафос борьбы, несомненно проявляющийся среди идейных последователей коммунизма. Но во всех случаях захвата новых последователей в орбиту своей деятельности, коммунизм неизменно разрушает душу человека, вытравливая из нее все устои христианской нравственности. Ожесточенное гонение на Христианский мир и культуру, непримиримая ненависть к ним выдает самым наглядным образом сокровенные источники коммунистического движения, коммунизм кастрирует душу человека, отнимая у него религию, Родину, семью, любовь, чувство долга и чести, превращая его в безвольное орудие осуществления поставленных коммунизмом целей — уничтожения свободы, разрушения христианской культуры и овладения властью над всем миром. Каждой нации коммунизм несет духовное рабство и обезличение, материально — нищету и самоуничтожение.

При ведении борьбы с коммунизмом совершенно необходимо учитывать и действительным образом парировать эти два направления ударов наносимых коммунизмом по национально-религиозному миру. Необходимо создание таких форм

общественной жизни, которые позволили бы вырвать из рук коммунизма главный и самый опасный козырь — роль защитника трудящихся масс. Будущее устройство общества должно покоиться на таком правопорядке, который бы обеспечил действительным способом интерес материально слабых слоев населения, отворил бы для них двери общественной и культурной жизни и приобщил бы их к общему созидательному творчеству во имя Нации, ее возвеличения мощи к общему благополучию.

Для борьбы с коммунистической опасностью сверху — единственной и самой верной мерой является создание высококультурной национальной интеллигенции, воспитанной на вековых традициях своего народа, глубоко знающей его жизнь, особенности, исторические задачи и нужды, и главное — интеллигенции с крепким национально религиозным нравственным фундаментом, свободной на жертву и борьбу во имя счастья и будущности своей Родины. Глубоко развитый национально-волевой момент должен лечь в основу жизни и творчества интеллигента-националиста как при восстановлении России, так и сейчас в период революционной борьбы за Ее освобождение.

Отсутствие крепких национал-волевых и активно-борческих устоев почти во всех слоях русского народа обнаружилось в период национальной катастрофы. Этот факт имел самые роковые последствия в период вооруженной борьбы с большевиками, продолжает и сейчас играть огромную роль в деле уничтожения в России власти III интернационала. Конечно, явление это имело свои исторические причины, кроющиеся в ошибках и недочетах старой русской жизни и управления, но оно настолько важно, что его надо учесть как урок на будущее, и уже теперь, в период борьбы обратить самое серьезное внимание на отбор крепких национально-сознательных кадров, которые должны послужить основой для ведущейся сейчас революци-

онной работы и в будущий восстановительный период, как скелет национального строительства жизни в России.

Национальное чувство, чувство любви к Родине, народной гордости, национальной культуре, стремление к величию, мощи и благосостоянию родного народа не связано с классовой психологией и классовыми интересами. Наоборот, классовое миропонимание с его материально-экономическим подходом к сущности вещей (безразлично — буржуазное или пролетарское) находится в глубочайшем антагонизме с культом Нации. Национальное чувство является, прежде всего, голосом крови, как любовь детей к родителям и наоборот. Подсознательно оно выражается в любви к родному селу, родному крову, любимым местам, лесу, полям и вообще к родной природе, к своему особому укладу жизни, нравам, обычаям, языку. Сознательно оно выкристаллизовывается в национальной культуре, религии, правопорядке. Зарождаясь в глубине инстинктивных восприятий, оно получает свое высшее развитие и выражение в процессе национального творчества, в создании духовных и материальных богатств.

В основе всего этого положены: многовековая история развития нации, ее особенности, духовный облик, исторические цели и идеалы.

Кульм нации и религии — величайшие блага для человечества, т.к. они поднимают человека над уровнем животно-эгоистических интересов, вкладывают новый смысл в его жизнь и творчество. Человек не ограничивается своими личными интересами, но стремится построить свою личную жизнь таким образом, чтобы стать достойным и полезным сыном своего народа. Его личная жизнь протекает на фоне жизни Нации, его подсознательно-инстинктивный мир приходит в гармоническое сочетание с волей Нации, его личная жизнь, его личные

интересы становятся частью жизни Нации. Человеку с развитым национальным чувством одинаково близки интересы и благополучие всех групп и классов родного народа и к ним он подходит с точки зрения гармонического сочетания этих интересов с интересами всей Нации. Собственность связывается с ответственностью, а взаимоотношения регулируются справедливостью. Проявление личного таланта и творчества он рассматривает как вклад в обще-национальную культуру, и для них националист всегда готов расчистить путь. Могущество и авторитет Нации, основанные на благополучии отдельных Ее членов и мощной национальной культуре, являются идеалом националиста и в основу всех вопросов националист кладет принцип национального служения.

Нация и религия составляют духовный базис миропонимания националиста, и эти две идеи он противопоставляет коммунистическому учению с его интернационалистической и безбожной идеологией. Они отодвигают миропонимание националиста на диаметрально противоположный полюс идеям коммунизма и делают невозможные между ними компромиссы и соглашения. Это два лагеря, между которыми возможно лишь состояние борьбы до полного уничтожения одной из борющихся сторон. Эта борьба с захлестнувшим Россию и заливающим весь мир коммунизмом является главным долгом националиста и объектом полного напряжения его воли, ума и жертвенности, ибо это требует спасение Нации и это является волей Нации.

Напряженная и активнейшая борьба за национальные идеалы, составляя главную сущность националиста, в то же время является и школой для формирования национально-волевых кадров, одинаково необходимых как для грядущего периода восстановления мощи русского народа и национально-общественных форм обновленного быта и взаимоотношений. Для

того чтобы стать сознательным националистом, надо быть образованным и воспитанным в этом направлении. Гамму неясных, эмоционально-инстинктивных ощущений надо пропустить через школу национальной науки и творчества, закалить в горниле национального служения и долга.

Этот борчески-волевой момент был всегда присущ в высокой степени Белому движению, которое зародилось в рядах Русской Армии, как протеста против перехода власти над Россией в руки III интернационала. Белое движение является предтечей всех национальных формаций, возникших в более позднее время, как например: фашизм, национал-социализм, лапповское движение. Русская армия оказалась единственной средой, в которой нашлись силы для оказания организованного противодействия обще-национальной катастрофе. Эта среда веками воспитывалась на чувстве долга перед Родиной: героизмом, трудами и кровью Русской Армии пределы Российской Империи были продвинуты к Европе и Тихому океану. На крови Русского солдата созидалась Россия, и Русская Армия всегда являлась оплотом в защите национальных интересов своего народа. Здесь и только здесь, люди жили не групповыми, классовыми интересами, но духовным созерцанием мощи и величия своей Родины, и готовностью пожертвовать всем во имя Ее. Столетиями выковывалась здесь воля к борьбе за счастье и благополучие своего народа, за неприкосновенность Отчизны, за Ее честь и славу.

“Этой идеей борьбы за Россию проникнута многовековая душа Русского воина и характеризуется она необычайной простотой и жертвенностью подвига: на поле Куликовском, у Ермака Тимофеевича на Сибирских просторах, у Суворова — под Очаковым и Измаилом, на поле Бородинском, у Корнилова — в Кубанской степи. Тот же облик российского воина повсюду, на

всех дорогах истории российской, повторяющий Преобразователя: “Петру жизнь не дорога, жива была бы Россия во славе и благоденствии”. И они гибли без конца и края, строя, укрепляя и расширяя до пределов сказки Россию-Нацию, часто не сознавая своего творческого героизма” (*Ларионов. Мысли о походе и борьбе*).

И вот, в минуту грозной опасности, нависшей над жизнью и счастьем Отчизны, когда все бессильно рассыпалось под ударами стихийных сил, русская армия, трагически одинокая, начала свою героическую борьбу за честь и свободу Родины. Три кошмарных года непрерывного кровопролития против мощного внешнего врага, демагогия и травля вождей “великой, бескровной” сеящей взаимную ненависть и братоубийство в рядах самой армии, обескровили и обессилили ее. Но верная чувству долга и национальному служению, армия нашла в себе силу повести борьбу против нового и страшного врага — III Интернационала — так возникла Добровольческая Армия плоть от плоти и кость от кости Русской Армии, которая явилась наследницей первой и продолжателем вековых традиций долга и жертвенности.

“Отсюда мы солдаты и казаки — русские воины, считаем себя прямыми наследниками тех, чьи кости тлеют на Калке, на полях Бородинских, среди сопок и перевалов Манджурии. Право на это основано на нашей крови в борьбе за Россию. Наследство наше — старые знамена полков Российской Императорской Армии и гордость — наше Корниловское знамя с фронта Великой Войны. Идея борьбы окрепла у нас на крови” (*Ларионов. Мысли о походе и борьбе*).

Целый ряд героических эпизодов славных имен, легендарных походов был вписан в страницы Русской истории. Реки крови, целые эпопеи безропотных страданий, непонимания

друзей, оплевывания врагов были наградой за этот тяжелый подвиг, и бесконечные жертвы единственно во имя защиты чести, счастья и свободы родного народа. Но ничто не могло остановить Добровольческую Армию от исполнения святого долга, в служении которому составляло многовековую традицию разных людей. Воля и решимость довести начатую борьбу за освобождение России до победного конца никто и ничто сломить не могло и не может.

Много было сделано ошибок, судьбе угодно было, чтобы вооруженная борьба Национального Белого Движения с властью III-го интернационала закончилась неудачей, и Русскому народу пришлось испытать до конца чашу испытаний, но борьба еще не кончена.

Она идет и будет вестись упорная и беспощадная до тех пор, пока Русская Нация не получит право свободно жить и развиваться. Победен тот, кто отказывается от борьбы. Белое Национальное движение ни на минуту не складывало оружия и никогда не откажется от борьбы — ибо это воля Нации.

“В Ледяном, Дроздовском, Степном, Северном, Сибирском, Петербургском походах выковалась она [воля к борьбе] из железа, свинца и крови и ей мы верны до конца, до тех светлых дней, когда оставшиеся в живых передадут священный огонь неугасимой лампы — традицию Российского воинского духа — освобожденной и обновленной армии Великой России. Вот наша цель и наш долг” (*Ларионов*. Мысли о походе и борьбе).

Волевая сущность Белого Национального Движения выдвигает его из всех образований антикоммунистического лагеря. Одно лишь Белое Движение могло дать целый ряд лиц с исключительно выраженной волевой физиономией, не останавливав-

шихся ни перед какими препятствиями, даже перед жертвой собственной жизнью.

“Наши вожди гибли и гибнут, умирая на посту. Их сменяют другие, не меняя единого пути. Молитвенно чтим светлую память Алексеева, Корнилова, Колчака, Маркова, Дроздовского, Каледина, Каппеля, Дутова, Врангеля, Кутепова и других, но мы знаем, что им смена есть в наших рядах, смена достойная, ибо мы — братья и дети их — кость от кости и плоть от плоти — Российские воины” (*Ларионов*).

Проходит время, изменяется обстановка, но начатая в России на полях сражения борьба не перестает ни на минуту, изменяя лишь свою форму, приспосабливаясь к данному периоду и обстановке. Доброармия за границей превратилась в РОВС, внутри которого сохраняется та же воинская организация и живут те же традиции и цели, которые несла с собой Русская Армия.

“РОВС является носителем борьбы за Россию, ибо под его знаменами собралось все боровшееся, все непримиримое, все неспособное к действию в сторону наименьшего сопротивления, все непризнающее кривых и обходных путей, кроме одной лишь дороги — борьбы за Родину. Подлинное напряженное национальное чувство, достигая религиозных высот, заполняет все существо воина: для него сущность Государство, Нация, а не форма” (*Ларионов*).

Соответственно обстановке изменилась и форма борьбы, приняв характер революционной работы на распатывание устоев власти III-го интернационала и на нанесение ударов по его работникам и организациям. Неизбежно необходимым явилось и создание нового органа осуществления этой революционной борьбы и создания кадров борцов националистов, приспособленных и опытных в действиях в этой новой обстановке.

Этот орган революционной борьбы — есть наша организация, по своей идеологической сущности являющаяся проявлением той национально-волевой идеи, которая лежит в основе Белого Национального Движения, с которым она связана неразрывно историческими и кровными связями. Она продолжает Белую борьбу, начатую на полях битв в России, она является авангардом армии борцов националистов и реальным претворением в жизнь в современной обстановке зарубежного существования, непримиримости к поработившей Россию власти III-го интернационала, активности и жертвенности в борьбе за освобождение Отчизны и торжества Национальных идеалов. Разбросанная по всем частям света, по всем государствам, включая и СССР, она представляет собой невидимый, но сильный, организованный аппарат с одним центральным управлением и суровой дисциплиной. По своей структуре организация является конспиративной, т.е. ее работа не должна быть известной как для врага, так и для окружающей эмигрантской массы. Только при соблюдении этих условий возможно бороться с таким умелым и опытным противником, каковым является ОГПУ, с его агентурой и разветвлениями, построенными тоже на принципе максимальной конспиративности. Находясь в состоянии непрерывной борьбы и опасности, организация требует, от своих членов максимального напряжения и жертвенности, и самое пребывание в организации уже говорит о готовности на таковые со стороны каждого чина ее.

Требования организации высоки и меры часто жестоки, но обстановка такова, что сентиментальности нет места. Организация имеет одну главную цель — освобождение Родины, и во имя этой цели не щадит ни врага ни себя. Этой же главной целью определено отношение ее к своим чинам. Поэтому производится тщательный отбор и проверка при принятии новых

чинов, последняя **ПОВТОРЯЕТСЯ** при наличии обстоятельств, позволяющих лишний раз познакомиться с качествами данной группы чинов или одного из таковых. Чином, состоящим уже в организации, последняя дает все то, что необходимо для умелого выполнения получаемых заданий. С этой целью производятся групповые или единоличные занятия с прохождением теоретического и практического материала необходимого для чина при практическом выполнении возлагаемых на него заданий. Организация требует в этом направлении самого серьезного отношения со стороны чинов, так как хорошая подготовка есть первое условие успешного выполнения задания, во-первых, и известной страховки от излишних потерь и провалов, во-вторых.

Приложение: 1) Цели организации, 2) Вступление в организацию, 3) Обязанности членов организации, 4) Привлечение в организацию новых членов, 5) Заключение. г. Париж, 1 октября 1933 года.

ЦЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ

Организация имеет целью:

1) Борьбу против III-го интернационала, его агентов и организаций для уничтожения последнего над Россией.

2) Борьбу за установление такого правопорядка в России, при котором национальные силы страны, как материальные, так и духовные, могли бы получить свое свободное и наивысшее развитие, т.е. свободу хозяйственную и свободу личности.

3) Борьбу против самостийных течений, их представителей и организаций, деятельность которых враждебна восстановлению Национальной России или (Эта строка вымарана карандашом, но можно разобрать, но дальнейшая строка замарана сильнее. — А.Г.), стремящихся к расчленению России.

4) Борьбу за создание кадров борцов-националистов, сильных духом и любовью к Родине, способных жертвовать личным во имя Ее спасения и счастья.

5) Борьбу против политических группировок, их представителей и организаций, деятельность которых враждебна восстанию Национальной России или направлена против национальной борьбы.

Работа организации идет по 2-м направлениям:

- а) работа в СССР и
- б) работа в зарубежье.

Работе в подъяремной России Организация придает главное значение. Ибо там находится наш фронт, там находится узел петли, затянувшейся на шее России. Поэтому на это направление бросается все наиболее сильное и активное, идет максимум усилий и средств. База организации — Зарубежье. Здесь сосредоточены резервы людей и средств, идет подготовка работников, как к единоличным действиям, так и к групповым, а также принимаются все возможные меры к массовым действиям на случай больших сдвигов в политической жизни СССР и возможности снова начать открытую вооруженную борьбу.

Борьба с широко раскинутой сетью агентов-provокаторов ГПУ является также одной из существенных задач организации, так этого требует безопасность ее работников и сохранение в тайне ее работы и планы таковой. Кроме того, организация напряженно следит за существующими организациями (политическими), а также за общим настроением широких масс эмиграции, борясь с упадком духа и апатией.

Наличность широко раскинутой и скрытой сети чинов организации дает возможность в значительной степени влиять на эти настроения. Все эти условия делают работу организации самой разнообразной по своему характеру и направлению, а

обстановка данного момента и его насущного требования неизбежно влияют на вид работы каждого чина организации.

В наиболее существенных чертах работа организации по своему характеру разделяется на 4 отдела:

- 1) боевая работа,
- 2) разведывательная,
- 3) агитационно-пропагандная организационная,
- 4) техническая.

БОЕВАЯ РАБОТА

Она состоит в исполнении: 1) Мер воздействия на отдельных лиц, на группы или учреждения враждебного лагеря, а также в исполнении приговора относительно лиц, вошедших в организацию с целью провокации, разведки или предательства. Чины организации, берущие на себя этот вид работы, подвергаются тщательной проверке в смысле их способностей, физических и психических, а также специальному курсу подготовки. Организация знакомится с боевиком путем наблюдения за его работой сначала общего характера, дабы иметь суждение о степени его исполнительности, аккуратности и приспособляемости к обстановке. При благоприятных результатах характер заданий делается более ответственным, требующим большего напряжения, выдержки нервов. Лишь окончательно убедившись в годности данного чина к боевой работе, организация привлекает его к серьезному террористическому акту.

Всякий чин организации, боевик, должен знать, что боевое задание он получает тогда, когда найдет нужным организация, а отнюдь не в зависимости от его желания или личных обстоятельств.

С боевика снимается обязанность работы по заданиям иного характера, ибо боевая работа требует знания всех методов конспиративной работы.

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ РАБОТА

Она состоит: а) в проникновении в чужие организации с целью внутреннего наблюдения за жизнью и работой таковых. Чины, работающие в чужих организациях, кроме дачи Центру вышеупомянутых сведений, проводят линии поведения в них сообразно директивам Центра, т.е. или укрепляют своей работой таковыс, если работа чуждой организации полезна национальному делу, или, наоборот, разрушают ее, в случае вредной работы таковой.

б) в наружном наблюдении за отдельными лицами, организациями или учреждениями, интересующими почему-либо Центр, в целях уяснения их работы, связей, мест явок и т.п.

в) Во вхождении в связь с отдельными лицами, организациями или учреждениями, интересующими почему-либо Центр, с целью их освещения дачи сведений о их работе, связях, образе жизни и т.п.

г) В информации Центра о всех фактах, имеющих какое-либо отношение к работе Организации.

д) В создании легенд с целью уловления в сферу влияния организации лиц, враждебных Национальному движению, или же с целью помешать развитию организаций или союзов и т.п., деятельность которых и рост вредно отражаются на настроениях эмигрантских масс в смысле отрыва их от активных национальных образований.

е) В исполнении различных задач Центра осведомительно-разведывательного характера.

АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДНАЯ И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ РАБОТА

Она состоит: В идеологической борьбе с коммунистической обработкой масс или в аналогичной работе против политических группировок, находящихся в оппозиции к Белому Нацио-

нальному Движению. Сюда же относится работа по агитационной и пропагандной деятельности с целью помешать шатанию умов и настроений в эмигрантской массе, или же в определенной группе или организации, находящейся уже в сфере влияния идей Белого Национального Движения. Чины организации берут на себя этот вид работы и по усмотрению Центра могут быть включены в организацию Белого лагеря с аналогичным характером работы, но проводят ее в легальном порядке. Такой чин не теряет связи со своей Организацией, и его деятельность во вне протекает под наблюдением и контролем последней. Чинам Организации может быть поручена работа по организации отдельных групп таких реальных организаций, каждый раз по указаниям центра и под его контролем.

ТЕХНИЧЕСКАЯ РАБОТА

Она состоит в исполнении заданий, по своему характеру требующих специальных технических знаний или навыка:

- а) поправка оружия, а иногда и выработка такового,
- б) приготовление химических материалов,
- в) работа по печатанию и размножению различного рода литературы и документов,
- г) чертежная работа,
- д) фотографирование и т.п.

Цели организации настолько велики, а работа настолько разнообразна, что все виды одинаково полезны и почетны. Важно здесь лишь одно обстоятельство — это правильный выбор чином организации рода своей деятельности, наиболее отвечающей ему по его характеру и наклонностям. Ошибка чина в первоначальном выборе рода работы может быть поправлена организацией, если при знакомстве с его работой центр установит таковую.

Вообще же каждый чин выполняет ту работу, которая ему будет указана центром, который берет лишь к сведению первоначально высказанное выше пожелание о роде деятельности, оставляя за собой право изменить таковую в зависимости от способностей чина, или реальных обстоятельств и нужд данного момента. К выполнению боевых заданий привлекаются лишь чины, категорически заявившие о своей готовности к боевой работе.

По отношению чинов организации, заявивших о своем желании работать по другим видам деятельности, может быть допущено исключение в случае массового выступления организации, например при наличии возможности открытой вооруженной борьбы на Родине или при наличии коммунистических выступлений с целью захвата власти в стране, где работает данный отдел организации. Равносильно этому, при работе в СССР привлекаются лишь чины, указавшие на свою готовность в этом направлении.

Примечание: организация, имея своей задачей русское национальное дело, во внутренние дела страны, на территории которой она работает, ни в коем случае не вмешивается.

ВСТУПЛЕНИЕ В ОРГАНИЗАЦИЮ

Чином организации может стать каждый национально-мыслящий и жертвенно настроенный Россиянин. Вступление его в Организацию зависит исключительно от его собственной доброй воли и желания. Никаких насильственных мер в этом отношении Организация не допускает.

Каждый вступающий в Организацию должен дать себе ясный отчет в совершенном им шаге, дабы он не явился продуктом мимолетного впечатления или иных посторонних желаний, кроме единственного желания — принять действенное

участие в национальной борьбе. Разочарований и сомнений у вступившего чина последняя не признает.

Выхода из Организации не существует.

Каждый вновь вступающий Чин осведомляет Центр через своего Начальника о том роде деятельности, который он желал бы избрать, равно как и место таковой (СССР или за граница). Все вопросы, сомнения и соображения должны быть выяснены предварительно.

Условное вступление организация не допускает.

Каждый чин при своем вступлении в Организацию должен точно указать, в каких союзах, обществах, организациях, как легальных, так и нелегальных, он состоит. Дальнейшее его пребывание в этих образованиях и работа в них зависит от указаний Центра.

Лица, вступившие в Организацию с целью разведки, провокации или предательства, несут полную ответственность за этот факт и вытекающие из него последствия.

ОБЯЗАННОСТИ ЧИНОВ ОРГАНИЗАЦИИ

Каждый чин Организации должен точно знать, какие требования предъявляет к нему Организация, давать себе ясный отчет о необходимости соблюдать эти требования как в личной жизни, так и в работе, памятуя, что все это нужно как для успешности выполнения задач Организации, так и для личной безопасности и законспирированности.

1) Хранить в абсолютной тайне от друзей, родственников, знакомых, равно как и врагов, самый факт своего пребывания в Организации, имена чинов Организации, с которыми он связан, задания Организации, как уже выполненные, так и выполняемые, и вообще все, что имеет хоть малейшее, хотя бы косвенное отношение к Организации и ее работе.

2) Быть точным и аккуратным в соблюдении часов и дней явок, дисциплинированным и исполнительным в работе, ему порученной.

3) Не иметь никаких тайн от своего Начальника по связи, который для него является представителем Центра.

4) Аккуратно и точно давать донесения об исполнении данных ему поручений, избегая тщательно неверного или тенденциозного освещения фактов, им сообщаемых. Все должно соответствовать действительности, хотя бы и неприятной, как для организации, так и для него лично.

5) Помнить, что Организация и ее работа для него является главной осью его политической жизни, и его состояние и работа в других политических, экономических, культурных и т.д. организациях должна быть известна Центру и подчинена его указаниям.

6) Не пытаться узнавать больше того, что ему сообщается по работе и с чем он знакомится в порядке работы. Избегать всяких вопросов, не имеющих непосредственного отношения к данным ему поручениям. В этом отношении необходимо подавлять всякое проявление любопытства.

7) Помнить прежде всего, что Организация оставляет за собой право проверки КАЖДОГО Чина в видах возможно большей страховки своей работы и излишних потерь и провалов. Каждый удобный случай проверки Чина немедленно используется Организацией, хотя бы поведение такого раннее не давало поводов к сомнениям. Это необходимо для Центра, как средство детально ознакомиться с качествами своих членов.

8) Избегать хранения при себе важных документов. Лучше развить в этом направлении свою память. Если же что-либо

должно быть задержано при себе в форме документа, то выбирать для хранения наиболее безопасное место, с расчетом в случае надобности возможно быстрого уничтожения такого (Только СЖИГАТЬ). Все распоряжения в письменной форме, получаемые по связи, по миновении надобности аккуратно возвращать обратно тем же путем.

9) Немедленно сообщать в Центр о всех упущениях, промахах, предосудительном или подозрительном поведении Чин Организации, которых Чин знает, давая однако беспристрастное освещение фактов и руководствуясь исключительно пользой дела. Дальнейшие меры принадлежат лишь Центру. Помнить, однако, что всякое сообщение подвергается проверке и его тенденциозность или недоброкачественность, если таковы обнаружатся, будут приняты как факт подрывной работы.

10) Взаимоотношения между Чинами Организации очерчиваются исключительно работой последней. Этот принцип положен в основу отношения Центра к Чинам Организации. Это необходимо каждому Чину и принять во внимание и руководства.

11) Работа каждого Чина протекает под руководством Центра Организации. Распоряжения последнего обязательны и не подлежат никакой критике со стороны данного Чина или группы таковых.

12) Чинам Организации вменяется в обязанность добросовестное прохождение материала, входящего в курс занятий, равно как и аккуратное посещение таковых.

13) В случае перемены места жительства (города или страны) каждый Чин обязан заблаговременно поставить в известность Центр. В этом случае он связывается с отделом Организации по новому месту жительства, или обязан поддерживать старую связь, смотря по указаниям Центра.

14) Чины Организации, имеющие на руках оружие или другие какие-либо служебные предметы Организации, обязаны постоянно следить за их исправностью и чистотой, безразлично — во временное или постоянное пользование они им переданы.

15) Каждый Чин Организации должен внимательно ознакомиться со всем изложенным в этой инструкции материалом, дабы иметь ясно представление о требованиях, предъявляемых к нему Организацией и за что он является ответственным перед таковой.

16) Работа Чина в Организации не подлежит абсолютно никакой оплате, ибо она является следствием его бескорыстной готовности включиться в ряды бойцов за освобождение Родины. Средства Организации отпускаются лишь для исполнения конкретных заданий и в размере, соответствующем условиям самого задания, т.е. в размере тех расходов, которые должны сделать чины Организации для успешного выполнения порученной им работы.

17) Каждый Чин Организации обязан дать подписку в том, что он ознакомился с содержанием этой инструкции.

ПРИВЛЕЧЕНИЕ В ОРГАНИЗАЦИЮ НОВЫХ ЧЛЕНОВ

Имея одной из основных целей создание кадров национально твердых и активных борцов, как для настоящего периода борьбы с III-м интернационалом, так и для будущей созидательной работы в освобожденной России, Организация уделяет большое внимание увеличению этих кадров, т.к. осуществление конечных целей ее требует огромного и массового напряжения национальных сил. Поэтому каждый Чин Организации должен всегда иметь в виду необходимость самым внимательным об-

разом присматриваться к окружающим его людям, тщательно замечая тех, кто по своим моральным и интеллектуальным данным мог бы принести вклад в Национальную борьбу. Однако в основу привлечения новых членов нужно класть не личные субъективные впечатления и симпатии, а строго проверенный материал о каждом человеке, намеченном к привлечению. Этот материал может быть определен следующими положениями.

- 1) Политические убеждения. Только лица, вполне разделяющие платформу Белого Национального Движения, могут явиться объектом обсуждения их принятия в Организацию.
- 2) Моральный облик. Лица недобросовестные, болтливые, легкомысленные, непостоянные, беспринципные, равно как и страдающие хроническими пороками (например: пьянство), не могут привлекаться в Организацию. Естественно, что лица, обладающие противоположными качествами, должны задержать на себе внимание Чина Организации.
- 3) О каждом намеченном к привлечению лице Организация старается навести возможно подробные справки лично или через других чинов Организации, или через посторонних лиц, при условии, что это не особенно бросится в глаза. Провести незаметно для привлекаемого ряд бесед на тему о необходимости борьбы и известных жертв, о его взгляде на существующие организации различного направления, в том числе на РОВС и т.д. Эти беседы можно провести или лично, или через других чинов Организации. Очень хорошо присутствие при таких разговорах посторонних лиц, но в них должно принимать участие и намеченное лицо.
- 4) Полезно навести справки об образе жизни, среде, в которой вращается данное лицо, различных его поступках, характере, привычках, а также об организациях, в которых он состоит.
- 5) Прежде чем приступить к решительным переговорам с намеченным лицом, при наличии благоприятных о нем сведений от

предварительного выяснения, Чин Организации уведомляет о вышеуказанном лице Центр Организации. Лишь получив утвердительный ответ из Центра, можно перейти к переговорам и конкретному предложению, но опять-таки, с возможно большей осторожностью, чтобы иметь путь к безболезненному выходу из положения в случае отказа. Лишь при полной готовности намеченного лица к национальной работе и борьбе можно назвать Организацию. Полезно держать Центр в известности о ходе предварительных переговоров, давая возможно чаще о них сообщения. 6) Очень полезно иногда бывает привлечение намеченного лица предварительно под флаг какой-либо активной или даже псевдоактивной организации с целью проверки на деле пригодности к работе данного лица. 7) **ЦЕЛЫЙ РЯД ЗАДАЧ МОЖЕТ БЫТЬ ВЫПОЛНЕН И НЕ ЧИНАМИ ОРГАНИЗАЦИИ, А В ПОРЯДКЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТОГО ИЛИ ДРУГОГО ЛИЦА ИЛИ ЦЕЛЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ.**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Чины Организации должны постоянно помнить, что они добровольно взяли на себя тяжесть борьбы за освобождение Нации и неразрывно сопряженную с нею ответственность, и, следовательно, это является для каждого Чина прежде всего вопросом личной чести, а уже потом неизбежной ответственности перед Организацией. Принесено уже немало жертв, еще больше предстоит их в будущем, а единственная награда — это сознание честно выполненного долга перед Родиной. Все должны знать, что Организация уже спаяна кровью павших бойцов Добровольцев и замученных и убиенных Чинов Организации. Имена Сольского, Балмасова, Радковича, Захарченко-Шульц, Коверды, ген. Кутепова, Мономахова, Сусалина, Титова, Трофимова, Никитникова, а также многих и многих, назвать кото-

рых еще не пришло время, их святая жертвенная кровь зовет на подвиг и самоотречение, напоминает каждому Чину Организации, что “жить стоит лишь тем, ради чего можно умереть”. Эти жертвы говорят о том, что борьба идет и будет продолжаться до тех пор, пока Русская Нация не сбросит с себя оков власти торжествующего красно-кровавого Хама.

“Мы объявили им войну, непримиримую войну, на площадях еще Петрограда и Москвы и там ее окончим” (*Ларионов*).

Центр, 1 Октября 1933 года».

Я прошу прощения у своих читателей за столь громоздкую цитату. Но без понимания идеологии этой организации будет достаточно трудно понять те процессы, которые происходили в русской эмиграции в 30-е годы.

Главные задачи «Внутренней линии» сформулировала сама жизнь. Чины Русской армии генерала Врангеля жили мыслью о продолжение борьбы с большевизмом. Но лозунг «Кубанский поход продолжается» претерпел некоторые изменения. В 30-х годах он звучал уже как «Хоть с чертом, но против коммунистов». Соответственно, тайная организация в составе Русского общевойскового союза занималась, прежде всего, разведывательной работой против СССР. Чины «Внутренней линии» проводили отбор, вербовку и подготовку агентов из числа бывших русских офицеров и перебежчиков для ведения диверсионной деятельности на территории Страны Советов, а также создание опорных пунктов антибольшевистского подполья. Во взаимодействии с Генеральными штабами Польши, Румынии и Финляндии создавались «окна» на границе, через которые в СССР забрасывались группы подготовленных в специальных лагерях разведчиков.

К примеру, в Румынии руководил деятельностью «Внутренней линии» мичман Сергей Сергеевич Аксаков. Его подчиненный Владимир Бутков вспоминал спустя полвека: *«Мне посчастливилось встретиться, близко познакомиться и даже сдружиться с Аксаковым в Болгарии в 1938 году, когда он вернулся в Софию из своего четвертого похода в подъяремную Россию. Вырвался он оттуда просто чудом и привез с собой жену — балерину Одесского театра, бывшую “комсомолку”. Она его спасла в Одессе, когда он был “обложен” агентами НКВД, когда жизнь его буквально висела на волоске. Будущая жена его у себя укрыла. Их поход из Одессы достоин сюжета самого фантастического фильма...»*

В Болгарии он сразу же включился в активную деятельность боевых групп, отобранных для революционной борьбы с советами. Авторитет Аксакова был на очень большой высоте. Его уважали и любили и с захватывающим интересом слушали его казавшиеся нам невероятными похождения и действия.

На занятиях, да и в частной своей жизни он не отличался многословием. Говорил только по существу дела, выбирая точные определения и рисуя ситуацию объективно, критически. Он никогда не “летал в облаках”, но требовал предельной дисциплины и выработки сурового, мужественного характера, необходимых для той борьбы, к которой готовились его слушатели. Он очень умело сочетал трезвую действительность с идейной “белогвардейской” основой, постоянно приводя сотни примеров из жизни и деятельности генерала Кутепова, своей и своих друзей боевиков-кутеповцев, героически погибших или еще с нами живущих.

Жил Аксаков очень скромно, вращался только в своей “белой” среде. В его квартире висели портреты с национальными трехцветными ленточками его друзей, погибших в борьбе

за Россию. Он был “традиционером”, выполнял все воинские формальности и очень любил русскую зарубежную молодежь. А главное — был верующим православным христианином. В Софии его всегда можно было встретить в соборе святого Александра Невского на всенощных, которые он очень любил. Он их выстаивал с начала и до конца, и стоял всегда в правом притворе огромного храма, в полумраке...»

Во время Второй мировой войны служил в абвере в чине обер-лейтенанта. По линии Вооруженных сил КОНР генерала Власова был произведен в чин лейтенанта флота. Своим участием в борьбе с большевизмом очень гордился и неустанно призывал соратников не складывать оружия: *«Во время войны я служил в Германской армии, побывал на Восточном Фронте. Был в Одессе, Николаеве, Севастополе, по всему Крыму, в Ростове и под Новороссийском. Повидал много интересного и поучительного. Узнал и немцев и подъяремный русский народ. Вероятно, многих будет шокировать наличие “Коллаборанта”. Впрочем, времена подходят такие, что придется выбирать между коммунизмом и “Коллаборантством”, нынче, быть может, с Америкой. Мы это все знали еще тогда, почему и шли к немцам на службу, не строя никаких иллюзий, как теперь пойдут на службу к американцам.*

Наша главная задача — всячески бороться с “помутнением мозгов”, в какой бы форме и от каких причин они ни появлялись. Надо, чтобы все наши поняли, что, например, все прошлые заслуги адмирала Кедрова не могут ни оправдать, ни извинить его бесславного конца. Мы должны верить, что в среде нашей нет изменников и подлецов, и мы можем только жалеть, а не оправдывать и превозносить людей, околпаченных на старости лет большевиками.

Тридцать с лишним лет захлебывается в крови Русский народ. Уже пять лет рассеялись как дым всякие “Ялтинские увлечения”, и большевизм раскрыл свой звериный лик. Даже тупоголовые иностранцы с их Готтентотской моралью начинают понимать, что мир окончательно разделился на два лагеря и идет последняя борьба на жизнь и на смерть. Сатанинская власть беспощадного террора и рабства не скрывает своего намерения поглотить весь мир с его Христианской культурой и всеми достижениями права и справедливости. Уже прошло время, когда можно было прятать голову под крыло и оставаться нейтральным и “вне политики”. И вот на фоне всего этого встречаются опять какие-то рассуждения о высоком чувстве патриотизма в связи с советской властью. Между двух стульев теперь сидеть нельзя. Каждый должен честно определить свою линию и стать направо или налево. Это надо было сделать тридцать лет тому назад, а теперь уже нельзя этого не сделать...»

Разумеется, при такой идеологии чины «Внутренней линии» не могли не принять самого деятельного участия во Второй мировой войне. Уже спустя неделю после начала нападения Гитлера на СССР в Румынию прибыл капитан Фосс с двумя десятками молодых людей, прошедших специальную подготовку в лагерях тайной организации. Об одном из этих лагерей — болгарском — спустя годы вспоминал начальник Русского общевойскового союза капитан Владимир Бутков: «*Слушатели проходили на практике ружейные приемы. В подвалах особняка находилось около сорока русских трехлинейных винтовок, стояли ящики с патронами, имелись два легких пулемета Льюиса и один станковый пулемет Максим.*

Слушатели разбирали и собирали их, из винтовок стреляли в летних лагерях.

Занятия в роте производились трижды в неделю. Приходя в помещение Галлиполийского собрания или помещения НОРР (Национальной организации русских разведчиков. — А.Г.), чины роты надевали форму — русские зеленые рубахи с высоким воротником и шифровкой на погонах в виде литер “АК” — “Александр Кутепов”.

По линии болгарской полиции капитан Браунер обеспечивал невмешательство полицейских органов в военную работу III отдела РОВСа, а капитан Фосс доставал деньги для обеспечения пребывания боевиков в лагерях, покрывая расходы на питание, обмундирование и поездки».

В Бухаресте капитан Фосс и его воспитанники провели буквально пару дней. При первой же возможности группа отправилась в СССР. Присоединился к ним и Аксаков. В задачи чинов «Внутренней линии» входила организация администраций на освобожденных от Красной армии территориях. Один из участников группы капитана Фосса, Павел Бутков, напишет спустя полвека в своих воспоминаниях: «Мы должны были отправляться в Винницу, где находилась главная квартира фюрера и где формировались украинские соединения. Мы должны были разобраться в этих украинских делах, так как немцы совсем в них запутались. Клавдий Александрович Фосс был в восторге от этого задания, так как он считал, что наша правда об украинцах-галичанах взяла верх и немцы думают, что они ошиблись в том, что делали ставку на них. В то время многие офицеры немецкой армии были за создание русского правительства в Киеве, но потом нацисты со своим фюрером решили иначе и стали делать ставку на украинцев-галичан, которые массажи пошли к ним и создали даже дивизии эсэсовцев. На Украине они были самыми ближайшими помощниками немецкой администрации и ее исполнителями. Эти безумные на-

цисты со своим фюрером хотели все себе подчинить — и всю Россию, и особенно Украину.

С большим подъемом мы готовились к отъезду в Винницу. Ехали мы на нескольких машинах и увидели еще много интересных мест юга России. По пути мы разговаривали с местными жителями, которые, узнав, что мы русские-белые, с большим интересом и откровенно с нами разговаривали. Никто почти не высказывал своих симпатий к галичанам, которых считали совершенно чужими и продажными шкурами. Винница старинный город, который стоит на обоих берегах довольно большой реки Буг. Нам был предоставлен очень хороший особняк, который стоял на крутом берегу Буга. Там с нами разместился и наш немецкий начальник, который был близок к некоторым высокопоставленным офицерам главной квартиры в Виннице, что было очень важно для нашей работы там. На меня была возложена обязанность собирать информацию о знаменитых винницких расстрелах; информация эта отправлялась болгарскому военному министерству.

В этом особняке у нас была специальная прислуга, которая смотрела за чистотой в доме, была большая кухня с поваром, который вкусно готовил. В этом доме совершенно все было для барской жизни. Прекрасные спальни с великолепным постельным бельем, уборные в идеальном порядке, общий зал с прекрасными люстрами и огромным столом, где мы все собирались во время наших обедов и ели вкусные блюда с лучшими винами и свежими фруктами. У всех у нас были свои задания, и мы были очень заняты в течение всего дня. Мы старались развязать узел, который в Виннице сплетался с различными группировками украинских самостийников. Там были бендеровцы, петлюровцы, махновцы, и все имели свои политические и стратегические намерения относительно “устройства

самостийной Украины". Мой друг мичман Сергей Сергеевич Аксаков набрел на самую для нас интересную "подпольную" организацию украинцев, которых всюду в местной администрации было полно. Все, кто был связан с этой подпольной украинской организацией, были сняты с работы и ввиду того, что большинство было из галичан, высланы из Винницы. После этого немцы перестали так доверять украинцам, и их самостийные формирования и школы в Виннице были закрыты. Когда мы только прибыли в Винницу, капитан Фосс сказал, что под Винницей на кирпичном заводе сидят несколько высших генералов-военнопленных Красной армии и среди них генерал Власов, с которым капитан Фосс хотел связаться. Но тогда Власов никого, особенно русских эмигрантов, не хотел видеть. Позже приехал из Берлина капитан немецкой армии, также бывший русский и белый офицер Штрик-Штрикфельд, который работал при главном командовании немецкой армии и ОКВ. С ним генерал Власов несколько раз беседовал и согласился ехать под Берлин, чтобы начать работать с немцами и организовывать части РОА».

Надо сказать, что руководство Русского общевойскового союза поняло, какого монстра взрастила в своих недрах. Известно, что «Внутреннюю линию» пытались распустить четыре раза. Дважды это приказывал генерал Миллер, по одному разу — генералы Витковский и Архангельский. Но ничего это не дало. Как писала в свое время жена генерала Деникина, «организация с годами выродилась в подпольный и очень страшный организм со множеством щупальцев в разных странах и обществах российского рассеяния».

В 1991 году распался Советский Союз. Коммунистическая идеология перестала быть государственной. Совсем чуть-чуть не дожидаясь до воплощения своей самой заветной мечты мичман

Аксаков. А официального приказа о прекращение деятельности «Внутренней линии» не последовало. Да что там приказ, если до сих пор неизвестно даже большинство чинов тайного ордена внутри Русского общевойскового союза.

Я рассуждаю сейчас исключительно с точки зрения историка, который занимается одним из аспектов русской эмиграции. Они не оставили воспоминаний. И об очень многих значительных фактах мы и сегодня не имеем представления. Сбылись пророческие слова последнего начальника штаба Корниловской ударной дивизии, Генерального штаба полковника Месснера: *«Не виню никого. Виню всех. Никто и все виноваты в том, что наши полковые колонны имеют только “голову” и не имеют “хвоста”. Голова седая, а хвоста нет. “Не то важно, что эмиграция существует, важно то, что она вымирает”, — сказал однажды Сталин. Мы вымираем, это значительный, важный факт».*

* * *

Благодаря стараниям Шатилова две тайные организации, а именно «Внутренняя линия» и остатки Боевой организации Кутепова, фактически слились в одну. Во-первых, большинство боевиков к тому моменту уже погибли во время хождений в СССР. А во-вторых, главным связующим звеном между «кутеповцами» и «шатиловцами» выступил бывший капитан Марковской артиллерийской бригады Виктор Ларионов.

В Добровольческой армии он был с первых дней, участник Ледяного похода, галлиполиец. В эмиграции — в охране великого князя Николая Николаевича. В 1927 году устроил теракт в Ленинграде, о чем в последствии написал воспоминания: *«Было восемь часов и три четверти. Белый вечер, сырой и теплый, висел над “Ленинградом”. Звонки трамваев, шарканье*

человеческих гусениц по панелям, стук собственного сердца — частый и тревожный — вот все, что воспринимало сознание. И еще одно воспринимало ясно и четко, что у подъезда Партклуба стоит милиционер, что ворота в проходной двор в соседнем доме заперты на солидный висячий замок, и остается единственный путь бегства — на Кирпичный переулок.

Прошли перед “мильтоном”. Он скосил на нас глаза и отвернулся. Выглянули на него из-за угла Кирпичного. О счастье! “Мильтон” неторопливым шагом побрел к Гороховой. Путь, значит — свободен!

Тяжелая почти до потолка дубовая дверь. Как сейчас помню медную граненую ручку. Кругом роскошь дворца. Нет ни страха, ни отчаяния, ни замирания сердца. Впечатление такое, точно я на обыкновенной, спокойной, неторопливой работе.

Дверь распахнута. Я одну-две секунды стою на пороге и осматриваю зал. Десятка три голов на звук отворяемой двери повернулись в мою сторону. Бородка тов. Ширвиндта а-ля Троцкий склонилась над бумагами. Столик президиума посреди комнаты. Вдоль стен — ряды лиц, слившихся в одно чудовище со многими глазами. На стене “Ильич” и прочие “великие”, шкафы с книгами.

Я говорю моим друзьям одно слово: “можно” — и сжимаю тонкостенный баллон в руке. Распахиваю двери для отступления. Сергей размахивается и отскакивает за угол. Я отскакиваю вслед за ним. Бомба пропищала и замолчала. Еще секунда тишины, и вдруг страшный нечеловеческий крик: “А... а... а... а... Бомба...”

Я, как автомат, кинул баллон и побежал вниз по лестнице. На площадке мне ударило по ушам, по спине, по затылку звоном тысячи разбитых одним ударом стекол: это Дима мет-

нул свою гранату. Сбегаю по лестнице. По всему дому несутся дикие крики, шуршание бегущих ног и писк, такой писк — как если бы тысячи крыс и мышей попали под гигантский пресс. Я ерошу волосы на голове — для выскакивания на улицу в качестве пострадавшего коммуниста, кепка смята и положена в карман, пальто, плащ бросаю в клубе. Секунда... вторая... третья... Звон разбитого стекла... и струйки зеленого дыма поднимаются выше и выше — это смерть».

В 1941 году в составе германской армии Ларионов был в Смоленске. После войны жил в Германии, умер в середине 80-х годов.

Скупые строки, по которым невозможно определить ни характер человека, ни его убеждения. Но все моментально изменится, если привести слова самого Ларионова: *«Ответный террор против коммунистической партии — вот лозунг наиболее действительный в борьбе с палачами. В ночных кошмарах им, убийцам, ворам, садистам и растлителям духа народного, чудится грядущее возмездие. Хулители имени Бога на земле чувствуют, что час расплаты не может не прийти. Только действие — твердое, прямое, бьющее прямо в цель — способно положить конец бесчинственной власти маньяков. И только жертва чистая и святая восстановит честь опозоренной и безмерно поруганной Родины. И нет иных путей для тех, кто признает наш общий страшный долг крови, залившей родную землю в бесчисленных подвалах. И нет иного действия, кроме боя, хотя бы для этого пришлось биться одному против всех. Мы должны быть незримыми руководителями, толкающими РОВС к полной победе над коммунизмом».*

Именно капитану пришла в голову идея тайных псевдонимов для всех руководителей «Внутренней линии». Так, Шатилова в переписке называли «115», «Павлов», «Хрущев». Лари-

онов именовался «Белая идея», Закржевский — Дмитриев, а Скоблин в дальнейшем — «Главный сыщик». Генерал Миллер стал Арсеньев. Генерал Эрдели, который был активным противником тайной организации — «Непосредственным», а Русский общевоинский союз — «ВР» (по всей видимости, сокращенное от фамилии Врангель).

* * *

Оставим на время лидеров «Внутренней линии» и вернемся к Николаю Владимировичу Скоблину. Именно тогда он и попадает в орбиту тайной организации внутри Русского общевоинского союза.

На гонорар от успешных концертов в Америке Плевицкая с мужем купили в рассрочку в одном из парижских пригородов — Озуар-ла-Феррьер — двухэтажный дом. Каждый месяц они должны были платить 800 франков — сумма немаленькая для русских эмигрантов. Даже с учетом того, что певица зарабатывала в разы больше любого офицера армии Врангеля, все равно бремя ложилось на семью неподъемным грузом. Скоблин очень мучился в те дни. Ему часто тогда снился Ледяной поход Добровольческой армии. Корниловец Левитов в своих воспоминаниях так описывал первые бои с большевиками: *«Генерал Корнилов дает задачу полку: ударом в левый фланг противника сбить его. Безостановочное движение корниловцев с явным охватом левого фланга настолько потрясло красных, что они стали бежать из своих окопов, не задерживаясь в резервных. Потери в полку: один убит и несколько раненых, но противник хорошо поплатился. Будь здесь у нас кавалерия, вся эта громадная толпа красных была бы уничтожена. На стороне красных были и местные молодые казаки, которые*

были захвачены нами и которым за их позор в станице старики устроили настоящую порку».

Скоблин силился найти выход из положения и не мог. На завод, как многие русские офицеры, он идти работать не мог. В Крыму, на последнем этапе Белой борьбы, он был тяжело ранен в бедро. После этого ходил, едва заметно прихрамывая. А на даже минимальную ставку в РОВС рассчитывать не приходилось. Даже учитывая благожелательное отношение к нему Шатилова и Кутепова. Врангель и слышать не хотел фамилию главного корниловца, после памятной истории с концертом Плевицкой для советских представителей.

Сама Плевицкая об этом уже и думать забыла, о чем свидетельствует интервью, данное журналисту газеты «Шанхайская заря» Николаю Покровскому:

«— Пела почти всюду, где есть русские, — в Латвии, Бельгии, Болгарии, Сербии, Чехословакии; была продолжительное время в Америке, только что дала концерт в Париже, а в Париж приехала недавно, — отдыхала на юге Франции, под Ниццей.

— А теперь куда, Надежда Васильевна?

— Еду на днях в Белград. А потом — не знаю куда. Приглашают во многие места. Может быть, если получу визу, в Польшу проеду...

— А в Китай не думаете прокатиться? Там русских много. Особенно в Харбине. Да и в Шанхае, в Тяньцзине тоже... не мало.

— Знаю, знаю... От поездки туда я бы не отказалась, только... боюсь очень!..

— Чего же вы боитесь?

— Моря боюсь. Не люблю я воды, укачивает меня. А туда ведь морем надо плыть, и говорят — долго.

— Да, дольше месяца.

— Ах, как страшно! — смеется Надежда Васильевна.

Прощаясь с Надеждой Васильевной, я уговариваю ее:

— Не бойтесь моря. Смело поезжайте на Дальний Восток. Там вас сумеют встретить и принять».

Скоблин же с каждым месяцем мрачнел все больше. Не случайно известный певец Александр Вертинский спустя несколько лет вспоминал: *«В русском ресторане пела Надежда Плевицкая. Каждый вечер ее увозил и привозил на маленькой машине тоже маленький генерал Скоблин. Ничем особенным он не отличался. Довольно скромный и даже застенчивый, он скорее выглядел забитым мужем у такой энергичной и волевой женщины, как Плевицкая».*

Все изменилось со смертью главнокомандующего русской армией. В доме, который он занимал в пригороде Брюсселя, проживали кроме самого генерала его жена, четверо детей, повар и денщик. В начале марта 1928 года денщик Врангеля Яков Юдихин обратился к генералу с просьбой приютить на несколько дней своего брата, тоже бывшего солдата, приехавшего к нему в гости. Позднее выяснилось, что брат этот, о котором Юдихин никогда раньше не говорил, был матросом советского торгового корабля, стоявшего в это время в Антверпене. Через несколько дней неожиданный гость уехал, а 18 марта Врангель внезапно заболел.

Приехавшему из Парижа знаменитому русскому врачу Алексинскому Петр Николаевич жаловался: *«Мозг против моего желания лихорадочно работает, голова все время занята расчетами и вычислениями. Я не могу с этим бороться... Картины войны все время передо мной, и я пишу все время приказы, приказы, приказы!»* Диагноз, который поставил Алексинский, изумил всех — интенсивный туберкулез. Ведь за свою жизнь генерал ни разу туберкулезом не болел. Между

тем в самом начале марта Врангель посетил расположенные на севере Бельгии угольные шахты, в которых работали бывшие чины Русской армии. Известно, что среди рабочих свирепствовала эта страшная болезнь. А тогда генерал Врангель не только принимал парад своих сослуживцев, но и неоднократно спускался в шахты. Там-то и мог он заразиться, тем более что Петр Николаевич уже был серьезно простужен и получил врачебное предостережение о нежелательности такой поездки. Мать генерала Мария Дмитриевна Врангель вспоминала: *«Это были 38 суток сплошного мученичества! Его пожирала сорокаградусная температура. Он метался, отдавал приказы, порывался встать. Призывал секретаря и делал распоряжения до мельчайших подробностей».*

25 апреля 1928 года Врангель скончался. Потеря для русской эмиграции была невозполнимой. Петр Николаевич был кумиром армии. Не случайно еще в 1924 году один из самых талантливых писателей русского зарубежья Иван Савин писал в своем посвящении барону: *«Этот желтый лист с Вашим лицом я вырезал из журнала немецкого — “Die Woche”. Была внизу надпись: “Der Hartknackiger. Feind von Lenin, — General Wrangel”, таким кудрявым готическим шрифтом, с завитушками. Завитушки я отрезал — разве и так не знаю, что большего врага, чем Вы, у Ленина не было? — потом желтый лист с Вашим портретом, осторожно посмотрев кругом, спрятал в кармане. Осторожно потому, что — простите меня! — портрет ваш я украл в русской библиотеке, порывшись в гряде старых журналов. Нехорошо это очень и стыдно. Но, только что вырвавшись из красного плена, так хотелось увидеть Ваше лицо, а нигде достать не мог. И потом, все равно, через месяц библиотека эта закрылась, книги ее и журналы продавались с пуда на рынке и заворачивали в них сельди».*

Вы в кавказской бурке, в папахе. Бледное лицо Ваше слегка затушевано тенью с левой стороны. А глаза строго улыбаются. Мне всегда казалось странным и милым это сочетание: суровость и ласковость. В “Die Woche” особенность Ваших глаз, Ваших губ передана так выпукло. Может быть, потому я и совершил кражу.

Каблуков Ваших сапог не видно, и это жаль. Мне дороги как-то и памятливы эти каблуки. В первые дни крымского наступления, когда могучей радостной лавой мы рвались вперед, Вы, где-то у Днепра, посетили нашу дивизию.

“Господа офицеры, вперед!” — громко крикнули Вы после смотра. Эхо Вашего голоса гулко отдалось в степи. Я не понимаю, почему на Ваш зов ринулась вся дивизия — с офицерскими звездочками, со шнурками вольноопределяющихся, с гладкими погонами рядовых. Всем хотелось быть ближе к Вам, окружить Вас тесным кольцом. Я бежал с другими и думал: это нарушение дисциплины, главнокомандующий цукнет нас. Но Главнокомандующий понял, что за любовь не наказывают. Главнокомандующий не цукнул. Вы долго говорили с дивизией о задачах наших, о нуждах, об отношении к населению. Я стоял в десяти шагах от Вас. На Вас была та же бурка, та же папаха, те же сапоги, старые, с истертыми каблуками. На одном из них — кажется, левом — виднелась огромная латка из бурой кожи. И вот с той минуты я не переставал думать о ней, о заплате на сапоге главнокомандующего. Когда теперь социалистическая грязь пытается очернить Ваше имя, Вашу честность, равной которой не знаю в наше подлое время, когда Керенские справа гнусавят о “бесконтрольном расходовании казенных сумм в Крыму”, мне хочется крикнуть: “Лжете! Сам генерал Врангель носил латаные сапоги!”»

При вскрытии в организме было обнаружено большое количество туберкулезных палочек явно внешнего происхождения. На следующий день парижские газеты писали: «Циркулируют упорные слухи о том, что генерал Врангель был отравлен». Якобы Петр Николаевич говорил одному из друзей, что ему стоило бы предпринять крайние меры предосторожности в отношении своего питания, так как он опасается отравления. Забегая вперед, отмечу, что спустя годы Скоблина будет обвинять еще и в этом.

Возглавивший Русский общевоинский союз генерал Кутепов буквально через несколько дней восстановил Николая Владимировича в чине командира Корниловского ударного полка. Радости Плевицкой не было предела. Ее любимый Коленка снова вернулся в родную семью. Больше того, Скоблину стали платить, пусть минимальную, но зарплату в РОВС. Когда же, после похищения агентами ОГПУ Кутепова, председателем РОВС стал генерал Миллер — Скоблин сыграл на опережение. Он прекрасно понимал, что его могут снова «попросить» из союза, и поэтому пригласил Евгения Карловича на ежегодный полковой праздник корниловцев.

В день святых Флора и Лавра в Галлиполийском собрании в Париже ветераны-ударники и их друзья из «цветных» полков служили панихиды по павшим и молебны о здравствующих, вспоминали тяжелые и кровопролитные бои Гражданской войны. Командиры-корниловцы произносили патриотические речи. Тон задавал генерал Скоблин. Когда же начинали звучать знаменитый Корниловский марш, все с замиранием сердца слушали, как поет Надежда Плевицкая:

Пусть вокруг одно глумленье,

Клевета и гнет —

*Нас, корниловцев, презренье
Черни не убьет.
Русь могучую жалеет,
Нам одна — кумир.
Мы одну мечту лелеем —
Дать России мир.
Русь поймет, кто ей изменник,
В чем ее недуг,
И что в Быхове не пленник
Был, а верный друг.
За Россию и свободу,
Если в бой зовут,
То корниловцы и в воду,
И в огонь пойдут.
Верим мы, близка развязка
С чарами врага.
Упадет с очей повязка
У России, да!
Загремит колоколами
Древняя Москва,
И войдут в нее рядами
Русские войска!
Вперед на бой!
Вперед на бой!
На бой, кровавый бой!*

6 сентября 1931 года на банкет были приглашены генералы Деникин, Шатилов и Миллер. Именно к новому председателю Русского общевойска союза и обратился Скоблин: *«Сегодня мне хочется дать доказательство нашей преданности нашему Главе, работающему в столь трудной и морально тяжелой обстановке. По нашей добровольческой традиции, от имени*

общества офицеров полка, я прошу его превосходительство генерала Миллера зачислить себя в списки нашего полка».

Под дружное, громогласное «Ура!» до слез тронутому таким вниманием Евгению Карловичу была преподнесена корниловская нашивка. (Именно нашивка, а не орден за Кубанский поход, как стало модно утверждать сегодня, после выхода в России фильма «Очарование зла»). Евгений Карлович не имел никакого права на его ношение, да и вряд ли при живых первоходниках позволил бы себе такое. Хотя справедливости ради стоит отметить, что уже в 40-х годах в Союз участников Первого Кубанского генерала Корнилова похода начали принимать членов-соревнователей, которым по уставу было дано разрешение носить на лацкане пиджака уменьшенный знак Ледяного похода.

Миллеру не могли вручить в тот день и корниловский полковой знак, хотя он и был утвержден 12 июля 1931 года приказом председателя РОВС № 33. Когда был изготовлен первый знак, неизвестно. Однако 10 мая 1932 года в «Информации Корниловского Ударного полка» появилось сообщение, что генерал-майору Скоблину был преподнесен в специальном футляре серебряный полковой знак с надписью: «Корниловцы своему командиру. 1932 год. Париж». Весьма сомнительно, чтобы Миллер мог получить полковой знак раньше Николая Владимировича.)

Благодаря Скоблину новый председатель Русского общевосточного союза становился еще и чином легендарного полка. Для него это было очень значительно. Дело в том, что в Гражданскую войну Миллер воевал на севере России, а все руководство РОВС — на юге. Поэтому многие ветераны «цветных» не питали особенного уважения к Евгению Карловичу. Теперь же с ним приходилось считаться.

Ставший последним в истории зачисленным в корниловцы, Миллер, благодаря за оказанную честь, сказал: *«Русский общевоинский союз одним своим существованием осознается советской властью как наибольшая угроза и опасность. Мы достигли этого десятилетней верностью заветам основателей и вдохновителей борьбы за Россию».*

***

Евгений Карлович Миллер происходил из старинного дворянского рода и позже, будучи в эмиграции, писал: *«В доме моих родителей с детских лет я был воспитан как верующий христианин, в правилах уважения к человеческой личности — безразлично, был ли человек в социальном отношении выше или ниже; чувство справедливости во взаимоотношениях с людьми, явное понимание различия между добром и злом, искренностью и обманом, правдой и ложью, человеколюбием и звериной жестокостью — вот те основы, которые внушались мне с детства».*

По окончании Николаевского кадетского корпуса Евгений Карлович поступил в Николаевское кавалерийское училище. Выпущен он был вахмистром эскадрона и был произведен в корнеты Лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка. *«Кадетский корпус, кавалерийское училище и полк, в котором я имел честь и счастье служить, заострили во мне чувство любви к Родине, чувство долга перед Россией и преданности Государю как носителю верховной державной власти, воплощающему в себе высший идеал служения России на благо русского народа»,* — вспоминал он спустя годы.

Именно генерал стал первым врагом революции. В Большой Советской Энциклопедии о Миллере написано: *«Выступал как ярый противник демократизации армии, 7 апреля 1917 года*

был арестован солдатами и под конвоем отправлен в Петроград». Лейб-гвардеец на дух не переносил комитетов и депутатов. Совершенно распоясавшиеся чины Русской Императорской армии выстрелили в спину генералу и повезли в столицу, для дальнейшей расправы. Но там еще не был окончательно потерян контроль над ситуацией, и Миллер остается в живых. С осени 1917 года он становится представителем Ставки Верховного главнокомандования Русской армии при Итальянском главном командовании. После захвата власти большевиками Миллера заочно предают суду ревтрибунала и приговаривают к смерти (впрочем, в Государственном архиве Российской Федерации хранится весьма странный документ, согласно которому Евгений Карлович вплоть до 2 сентября 1918 года числился в рядах РККА. С этим обстоятельством историкам еще только предстоит разобраться).

10 июня 1919 года Верховный правитель России адмирал Колчак назначил генерала Миллера главнокомандующим вооруженными силами России, действующими против большевиков на Северном фронте. Евгений Карлович уже поздравлял свои войска, считая это первым шагом к объединению страны под руководством Верховного главнокомандующего. Но в этот момент началось отступление армий Колчака. И тут же последовал еще один удар — английским командованием было принято решение об уходе из Мурманска. Поступок союзников вызвал всеобщее возмущение, англичане прямо обвинялись в предательстве. Начальник оперативного отдела Генерального штаба полковник Костанди попросил о встрече с представителем союзников, и, отдав честь, положил ему на стол британский орден, которым был награжден. В сопроводительном письме он отметил, что считает ниже достоинства русского

офицера носить награду страны, представители которой изменили данному слову и своим союзникам.

Генерал Миллер мужественно встретил плохие новости. Вот как об этом вспоминал английский генерал Айронсайд: *«Ни один мускул не дрогнул на его лице, когда я сообщил ему дурную весть. Лишь по его светло-голубым глазам я мог догадаться, как ужасно он устал. Пару минут он смотрел на меня, не говоря ни слова. Я протянул руку, и он сжал ее мертвой хваткой».*

После краха Белой борьбы на севере России в феврале 1920 года Миллер эмигрировал во Францию. Он принял активное участие в формировании Русского общевойскового союза, был доверенным лицом великого князя Николая Николаевича. После похищения агентами НКВД генерала Кутепова в 1930 году 63-летний Евгений Карлович Миллер, бывший его заместителем, возглавил РОВС. Безоружная армия в штатском продолжала жить с верой в грядущий решительный бой с большевиками. Не случайно он заявил тогда: *«Большевики — враги России, советская власть — вражеская власть, бесконечно вредная, губящая Россию морально и материально; с ней не может быть никаких компромиссов; с ней может быть только борьба и не может, а должна быть борьба всегда и всеми силами, всеми способами, не исключая возможности вооруженной борьбы. Вот на чем воспитывалась Добровольческая Армия, влившая в себя все лучшее, спасшееся с других белых фронтов и по праву носящих с 1920 года высокое название Русской Армии, ее же и честь, ее же и ответственность».*

РОВС казался Миллеру твердым монолитом, сплоченным Белой идеей. В интервью лондонской газеты «Морнинг Пост», едва возглавив крупнейшую организацию русского зарубежья, он сказал: *«Эмигранты убеждены, что рано или поздно рус-*

ский народ сам свергнет советскую власть, а их задача — содействовать контрреволюционному движению, нарастающему в стране».

Но в то время Русский общевоинский союз стал подтачиваться многочисленными интригами. Генералы неустоимо спорили, что делать дальше. От Миллера ждали продолжения активной борьбы с большевиками и ставили в пример Кутепова. Но, во-первых, в секретную деятельность генерала Евгений Карлович посвящен не был, а во-вторых, почти все боевики погибли во время вылазок в СССР. Поэтому Миллер прежде всего думал о трудоустройстве офицеров и солдат русской армии, оказавшихся в эмиграции.

Положение многих из них было действительно плачевным. В большинстве стран белые воины считались беженцами, их неохотно принимали на работу, платили всегда меньше и при малейшем проявлении недовольства увольняли. Один из офицеров вспоминал позднее: *«За исключением 5 часов, уделяемых сну, генерал Миллер был остальное время в делах. Эта самоотверженная работа стяжала ему заслуженную популярность. Он подкупал не пышными речами и игрой на популярность, а своей неустанной заботливостью об улучшении быта и материальных нужд, что больше всего ценит наш народ».*

Да и сам Евгений Карлович едва сводил концы с концами. Один из чинов Русского общевоинского союза вспоминал спустя несколько лет: *«Сумрачное утро, струившееся в окно, как-то особенно подчеркивало бедность квартиры и всю ее беженскую скромность, не отвечающую высокому положению ее хозяина. Да и сам хозяин был одет очень скромно, на его брюках можно было обнаружить следы тщательной штопки».*

Но были и в русской эмиграции те, кто ненавидел председателя РОВС. Как правило, это те, кто всю русскую смуту провел в спокойном Париже. Им доставляло особое удовольствие цитировать эсера Бориса Соколова, который еще в 24 апреля 1920 года писал во французской газете «Информасьон»: *«Я был свидетелем последнего периода существования правительства Северной области, а также его падения и бегства генерала Миллера со своим штабом. Я мог наблюдать разные русские правительства, но никогда раньше не видел таких чудовищных и неслыханных деяний. Поскольку правительство Миллера опиралось исключительно на правые элементы, оно постоянно прибегало к жестокостям и систематическому террору, чтобы удержаться наверху. Смертные казни производились сотнями, часто без всякого судебного производства.*

Миллер основал каторжную тюрьму на Иокангском полуострове на Белом море. Я посетил эту тюрьму и могу удостовериться, что таких ужасов не было видно даже в царское время. В бараках на несколько сот человек размещалось свыше тысячи заключенных. По приказанию Миллера начальник тюрьмы Судаков жестоко порол арестованных, отказывавшихся идти на каторжные работы. Ежедневно умирали десятки людей, которых кидали в общую могилу и кое-как засыпали землей.

В середине февраля 1920 года, за несколько дней до своего бегства, генерал Миллер посетил фронт и заявил офицерам, что не оставит их. Он дал слово офицера позаботиться об их семьях. Но это не помешало ему закончить приготовления к бегству. 18 февраля он отдал приказ об эвакуации Архангельска 19 февраля к двум часам дня. Сам он и его штаб в ночь на 19 февраля тайно разместились на яхте «Ярославна» и ледоколе «Козьма Минин». Генерал Миллер захватил с собой всю государственную казну, около 400 000 фунтов стерлингов

(10 миллионов рублей золотом), которые принадлежали Северной области.

Утром 19 февраля население узнало об измене и бегстве генерала Миллера. Много народу собралось возле места якорной стоянки "Козьмы Минина", в том числе солдаты и офицеры, которых Миллер обманул. Началась перестрелка. С кораблей стреляли из орудий. Было много убитых. Вскоре "Козьма Минин" ушел из Архангельска. Измена Миллера произвела чудовищное впечатление на офицеров на фронте. Некоторое время они не знали о бегстве штаба и продолжали защищаться. Узнав об измене своих начальников, многие из них покончили самоубийством, а другие перешли на сторону большевиков».

Примерно так же оценивали генерала Миллера в Советском Союзе. Заместитель наркомвоенмора Каменев в докладе правительству 10 марта 1931 года отмечал: «Если дальше посмотреть, как аттестуется он своими соратниками, то мы видим два резко делящихся лагеря. Одни, бежавшие вместе с ним, характеризуют его как "отца родного", как "талантливого полководца". Но брошенные на произвол судьбы белогвардейцы характеризуют Миллера, как предателя, как абсолютно бесталанного чиновника, не любящего и боящегося фронта. Несмотря на всю противоречивость приведенных аттестаций, нам теперь представляется полная возможность установить правильную оценку этой "знаменитой личности". Его отеческие настроения хорошо определяются Июкангской каторгой и многочисленными расстрелами лиц, только подозреваемых в сочувствии большевикам. Кроме того, бегство его достаточно говорит о нем.

Относительно его боевой доблести и талантов полководца мы должны сказать, что это было бесцветное командование. По призыванию самих англичан северный фронт держался глав-

ным образом ими, и те части, которые сформировал Миллер при помощи англичан, были абсолютно небоеспособными. После ухода англичан, которые ушли под давлением рабочей партии в Англии, Миллер продержался только 4 месяца, после чего фронт был нами разгромлен. Во всяком случае, это — махровый контрреволюционер, несомненно большой интриган, несомненно утонченный палач и совершенно бездарная личность.

Как он попал в командную тележку? Надо думать, что благодаря верноподданническим настроениям к французскому генеральному штабу, хотя раньше он был предан английскому. Роль, которую взял на себя Миллер, неопровержимо доказывает его врожденную склонность к предательству, продажности и садической жестокости».

***

Прежде, чем переходить к драматичным событиям в русском зарубежье в 30-х годах и роли в них Николая Владимировича Скоблина, осталось нанести на холст два последних штриха: ситуацию в эмиграции и ход борьбы ОГПУ против РОВС.

Сегодня, когда разговор заходит о белогвардейцах, все обычно представляют себе офицера в расстегнутом кителе с золотыми погонами, пьющего водку в парижском ресторане, с ностальгией, сквозь слезы, поющего «Боже, царя храни». Это в корне неверно, хотя истоки такого образного восприятия легко проследить. Именно такими ИХ и демонстрировали НАМ. Те, кто постарше, наверняка вспомнят напумевшее в свое время стихотворение Роберта Рождественского:

Малая церковка. Свечи оплывшие.

Камень дождями изрыт добела.

Здесь похоронены бывшие. Бывшие.

*Кладбище Сан-Женевьев-де-Буа.
Здесь похоронены сны и молитвы.
Слезы и доблесть.
«Прощай!» и «Ура!».
Штабс-капитаны и гардемарины.
Хваты полковники и юнкера.
Белая гвардия, белая стая.
Белое воинство, белая кость...
Влажные плиты травой порастают.
Русские буквы. Французский погост...
Я прикасаюсь ладонью к истории.
Я прохожу по Гражданской войне..
Как же хотелось им в Первопрестольную
Въехать однажды на белом коне!..
Не было славы. Не стало и Родины.
Сердца не стало.
А память — была..
Ваши сиятельства, их благородия —
Вместе на Сан-Женевьев-де-Буа.
Плотно лежат они, вдоволь познавши
Муки свои и дороги свои.
Все-таки — русские. Вроде бы — наши.
Только не наши скорей,
А ничьи...*

Так вот, ничьими они себя точно не считали. Никогда у них и мысли такой не было, что попрощались они с Родиной навсегда. Каждую минуту они жили с надеждой на скорое возвращение. Вот только надежды все они с разным связывали. Каких только течений не было в эмиграции. От социалистов и анархистов до Союза крошек-фашисток. И все предлага-

ли, как побыстрее спасти Родину. Кто-то считал, что Россию освободит только монарх из интеллигенции, без случайного смешения крови. Кто-то был убежден, что надо всем признать единственно верным методом борьбы с большевизмом «марш на Рим» Бенито Муссолини. Кому-то требовался крестьянский парламент, а кому-то — Советы и царь. Особняком держался лишь Русский общевоинский союз.

Да, все его лидеры были убежденными монархистами. Но Петр Николаевич Врангель, как основатель крупнейшей анти-советской организации, сразу заявил: армия вне политики. Ему вторил Кутепов: «Добровольцы сначала возьмут Москву, а потом под козырек». Дело в том, что боевые генералы были шокированы теми дразгами, которые устраивала вокруг армии монархически настроенная эмиграция. Тон задавал один из лидеров бывшего «Союза русского народа» Марков-второй. В разгар «Галлиполийского сидения» он требовал отстранения Врангеля от руководства армией и назначения на его место себя самого. При том, что «карикатура на Петра Первого», как называли его острословы, в армии не служил и всю Гражданскую войну занимался тем, что только и умел — оглашал бесконечные воззвания: *«Лозунг “За Веру, Царя и Отечество” никогда и ни при каких обстоятельствах не может оказаться для армии “поспешным” и “преждевременным”. Руководствуясь этим основанным на однажды данной всеми нами присяге убеждением, Высший Монархический Совет уверенно полагает, что содействовать объединению военных чинов под лозунгом “За Веру, Царя и Отечество” есть долг всякого честного русского человека. Встречая, к прискорбию своему, на этом пути препятствия со стороны штаба Главнокомандующего, Высший монархический совет все-таки вменял себе в обязанность всячески успокаивать возникшее среди преданных мо-*

нархии офицеров недовольство и волнения. Такое стремление Высшего монархического совета в свое время внесло необходимое успокоение в монархическую офицерскую среду. Последовавшее изъяснение вновь вызывает недоразумения и смуту среди преданных монархии военных людей и этим наносит вред делу восстановления России, которое не может произойти иначе, как через монархию. Высший Монархический Совет выражает свое твердое убеждение, что лишь при условии открыто исповедуемого армией священного лозунга "За Веру, Царя и Отечество" и при дружном объединении армии со всеми исповедующими этот лозунг русскими людьми только и возможно избавление нашей Родины от тяжкого и позорного ига Интернационала».

А ведь были еще и великие князья. Затеяв бурное выяснение отношений на тему «Кто больше скипетра достоин» и втянув в этот процесс все зарубежье, постоянно взывали к армии как к третейскому судье. Масла в огонь подливали и некоторые офицеры, в частности капитан 1-го ранга Георгий Чаплин, писавший великому князю Кириллу Владимировичу 19 марта 1923 года: *«Необходимо стремиться, дабы Россия и русский народ признали ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО как единственного законного БЛЮСТИТЕЛЯ ГОСУДАРЕВА ПРЕСТОЛА, признает же ли ВАС за такового русское беженство в лице разных Марковых, Треповых, Скаржинских и им подобным, для дела абсолютно неважно, и с русским беженством имеет смысл бороться лишь постольку, поскольку это необходимо, дабы оно не могло препятствовать ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ творить начатое ВАМИ святое дело».*

Врангель был вынужден занять чью-то сторону и, как человек военный, признал бывшего главнокомандующего русской

армией. Принципиально легче от этого не стало. Хотя великий русский философ Иван Ильин и написал, что непредрепшенче-ство есть скрытая форма монархизма, в окружении обиженно-го таким решением Кирилла Владимировича нашлись те, кто считал армию насквозь республиканской, требовал ее роспуска и отдачи под суд лидером.

А была еще одна сила, с которой приходилось считаться. На деньги Москвы пышным цветом расцвело движение «Сме-на веж». Один из идеологов движения Ключников писал тогда: *«Давно пора задуматься над тем, почему русская революция приняла свой страшный размах, почему она преодолела все по-пытки остановить или сорвать ее, почему она провозгласила одни идеалы и отвергла другие, почему она шла такими жут-кими путями и где для нее выходы на новые пути. Цвету рус-ской мысли и мозгу нашей страны нужно принять сам факт случившейся в России революции, признать ее национальный, русский характер, отказаться от трактовки всего произо-шедшего в России как крупной неприятности, прекратить мешать родине и русскому народу в их борьбе за лучшее буду-щее».*

Надо сказать, что немало эмигрантов, измученных тяжелы-ми условиями жизни на чужбине, клонули на агитацию. По-тери понесла и Русская армия. Достаточно назвать начальника штаба 1-го корпуса генерала Доставалова, который написал в России более чем необъективные мемуары, которые, правда, были впервые опубликованы лишь в конце 90-х годов:

«Таких, как я, разочаровавшихся в эмигрантской идеоло-гии и в идеях, защищаемых Врангелем и Бурцевым, много. Нас будет еще больше. На нас клеветают и нас ненавидят, пото-му что мы любим не Врангеля, а Россию и, убедившись в ис-тинных целях, к которым стремятся теперешние балканские

руководители, снимаем с них маски, ибо мы гораздо больше любим родину, чем Врангель и его друзья, продающие Россию французам, полякам и румынам за право владеть хотя бы одним княжеством московским.

На какие новые тяжкие и несмыываемые преступления перед Россией увлекает он оставшуюся в Сербии совсем неопытную и юную русскую молодежь?

Какие новые унижительные испытания ожидают поверивших ему офицеров? И кто стоит во главе закабаленной на Балканах кучки офицеров и солдат?

Вот небольшая справка о нынешних ответственных руководителях врангелевской армии. Во главе всякой армии стоит генеральный штаб — мозг армии, направляющий, обучающий, внедряющий в нее руководящие военные, а теперь и политические идеи. Во главе генерального штаба врангелевской армии стоит сам барон Врангель — офицер генерального штаба. Его ближайший помощник и начальник всех офицеров генерального штаба армии — начальник штаба армии генерал фон Миллер. Непосредственный помощник Миллера и начальник над офицерами генерального штаба в пехоте — генерал фон Штейфон (о его “преданности” России говорил в своей лекции еще Пуришкевич).

И, наконец, начальник штаба, а значит, и руководитель офицеров генерального штаба в коннице — генерал фон Крейтер (организатор убийства Воровского — Полунин был при нем бессменным, прославившимся своими зверствами начальником контрразведки).

Эти “истинно русские люди” — барон Врангель, барон фон Миллер, фон Штейфон, фон Крейтер — и направляют политику армии, больше всего крича о своей тоске по кремлевским

святыням, о поруганной православной вере и о верности союзникам (французам, румынам и полякам) до конца.

Но “истинно русское настроение” не ограничивается генеральным штабом армии. Разветвление “патриотического” генерального штаба идет дальше. Военным представителем Врангеля во Франции является генерального штаба генерал Хольмсен (русской службы), а врангелевским агентом в Германии тоже “русский” — полковник генерального штаба фон Лампе со своими помощниками фон Гагманом и Каульбарсом. И только два импонирующих полякам военных представителя Врангеля в Сербии и Греции, генерал Невадовский и Потоцкий, вносят диссонанс в эту однородную и хорошо подобранную компанию.

Все эти истинно русские миллеры страшно религиозны и фанатически православны. Целый сонм попов, бежавших во Францию и Сербию, ревностно превозносят их святой порыв».

В этих условиях приходилось постоянно напоминать про воинский долг. Поэтому Врангель и поручил начальникам отделов РОВС как можно чаще собирать офицеров, для поддержания у них должного духа.

***

«Рыбаки» из иностранного отдела ГПУ могли по праву гордиться «уловом» в мутных водах эмиграции. Одна успешная операция сменяла другую. Были заманены в Россию Борис Савинков и Сидней Рейли, самые активные боевики ликвидированы, похищен председатель Русского общевойскового союза прямо в центре Парижа.

26 января 1930 года, в воскресенье, Александр Павлович вышел из дома и направился пешком в русскую церковь. Потом он планировал зайти в Галлиполийское собрание. Семья Куте-

пова ждала его к завтраку, но, генерал не пришел. Предположили, что он задержался. В три часа обеспокоенная жена послала денщика узнать о причине задержки генерала. Оказалось, что у галлиполийцев Кутепов в тот день не был. Полиция немедленно начала поиски генерала во всех больницах, моргах, полицейских участках.

Сразу нашлись и свидетели преступления. Один видел, как бешено сопротивлявшегося Кутепова заталкивали в машину. Другой — как дрался Александр Павлович с похитителями, пока не накинули ему на лицо платок с хлороформом. Судя по всему, это и стало причиной смерти председателя Русского общевойскового союза. У неоднократно раненого в боях генерала была отрицательная реакция на хлороформ, и даже его минимальная доза могла вызвать остановку сердца. Были и те, кто видел, как завернутое тело доставили на советский пароход «Спартак». Корабль немедленно взял курс в сторону Новороссийска.

Согласно данным, обнародованным ФСБ в середине 90-х годов, Александр Павлович Кутепов умер от сердечного приступа вскоре после того, как теплоход прошел Черноморские проливы в 100 милях от Новороссийска. Однако существует и еще одна версия, озвученная незадолго до смерти одним из старейших французских коммунистов Онелем. Его родной брат принимал участие в этой операции советской разведки. Именно он убил председателя Русского общевойскового союза, когда тот попытался оказать сопротивление. Это противоречило замыслу Москвы. Пришлось везти труп генерала в парижский пригород Леваллуа-Перре, где жил Онель. В гараже его дома вырыли яму, которую потом залили раствором цемента. Проверить эту версию сегодня невозможно. Место, где находился этот гараж, застроено современными многоэтажными домами.

Французская полиция, при всем своем желании, не могла освободить Кутепова. По международным законам, корабли являются частью государства, и вторжение на них может расцениваться как начало войны. А воевать с Советским Союзом, тем более из-за бывшего белогвардейского генерала, никто не хотел. Тем более что первое в мире государство рабочих и крестьян достаточно четко выразило свое отношение к происходящему. 3 февраля 1930 года газета «Известия» посвятила половину первой полосы истории с похищением генерала Кутепова: *«Эта нелепая история в излюбленном, бульварном, детективном жанре специально инсценирована с провокационной целью. “Таинственное исчезновение” Кутепова послужило сигналом для неслыханной по разнузданности кампании, направленной против СССР и советского полпредства. “Исчезновение” Кутепова изображается как дело рук “Чека”, агенты которой якобы “похитили” Кутепова среди бела дня на улицах Парижа.*

Есть достоверные сведения, исходящие из кругов, имеющих отношение к правым элементам, что виновниками исчезновения Кутепова являются сами белогвардейцы, а именно та часть русских белогвардейцев, которая добивалась отстранения Кутепова и замены его своим кандидатом.

Есть и прямые данные, указывающие на то, что Кутепов, отчаявшись в борьбе с этой частью белогвардейцев и не видя другого выхода, решил уйти с политической арены. Он 26 января выехал незаметно в одну из республик Южной Америки, взяв с собой солидную денежную сумму.

Продолжение французским правительством его тактики пассивности и потворства и косвенного поощрения хулиганской кампании науськивания на дипломатическое представительство Советского Союза невольно создает впечатление,

что правительство поддается на провокацию русской бело-гвардейщины и следует ее указке.

Мы вынуждены были со всей серьезностью поставить перед правительством вопрос: предпочитает ли французское правительство сохранению дипломатических отношений с правительством Советского Союза сотрудничество с бело-гвардейской эмиграцией? Совершенно очевидно, что нормальные дипломатические отношения несовместимы с такими фактами».

Уже потом, спустя многие годы, стали известны подробности: операцию проводила группа, которой руководил лично начальник I отделения ИНО ОГПУ Яков Серебрянский, награжденный за это впоследствии орденом Красного Знамени. Ему удалось не только на время нейтрализовать РОВС, но и сорвать заброску десанта на Кубань, который генерал намеревался возглавить лично. По некоторым данным, предполагалось участие до 4 тыс. офицеров. После похищения Кутепова обсуждение планов нового похода прекратилось.

Передать чувства, охватившие тогда русскую эмиграцию, я не возьмусь. Лучше Евгения Карловича Миллера об этом все равно не скажешь: *«Русская эмиграция закипела негодованием, жаждою мести, желанием принести какие угодно жертвы, лишь бы вырвать генерала Кутепова из рук преступников. Частное расследование в течение многих месяцев работало с полным напряжением сил в помощь официальному французскому следствию, и за все это время широкой рекой текли в Комитет пожертвования со всех концов земли: и бедные, и богатые вносили свою лепту, ибо все поняли, кого они лишились; каждый лелеял надежду, что Кутепов жив, что его найдут, что он вернется к нам; не угасала и вера, что для французского правительства вопрос чести найти и покарать преступни-*

ков, покусившихся на того, кому Франция оказала гостеприимство.

Увы, проходили дни, недели, месяцы... Наше расследование дало много ценных указаний французским властям, но... сообщения "дипломатической неприкосновенности" ставили препятствия перед следствием.

Жестоко карает судьба русский народ, соблазненный большевиками. Велики его страдания и муки. Судьба безжалостно вырывает и из наших рядов всех тех, кому эмиграция верила и кому мог поверить русский народ. Не прошло и года со дня безвременной, в расцвете лет и сил кончины Врангеля, как скончался Великий князь Николай Николаевич, а через год большевики похитили Кутепова...»

***

В 1978 году неожиданно для всех появилось новое свидетельство по делу о похищении генерала Кутепова. Выходивший в Нью-Йорке «Новый журнал» напечатал статью доктора Зернова, жившего в то время в Париже и знавшего лично многих лидеров Белого движения. Автор обвинил в работе на советскую разведку генерала Штейфона. Заявление произвело эффект разорвавшейся бомбы.

Борис Александрович Штейфон родился в 1881 году в Харькове в семье крещеного еврея. (Немного забегаая вперед: в 1942 году вошедших в город нацистов интересовало, подпадает ли генерал вермахта под действие Нюрнбергских расовых законов. Исследованием метрических книг было установлено, что подпадает, поскольку отцом Бориса Александровича был еврей-цеховой, а мать — дочь православного диакона. Однако на карьере командира Русского корпуса на Балканах этот факт не отразился.)

Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Награжден орденами Святой Анны 3-й и 4-й степеней, Святого Станислава 2-й и 3-й степеней и Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба.

После большевистского переворота вернулся в родной Харьков. Обладая большим авторитетом среди военных, сумел собрать и объединить местных офицеров, организовать и возглавить первое белогвардейское подполье, названное впоследствии его именем — «Центр полковника Штейфона». Накануне восстания Петлюры и занятия Харькова запорожцами Борис Александрович отправил на юг последнюю группу в 800 человек и с большим риском для жизни прибыл в штаб Добровольческой армии в Екатеринодаре...

В дальнейшем был командиром Белозерского пехотного полка, участвовал в Бредовском походе, был комендантом галлиполийского лагеря. В эмиграции жил в Сербии, занимался научной и преподавательской деятельностью, опубликовал ряд работ по истории военного искусства, получил звание профессора. Накануне Второй мировой войны он считался известнейшим в эмиграции публицистом, историком и военным теоретиком. В одной из своих книг пророчески писал: *«Россия уже пережила небывалые потрясения, а ко времени своего возрождения переживет их еще больше. И когда наша Родина приступит к своему устройству, она будет так бедна, что уже не сможет позволить себе роскоши ошибаться. Поэтому мы должны всегда помнить ошибки прошлого, дабы избежать их повторения в будущем».*

В годы Второй мировой войны возглавил Русский корпус на Балканах. Скоропостижно скончался 30 апреля 1945 года.

И вот этого человека обвинили в предательстве. Какие же факты были на руках у Зернова?

Якобы в начале января 1930 года Штейфон тайно прибыл в Париж из России, чтобы найти деньги на функционирование мощной антибольшевистской организации, деятельность которой на Родине широко развивается. Генерал просил сестру Зернова указать ему лиц, могущих сделать крупные пожертвования и помочь ему организовать с ними встречи. Желая помочь Штейфону, та обратилась к хорошо знакомому ей С.В. Рахманинову, дававшему тогда концерты в Европе. Тот, желая содействовать борьбе с большевиками, обещал материальную помощь, и встреча была назначена на первую половину февраля.

26 января должен был состояться бал Московского землячества. Штейфон идти на него не собирался. Однако накануне решил все-таки проведать русских парижан. Ему зарезервировали столик, но на балу он так и не появился. А спустя несколько часов пришло шокирующее известие — пропал Александр Павлович Кутепов.

Вот и первая неточность Зернова. Со слов генерала Миллера известно, что по просьбе французских властей, в целях облегчения следствия, исчезновение главы РОВС хранилось в тайне. И только к вечеру второго дня, в понедельник вечером, по Парижу поползли слухи, а уже во вторник ужасная весть облетела все русское зарубежье. Скорее всего, автор разоблачений узнал о похищении Кутепова непосредственно от самого Штейфона. Но Зернов тут же делает поправку на то, что спустя столько лет ему, уже пожилому человеку, трудно вспомнить все детали. Но все самое интересное только начинается. *«На следующий день, в понедельник, Штейфон зашел к нам. Конечно, разговор сразу коснулся похищения Кутепова. Генерал расска-*

зал, что он собирался быть на балу, но утром зашел к генеральше Кутеповой, заговорился с ней, а потом, когда она начала беспокоиться запозданием мужа, он стал ее успокаивать, уверенный, что генерал где-то задержался, и таким образом провел у нее большую часть дня. Вместо того, чтобы поднять тревогу и немедленно известить кого следует об отсутствии Александра Павловича, Штейфон успокаивал обеспокоенную и страшно взволнованную ужасным предчувствием жену генерала».

А вот этого быть уже не могло вовсе. И вот почему: если бы здесь шла речь о похищении генерала Миллера, то тогда действительно можно было бы с полным правом упрекнуть кого-нибудь в «медлительности», ибо до его исчезновения был уже трагический прецедент с похищением генерала Кутепова. В данном же случае, хотя все и знали тогда о ненависти большевиков к руководителю Русского общевойскового союза, но именно такого рода преступление совершалось ими впервые. Это первое. То, что Штейфону удавалось успокаивать жену Кутепова, ни в коем случае не может быть поставлено ему в упрек. Наоборот. То же самое пытался бы делать любой порядочный и воспитанный человек, а тем более начальник штаба ее мужа и его близкий друг. Это, стало быть, второе.

Но Зернову до этого дела не было. И он, словно заправский прокурор, вынес вердикт: *«Теперь, через 48 лет, можно ли ответить на вопрос: кто был предатель? Кого встретил Кутепов около 11 часов утра 26 января 1930 года на углу улицы Севр и бульвара Инвалидов? Мы знаем только одно, что Штейфон в это же время был там, совсем близко, в двух шагах; не он ли провел Кутепова по бульвару Инвалидов до улицы Удино?»*

Через несколько дней Штейфон позвонил моей сестре по телефону и сообщил, что возвращается в Югославию. Встре-

ча с Рахманиновым отменена. Его отъезд показался нам странным. Мы обратились к генералу Шатилову, одному из главных деятелей общевойскового союза. Он заверил нас, что генерал Штейфон никогда в Россию не ездил. Мы обратились к Бурцеву, ведущему от себя расследование по делу Кутепова. Он заявил нам, что, по его данным, Штейфон является одним из участников похищения».

Давайте разбираться. Тут должно быть что-то одно: или генерал Штейфон провел большую часть этого рокового утра и дня у жены Александра Павловича, или же встретив генерала Кутепова на углу улицы Севр, и по бульвару Инвалидов провел его до улицы Удино, где его и похитили. Одновременно это делать не под силу никому.

То, что Штейфон был в то утро в доме у Кутепова, подтверждал денщик генерала Федор, соответственно, заталкивать Александра Павловича в машину Борис Александрович не мог.

Я специально перечитал воспоминания почти ста человек, лично знавших Штейфона или служивших с ним. И ни у кого, повторяю, ни у кого не встретил даже косвенных подтверждений этой невероятной версии. А ведь у генерала были недоброжелатели, и немало! Да что там говорить, если и сам Зернов в конце своей разоблачительной статьи признался: *«Во всех сообщениях о похищении Кутепова имя Штейфона не упоминается»*. На этом можно и поставить точку, если бы не одно «но». Спустя три года в Париже вышла книга «Генерал умрет в полночь» о похищениях Кутепова и Миллера. Автор — дочь генерала Деникина Мария Антоновна. Ее исследование до сих пор пользуется огромной популярностью не только во Франции, но и в современной России. Несколько лет назад я получил письмо от председателя объединения Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка Владимира Николаевича Грекова: *«Неудач-*

ный труд Марины Грей-Деникиной очень сильно поддерживает обвинения против генерала Штейфона и страстно поносит генерала Шатилова». Но, опять же, без доказательств. Всё на уровне «одна гражданка видела»...

Правоту моих заключений подтвердил и известный российский специалист по Белому движению, доктор исторических наук Василий Жанович Цветков. В письме он отмечал: *«Вероятность того, что генерал Штейфон был причастен к советской разведке, равна, по всем имеющимся о нем сведениям, 0,0 %. Почему же возникла “легенда”? 1. Пресловутые конспирологически-параноидальные теории, коих, увы, не чужда была часть эмиграции, особенно в 1940—1970-е гг. Плоды их наши искатели “жидо-масонского” следа обсуждают до сих пор. Раз Штейфон из семьи крещеных евреев — значит, как говорится, “все ясно”. 2. Нескрываемые монархические симпатии Штейфона, неоднократно высказываемые, очень тесное сотрудничество с графом Келлером (на период пребывания графа в Харькове), сведения о причастности к тайной (она действительно была, это, вряд ли, “догадка” покойного Бортневского) монархической группе в Добровольческой армии (в нее входили, помимо него, Кутепов и Витковский), имевшей выходы на кисловодские центры правых (Союз РНО Безака, Нечволодова и Батюшина и др.). Деникин и Романовский знали о ней и особых симпатий не испытывали (к тому же контрразведка в своих донесениях не скупилась на преувеличение их влияния в армии). Для Штейфона Деникин — классический либерал, со всеми достоинствами, но и с не меньшими недостатками. Отсюда очевидно негативное отношение дочери Деникина к Штейфону. Плюс к тому — определенное германофильство, что в Добровольческой армии не “приветствовало”. 3. Штейфон, насколько известно его поведение и оцен-*

ки, всегда был “одиночкой”. Он никому не доверял на 100%, всегда продумывал несколько вариантов того или иного своего решения. Поэтому со стороны мог казаться “не достаточно искренним”. “Водки не пил”, “матом не ругался”, поэтому и был “не свой”. Очень хорошая подготовка в Генштабе, опыт разведки и контрразведки (еще по Кавказскому фронту в штабе Юденича) — “слишком умный”. Прекрасное знакомство с организацией подполья (Харьковский центр под его руководством пережил и большевиков, и гетмана, и Петлюру). Но в “Ледяном походе” не участвовал — значит тоже, вроде как, не принадлежит к “элите”. Даже строевая должность — командира Белозерского полка многими воспринималась как стремление к “самоутверждению”. Но, при всем при этом, в своих воспоминаниях предельно корректен и сдержан. Никогда не выносит категорических вердиктов (даже в отношении, например, Май-Маевского, на котором только ленивый “не оттоптался” в качестве примера “почему Белые проиграли” (причем и левые и правые)). Интригами не занимался, а предпочитал “держаться в стороне”. Но, при всем, при этом, категорическое неприятие большевизма, ни малейшего даже намека на “сменовеховство” и “возвращенство”. Категорическая неприязнь, например, “успехов социализма в годы первых пятилеток”. А, следуя классической теории “вербовки” (см. например, С.С. Турло, И.П. Залдат “Шпионаж”), агентов нужно искать среди сомневающих и колеблющихся. После Болгарии от активной работы в РОВСе он отошел, жил в СХС, в Париж приезжал крайне редко, кутеповские надежды на “сотрудничество с Тухачевским” откровенно не поддерживал и неоднократно указывал Кутепову на его элементарную безграмотность в разведке и конспирации. При всем при этом его отношение к Кутепову — очень почтительное...»

Оценивая итоги операций ГПУ против белой эмиграции, необходимо признать: они были проведены блестяще. Савинков — ас подпольной работы, действовавший на этом фронте больше 20 лет. На его счету убийство Плеве и великого князя, дискредитация «корниловщины», подготовка убийства Ленина, Ярославское восстание, организация походов отрядов Булак-Балаховича... Сидней Рейли на тот момент был шпионом номер один в мире. Генералы Кутепов и Врангель с идеализмом расстались еще в Русско-японскую войну. Политические лидеры эмиграции не производили впечатления умственно неполноценных, а члены боевой организации — сплошь боевые офицеры. Как же удавалось чекистам, обладавшим минимальным профессиональным опытом, выходить постоянными победителями в этих психологических дуэлях?

Однозначно прав был Борис Савинков, написавший в самый разгар операции «Трест» статью с символическим названием «В мире самодельных иллюзий». Но еще более правым оказался Иван Лукьянович Солоневич: *«У нас после гибели Николая Второго погибли: Милюков, Керенский, Троцкий, Бухарин и еще несколько сотен столь же талантливых людей. И мы вместе с Милюковым, Керенским, Троцким, Бухариным и еще несколькими сотнями столь же умных людей тоже катимся со ступеньки на ступеньку.»*

Задача объединения всей разумной части эмиграции заключается в ее объединении против всякого тоталитарного режима — режима ВКП(б) или ХУ — это совершенно безразлично. Задача всякого разумного русского человека заключается в том, чтобы смотреть в лицо фактам, а не в рожу — галлюцинациям. Сговориться мы можем только относительно фактов — пусть с оговорками, разницей в оценках и оттенках. Но нет никакой возможности сговориться о галлюцинациях —

тех вариантах невыразимого будущего, каких еще никогда не было, какие ни на каком языке действительно не выразимы никак.

Давно забытый Автор сказал нам: “Берегитесь волков в овечьих шкурах — по делам их узнаете их”. Сравните то, что нам обещали овечьи шкуры и сто, и пятьдесят, и тридцать, и десять лет тому назад — со всем тем, что сейчас реализовано и во Франции, и в России, и в Германии. Не верьте никаким обещаниям. Не стройте никаких галлюцинаций. Не слушайте никаких философов ни с какими писаными торбами: в этих торбах ничего, кроме спирохетов, нет».

Умри, а точнее про русскую эмиграцию и не скажешь. Все жили в каком-то своем мире, который не имел ничего общего с реальностью. Достаточно привести лишь один пример: однажды на собрание РОВС, где жарко обсуждался вопрос, что будет после свержения в России большевиков, зашел один из «его сиятельств». Разумеется, поручики и штабс-капитаны попросили и его выступить, всем хотелось услышать авторитетное мнение. Так вот, они были крайне удивлены, услышав: «Эх, молодые люди! Ну что тут вам непонятного. Вот я, положим, был губернатором. Последний мой приказ в 1917 году имел номер, скажем, 428. Так вот, когда я вернусь на Родину, напишу указ № 429 и все вопросы отпадут сами собой». Такая оценка была характерной для эмиграции. Не случайны слова, сказанные генералом Красновым: «Россия, ведущая свое основание от февраля 1917 года — не Россия, а Русская армия, базирующаяся на опыте гражданской войны, — никуда не годная армия. Строить Россию придется на старом фундаменте. Киев, Новгород, Москва, Санкт-Петербург — вот краеугольные камни этого фундамента, и на иных ничего путного не построишь».

Пожелание как можно более активно вести подобные разговоры исходило из Москвы. Разумеется, не напрямую. Но поскольку эти мысли полностью соответствовали духу зарубежья, их и претворяли в жизнь. Доходило даже до того, что самые горячие головы считали, что в армию обновленной России польза будет привлекать генералов из РОВС. Чекисты могли быть довольны.

* * *

Начало активной работы «Внутренней линии» нужно вести с 19 ноября 1929 года, когда в Париж приехал один из лидеров организации капитан Закржевский. В письме к нему Фосс давал инструкции, что нужно будет делать: *«С получением сего явиться к П.Н.Ш. (Шатилов. — А.Г.), предъявить ему ваши документы и мое письмо, доложив ему обо всем. Лучше это сделать вечером, после семи часов. О вашем свидании никому (понимаете) не должно быть известно. Ваша задача вам будет объяснена. Все будет зависеть от вашего умения молчать и от ловкости в работе. О результате и ходе дела в дальнейшем в пределах возможности держите меня в курсе».*

У Закржевского была идеальная профессия для разведчика — руководитель небольшого оркестра, который выступал на многочисленных русских праздниках. На одном из них он познакомился со Скоблиным, и генерал помог однополчанину — с тех пор Закржевский часто аккомпанировал Плевицкой. А это значило, что он получает доступ во все слои общества.

В огромном стенном шкафу квартиры Закржевского хранилась картотека на многих видных эмигрантов. Учитывались все антибольшевистские лидеры, особое внимание уделялось всевозможным компрометирующим данным. Тут можно было найти адреса многих чинов Русского общевойскового союза.

И это не говоря уже о сведениях о его работе, принадлежности к той или иной политической или общественной организации. И самое главное — необходим он «Внутренней линии» или нет. База данных не ограничивалась Болгарией и Францией. В ней были сведения и о тех, кто проживал в Бельгии, Люксембурге и Германии.

Выполняя инструкции «Внутренней линии», Закржевский все свои письма подписывал «Дмитриев». Впрочем, иной раз в этом и не было особой необходимости. Работал он всегда под прикрытием. Журналист Левицкий ездил по разным городам Франции, читая доклады о жизни в СССР. С ним всегда был Закржевский. Внимательно следил за реакцией зала, потом встречался со своими доверенными лицами и указывал им, кого можно привлечь в ряды тайного ордена. Спустя некоторое время он лично встречался с неопитами «Внутренней линии» и брал с них обязательство хранить тайну организации. После 18 месяцев работы была образована разветвленная сеть агенты по всей Франции.

***

Осенью 1932 года в управление Русского общевойскового союза пришли неожиданные гости. Член редколлегии газеты «Правда» журналист газеты Михаил Кольцов решил взять интервью у самых отпетых врагов советской власти, от каждого слова которых должна была холодеть кровь у всего пролетариата. Миллер был в отъезде, поэтому отвечать на вопросы пришлось генералу Шатилову. Это было уникальное интервью, возможно, не имеющее аналогов в истории. Барону Врангелю такое не могло привидеться и в кошмарном сне: на рю дю Колизе убежденный коммунист за чашкой кофе беседует с начальником его штаба, самым что ни на есть подлым врагом трудового народа.

21 сентября читатели газеты «Правда» были поражены, увидев огромную статью «В норе у зверя». Разумеется, с комментариями ОГПУ, но эффект от этого меньше не стал. Вылив очередную тонну помоев на всю «буржуазно-монархическую пушперу», Кольцов противопоставил двух генералов: Миллера и Шатилова.

Та статья поразила всю русскую эмиграцию. Миллер был представлен как самый бесцветный и дипломатичный из генералов РОВС и не шел ни в какое сравнение с «мозгом и руками военной и воинствующей зарубежной контрреволюции». Рядом с Шатиловым находятся и настоящие лидеры, несгибаемые бойцы вроде Абрамова, и наше счастье, дорогие товарищи, что в РОВС такой никудышный председатель. Вот если бы на его месте стоял *«активнейший деятель гражданской войны, который командовал большими соединениями, а главное был ближайшим соратником, личным другом и несменяемым начальником штаба Врангеля»*, то всем бы рабочим и крестьянам пришлось очень трудно.

Последний абзац той статьи гласил: *«Генерал Шатилов, прекрасно подготовленный, с большим военным опытом, великолепно разбивавшийся в обстановке, отличался к тому же выдающейся храбростью и большой инициативой. А сегодня он должен терзаться бессильными судорогами честолюбия в обществе выживших из ума старичков»*.

Сегодня, 80 лет спустя, читая это интервью, трудно не согласиться с Иваном Лукьяновичем Солоневичем: *«Белая мечта гражданской войны до сих пор не выросла в Белую идею — я уже не говорю о Белой программе. Азбучная истина о том, что зарубежный офицер должен быть грамотным политически, сейчас поддерживается даже Архангельским. Однако в течение двадцати лет для реализации этой азбучной истины*

не было сделано абсолютно ничего. Зарубежный офицер искусственно удерживался на политическом уровне довоенного портупей-юнкера и воспитанницы Смольного института. Я писал и пишу еще раз: политическое обучение вне определенной политической программы есть совершеннейший вздор. Что вы будете изучать? Аргументацию марксизма или аргументацию монархизма? Теорию антисемитизма или заповеди масонства? И к чему будет звать это изучение? Но даже и не в том дело. Дело в том, что, ежели организация соглашается работать только в том случае, когда она уже в порядке общественного скандала поставлена в безвыходное положение и только скрепя сердце уступает очевиднейшей необходимости, — с такой организацией работать нельзя. Вся энергия будет уходить не на движение вперед, а на преодоление всяческого трения, сопротивления, косности и тормозов. Политической работы вести оказалось нельзя».

***

Приход Гитлера к власти в Германии в 1933 году и его лютая ненависть к коммунизму дали большинству эмигрантов надежду, что «новый Кубанский поход» все же состоится. Хотя руководство РОВС многое смущало в новом канцлере Германии. Уже 25 марта генерал Миллер писал генералу фон Лампе: *«Мне только одно непонятно, почему партия Гитлера носит название национал-СОЦИАЛИСТОВ (выделено в тексте. — А.Г). Я бы понял название национал-демократов или национал-либералов, но при чем тут социализм, когда именно социализму объявлена самая беспощадная война? Но это конечно в данную минуту уже не важно, когда определилась в отношении социализма отрицательная сущность партии».*

И все же надежда на новый поход против большевиков в те дни вновь ожила в сердцах белых офицеров. В этих условиях Шатилов с утроенной энергией взялся за дело. Неожиданно для многих его имя стало ассоциироваться со всей военной эмиграцией. Чины Русского общевойскового союза произносили фамилию ближайшего соратника Врангеля с трепетом. С ним, и только с ним, связывали они крах ненавистного им большевизма. Но были и те, кто считал иначе. Офицеры, не состоявшие в РОВС, устроили неожиданный демарш. Была в Париже газета «Единый фронт». Издавал ее старший лейтенант Черноморского флота Павлов. Внимательно проанализировав, как сказали бы сегодня, пиар-компанию «символа всего Белого движения» он в весьма резких выражениях обвинил его в намеренно неправильном руководстве войсками в Крыму. Но и это еще не все. Павлов договорился до того, что Шатилов, дескать, вел сепаратные переговоры с Троцким, мечтая отдать красным Врангеля, в обмен на возможность эвакуировать армию, чтобы потом возглавить ее. Из номера в номер публиковались статьи, названия которых говорят сами за себя: «Черные маршалы серого возглавителя», «Долой Шатилова», «Судите Шатилова сами». Досталось и председателю РОВС. Генерал Миллер был обвинен в бегстве из Архангельска, предательской сдаче Северной области и вверенных ему войск в феврале 1920 года.

Высказывая критику в адрес всего Русского общевойскового союза, «Единый фронт» выдвинул идею проведения съезда РОВС со следующей программой:

1. Персонально обсудить фигуру главнокомандующего и председателя союза.
2. Создать при нем совет, чтобы подготовить всевоинский съезд для выработки единомыслия, чтобы помочь России и

друг другу и решить, что делать в случае непредвиденных катастроф.

3. Организовать для желающих добровольные курсы политической грамотности и социальных наук.

4. Войти в общение с достойными уважения русскими общественными организациями и французскими благотворительными обществами, чтобы снять или построить в Париже бараки для русских безработных, снабдить их топливом и походными кухнями. Открыть питательные пункты — столовые и кооперативные лавки. Получить 1—2 деревни на юго-западе Франции, которые покинуты населением.

Почин Павлова был немедленно подхвачен генералами Махровым и Мельницким, которые в статье «Добровольцы и их вожди» в еще более резких выражениях обвинили идеолога «Внутренней линии» в измене всей России в целом и Белому движению в частности.

Разразился страшный скандал. Стремясь защитить честь всех руководителей Русского общевойскового союза, генерал Витковский вызвал на дуэль Махрова. Шатилов тоже не остался в стороне и послал секундантов к Мельницкому. Экстренно собравшиеся чины Марковского полка постановили, что если Витковский или Шатилов будут убиты на этих поединках чести, вставить на их место у барьера до полной сатисфакции.

Махров от поединка уклонился, под предлогом того, что Витковский тут вообще ни при чем и не стоит ему лезть не в свое дело. Если у Шатилова есть к нему какие-то претензии, то он готов ответить за любое написанное им слово: *«На фронте 8-й армии, где я его знал, он обнаружил свою ловкость в получении наград. Шатилову удалось, отправившись на русско-японскую войну, вместо фронта устроиться в конвойную сотню Главнокомандующего Русской армией в Маньчжурии*

генерала Линевича, в которой и не участвуя в боях ухитрился получить все боевые награды, в том числе и Георгиевский офицерский крест.

Возникает вопрос, как начальник штаба 8-й армии в Великую войну мог вторично представить его к награждению Георгиевским офицерским крестом, которым он уже был награжден в русско-японскую войну? Шатилов надеялся, что это представление получит ход и что ему заменят эту награду какой-либо другой по Высшему повелению. Однако начальник штаба 8-й армии генерал Ломновский это представление отклонил, после чего Шатилов перевелся на Кавказский фронт. В Белую армию Шатилов приехал генералом, украшенным двумя Георгиевскими офицерскими крестами, что удивило всех генералов Генерального штаба».

Но Шатилову было в тот момент не до Махрова с его воспоминаниями. Мельницкий вызов принял. 3 июня секунданты Шатилова, одним из которых был генерал Скоблин (он впервые появляется в орбите «Внутренней линии») договорились со своими «коллегами» об условиях поединка чести — дуэль-ные пистолеты, минимальное расстояние — пятнадцать шагов.

А вот тут-то в дело вмешался офицерский суд чести Русского общевойскового союза. Его члены стали активно обрабатывать Мельницкого, чтобы он отказался от дуэли. Дескать, для всего русского офицерства чудовищно трудно наблюдать за поединком между двумя генералами, жизни которых еще будут нужны освобожденной от большевиков России. В результате удалось достичь компромисса: письмо с извинениями, и Шатилов отзывает свой вызов.

В свою очередь генерал Миллер в приказе Русскому общевойскового союзу от 18 апреля 1933 года охарактеризовал публикации «Единого фронта» как пасквиль. Констатируя, что

старший лейтенант Павлов находится в отставке и его дело как гражданского лица не может быть рассмотрено офицерским судом чести «Военно-морского союза», генерал запрещал ему входить в учреждения РОВС, а чинам союза воспрещалось входить в сношения с ним.

* * *

Осенью 1933 года острота дискуссий вокруг фигуры Шатилова достигла апогея. Сам он в письмах соратникам серьезно размышлял о возможном уходе с поста начальника 1-го отдела союза, а также о желании самого Миллера снять его с должности для преодоления внутреннего кризиса в РОВС. Но Евгений Карлович на тот момент еще не принял окончательного решения о будущем ближайшего помощника барона Врангеля. С одной стороны, еще летом Миллер всерьез обдумывал возможность передачи Шатилову руководства всей активной борьбы против СССР вместо генерала Драгомирова. А с другой — до председателя РОВС постоянно доходили сведения, что Шатилов ведет против него интриги. В марте 1936 года в письме Абрамову Миллер недоуменно задал вопрос, почему отказавшись от руководства секретной службой еще в 1930 году, Шатилов спустя три года создал за спиной председателя РОВС тайную организацию, которая вносит дух разложения в союз. Не случайны слова генерала Стогова: *«Дрязги, путаница во всем и везде. Можно подумать, что люди точно нарочно перестали понимать друг друга даже в самых простых обыденных делах. Вавилонская башня какая-то. Говорили же в старину: “Гром не грянет, мужик не перекрестится”, а вот, кажется, гром не только грянул, но раскаты его продолжают, а мужик, да и барин — креститься еще не начали».*

У многих, допускаю, может сложиться превратное впечатление, что вся деятельность «Внутренней линии» сводилась исключительно к попыткам заменить Миллера Шатиловым. Это, безусловно, не так. Главная цель организации была власть в Русском общевойсковом союзе и возобновление вооруженной борьбы с большевиками. И не стоит также забывать о недопущении в ряды РОВС агентов ОГПУ.

Конечно, для успешной борьбы с большевиками РОВС должен был возглавить более деятельный генерал, нежели престарелый Миллер. Рискну высказать крамольную мысль — его устранение было в первую очередь невыгодно Москве, которая все же пошла на такой шаг в сентябре 1937 года в свете изменившейся международной обстановки. В НКВД прекрасно понимали, что следующим председателем союза станет какой-нибудь более активный враг Страны Советов. И все же решились на это. Решились, хотя и боялись белой эмиграции. Ведь уже потом, в марте 1941 года, Разведывательное управление Генерального штаба РККА требовало от своих резидентур уделять *«особое внимание пунктам расположения боевых формирований белой эмиграции, центрам военного обучения, их численности и организации»*.

Боялись белых армий. Ведь знали, что нет у СССР более непримиримого врага, готового хоть с чертом, но против коммунистов. Еще в 1933 году генерал фон Лампе писал председателю РОВС: *«Я и мои друзья предложили наше содействие в борьбе против коммунистов германской власти, я в последнее время вошел в частные переговоры с представителем соответствующего учреждения Германской Национал-Социалистической партии по вопросу о совместных действиях против большевиков»*.

В данный момент они выразили настоящее желание получить от нас по возможности разработанный план тех действий, которые мы предполагали бы желательным осуществить совместно с германскими национал-социалистами в направлении к уничтожению большевистской власти в России, как в направлении усиления при помощи немцев внутренней работы в России по всем направлениям, пока при сохранении полной тайны наших взаимоотношений с немцами, а потом и возможной интервенционной деятельности в широком масштабе уже даст Бог не в такой тайне».

Боялись белых армий. Ведь знали, что офицеры на чужбине живут одной лишь мыслью: продолжить борьбу. Вспомним, что говорил председатель РОВС Евгений Карлович Миллер: *«Православная вера, родина, семья — вот те три устоя, на которых русский народ строил свою жизнь, свое государство. И им советская власть, олицетворенная коммунистами, объявила беспощадную войну. В моей душе сейчас живут три чувства — безграничная ненависть к большевикам, правящим Россией, надежда, что мне придется участвовать в свержении их власти, и вера в грядущее возрождение России».*

Я не могу примириться с большевиками ни как с людьми, коммунистами, ни как с государственной властью в России, потому что нет ни одного вопроса морального, политического или экономического характера, как во взаимоотношениях людей между собой, так и в отношениях правительственной власти к населению и обратно, по которым взгляды, проводимые советской властью в жизнь, не стояли бы в полном противоречии с тем, чем жила Россия в течение веков и что привело ее к величию, славе и благосостоянию.

Вот почему я непримирим к советской власти. По этой же причине я считаю, что всякий русский эмигрант должен быть

непримирим к ней. Если же он ищет компромисса с ней, приспособляется к ней, то он не может называть себя русским эмигрантом: это звание в самом себе таит молчаливый обет бороться с советской властью. В противном случае эмигрант обращается в беженца, убежавшего из России лишь для спасения своей жизни.

С этой мыслью нужно утром вставать и вечером ложиться спать, с этой точки зрения нужно расценивать каждый свой шаг, каждое свое слово, принося в жертву главному и единственно важному все личное, второстепенное, партийное.

Никогда не делать того, что может порадовать общего врага. Все усилия против коммунизма, коммунистов и против коммунистической власти в Москве. Дисциплина и самоограничения ведут к победе».

Боялись белых армий. А ведь за пятнадцать лет большевикам удалось установить свою власть на всей территории бывшей Российской империи. Белые оказались рассеяны по всему свету. Интриги и скандалы сотрясали эмиграцию. И все равно «господ офицеров» боялись. И ведь было чего бояться, о чем совершенно справедливо напоминал Москве последний начальник штаба Корниловской ударной дивизии Генерального штаба полковник Месснер: «Мы в равной мере можем гордиться и трехлетней борьбой в России, и бескомпромиссной борьбой за рубежом. Там ни смертельная опасность, ни ранения не удерживали нас от выполнения воинского долга. Здесь нас от выполнения воинского долга не отвлекают ни соблазн уйти в бытовое благополучие, ни сиреноподобные зовы возвращаться на Родину, ни политические интриги, ни явные и тайные угрозы врага, ни почетная, на полях сражений приобретенная инвалидность, ни самый страшный из недугов —

старость. Мы не идем в атаку на пулеметы, мы не рвем под огнем вражеские проволочные заграждения, мы не рубимся в кавалерийских схватках. Но мы каждодневно в беседах атакуем пулеметы красной агитации; мы рвем проволочные заграждения коммунистической лжи и тем открываем путь правде; мы рубимся острыми аргументами в словесных схватках с красномыслящими. И мы крепчайшим строем, неодолимым каре обороняем наши святыни. История не знает чуда, подобному нашему: быть без государства, то есть без территории и власти, и оставаться государственным воинством; быть распыленными по всему миру и не утратить воинской спайки; быть на гражданском положении и не лишиться воинского духа; быть без воинской организации и оставаться армией, в которой полки и дивизии заменены союзами воинского характера; быть вне России и оставаться полными готовности, полными желания во всеоружии (оружие или оружие-слово) вновь стать под боевое знамя с песней: "Снова мы в бой пойдем за Русь Святую!"»

И ведь прав был Евгений Эдуардович. Было чего бояться. 22 июня 1941 года активная часть русской эмиграции вступила в бой. Вот короткий отрывок из сообщения НКВД СССР № 2926/Б в ГКО об аресте группы агентов германской разведки, переброшенной через линию фронта в район Валдая. 29 ноября 1941 года: *«В качестве агентов-разведчиков группа Хофмайера использует участников различных контрреволюционных, белогвардейских организаций, выходцев из семей бывших дворян, которые завербованы в странах, оккупированных немцами. Значительная часть немецкой агентуры майора Хофмайера состоит из числа окончивших Белградский кадетский корпус или университет (выделено мной. — А.Г.), в совершенстве владеющих русским языком».*

Выполняя распоряжение генерала Миллера, Николай Владимирович Скоблин посещал группы чинов РОВС в тех странах, где гастролировала его жена. Чаще всего им удавалось бывать в Софии. В столице Болгарии Плевицкую особенно любили, устраивая долгую овацию после каждого концерта. Сам главный корниловец на них не ходил. Пользуясь тем, что большинство эмигрантов со слезами на глазах слушали «Замело тебя снегом, Россия», он проводил долгие переговоры с одним из основателей «Внутренней линии» капитаном Фоссом. Потом они вместе приходили на собрание Корниловского полкового объединения. В среде старых боевых соратников Скоблин преобладал. От меланхоличного директора певицы в эти вечера не оставалось и следа. Перед ударниками выступал волевой и властный человек, за которым хотелось идти и которому они верили безоговорочно.

Николай Владимирович энергично внедрял в родном полку идею офицерской элиты, которая обязана быть в первых рядах «Внутренней линии». Он делал это с таким энтузиазмом, что многие верили: их генерал — мозговой центр тайной организации. Что же внушал своим однополчанам Николай Владимирович? *«Совершенно необходимым внутри нашего союза создать вторую высшую ступень для немногих поначалу, которая могла бы быть костяком для ставшего дряблым тела союза. Выражаясь грубо большевистским языком, это ГПУ внутри компартии. Если сравнить членов Русского общевойскового союза с коммунистами, то мы, члены внутренней организации, являемся в отношении их чем-то вроде чекистов. Не пугайтесь слов, приведенных здесь только для пояснения. Когда мы вырастем и охватим весь союз, отбросив из него все ненужное и дряблое, все колеблющееся и не*

наше, тогда мы будем реальной силой, которая будет играть решающую роль в жизни самого союза, так и вне его — и в эмиграции, и в СССР».

К ужасу некоторых корниловцев, «ненужным и дряблым» оказался один из старейших ударников, первопоходник, бывший в охране вдовствующей императрицы полковник Левитов. За отказ вступить во «Внутреннюю линию» он был исключен Скоблиным из полкового объединения. (В 1937 году, после таинственного исчезновения Николая Владимировича, Левитов будет восстановлен в родном полку. Однако о тех событиях он предпочитал никогда не вспоминать. Даже в своих мемуарах, выпущенных спустя почти 40 лет, он ни словом не обмолвился о причинах исключения. Словно и не было такового никогда. А ведь рассказать ему было что. Вместо этого он ограничился пассажем: *«Многочисленная эмиграция все ожидала падения диктатуры большевиков на Родине и позабыла про свои обязанности бдительности за работой противника. Большевики этим воспользовались, и 23 сентября 1937 года ими снова было произведено похищение, жертвой которого стал на этот раз генерал Миллер. Для Объединения корниловцев это было двойным ударом: помимо самого факта похищения генерала Миллера, пало подозрение на возглавляющего Объединение генерала Скоблина, которого старшие офицеры РОВС пригласили дать свои показания в комиссариате полиции, но он уклонился от этого бегством. Его жена, бывшая певица Надежда Васильевна Плевицкая, была по этому делу осуждена французским судом на двадцать лет каторжных работ.*

Последствия поступка Скоблина и Надежды Васильевны Плевицкой для Объединения чинов Корниловского ударного полка были очень тяжелы, помимо чисто моральных переживаний, еще и оттого, что возглавляющим Объединение был

назначен бывший тогда в Болгарии полковник Кондратьев, прибывший во 2-й Корниловский ударный полк во время окончания боев в Крыму из Египта, и был зачислен в полк только в Галлиполи, где был фельдфебелем 5-й роты. Послужного списка его я не видел, но он был, по его словам, георгиевским кавалером. В войну 1941—1945 годов он боролся с большевиками в Сербии, где, будучи смертельно ранен и умирая, просил передать корниловцам, что он «умирает за полк». Но, несмотря на это, и помимо него кандидатами на пост возглавляющего тогда могли быть из числа старых корниловцев: командир 1-го Корниловского ударного полка полковник Гордеенко, командир 2-го полка полковник Левитов... Но тогда почему-то они этого назначения не заслужили, хотя вины за собой по делу Скоблина не только не имели, но некоторые из них даже предупреждали начальство о его ненормальном поведении, но нам не верили».

Почему же Левитов промолчал? Могу лишь высказать свое предположение. Одним из неписаных законов Русского общевойскового союза было: «Сор из избы не выносим». Кавалер ордена Святого Николая Чудотворца, председатель парижского отделения Общества галлиполийцев не мог поступить иначе. Как бы ни было тяжело у него на душе, какая бы обида ни рывала сердце, он был человеком чести. Таких нынче уже почти нет.)

Миллер был в восторге от деятельности Скоблина. О том, что генерал использует эти поездки для вербовки неофитов «Внутренней линии», председатель Русского общевойскового союза даже не догадывался. Больше того, он назначил главного корниловца начальником группы чинов 1-го армейского корпуса в Париже. Это произошло в тот момент, когда в отставку был отправлен Шатилов.

Не председатель Русского общевойскового союза генерал Миллер был инициатором отставки Шатилова. События развивались сами собой. Начало опалы Шатилова было положено через несколько месяцев после несостоявшихся дуэлей.

В октябре 1933 года генерал Неводовский подал рапорт о выходе из РОВС. Он с горечью указывал на постоянные интриги Шатилова против «Объединения участников 1-го Кубанского, Степного и Дроздовского походов». Но и этого ему показалось явно мало, и неожиданно для всех он выразил глубочайшие сомнения в законности производства Шатилова в чин генерал-майора и в праве ношения им ордена Святого Георгия 3-й степени. Досталось и самому Миллеру. Неводовский сказал ему: *«Ваш предшественник, генерал Кутепов, считал Шатилова карьеристом, интриганом и негодяем. Почему же Вы слепо верите ему, и не доверяете походникам, людям кристальной чистоты?»* Председатель РОВС тогда промолчал...

Тут необходимы объяснения. Союз участников Первого Кубанского генерала Корнилова похода был создан в Югославии. Председателем главного правления стал генерал-лейтенант Казанович. Отделы функционировали в Югославии, Чехословакии, Болгарии, Польше, Греции и Франции (Союз Первопоходников). Однако перед 15-летним юбилеем основания Добровольческой армии и ее первых походов неожиданно для всех группой офицеров была предпринята попытка создания нового «Союза добровольцев». В РОВС обвинили во всем генерала Деникина. 9 ноября 1932 года бывший главнокомандующий Вооруженных сил Юга России отправил ответ Миллеру, в котором писал: *«РОВС, существованию которого я придаю большое значение в силу возможностей активной борьбы и в целях поддержания в моральном и материальном отношении*

заброшенного на чужбину воинства, переживает тяжелый кризис». Деникин отказался вмешиваться в историю с новым союзом, но обещал сообщить свою точку зрения его организаторам «в твердой уверенности, что они посчитаются с ней и не предпримут никаких шагов, которые могли бы подорвать существование РОВС».

30 апреля 1933 года Миллер направил в отделы Русского общевойскового союза специальный циркуляр № 380, в котором уведомлял, что в сентябре 1932 года в Париже без его разрешения и ведома был создан «Союз добровольцев», не входящий в состав РОВС. Новая организация преследовала те же цели, что и РОВС, почти полное совпадение демонстрировали и положения его устава. Он привлекал в свои ряды всех добровольцев, участников Белой борьбы на всех фронтах. Таким образом, «Союз добровольцев» представлял, по мнению генерала Миллера, организацию, как бы параллельную РОВС, но независимую от него. Больше того: в случае успешной деятельности «Союз добровольцев» мог бы переманить к себе многих чинов Русского общевойскового союза. Миллер запретил чинам РОВС входить в состав нового союза, а те, кто уже туда вступил, должны немедленно его покинуть или выйти из РОВС. В письме генералу Абрамову от 1 мая он добавлял, что генералу Неводовскому за создание сначала объединения, а потом «Союза Добровольцев» был объявлен строгий выговор председателем союза офицеров — участников войны генералом Эрдели.

Однако в личной переписке ближайших соратников Миллера — генералов Абрамова и Стогова высказываются весьма серьезные опасения в целесообразности подобного распоряжения председателя РОВС. Ведь за вновь сформированным «Союзом добровольцев» никаких славных дел не было, а запрет на членство в нем непременно породит интерес у чинов РОВС.

Миллер узнал об этом и в письме Абрамову от 25 мая подробно описывал ход событий вокруг «Союза добровольцев» и генерала Деникина, доказывая правомерность и необходимость своего приказа.

***

Заявление Неводовского произвело эффект разорвавшейся бомбы. Несколько месяцев весь русский Париж только и делал, что обсуждал Шатилова с его погонами и орденами. В полемику были втянуты все, взаимные оскорбления, подаваемые под видом сарказма, стали восприниматься как нечто само собой разумеющееся. В результате умудрились переругаться между собой даже члены «Общества первопоходников», последовали вызовы на дуэль, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Масло в огонь подлил председатель Союза кавалеров ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия генерал от кавалерии фон Кауфман-Туркестанский, который привел 25-ю статью статута как бесспорное доказательство: *«Удостоенный Думою к получению ордена Святого Георгия 3-й степени награждается оным не иначе, как с Высочайшего утверждения».*

Однако с этим не все было так просто, как хотелось бы недоброжелателям Шатилова. Генерал был представлен к ордену за отличие в боях у Битлиса. В тот момент государя императора уже не было, равно как и не было какой-либо верховной власти в стране. Поэтому совершенно естественно, что орден не был утвержден. Однако из этого вовсе не следовало, что Шатилов сам подделал представление к награждению.

Не остались в стороне от очередного громкого скандала в эмиграции и советские газеты. В одном из своих фельетонов Ильф и Петров писали: *«Идейные позиции подняты на неслыханную принципиальную высоту. Кипит борьба, печатаются*

сенсационные разоблачения. И потрясенные белые шоферы в волнении давят на парижских улицах ни в чем не повинных французских рантье.

А спор вот из-за чего.

“Последние новости” заявили, что генерал Шатилов никакой не генерал, а полковник и генеральский чин возложил на себя сам, без посторонней помощи.

“Возрождение” заволновалось. Это что же такое? Большевицкая самокритика?

Нет, генерал! И не сам на себя возложил, а на него возложили. И есть документы и свидетели. Но документов “Возрождение” почему-то не предъявило и свидетелей не показало.

В дело впутался Деникин: “Милостивый государь, господин редактор. Позвольте через посредство вашей уважаемой газеты...”

Одним словом, конечно, не генерал. Вылитый полковник.

Но “Возрождение” притащило какого-то своего бородача. Он весь был в лампасах, эполетах и ломбардных квитанциях на заложенные ордена. Глаза его светились голодным блеском. “Милостивый государь, господин редактор. Позвольте через посредство вашей уважаемой газеты...”

Лампасы утверждали, что своими глазами видели, как Шатилова производили в генералы. И они клялись, что это было волнующее зрелище. Даже солдатики, эти серые герои, якобы плакали и якобы говорили, что за таким генералом пойдут куда угодно, хоть в огонь, хоть в воду, хоть в медные музыкантские трубы.

Драка на кухне разгоралась.

— Не генерал, а полковник!

— Нет, не полковник, а генерал!

— Не только не генерал, но и георгиевский крест сам на себя возложил.

— Ничего подобного! Генерал — и с крестом!

— Нет! Без креста — и полковник!

— Сам полковник!

— От полковника слышу!

Приводили статуты, постановления георгиевской думы, приносили какие-то справки от воинских начальников, дышали гневом и божились. И об одном только забыли. Никаких статутов нет, и о георгиевской думе никто на свете не помнит, и чертовых воинских начальников не существует, и все вместе с клоунскими лампасами и эполетами — давно забытая и никому не нужная труха, дичь, многолетний сон.

Как ни различны идеалы борющихся сторон (Полковник! Нет, генерал!), тон у них совершенно одинаковый — жалобный и болезненно обидчивый. Ничто им на земле не мило, все им не нравится».

Миллер с грустью наблюдал за всеми этими событиями. Разумеется, как председатель Русского общевойскового союза, был обязан встать на защиту Шатилова. Это Евгений Карлович сделал. Но все чаще стал задумываться вечерами: что же происходит в РОВСе? Что значат все эти шушуканья и перешептыванья про ближайшего помощника Врангеля, который вынужден бездействовать? Что это за «Внутренняя линия»? Ясно, что это очередное тяжелое наследие кутеповских авантюр. Но как ее контролировать, если о ней толком ничего не известно? (Спустя несколько лет будет активно распространяться миф, что Е.К. Миллер в начале 30-х годов ничего не знал о «Внутренней линии»). Это неправда. Документы свидетельствуют об обратном. В то время Шатилов пытался наладить взаимодействие с контрразведкой РОВС. В этой связи он писал генералу Абра-

мову: «Я — сторонник централизации и полагал бы нужным усилить Глобачева такими работниками, как Закржевский. Нет ли препятствий с твоей стороны?» Другой вопрос, что Евгений Карлович считал, что работа отдела Глобачева должна стоять совершенно вне Русского общевойскового союза. В одном из писем он подчеркивал: «Лица, связанные с РОВС, не должны иметь никакого отношения и знать даже ничего не должны о конспиративной работе. Наша организация является совершенно открытой, законно зарегистрированной, все старшие ее чины известны местным властям. Естественно, самая мелкая наша конспиративная работа могла быть уловлена большевиками, они используют это для обвинений нашей организации в таких действиях, которые послужат поводом для репрессий».)

***

Евгений Карлович все больше склонялся к тому, чтобы подать в отставку, ибо разобраться в ситуации он не мог. Для большинства чинов Русского общевойскового союза он так и оставался чужим среди своих и мог опираться только на адмирала Кедрова и генерала Эрдели. Многие или явно поддерживали Шатилова, или в душе мечтали, чтобы Миллер освободил место председателя для ближайшего соратника барона Врангеля. (Интересно, что по результатам анкетирования, проведенного среди старших начальников РОВС с целью выявить достойного заместителя и преемника Миллера, Шатилов занял лишь четвертое место, уступив, и намного, Абрамову, Драгомирову и Кедрову.)

По крайней мере, нужно было отдохнуть от этого сумасшедшего дома, как и советовал ему знаменитый профессор Алексинский. Миллер еще долго колебался, но в результате принял

решение: он устал и на несколько месяцев просит освободить его от обязанностей председателя Русского общевойскового союза. На время своего лечения от переутомления возлагает исполнение обязанностей на своего первого заместителя — генерала Абрамова. В письме ему он отмечал: *«О легенде моего «сваления» (устранения. — А.Г.) я впервые услышал месяца полтора назад, но как Вы знаете, мысль о моем уходе, за несоответствием требованиям данного времени и данной обстановки, меня заботит уже года два. Прошлогодня же болезнь не прошла для меня незаметно и бесследно.*

Я был далеко от главного ядра Добровольческой армии, для которой я — человек чужой. Мне 66 лет — себя не переделаешь. Той волевой силы, активной, которая нужна сейчас и которая так определенно и ярко выявлялась у П.Н.В. (Врангеля. — А.Г.) и в достаточной мере имела у А.П. (Кутепова. — А.Г.), и которой не было достаточно у Великого Князя, у меня ее тоже недостаточно. И это может отразиться пагубно на всем нашем деле, если наступят события, позволяющие принять широкое участие в борьбе.

Есть люди, которые могут быть только на первых ролях, и тогда они блестящи, а вторых ролях они или невыносимы, или просто малоудовлетворительны. Таким был П.Н.В. (Врангель. — А.Г.); есть, наоборот люди, которые на вторых ролях могут быть хороши, и даже очень. И без лишней скромности скажу, что причисляю себя именно к хорошим. Но для первых ролей мне не хватает воли и вкуса к власти, личного честолюбия и потому и умения изображать из себя важную фигуру и т.п. Конечно, я сделал большую ошибку, что, зная себе цену вообще, 27 января 1930 года согласился, на основании какого-то эфемерного указания АП-ча (Кутепова. — А.Г.) о том, что я являюсь товарищем председателя РОВС, стать во главе РОВС.

Но не судите меня строго за это — в ту минуту отказаться, помимо некоторого смятения, которое это могло вызвать на несколько дней, ведь это было бы всеми понято, как трусость.

Не могу сказать, что совершил какой-то акт смелости, приняв после похищения генерала Кутепова должность председателя РОВС. Повторяю, сваливать меня незачем, об этом могут говорить только люди или злоумышленные, или совершенно не знающие ни меня, ни П.Н-ча (Шатилова. — А.Г.), но от сознания того, что я не удовлетворяю тем требованиям, даже скромно сформулированным, которые обстоятельства требуют от председателя РОВС, до настойчиво преследующей меня мысли о необходимости передать бразды правления более молодому и энергичному, более предприимчивому, немножко авантюристическому человеку всего один шаг».

Летом 1934 года РОВС вошел в финансовый кризис. Пустая казна требовала предельно сократить раздутый штат. Постоянные совещания с Абрамовым и Кедровым говорили лишь о том, что Миллер готовится передать дела.

В этот момент некоторые генералы белых армий предложили упразднить должность председателя, а создать совещание высших руководителей, которые коллегиально решали бы все вопросы. Журнал «Часовой», устами своего редактора Орехова, с радостью писал: *«Возникшая недавно мысль о военном совещании была встречена с большим удовлетворением значительной частью русского офицерства. Основание для этого — заявления ряда видных генералов и полученные нами письма от руководителей воинских организации и отдельных воинских чинов».* (Кстати, эта статья вызвала недовольство Шатилова, который заявил: *«Орехов подло изменил, переходит в ряды наших врагов и ведет нескрываемую агитацию, главным образом против Абрамова».*)

Однако Миллер, похоже, начал о чем-то догадываться. Он внезапно решил остаться на своем посту и даже перешел в наступление. Журналу «Часовой» он настоятельно посоветовал очистить помещение здания, занимаемого управлением Русского общевойскового союза.

В своем письме генералу фон Лампе Шатилов сетовал: *«Большинство старых генералов, так или иначе, действительно настроены против меня. Недоволен и Миллер. Хотя он этого и не высказывал мне прямо. Старых добрых отношений как не бывало. Ясно, что моя персона для Миллера стала поперек тому решению, которое он принял для передачи должности Абрамову. Совершенно ясно для меня, что Евгений Карлович сильно устал и хотел бы отойти. Сложившаяся обстановка и изменение ко мне отношения вынудили меня написать ему письмо, в котором я предлагал освободить меня от обязанностей начальника отдела. Вчера Миллер мне сказал, что он переговорил по поводу моего письма с Абрамовым, который ему заявил, что он не считает возможным принять временное председательствование Русским общевойсковым союзом, при условии моего ухода. На этом разговор был окончен, и, по желанию Абрамова, я пока что остаюсь».*

Отказ Абрамова, по мнению Евгения Карловича, означал, что Шатилов имеет непосредственное отношение к этой таинственной «Внутренней линии». Значит, отстранить его от должности просто так не получится. Придется подождать. Знал бы Миллер, что в конце того письма заметил Шатилов: *«Хочу теперь упомянуть, как я расцениваю сложившуюся для нас обстановку. Прежде всего, для меня ясно, что в ней совершенно не участвуют те наши силы, которые вполне лояльны к возглавлению. Они ждут, прежде всего, распоряжений и ясного осведомления».*

Абрамов успел развить в Париже бурную деятельность. Едва Миллер уехал лечиться, он распустил контрразведывательный отдел бывшего жандармского генерала Глобачева, основанный в 1930 году после похищения Кутепова. Этот отдел, находившийся под общим руководством генерала Драгомирова, обошелся РОВСу в сотни тысяч франков. Шатилов писал в те дни генералу Барбовичу: *«Ввиду последнего обстоятельства сразу изменилась наша внутренняя обстановка. Все мы — единомышленники и работа идет в дружественных, полных взаимного доверия тонах. Если бы это случилось раньше, теперь мы бы не испытывали всего того, что так нарушало единство нашей работы и тех злостных нападков, которые клонились к внесению в наши ряды разложения и тревоги. Свершилось то, что мы рекомендовали 12 месяцев».*

Миллер, узнав о случившемся одним из последних, был взбешен. В письме фон Лампе он с горечью отмечал: *«Я знал, что Шатилов не пользуется симпатиями в наших эмигрантских организациях, но никогда не ожидал, что произойдет такой бум. Кругом все закричали о развале Русского общецаринского союза, если только за старшего в Париже останется Шатилов, ибо невольно все руководство перейдет к нему. С меня было этого достаточно».*

А в письме Абрамову Евгений Карлович был еще более откровенен: *«Я окажусь в роли президента Французской республики с той только разницей, что последний и не несет ответственности за все, что во всех областях будет делать П.Н. (Шатилов. — А.Г.). Если же с такой ролью буду пытаться не примириться, то вместо помощи и сотрудничества у нас*

будет вечная борьба, и в гораздо больших размерах, нежели ныне. Моя роль сведется к расхлебыванию тех каш, которые заварит П.Н.»

На помощь Евгению Карловичу неожиданно пришло Министерство иностранных дел Франции. Очень Парижу не нравилась та активность, которую развил в кратчайшие сроки Абрамов. Его вежливо попросили покинуть государство, и чем быстрее он это сделает — тем лучше. А чтобы ему было не скучно одному возвращаться в Софию, г-н Абрамов может захватить с собой г-н Шатилова. Он уже давно в горле сидел у французов, благодаря постоянным скандалам, связанным с его именем. Разумеется, Евгений Карлович, прервав свой отпуск, вернулся в Париж и взялся защищать генералов. Абрамова отстоять не удалось, а вот Шатилову милостиво разрешили остаться во Франции. Однако Миллер уже принял решение: он отправляет Шатилова в отставку.

Зачисляя официально Павла Николаевича в свое распоряжение, Евгений Карлович лишь подсластил преподносимую пилюлю. В приказе по Русскому общевойсковому союзу он принес Шатилову «глубокую благодарность» и выражал надежду, что и впредь он будет трудиться на пользу Белого движения. Сам Павел Николаевич в письме Абрамову отмечал: *«Е.К.М. (Миллер. — А.Г.) проявляет исключительную работоспособность, но она кроме вреда ничего не приносит, так как он все равно не справляется со всем, что к нему попадает в руки, а главное, неминуемо все сейчас же забывает. Вследствие этого, весьма часто его работоспособность ограничивается только исполнением текущих дел, причем важные вопросы сначала откладываются, а потом просто забываются»*.

Между тем «Внутренняя линия» продолжала наращивать мощь. По предложению Скоблина, в орбиту тайной организации был вовлечен бывший командир Дроздовской дивизии генерал Туркул. Разумеется, ему сначала ничего не говорили о контрразведке, надеясь использовать его «вслепую» на первом этапе, а потом, играя на безграничных амбициях главного «малинового» офицера, предложить ему достойную должность в обновленном Русском общевоинском союзе.

Антон Васильевич Туркул был значимой фигурой для всего русского зарубежья. В советской литературе его имя обычно сопровождалось эпитетами «каратель», «палач» и «сволочь». А в русском зарубежье один из самых молодых генералов белой армии Антон Васильевич Туркул описывался как рыцарь, всю свою жизнь посвятивший борьбе с большевизмом. Во время Первой мировой войны он был трижды ранен, награжден орденом Святого Георгия IV степени и золотым георгиевским оружием, получил звание штабс-капитана. В его личном деле есть, к примеру, такой документ: *«Я, командир штурмовой роты 653-го пехотного Перемышлянского полка поручик Будняк, даю настоящие показания в том, что при прорыве неприятельской позиции 25 июня 1917 года под Станиславовым, я лично видел, как командир штурмового батальона штабс-капитан Туркул примером беззаветной храбрости увлекал всех подчиненных, идя впереди цепи, вливая дух бодрости и храбрости в солдат то одной, то другой роты. При этом батальоном было взято 5 орудий, 5 пулеметов и пленных 1142 солдата и 14 офицеров. 12 августа 1917 года».*

В конце февраля 1918 года отряд под командованием генерала Дроздовского выступил из Румынии на Дон, на помощь Добровольческой армии. Антон Туркул был в нем фельдфебелем второй офицерской роты. В своих воспоминаниях «Дроз-

довцы в огне» он писал: *«Мать, которой пришлось жить в Одессе под большевиками, читала в советских сводках о белогвардейце Туркуле с его “бандами”, которых, по-видимому, порядком страшились товарищи. Мать тогда и думать не могла, что этот страшный белогвардеец Туркул был ее сыном, по-домашнему Тосей, молодым и, в общем, скромным штабс-капитаном». Действительно, для большевиков дроздовский офицер был чуть ли не главным врагом всего трудового народа. Алексей Толстой в своем романе «Хождение по мукам» даже повысил Туркула в должности, чтобы показать его значимость в белой армии: «Под артиллерийским обстрелом противника, занавешенные огнем единственного своего орудия, стрелявшего на картечь, дроздовцы бросились вплавь. В передней цепи барахтался в воде, как шар, захлебываясь и ругаясь, командир полка штабс-капитан Туркул. Красные отчаянно защищались, но неумело позволили опытному противнику окружить себя».*

Дроздовцы своего командира любили, за глаза называли его «сам». Часто в атакующих цепях слышалось: «Сам прибыл. Ну, сейчас дадим красным жизни». Поручик Мамонтов писал в своих воспоминаниях:

«Мы стояли фронтом с севера на юг, а красные с юга на север. Трудно было сказать, кто кого обошел. Пожалуй, они нас. Ситуация была довольно неприятная, но она резко изменилась, когда нам на помощь пришел, очевидно, из Орла, Дроздовский полк под начальством знаменитого полковника Туркула. Дроздовцы очень дельно, без суеты заняли фронт, а наша кавалерийская дивизия ушла куда-то в другое место. Но нашу вторую конную батарею оставили при дроздовцах. Очевидно, они пришли без своей артиллерии. Бой разыгрался снова с утра. Наша батарея стояла на крайнем правом фланге дроздовцев.

Вернее, даже на отлете, потому что около нас никаких наших войск не было. Мы увидели густую колонну красных и открыли по ней огонь. Красная колонна сразу куда-то исчезла. Мы развернули карту и увидели, что красные спустились в овраг и по нему должны были выйти на наш фланг, никем, кроме батареи, не охраняемый. Мы обеспокоились, выставили пулемет, полковник Шапиловский послал меня к Туркулу сообщить об обходной колонне. Я сел на Дуру, отыскал Туркула и доложил ему о ситуации. — Можете показать по карте? Я показал овраг, место, где мы видели красных, и позицию батареи. Туркул минуту подумал и затем стал отдавать распоряжения, к обходной колонне отношения не имеющие. Я подумал, что он забыл про меня, и осмелился его прервать.

— Господин полковник, что прикажете сказать командире батареи? — Ах да. Насчет обходной колонны. Скажите командиру вашей батареи, что мы сейчас так ударим их центр, что они забудут всякие обходы. И он повернулся к другим с распоряжениями. Очень мало удовлетворенный этим ответом, я поспешил на батарею. — Ну что? — встретил меня Шапиловский. Я передал ответ Туркула. — Да вы ему точно сказали об обходе? — Даже показал на карте и показал, где стоит батарея. Шапиловский да и все мы были мало удовлетворены ответом Туркула и приготовились драпать.

Но все случилось так, как сказал Туркул. Красный центр был прорван, и красные бежали. Наша обходная колонна просто исчезла, нигде не появилась».

Туркул действительно был нестигаемый боец. За годы Гражданской войны он потерял трех братьев. Одного подняли на штыки революционные матросы, которые ворвались в госпиталь, где он лечился. Второго сожгли живьем за обнаруженные в его карманах при обыске новенькие малиновые погоны

Дроздовской дивизии. Как погиб третий брат — точно неизвестно. Известный в русском зарубежье писатель Иван Лукаш, бывший участник Добровольческой армии, так написал о Туркуле: *«Он самый страшный солдат самой страшной гражданской войны. Он — дикое безумие атак без единого выстрела, подбородок, раскрытый вороненой рукоятью нагана, гарь яростных пожаров, вихрь безумия, смерти и побед».*

В середине 1920 года эпицентром белой борьбы стал Крым. Дроздовская дивизия прибыла на полуостров после эвакуации из Новороссийска. Первые же минуты в Севастополе потрясли боевых израненных офицеров абсолютным равнодушием населения перед наступавшими красными. Для 19-летних юношей, которые составляли основу Дроздовского полка, было немислимо видеть, как по набережным вальяжно прогуливались офицеры с дамами под руку. Долго терпеть такое Туркул не мог. Офицерская рота получила приказ перекрыть в самый разгар гуляний все выходы из Морского парка и провести поголовную и беспощадную мобилизацию всех гуляющих господ офицеров. Наутро местная газета вышла с гневной статьей о самоуправстве Туркула. В своих воспоминаниях «Дроздовцы в огне» Антон Васильевич так описал дальнейшее: *«Несколько офицеров заняли все входы и выходы редакции одного местного радикального листка. Они вежливо предложили господину редактору назвать имя того сотрудника, который травил в листке старейшие добровольческие части. Обнаружив автора, его тут же подвергли экзекуции в виде публичной порки».*

Но и нарушения дисциплины среди самих дроздовцев Туркул подавлял беспощадно. Одной поркой дело не ограничивалось. Однажды он приказал казнить двух солдат своей дивизии за грабеж. Уже в эмиграции он писал: *«Хорошие солдаты, сперли у одной дамы, надо думать на выпивку, золотые часики*

с цепочкой и медальон. Я помню, как рыдала седая дама, как рвала в клочья свою черную вуаль, умоляя простить “солдатиков”. Поздно. Военный суд есть суд, а солдатский долг выше самой смерти. Бойцов расстреляли».

Популярное в то время в Крыму выражение — «По России стоит дым, то Слащев спасает Крым» — скорее больше подходило под описание действий начальника Дроздовской дивизии Антона Туркула в Севастополе. Только если генерал Слащев предпочитал вешать врагов, дезертиров и мародеров на берегах, то Туркул просто расстреливал. Очевидцы так описывали это: *«О главном “дроздовце” в армии ходила слава, как о человеке, который с одного взгляда может узнать среди пленных комиссара. Обычно это происходило так. Стоя перед шеренгой, Туркул внимательно рассматривал красноармейцев, потом подходил к одному и говорил, обращаясь к своим офицерам: “Смотрите, господа, явный комиссар. Такая тщательно скрываемая ненависть царит в его глазах. Кто из вас, господа красноармейцы может подтвердить, что это не немецкий шпион? Никто? Конвой, отведите его к тем кустам!”»*

Туркул относился к той редкой категории людей, которыми восхищались даже враги. Однажды перебежавший к большевикам дроздовец Барабаш написал письмо своему бывшему командиру. По поручению красного командования он был готов дать любые гарантии не только в том, что жизнь Туркула была бы сохранена, но и что командир дроздовцев немедленно получил бы должность не ниже командира советского армейского корпуса. Антон Васильевич был оскорблен до глубины души. В своих воспоминаниях он с нескрываемой болью на сердце написал: *«Зачем он, верный дроздовец, променял все будущее русского народа, свободное, сильное, честное, на рабство коммунизма? Он ведь все это понимал и знал, за что мы деремся*

против кошмарной советской тьмы со всеми потемками — чтобы незапятнанным, чистым защитить для будущего образ России; ведь он сам четыре раза был с нами ранен в огне». Туркул немедленно взялся писать ответ, что позорны и жалки ссылки на невесту, оставленную у большевиков. Заканчивалось письмо так: «Это не оправдание, когда почти у всех дроздовцев были замучены жены, невесты, матери, отцы, сестры, когда Россия затерзана. Я не верю в ваше счастье с невестой, и каким скотским будет это счастье, когда вы будете знать, что добивают ваших боевых товарищей, что добивают Россию, а вы добивать помогали. Не оправдание и то, что Вы не верите в успех белого дела. В успех не особенно верю и я, но лучше смерть, чем рабская жизнь в советской тьме, чем помощь советским палачам»

Летом 1920 года бои дошли до крайней степени ожесточения. Против дивизии Туркула были брошены части красных курсантов, которые перед атакой пели переделанную белогвардейскую песню «Смело мы в бой пойдем». В новом варианте она заканчивалась словами «И всех дроздов уьем, сволочь такую». Пленные расстреливались и белыми и красными немедленно и одинаково беспощадно. Уже находясь в эмиграции, Туркул вспоминал об одном случае. Когда взятых в плен курсантов вывели на расстрел, один из них, к удивлению генерала, попросил разрешить им спеть «Интернационал». Туркул смотрел в глаза пленного и думал: как могла эта песня стать для человека главным в жизни, заменить ему Бога, Россию? «Отпевайте себя Интернационалом», — только и сказал тогда командир Дроздовской дивизии.

Агония белой армии была страшной, даже в эмиграции бывшие офицеры старались не вспоминать об этом. Начался переход на сторону противника, но даже при этом соблюдались

понятия чести, которыми так гордились дроздовцы. Второй батальон дивизии перед последней атакой на красных вынес из-под огня всех раненых офицеров и только после этого сдался в плен. Армия готовилась к эвакуации из Крыма. Часть офицеров застрелились на севастопольской набережной. Раненые, волоча куски сползших бинтов, набрякших от крови, ползли на кораблях по канатам. Личный шофер Туркула попросил разрешения остаться в Крыму, признавшись, что он большевик. В своих воспоминаниях главный дроздовец напишет: чему удивляться, когда все смешалось в России, когда большевик просит у белогвардейца разрешения остаться у красных. *«А за верную службу спасибо, кто бы ты ни был, спасибо. За солдатскую верность, спасибо. И не поминай нас, белогвардейцев, лихом». Шофер заплакал без стеснения, утирая крепкой рукой лицо. «Ну и дивизия, — бормотал он с восхищением. — Сейчас выгужайтесь, опять с вами куда хотите пойду...»*

Наряду со Скоблиным Туркул считался любимцем командира 1-го армейского корпуса генерала Кутепова. Однажды Александр Павлович, увлекшись, рассказывал о подвигах Туркула войсковому атаману Войска Донского Африкану Петровичу Богаевскому, который и сохранил эти слова для истории в своем дневнике: *«Что за удивительный человек! Необыкновенной храбрости и смелости, не знающий чувства страха: в каре, окруженном пулеметами, с оркестром посреди, который играет вальсы, он спокойно отбивает бешеные атаки красной конницы, подпуская ее на 200 шагов. Горсть храбрецов тает, но он сам ведет ее в атаку на ту же конницу. В коляске на паре серых коней он, раненый, едет впереди цепи, заходит в тыл противнику, с пехотой делает мамонтовские рейды по тылам красных. И всегда весел, в отличном расположении духа».*

В эмиграции Туркул продолжал руководить своими дроздовцами. Но столь маленькая должность, да еще и в провинциальной Болгарии, тяготила генерала. Поэтому к предложению своего друга Скоблина он отнесся с огромным энтузиазмом. Смущала его лишь материальная сторона дела. Тогда Скоблин предложил открыть на паях бензоколонку, или, как ее тогда называли во Франции, бензиновую лавку. Потом можно будет попросить всех таксистов из галлиполийцев, чтобы они заправлялись только там. Они не откажут двум боевым генералам, последним командирам доблестных Корниловских и Дроздовских полков.

Скоблин обратился с просьбой о помощи для переезда Туркула в Париж к руководству Русского общевойскового союза. Николай Владимирович был уверен, что Миллер не сможет ему отказать. Евгений Карлович был двумя руками «за». Ему очень хотелось иметь рядом с собой такого активного человека, как дроздовский генерал. Хотя его смущали постоянные заявления Антона Васильевича, что *«молодых генералов не оценили сверху, там сплошная гниль и нужно всех повыгонять»*. Однако денег председатель РОВС дать не мог. Но и надобности в них не было. Скоблин заранее подготовил 1200 франков на переезд Туркула. Разумеется, ближайший год Антон Васильевич, знавший, кто именно его благодетель, неустанно пел осанну верному сподвижнику Врангеля. Большого от него пока и не требовалось.

* * *

К этому же времени относится и первая попытка объявить генерала Скоблина агентом Кремля. Все началось с того, что парижский резидент, искавший выходы на Русский общевойсковой союз, завербовал известного своим пьянством и постоян-

ными дебошами полковника-корниловца Федосеенко. Таксист, едва сводивший концы с концами, сначала согласился работать на Москву, а потом, испугавшись, доложил обо всем Миллеру. В разбирательство втянули Скоблина, как главного корниловца. И уже через пару недель Федосеенко начал рассказывать каждому встречному, что генерал-майор тоже работает на Лубянку.

Такие слухи не были чем-то необычным в эмигрантской среде. Мало кому удалось избежать таких подозрений, если даже генерала Шатилова в этом обвиняли. Но на беду Русского общевойска союза, это скандал мало того, что стал поводом для шумной кампании в прессе, так еще и вытащил из небытия легендарного «выводителя на чистую воду всех и вся» журналиста Бурцева.

Владимир Львович был уникальным человеком. Сегодня о нем почти не вспоминают, но для интеллигенции начала XX века он был знаковой фигурой. В русском зарубежье его с пафосом называли «странствующим рыцарем печального образа» и «Геркулесом, взявшимся очистить авгиевы конюшни».

Бурцев никогда не являлся членом какой-либо партии, чем очень гордился. Именно его можно считать первым независимым политический борцом в России. Подростком был склонен к религиозной экзальтации, мечтал о монашестве, но очень быстро разуверился в Боге. В 1897 году он начал издавать журнал «Народоволец», в котором пропагандировал народovolьческие методы политической борьбы, делая акцент на революционном терроре. Делал он это в Англии. Так спокойнее призывать к бунту. Бурцев обвинял эсеров в том, что они сосредотачивают силы на казнях сановников вместо того, чтобы готовить убийство царя. При этом сам Владимир Львович испытывал особую ненависть к Николаю II. Он считал его источником всех

зол и везде, где мог, проповедовал цареубийство. Однако после выхода статьи «Долой царя!» под давлением русского правительства Бурцев был арестован и обвинен английским судом присяжных в подстрекательстве к убийству. Полтора года он пробыл в лондонской каторжной тюрьме.

Впрочем, к историческим и политическим поискам Бурцев достаточно быстро охладел и приобрел огромную известность проведенным с чрезвычайной энергией разоблачением провокаторов царской охранки, действовавших в России и за границей, в частности Азефа и Малиновского. В ЦК партии социалистов-революционеров он отправил, в частности, такое письмо: *«Уже более года, как в разговорах с некоторыми деятелями партии с.р. я указывал, как на главную причину арестов, происходивших во все время существования партии, на присутствие в центральном комитете инженера Азефа, которого я обвиняю в самом злостном провокаторстве, небывалом в летописях русского освободительного движения. Последние петербургские казни не позволяют мне более ограничиваться бесплодными попытками убедить вас в ужасающей роли Азефа и я переношу этот вопрос в литературу и обращаюсь к суду общественного мнения. Я давно уж просил ЦК вызвать меня к третьейскому суду по делу Азефа, но события происходят в настоящее время в России ужасающие, кровавые, и я не могу ограничиться ожиданием разбора дела в третьейском суде, который может затянуться надолго, и гласно за своей подписью беру на себя страшную ответственность обвинения в провокаторстве одного из самых видных деятелей партии с.р. Разумеется, это заявление не должно быть известно Азефу и тем, кто ему может о нем передать».*

После Февральской революции Бурцев первых начал кампанию против большевиков и всех, кого он подозревал в пора-

женчестве. Германскими шпионами ему казались тогда почти все. В июле 1917 года в газете «Русская воля» он опубликовал список тех, кого считал «агентами Вильгельма II». Список из 12 имен, который торжественно открывали Ленин и Троцкий, венчался Горьким. Иванов-Разумник тогда назвал этот поступок Бурцева выходкой, вызывающей омерзение, а Горький в сердцах воскликнул: «Жалкий вы человек!»

Издаваемая Бурцевым «Наша общая газета» была единственной из небольшевистских вечерних изданий, которая вышла в Петрограде в день большевистского переворота. За передовицу «Граждане! Спасайте Россию!» он был арестован по личному распоряжению Троцкого, став первым политическим заключенным советской власти. В Петропавловской крепости он провел пять месяцев, пока за него не вступился Горький. В газете «Новая жизнь» он писал: «Держать в тюрьме старика-революционера только за то, что он увлекается своей ролью ассенизатора политических партий, — это позор для демократии».

Эмигрировав в Париж, Бурцев продолжил свою борьбу с ненавистными ему большевиками. В 1927 году он выпустил напумевшую книгу «Юбилей предателей и убийц». Одно только ее начало говорит о многом: *«По поводу октябрьского юбилея я хочу напомнить о том, что всегда лежало в основе деятельности большевиков, с чего начались их успехи и без чего они никогда не совершили бы своего октябрьского переворота.»*

Я говорю о том, что в основе всей деятельности большевиков всегда лежало совершенно откровенное и сознательное предательство России.

Свое предательство России большевики начали еще за границей — до войны. Предать Россию они продолжали и во время войны — сначала за границей, а потом в Петрограде —

после революции — все время, до своего октябрьского переворота. Предателями России они были — и, быть может, больше, чем когда-нибудь раньше — и потом, когда захватили власть в свои руки. Да, они никогда не были не-предателями.

Россия живет в условиях политического рабства, небывалого даже в аракчеевских военных поселениях. В грязь втоптаны все самые элементарные понятия свободы и права. Не существует ничего, даже отдаленно напоминающего и ту степень свободы печати, какая была при царской цензуре. Россия накануне дальнейшего разложения и разорения. Она потеряла свое былое международное значение.

Перед торжествующими юбилеями не могут не всплывать и воспоминания о последнем кровавом 10-летию с его небывалыми в России массовыми смертными казнями, убийствами, повсеместным народным голодом. Все это у всех на глазах. Никто об этом забыть не может.

Таким образом, ожидаемый юбилей не может не быть, прежде всего, юбилеем слез, страданий, позора, — и как бы торжествующая большевицкая партийность ни мешала страдавшему населению демонстративно выявить свои истинные чувства, большевики не создадут в стране никакого праздничного настроения.

Да, они и сами не смогут не сознавать, что им собственно нечего праздновать в этот роковой день русской истории, и они не смогут отделаться от сознания того, что впереди у них нет и не может быть никакой надежды, чтобы, пока они существуют, страна смогла залечить нанесенные ей в продолжении последнего 10-летия раны.

Впереди у большевиков по-прежнему остается одна только надежда: ценою дальнейшего разложения страны насколько возможно дольше продолжить существование своей партии».

Доставалось от Бурцева и антисемитам. Он принял самое деятельное участие в Бернском процессе 30-х годов, утверждая, что знаменитые «Протоколы Сионских мудрецов» — откровенная фальшивка. Свои мысли по этому поводу он изложил в книге «Доказанный подлог»: *«В них все построено на слепой, безграничной злобе против евреев. Это — яростный антисемитский памфлет. Но это, оказывается, вовсе не оригинальное произведение. Это — явный плагиат. В “Протоколах” имеются какие-то выжимки из обширной, десятилетиями — столетиями создававшейся, антисемитской литературы на разных языках. В них циничным образом использованы также и некоторые произведения, не имевшие никакого отношения к еврейскому вопросу.»*

“Протоколы” самими их авторами, очевидно, и не предназначались для агитации среди широкой публики. Да они, вообще, по-видимому, вовсе и не предназначались для печати. Если бы их предназначали для печати, то они, по всей вероятности, были бы сфабрикованы более осторожно.

“Протоколы” впоследствии (по-видимому, без участия — а, может быть, даже вопреки желанию их авторов) были не раз напечатаны в России вскоре после их фабрикации и пришлись по душе русским реакционерам антисемитам, — их распространение в России вначале все-таки было сравнительно незначительное, а за границей о них очень долго — до 1918 г. — совсем ничего не знали.

Многие годы, — первые лет двадцать — в широкой публике, если и говорили о “Протоколах”, то по большей части только, как о ничтожном пасквиле. Они долго не имели никакого влияния на политическую жизнь страны. Только впоследствии неожиданные роковые события в русской жизни в 1917—1918 г.г. дали им широкое распространение!»

В эмиграции Бурцев жил в крайней бедности. Всему русскому Парижу было известно, что у Владимира Львовича не было одеяла и он укрывался старыми газетами. Никто не стремился помочь материально живой легенде. Возможно, потому что знали: Бурцев откажется. Его бескорыстие и неприкаянность давно уже были притчей во языцех. Еще в 1912 году Амфитеатров, который высоко ценил Владимира Львовича, писал: *«Из Бурцева вышел бы отвратительный директор банка, невозможный кассир, а в качестве министра финансов он в полгода разорил бы любую Голконду. Если мне скажут, что вчера у Бурцева был миллион, но протек сквозь пальцы, обогатив лишь кучку разных эксплуататоров и приживальщиков, — я нисколько не удивлюсь: это в характере Владимира Львовича».*

Прославившийся своим разоблачением легендарного эсеровского террориста Азефа, Бурцев видел смысл своей жизни в поисках в Париже агентов ГПУ. Таковые, к его глубокому огорчению, после похищения генерала Кутепова затаились. Но он был свято убежден, что от его всевидящего ока им не скрыться. В одной из своих многочисленных статей по этому поводу он писал: *«Меня поражает нежелание французов искать советский след в похищении генерала Кутепова. Ясно же, что генерал был похищен большевиками! Начали следствие, были многочисленные допросы, исписали груды бумаги. Но никто из большевиков не был привлечен к делу. Не только никого не арестовали или обыскали, но никого даже не осмелились допросить в качестве свидетеля! Что же удивляться, что большевики могут и похищать людей, и убивать их, и сухими выходить из воды».*

В разгар скандала вокруг Скоблина к Бурцеву зашел в гости генерал Дьяконов, который попытался выяснить, что легендарный охотник за сенсациями имеет против корниловского

командира. Бурцев разразился на эту тему долгим монологом, который через несколько недель появился в парижских газетах в виде отдельной статьи:

«Честно говоря, сам факт проникновения агента большевиков в Русский общевоинский союз меня не удивляет. Это естественно, что они пытаются заполучить там своего человека. Эта история меня очень заинтересовала, и я решил подробно в ней разобраться. Видите ли, считаю виновными, прежде всего, генералов Миллера и Шатилова, которые провозируют своих подчиненных на ведение двойной игры с большевиками, полагая, будто в этой игре они выиграют. У меня на этот счет иное мнение.

В данном случае, люди, завербованные Советами, меня не интересуют. Я хочу доказать, что игра с агентами ГПУ в принципе недопустима и преступна, потому что лица, вступающие в отношения с большевиками, не могут не сообщать им весьма важные сведения. А что они получают взамен? Ничего, кроме денег.

Я, прежде всего, разыскал полковника Федосеенко. По моему, он искренен, хотя в его рассказе есть неточности и преувеличения. Но последнее не так важно для меня. Я не сомневаюсь, что Федосеенко в своей игре с большевиками зашел слишком далеко и сам испугался. Теперь он бросился разоблачать Скоблина, который тоже явно ведет такую же игру. И я уверен — с ведома и согласия Миллера.

Вообще же, я считаю главным действующим лицом во всей этой истории не самого генерала Скоблина, а его жену. В 1918 году Надежда Плевицкая находилась на территории красных, разъезжала по всему фронту с концертами, чтобы приободрить красноармейцев и вдохновить их на борьбу с Добровольческой армией. О чем это говорит?

Во время таких фронтовых гастролей Плевицкая вместе с отрядом красных попала в плен и немедленно перекрестилась в антибольшевичку. У белых она познакомилась со Скоблиным, сошлась с ним, а потом и вышла замуж.

Мне известно, что в Константинополе, когда генерал Слащев перешел к красным, Плевицкая упорно уговаривала Скоблина последовать примеру Слащева, которого определили преподавать в Высшую тактическую стрелковую школу РККА. Плевицкая убеждала мужа, что как русская народная певица она легко сможет устроиться и у красных и еще продвинуть своего мужа. Однако Скоблин не согласился».

Эффект от этой статьи не оправдал ожидания Бурцева. Через несколько дней было созвано экстренное заседание офицеров Марковского полка. На нем зачитали специальное обращение генерала Миллера с призывом не верить «темным силам», которые стремятся сеять раздоры среди руководителей РОВС, и осудить провокатора, чернящего легендарного командира корниловцев. Евгений Карлович знал, к каким чувствам нужно апеллировать. Марковцев неофициально называли: «те, кто умирает красиво». Такой характеристикой они чрезвычайно гордились. И честь своего полка, одного из старейших в Добровольческой армии, свято берегли. Неслучайно еще в 1919 году одна из газет писала про офицеров в черно-белой форме: *«Замедленные тихие движения. Точно эти люди знают какую-то тайну. Точно обряд какой-то совершают, точно сквозь жизнь в обеих руках проносят они чашу с драгоценным напитком и боятся расплескать ее.*

Сдержанность — вот отличительная черта этих людей, которых провинциальные барышни давно очертили “тонные

марковцы". У них есть свой тон, который делает музыку, но этот тон — похоронный перезвон колоколов, и эта музыка — "De profundis". Ибо они действительно совершают обряд служения неведомой прекрасной Даме — той, чей поцелуй неизбежен, чьи тонкие пальцы рано или поздно коснутся бьющегося сердца, чье имя — смерть. Недаром у многих из них четки на руке: как пилигримы, скитающиеся в сарацинских песках, мыслью уносящиеся к далекому гробу Господню, так и они, проходя крестный путь жертвенного служения Родине, жаждут коснуться устами холодной воды источника, утоляющего всех. Смерть не страшна. Смерть не безобразна. Она — прекрасная Дама, которой посвящено служение и которой должен быть достоин рыцарь.

Будет время, под благовест кремлевских колоколов преклонят перед Добровольческими полками — Дроздовским, Корниловским и Марковским — свои венчальные головы двуглавые орлы старинных знамен. И поблекнут старые девизы, и на скрижали истории будут вписаны новые».

Большинство собравшихся поддержало призыв председателя РОВС. Лишь один из марковцев начал горячо уверять друзей, что эта интрига — дело рук Деникина, надеющегося такими подлыми путями захватить руководство в Русском общевойсковом союзе. После собрания он начал было организовывать группу офицеров, чтобы пойти и избить Федосенко, прямо на пляс Пигаль, где тот и работал по ночам. Пикантности ситуации добавляло то, что эта площадь — любимое место сбора французских проституток. Согласитесь, не самое удачное место для поединков чести. Услышав столь разумное объяснение, марковский офицер отказался от своего плана.

Бурцеву объявили «бумажную» войну. Первый залпнесли корниловцы. Полковник Трошин от имени всех офи-

церов старейшего полка Добровольческой армии в открытом письме в газету «Возрождение» указывал: *«Мы, все как один, встаем на защиту доброго имени того, кто в течение всего боевого периода гражданской войны вел нас к выполнению нашего долга. Пусть все знают, что генерал Скоблин — не один, он — это все корниловцы. Мы также горячо возражаем против всякого расследования, какое рекомендует Али-Баба в отношении генерала. Наш начальник вне подозрений».*

Тогда же председатель РОВС получил довольно резкое письмо от Шатилова: *«Те общественные круги, которые раньше относились к тебе как к возглавителю РОВС с должным уважением, теперь не жалеют слов, чтобы обвинить тебя в отступлении от прежних позиций, в измене нашей идеологии и прежним друзьям. Мы уже потеряли много, но не приобрели ничего существенного».*

Журнал «Часовой» пошел еще дальше: *«Отметим то полное доверие, которое единодушно выражено генералу Скоблину на очередном собрании командиров частей и начальников групп 1-го армейского корпуса в Париже. К выражению этого доверия, уважения и симпатии присоединяется и “Часовой” и просит Николая Владимировича полностью располагать нашей скромной помощью, если бы она потребовалась в деле защиты его доброго имени».*

Скоблин подал Миллеру рапорт с требованием созвать суд чести для рассмотрения выдвинутого против него обвинения. Евгений Карлович об этом и слышать не хотел. Он считал генерала человеком кристальной честности и посоветовал ему не обращать никакого внимания на «писанину» Бурцева. Ответом Миллера Скоблин был польщен. Но все же подал новый

рапорт. Председатель Русского общевойскового союза был вынужден согласиться.

Суд чести под председательством генерала Стогова рассмотрел представленные материалы и допросил свидетелей полковника Федосеенко. Сам Скоблин на разбирательство даже не явился, предоставив письменные показания. Вердикт «присяжных» никого не удивил: *«Признать возведенные Федосеенко обвинения против генерала Скоблина необоснованными и ничем не подтвержденными».*

Генерал Кусонский писал в тот же день генералу фон Лампе: *«Кампания против Русского общевойскового союза складывается и строится также на многогранном основании. Тут и слабость главы, и обсуждение заместителя (хотя Евгений Карлович охотно передал бы власть, если бы таковой нашелся), тут и нападки на Шатилова, тут и деникинцы, тут и происки честолюбия Кедрова. И безработица играет роль — людям нечего делать, поневоле всякая чушь лезет в голову и занимаются пересудами. О более глубоких и постоянно действующих причинах (долголетнее пребывание, деклассирование, озлобленность и др.) я уже не говорю».*

Точку в этом деле поставил, как и положено ему было по должности, председатель Русского общевойскового союза: *«Примите от меня сердечные приветствия по случаю окончания этого неприятного для Вас, Надежды Васильевны и всех нас дела».*

***

Едва оправившись от одного скандала, руководство Русского общевойскового союза оказалось втянутым в гораздо более страшную дрязгу. Ее нельзя было избежать. Более того, эту

мину замедленного действия заложил под себя сам Евгений Карлович Миллер. Являясь категорическим противником авантюризма из серии Боевой организации Кутепова, он противился даже тому, чтобы подобная работа велась отдельными чинами РОВС. Своим оппонентам он постоянно твердил, что даже десять сверхудачных выстрелов не способны, к нашему сожалению, свергнуть большевизм. Вот, Ларионов устроил теракт в Ленинграде. И что изменилось?

Проблема была в том, что такая позиция Миллера устраивала далеко не всех. Молодые «цветные» генералы Пешня, Туркул, Скоблин жаждали активных действий. Их нравам претила статика, в которую все больше погружался РОВС. Шатилов, находящийся временно в резерве, не сидел сложа руки и активно подогревал недовольство Туркула, который был известен своим склочным и неуживчивым характером. В свою очередь, главный дроздовец постоянно агитировал командира марковцев Пешню взяться за дело. Скоблин, наблюдая за их ежедневными призывами начать действовать, а не дожидаться окончательного превращения РОВС в сборище выживших из ума стариков, им время от времени поддакивал, а сам, выполняя распоряжение Шатилова, доносил обо всем Миллеру.

Масла в огонь подливала и финансовая нестабильность РОВС. Одним из первых шагов Евгения Карловича на посту председателя Русского общевойскового союза стало предложение большей части средств жулику и махинатору, некому Ивану Крюгеру. К тому времени, когда он разоблачил себя, денег уже и след простыл. Антон Иванович Деникин мрачно высказывался в письме другу: *«РОВС впал в оцепенение. Он больше не подает ни малейших признаков жизни, если не счи-*

тать непрекращающихся внутренних интриг. Настоящая неразбериха».

23 февраля 1935 года в Париже произошло событие, вошедшее в историю эмиграции, как «бунт маршалов». Тринадцать лидеров Русского общевойскового союза, во главе с генералами Скоблиным, Туркулом, Пешней и Фоком, предъявили Мишлеру ультиматум. Они требовали превращения Русского общевойскового союза в политический центр всего национально настроенного зарубежья. И возобновления вооруженной борьбы с большевиками. В противном случае, генералы выходят из организации, которая уже перестала быть передовым отрядом Белой России, а все больше превращается в ветеранский союз:

«1. Авторитет главного командования РОВСа совершенно утрачен в глазах 1-го армейского корпуса, многие или совсем отходят от союза или переходят во вновь создающиеся организации — младороссов, имперцев и др.

2. Авторитет борьбы, ведущейся РОВСом, уже более не существует: голос везде один — с трагического дня 26 января 1930 года активная борьба с коммунизмом прекратилась.

3. Авторитет РОВС упал в среде общественных деятелей и иностранных кругах.

4. Денежные средства РОВСа расходуются совершенно безотчетно и бесконтрольно.

5. Особый удар престижу РОВСа нанесен деятельностью Комитета по розыскам генерала Кутелова. Работа лиц, ведавших розыском, поистине была преступной.

6. Политика РОВСа не имеет никакой определенной линии.

7. Внутреннее положение РОВСа представляет совершенно хаотическое соединение частей Армии, объединений и союзов с разными правами и обязанностями и с разной юридической ответственностью.

8. На основе повсеместного недоверия к главному командованию рождаются и ширятся слухи о Вашем уходе с поста Председателя, отсутствие единой воли и твердого руководства.

9. Сборы в фонд Спасения Родины катастрофически упали, и чины некоторых организаций категорически отказываются от внесения денег, большая часть которых уходит на печатание информации по теоретическим вопросам и оплату личного состава информационного отдела.

10. Вы, как председатель РОВСа, не отражаете идей, настроений и стремлений возглавляемой Вами национальной добровольной военной организации. Командование не может проводить только свои мысли, свои представления об активной работе, а обязано, по примеру погибших вождей белого движения, вести РОВСоюз по стопам действительно активной борьбы с большевиками.

11. В случае невыполнения наших условия мы, предвидя неизбежный конец РОВС, вынуждены будем выйти из его состава для того, чтобы, организовавшись, продолжать дело, начатое нашими вождями».

Миллер поручил создать смешанную комиссию из представителей ведущих организаций РОВС под председательством генерала Репьева. Впоследствии Евгений Карлович признавался в письме Абрамову, что хотел назначить Шатилова, но тот не проявил интереса. В состав комиссии вошли Фок, Скоблин, Туркул, Орехов, Мацылев, Соколовский, Чекотовский, Оприц, Лебедев, Кусонский, Ставицкий, Твердый. На первом же заседании были сформулированы причины, вызвавшие недовольство деятельностью РОВС и требовавшие необходимость реформы:

1. Отсутствие сведений о финансовом положении союза и распространение слухов о его предстоящей ликвидации.

2. Отсутствие всякой видимой работы РОВС как за границей, так и, главным образом, в России.

3. Катастрофическое падение сборов в фонд Спасения Родины.

4. Прекращение с молчаливого согласия РОВС расследования по делу Кутепова.

Впоследствии генералом Фоком и капитаном Ореховым был подготовлен проект реорганизации Центрального управления союза. К старой управленческой структуре (председатель, его заместитель, второй помощник, начальник канцелярии, начальники региональных отделов) добавлялись Совет председателя РОВС, особое Управление союза и главный комитет фонда Спасения Родины. (Интересно, что генерал Абрамов был крайне недоволен «бунтом маршалов» и писал генералу Витковскому: *«Спрашиваю тебя — Владимир Константинович — как второе лицо после Эрдели в Париже. Вы, старшие начальники I корпуса, ведете опасную игру. Сеем ветер, пожнете бурю. Наш долг быть солидарным с Е.К. (Миллер. — А.Г.) и вносить успокоение в разгоряченные сердца и головы не в меру активных своих помощников».*)

Совещания по этим вопросам проходили всю весну 1935 года, но, кроме болтовни, как назвал все происходящее сам Миллер, никаких иных результатов не было.

К этому же времени относится и письмо Шатилова Миллеру, которое возмутило Евгения Карловича до глубины души. В нем бывший начальник штаба Врангеля жаловался, что уже около года не получал никаких сведений о жизни РОВС.

Конечно, никакой нужды он в этом не испытывал. Больше того, сам мог бы предоставить Миллеру любые данные о любой сфере деятельности Русского общевойскового союза. Мало того, что Скоблин и Закржевский оперативно сообщали ему

все подробности, так и агенты с мест докладывали в Париж. Об этом и писал Шатилов Миллеру: *«Было еще одно дело, которое осталось на моих руках, и которое простым решением Эрдели пожелал ликвидировать. Я говорю об организации Закржевского, связанного с Фоссам. Я принял меры к тому, чтобы, получив незаслуженные моральные удары, он не пошел бы по неправильному пути, и чтобы не повторились те ошибки, которые сделал Закржевский вскоре после моего отчисления».*

Миллер пытался разобраться, что это за неуловимая организация, которую даже закрыть нельзя? Адмирал Кедров поделился с председателем РОВС теми немногими данными, которыми он располагал о тайном ордене. Внимательно изучив все имеющиеся документы по этому поводу, Евгений Карлович в глубоком раздумье сидел над «шапкой» инструкций «линейцам». Фраза «Центр. 1 октября 1933 года» ставила его в тупик. Он поднял архив Русского общевойскового союза и удостоверился, что в те дни никаких приказов или распоряжений не издавал. (К этому же времени относится очередное резкое письмо Шатилова Миллеру: *«При той постановке вопроса о моем участии, с которой ты обратился, ответ мне совершенно ясен. Мою, с твоей точки зрения, бесполезность для работы, мне кажется, можно было бы уже и не выявлять».*)

Вызвав самых преданных людей, он поделился с ними мучавшим его вопросом: что делать с «Внутренней линией»? Большинство склонялись к тому, что это организация вредная и ее надо распустить. Однако с мнением своих помощников Миллер не согласился. Он посчитал вредным как раз роспуск набранной агентуры, совершенно справедливо рассудив, что если он прикажет закрыть контрразведку, то она уйдет в еще большее подполье и продолжит действовать бесконтрольно.

В результате Евгений Карлович принял решение назначить начальником «Внутренней линии» генерала Скоблина.

***

Выбор более чем странный. Миллер прекрасно знал о близком знакомстве Скоблина с Шатиловым, наверняка был наслышан, что в кругу Туркула и Пешни Николай Владимирович позволял себе критические замечания в адрес председателя РОВС. На мой взгляд, это решение свидетельствует о некоторой наивности Евгения Карловича, который не совсем понимал, что происходит в союзе. Да простят меня все те, кто трепетно относится к Миллеру. Своей смертью он искупил все многочисленные ошибки и просчеты, сделанные им на посту председателя Русского общевойскового союза. Это словно о нем говорил великий философ Иван Александрович Ильин: *«Белое движение отнюдь не надо идеализировать: с одной стороны, всегда и всюду могут оказаться люди слабые, неустойчивые и даже порочные и наделать неподобающее; особенно после перенапряжений такой войны, которая велась недовооруженной армией; особенно когда вся страна болела смуту; особенно при поднятии такого исключительного по размерам и напряжению подвига. С другой стороны, самые лучшие люди могут совершать ошибки, недосмотры — да еще при таких потрясениях, сдвигах и во всеобщем замешательстве и пересложнении».*

Возможно, среди всех первых председателей крупнейшей Белой организации Миллер был меньше всего готовым к должности. Неслучайно именно период его лидерства в Русском общевойсковом союзе совпал с полным развалом какой-бы то ни было активной работы и окончательного списания всего антикоммунистического сопротивления первой волны на свал-

ку истории. Нападение Германии на Советский Союз русская эмиграция встретила разобщенной, не имеющей какой-нибудь твердо сформулированной позиции. Все только и делали, что продолжали грызться друг с другом. Трудно было ожидать чего-то другого, если учитывать, что за 7 лет председательствования в РОВС Миллера только этим и занимались.

Впрочем, существует и другой взгляд на эту проблему: председательствование Миллера в союзе в 1930—1937 годах способствовало сохранению и деятельности военно-учебных групп, воинских союзов и ветеранских организаций, входивших в союз, пополнению отделов молодыми людьми, в первую очередь членами НОРР, которая рассматривалась как молодежный резерв союза, деятельности многочисленных военно-училищных курсов. Следствием этого стало сохранение военных кадров союза и их пополнение подготовленной молодежью, предназначенной на должности командиров отделений и зам. командиров взводов — то есть в целом Миллер объективно способствовал укреплению, сохранению и пополнению офицерских кадров для будущей массовой антикоммунистической армии, которая должна была быть сформирована в случае большой европейской войны. Только в этом и заключалась цель существования РОВС. Однако от реальной борьбы, скажем, генерала Кутепова, это, на мой взгляд, все-таки далеко.

***

В начале 1935 года произошло знакомство Скоблина, как начальника «Внутренней линии», с братьями Солоневичами. В 1933 году Борис, Иван и его сын Юрий были осуждены на 8 лет за попытку побега из СССР и отправлены в Соловецкий лагерь особого назначения, откуда в августе 1934 года они сумели бежать в Финляндию. В этой стране Иван Лукьянович и

написал, на мой субъективный взгляд, главную книгу своей жизни — «Россия в концлагере», которая принесла автору всемирную славу. Она и сегодня, в XXI веке, производит впечатление своей пронзительностью. А тогда, в середине 30-х годов, произвела среди эмиграции эффект разорвавшейся бомбы. Сам Иван Солоневич в предисловие своей книги отмечал: *«Революция не отняла у меня никаких капиталов — ни движимых, ни недвижимых — по той простой причине, что капиталов этих у меня не было. Я даже не могу питать никаких специальных и личных претензий к ГПУ: мы были посажены в концлагерь не за здорово живешь, как попадает, вероятно, процентов восемьдесят лагерников, а за весьма конкретное “преступление” и преступление, с точки зрения советской власти, особо предосудительное: попытку оставить социалистический рай. Полгода спустя после нашего ареста был издан закон от 7 июня 1934 года, карающий побег за границу смертной казнью. Даже и советски настроенный читатель должен, мне кажется, понять, что не очень велики сладости этого рая, если выходы из него приходится охранять суровее, чем выходы из любой тюрьмы».*

16 февраля 1935 года Борис Солоневич получил письмо из Болгарии: *«Дорогой Бобка! Из газет узнал, что ты с братом и племянником благополучно удрал из Совдепии. Надеюсь, конечно, что ты меня не забыл. На случай, если ты меня не помнишь, воспроизвожу в твоей памяти некоторые подробности нашей жизни. Я учился вместе с тобой в Вильненской 2-й гимназии. Одно время ты жил под нами, на Большой Погулянке, 18, против глазной лечебницы Водзянского.*

Затем вы перебрались на Зверинец, куда я приходил бегать на лыжах и играть в футбол. Наверное, ты помнишь и моих старших братьев Всеволода и Олега. Последний раз мы встре-

тились с тобой мельком зимой 1918 года в Екатеринодаре и, кажется, если мне не изменяет память, я был у тебя на квартире.

Думаю, что этих подробностей довольно, чтобы ты поверил, что я тот Клавдий Фосс, который с тобой учился. Буду очень рад, если ты мне что-либо напишешь. Буду также крайне признателен, если ты отнесешься с полным доверием к подателю сего письма и не откажешь ему в твоём ценном и столь нужном нам содействии. О себе напишу дополнительно, когда получу от тебя ответ.

Жду твоих писем и крепко тебя обнимаю, твой Клавдий Фосс».

Разумеется, Борис сразу вспомнил своего друга детства и написал обстоятельное ответное письмо. В нем он задал вопросы, которые больше всего интересовали братьев: Почему Деникин резко отрицательно относится к участию эмиграции в войне против СССР? Почему никто из руководителей Русского общевойскаского союза генерала не опровергает? Через несколько недель Фосс ответил: *«Деникина съели его либерализм и честолюбие. Прибавь сюда и свойственную ему мягкотелость, которая нас погубила, и отсутствие широкого ума — и картина должна быть тебе ясна. Не думаю, что здесь могли сыграть роль иудейские деньги. Его линия поведения для нас совершенно непонятна. РОВС не дает отпора Деникину, ибо щадит имя бывшего главнокомандующего. Нет смысла выступать против него еще и нам, бывшим его соратникам. Каждое его слово есть самооплевывание, ибо он бичует отчисти созданное им и солидаризируется с разрушителями этого созданного. Против него мы и потому не выступаем, чтобы не дать повода нашим врагам колоть нас и по этому направлению. Косвенно же ведем с ним борьбу, осуждая взгляды подобного характера».*

Солоневич рассчитывал, что Фосс поможет ему в поисках издателей книги «Россия в концлагере» и в налаживании контактов с организаторами чемпионатов по французской борьбе. Однако Клавдий Александрович был далек от этого и ничего путного посоветовать не смог. Как и не смог устроить братьям визы во Францию. В письме Скоблину Фосс отмечал: *«Делу этому сильно “помогли” “новопоколенцы”, которые в целях саморекламы раструбили об их приезде и дали нашим врагам заблаговременно принять соответствующие меры».*

Так и не дождавшись существенной помощи от своего друга детства, Борис Солоневич написал ему: *«Должен прямо сказать, что без директивы людей, которых я знаю и которым подчинен, твои просьбы по линии политических высказываний выполнить не могу. Ты как-то не представляешь себе, что ты для меня только товарищ по гимназии, а кто ты теперь и какое отношение имеешь к РОВС — я ведь совсем не знаю. Местный представитель РОВС тебя тоже не знает. А ты просишь критики, соображений, статей и пр. и пр. Надеюсь, что ты все поймешь и не обидишься».*

Клавдий Александрович не обиделся и ответил достаточно подробно: *«Мне казалось, что для тебя должно быть достаточным то, что, как и через кого ты получил мое первое письмо. А затем в моих посланиях всегда сквозило то, откуда я и каких убеждений. О себе же не говорил по той простой причине, что этого не люблю, но раз ты требуешь — изволь».*

Ты, наверное, знаешь, что в РОВС есть отделы по странам. У нас в Болгарии — 3-й отдел. Начальником его является генерал Федор Федорович Абрамов, у которого твой покорный слуга состоит адъютантом уже двенадцать лет. От тебя

прошу справок и материалов не из простого любопытства, а исключительно потому, что это нужно для работы. Для большей уверенности добудь русский военный календарь-памятку за 1929 год, где на 121-й странице найдешь мою фамилию. Кроме того, если ты знаком с редактором "Клича", попроси его навести обо мне справки в Болгарии у генерала Зинкевича, с которым он состоит в переписке. Когда во всем убедишься — отвечай мне на все мои вопросы, ибо это мне очень важно.

Большевики считают сейчас главным врагом фашизм, но, конечно, не в тех уродливо-подражательских формах, что он принял в русской эмиграции. Учитывая эти страхи большевиков, мне кажется, что нам следовало бы хорошенько изучить теорию фашизма и гитлеризма, взять из нее все полезное и пересадить на нашу русскую почву. Какого ты мнения на этот счет?»

Узнав о том, что братья Солоневичи собираются в Париж, Фосс счел нужным предупредить их: «Имей в виду, что попадешь в самое болото эмигрантской жизни, слушаешься и насмотришься многого. Наверное, особенно плохо тебе будут говорить о РОВС. Не верь этому. В союзе, как и повсюду, есть много недостатков и отрицательных сторон. Мы их чувствуем и с ними боремся. Поверь мне, что в РОВС есть много живых сил, которые ведут настойчивую работу на главных направлениях. Даю тебе адрес своего командира (Туркула. — А.Г.). Он тоже не чужд критики, но это энергичный человек, который знает наши задачи и делает все возможное. Ему надо помочь».

В тот же день Фосс написал генералу Туркулу: «Надо иметь в виду, что к его приезду в Париж туда же собираются на какой-то съезд НТСНП Георгиевский и Байдалаков, которые приложат все усилия, чтобы отбить у нас Солоневича. Это

может им легко удаться, потому что Борис сопоставит их руководство с нашим. Сравнение будет не в нашу пользу, если он сразу не попадет к вам, и вы ему не покажете, что у нас не все обстоит так плохо. Очень прошу Вас убедить Е.К.Миллера обязать Солоневича выступить только от нашего имени.

К этому же времени относится и оживленная переписка между Фоссом и Скоблиным.

7 сентября 1935 года.

«Очень рад, что дело с концертом у Вас, в конце концов, уладилось, и жалею, что ни в чем не смог быть Вам полезен.

Буду Вам очень признателен, если Вы не откажете, как я уже Вас просил в одном из предыдущих писем, оставшихся без ответа, передать мне все данные Вам названия неизданных произведений. Они числятся под номерами 208/1, 2, 5, 6, 139/1 2, 7, 4,185/8, 2. Вопрос этот для меня весьма существен и поэтому покорнейше прошу не отказать сообщить мне Ваше мнение на этот счет. Ваш покорный слуга, искренне преданный Вам К.Фосс»

13 сентября 1935 года.

«Дорогой друг! К моему глубокому сожалению, получилась какая-то непонятная конкуренция, которая задержала наше турне. Все, что так было подготовлено с большим упорством, а главное — получение необходимых акцептов, — сошло на нет. Мой шеф уже, по-видимому, поставил об этом в известность Ельбова. Нами предприняты меры, дабы выяснить все происшедшее. Отмена произошла в самую последнюю минуту, когда готовился к отправке первый участник концерта. Прошу Вас вернуть мне те бланки, которые я Вам дал здесь. Один бланк я получил от Денисова. Жму Вашу руку, П. Лукашев».

Цифрами обозначен Борис Солоневич.

Шифр:

Конкуренция — провокация
Концерт — заброска
Турне — отправка разведчиков
Акцепты — паспорта
Шеф — Миллер
Ельбов — Абрамов
Бланк — фотокарточки
Денисов — Ладыженский
Лукашев — Скоблин.

Фоссу удалось все-таки получить для Солоневичей болгарские визы, и 8 мая 1936 года братья прибыли в Софию. Первым, с кем они познакомились, был капитан Браунер, старинный знакомый Клавдия Александровича по Дроздовской дивизии. Начиная с этого дня, отношения между Фоссом и Солоневичами стали портиться. Иван Лукьянович обещал по всем вопросам советоваться с РОВС, однако на деле прекрасно обходился без подсказок и рекомендаций. В результате через какое-то время газета «Голос России» провозгласила создание штабс-капитанского движения, которое должно было избавиться от балласта (в лице многих генералов РОВС) и начать серьезную борьбу за освобождение Родины от большевиков. После этого у Фосса возникло подозрение, что Борис Солоневич связан с ОГПУ. За ним тут же установили наружное наблюдение, которое достаточно быстро зафиксировало встречу с сотрудником советского консульства. На следующий день Клавдий Александрович доложил генералу Абрамову: *«Борис соскочил на ходу с трамвая и пошел быстрыми шагами к трамвайной будке с часами на крыше. Он остановился рядом и, повернувшись лицом в сторону улицы Ц. Иоанна, стал рыться в своем портфеле. В это время был замечен посольский служащий Алексей Кузьмин. Не доходя 5—6 шагов до Бориса, он вынул из карма-*

на белый платок, вытер им лицо. Солоневич приветствовал его поднятием руки. Они поздоровались и, близко подойдя друг к другу, стали разговаривать. В это время Х. подбежал как можно ближе к ним и сфотографировал тот момент, когда они начали расходиться.

Вследствие того, что Борис и Кузьмин стояли к нам спиной, установить, передавалось что-то во время встречи или нет, не удалось. Встреча продолжалась не менее 2 минут. Расстались они в 9 часов 41 минуту. Борис пошел вниз по Дондукову по правой стороне, Кузьмин перешел к рекламе кино, остановился на мгновение и пошел дальше по левой стороне. В пролете по Торговой улице он два раза пересек улицу, вероятно, для проверки, поднялся по мосту, задержался на секунду у магазина, пересек Московскую улицу около военного музея и вошел в калитку полпредства, открыв ее своим ключом».

Фосс принял решение о ликвидации братьев Солоневичей. Была сформирована группа из трех боевиков «Внутренней линии» (Александров, Марков, Тренько), которая начала готовить убийство Бориса. В начале октября, вооружившись револьверами, они отправились домой к Солоневичам. Однако за несколько дней до этого в том районе произошел вооруженный грабеж. И боевики нарвались на полицейский патруль. Их задержали, и на допросе выяснилось, что Марков — негласный сотрудник политического управления полиции, в котором работал Браунер. После продолжительного допроса их освободили.

Абрамов был в бешенстве и выговаривал Фоссу за глупую инициативу, которая может привести к закрытию РОВС в Болгарии. Но Клавдий Александрович не сдавался. Вместе с Браунером они взялись разрабатывать новый план. Один из предложенных вариантов был поистине чудовищным: похитить

Солоневичей и сжечь их в топке специальной печи, которая находилась в подвале Управления полиции. Именно в ней сжигали тела коммунистов, убитых во время подавления восстания в сентябре 1923 года.

***

Декабрь 1935 года ознаменовался тем, что Миллер издал собственные указания чинам «Внутренней линии», хотя до этого в письме Абрамову восклицал: *«Куда же дальше идти по линии создания государства в государстве?»* Контрразведке предписывалось вести наблюдение за большевистской агентурой, не допуская ее проникновения в среду РОВСа. Кроме этого — наблюдать за враждебными организациями. Перед этим Евгений Карлович даже обратился за дополнительными разъяснениями к Абрамову: *«У меня возник целый ряд вопросов и кроме Вас мне не к кому обратиться, чтобы вывести меня из этого тумана, которым я чувствую себя окутанным вследствие умышленно в свое время утаенной от меня всей этой организации, в которую привлекались почти исключительно члены РОВС».*

Не получив, по его мнению, исчерпывающего ответа, он вызвал Скоблина и в очередной раз потребовал объяснить ему, чем занимается контрразведка. Николай Владимирович положил на стол председателю Русского общевойскового союза список из 26 фамилий, которые ничего не говорили Миллеру. Однако в письме Фоссу Николай Владимирович писал: *«Миллер проявляет большое неудовольствие "Внутренней линией". Каждый рапорт, присылаемый из Болгарии, тщательно изучается Кусонским, который затем докладывает Миллеру. Так было и со злосчастной информацией от 20 декабря, которая вызвала следующую резолюцию: "Я не имею ничего против*

возвращения Закржевского, но хочу предупредить вас, что вопрос существования Внутренней линии подвергнется самому решительному пересмотру и реорганизации мною. И потому пусть Закржевский не рассчитывает получать какие бы то ни было суммы, ибо вполне возможно, что само существование Внутренней линии будет прекращено". Я думаю, что это будет — упразднение Внутренней линии».

Миллер на время успокоился. Но тут ему пришлось начать выяснять отношения с Туркулом, который рвал и метал, что ему, боевому генералу, никак не могут поручить нормального дела. Своими жалобами он изводил всех. Доходило до того, что люди старались не попадаться ему на глаза. В одном из писем некоему Михаилу Михайловичу он отмечал: *«Некоторое время тому назад Скоблин, Пешня и я часто встречались и разговаривали о занимавшем нас вопросе. Мы не знали, как и когда развернутся события. Мы могли лишь предвидеть их, и, ожидая их, нам было необходимо быть готовыми, едиными. Наше главное руководство должно было перейти к генералу Абрамову, человеку родному по духу и спаянному с нами кровью».*

***

Постоянно появляющиеся сообщения о небывалой активности Туркула, о его желании свергнуть нынешнее руководство РОВС и взять власть в свои руки начинали действовать на нервы руководству РОВС. Чересчур активного дроздовского командира становилось все труднее и труднее контролировать. А тут еще по каналам контрразведки прошла информация, что Туркул собрал своих самых доверенных однополчан, чтобы сформировать боевой отряд для вооруженной борьбы против большевиков. Других подробностей не сообщалось, кроме слу-

ха, что якобы на эти цели он где-то раздобыл 200 тысяч франков и завербовал четырех македонцев.

Предстояло решить, насколько эта информация соответствует действительности. Все знали привычку Туркула выдавать желаемое за действительное, но чем черт не шутит? Может, он действительно нашел сумасшедшего, который взялся финансировать авантюру? Ведь в тот самый момент как раз пришло очередное донесение Фосса, что еще немного, и для активизации борьбы против СССР все будет готово. Неслучайно Шатилов писал фон Лампе: *«Для Вашего сведения сообщаю, что наша активная работа в России за последнее время сделала большой успех. Нам открываются большие возможности. К сожалению, недостаток средств не позволяет развить нашу деятельность в нужном размере. Однако лицо, хорошо осведомленное с результатами работы непосредственно, заявляет, что мы могли бы перейти теперь прямо к работе по свержению власти в России».*

Скоблин, побывавший недавно на полковом празднике дроздовцев, сразу заявил: все это чепуха, никаких программных заявлений Туркул не произносил. Да и не умеет он. Каждый доброволец знает, что Антон Васильевич двух слов связать не может. В принципе мнению главного корниловца можно было смело доверять. Весь русский Париж знал, что когда Туркул приезжал во Францию, он останавливался у Скоблина. Больше того, без него не делал ни шагу. Они даже к Миллеру ездили вдвоем. Острословы называли их двумя Аяксами. Однако стоило еще раз все проверить. Скоблин сразу же написал письмо Туркулу. Ответ не заставил себя ждать.

«Дорогой Николай Владимирович!

Вообще ничего не знаю о новой организации активной работы. Никто и ничего о ней нам в Болгарию не сообщает. Когда

я говорил в Париже об активной работе, я ни одной минуты не желал становиться во главе новой организации. Я считал и считаю, что активная работа должна быть основой существования нашего союза здесь, за рубежом...

Активная работа — вот душа и сердце нашего союза. Прекратив работу, союз будет подобен живому трупу. Ни курсами, ни школами его оживить нельзя.

Ты пишешь, что активная работа должна быть передана нам. Принципиально я согласен, но считаю, что если нас не хотят, то не следует поднимать из-за этого шума. Нам важно, чтобы работа была, и работа большая и видная, важно, чтобы глава организации был смел и решителен. Опытов в этой области достаточно.

Неуспех новой организации будет большим скандалом. Мне кажется, что тебе выдвигать нас в штабе не совсем удобно. Если хотят нас видеть во главе, то пускай нас выдвигают другие. Если же придется работать, я уверен, что мы не осрамим нашего оружия и сделаем все возможное для скорейшего низвержения власти товарищей в СССР».

***

Генерал Миллер, размышляя две недели над списком Скоблина, пришел к выводу, что всей правды ему почему-то не сказали. Еще раз вызывать главного корниловца на доклад он не стал. Вместо этого поручил начальнику канцелярии РОВС генералу Кусонскому тщательно отслеживать все письма, которые приходят в управление из Болгарии, от Абрамова или Фосса. Докладывать незамедлительно. Больше того, Евгений Карлович решил поменять начальника «Внутренней линии».

28 декабря 1936 года генерал Миллер написал письмо подполковнику Мишутушкину, что с этого дня он возглавляет «Внутреннюю линию». Текст письма крайне интересен: *«В будущем я прошу Вас обращаться ко мне непосредственно по всем вопросам, относящимся к этой работе. Я категорически запрещаю личному составу исполнять приказания других лиц, даже и тех, кто в прошлом руководили Внутренней линией».*

Сын Мишутушкина спустя годы вспоминал: *«Благодаря тому, что папа знал французский язык, он в русской колонии, которая была важной на востоке Франции, помогал многим русским, так что он всю жизнь простучал на машинке. Он вел разные встречи, переговоры и переписку, связанную с ведением общественной работы с РОВС, переписывался с Парижем. Он знал и Миллера, и Шатилова, и всех генералов, которые возглавляли эти организации. Они никогда не приняли никакого гражданства. Жили с нансенским паспортом. Мы всю жизнь жили на ящиках и мечтали, что будет момент, когда можно будет вернуться в Россию».*

В свою очередь, оскорбленный Скоблин в письме генералу Добровольскому отмечал: *«Ему некогда заниматься делом, которым он обязан заниматься, будучи на своем посту. Наконец, это становится до такой степени раздражающим, что едва удерживаешься от того, чтобы не наговорить ему неприятностей. Его туманная политика в союзе в последнее время сильно пошатнула его авторитет в среде наших офицеров. Вот почему мы, командиры отборных частей, всего три человека в Париже, составили блок, чтобы не дать рассыпаться в прах тому, что с таким трудом мы создали в годы гражданской войны. Сознаю, что некоторые наши действия могут со стороны показаться несовместимыми с во-*

инской дисциплиной. Я буду держать вас в курсе наших дел. Прежде всего, мы требуем отстранения нашего командира корпуса, генерала Витковского, законченного лентяя. Как бы это ни казалось странным, но когда поднимаешь такие вопросы перед Е.К.М. (Миллер. — А.Г.), когда начинаешь доказывать ему о неспособности того или иного начальника, то у него только один ответ: решение, ранее принятое, изменить невозможно».

***

В январе 1937 года Миллер решил назначить капитана Киселева начальником группы корниловцев в Финляндии вместо преданного Скоблину капитана Батуева. Николай Владимирович был в бешенстве. Добившись приема у председателя Русского общевойскового союза, он открыто ему заявил, что прикажет всем группам Корниловского полкового объединения не подчиняться Миллеру.

Это уже открытое состояние войны, в которой Евгений Карлович не имел ни единого шанса на победу. Авторитет Скоблина среди не только корниловцев, но и всех полковых объединений Юга России был настолько высок, что они все могли в одночасье перестать подчиняться Миллеру. Кем бы он тогда руководил?

В отместку Евгению Карловичу был устроен новый виток «бунта маршалов». Командир марковцев Пешня всю Гражданскую войну служил в Корниловском ударном полку. И, разумеется, Скоблин для него значил много больше, чем какой-то там Миллер. Но особо разошелся Туркул. Весь русский Париж содрогался от исторгаемых им ругательств в адрес «бездарной старческой головки», которая развалила Русский воинский

союз. В главном дроздовце неожиданно для всех проснулся Цицерон, и он с жаром взялся агитировать своих офицеров в необходимости перемен в РОВСе. Прежде всего, речь шла о необходимости боевой работы и четкой политической программы.

Озлобленный до предела Туркул, подстрекаемый Скоблиным, перешел от слов к делу. Он организовал политическую партию «Русский национальный союз участников войны». Выражая бешеное недовольство полным крахом РОВС, Туркул и его соратники призывали всех начинать активно бороться за Россию. Программное выступление Антона Васильевича было весьма показательным:

«Полтора года назад у меня и моих единомышленников возникла идея национального отбора — идея сплотить всех тех, кто в тяжелой эмигрантской ночи во всех трудностях борьбы за кусок хлеба на чужбине не оторвался от своего Отечества и Народа, кто не смотрит на себя как на простого беженца, в лучшем случае, живущего интересами своей профессии. Такое ядро было создано. К нему стали примыкать все те, кто, как мы, сражался и стоял в боевом огне за Отечество, был Белым Воином России и таковым Воином остался, и те, кто участвовал в Национальном Освободительном движении.»

Раньше мы ждали слова приказа, но потому, что с нами были наши боевые Вожди. Такого слова, с тех дней, когда от нас вырвали генерала Кутепова, мы уже не услышим.

Нельзя же до бесконечности ждать, что кто-то или что-то спасет Россию и самим ничего не делать. Нам пора начать верить в собственные силы, пора организовываться, работать.

Мы верим в Россию и Русский народ и не боимся наступающих событий, как бы грозны они ни были. Мы знаем, что Рос-

*Н.В. Скоблин с отцом перед отправкой на фронт. 1914 год.
Из архива семьи Скоблиных. Публикуется впервые*

*Н.В. Скоблин на похоронах командира
Корниловского ударного полка М.О. Неженцева. 1918 год*

*Н.В. Скоблин и В.З. Май-Маевский. 1919 год.
Из коллекции М.Ю. Блинова. Публикуется впервые*

*Н.В. Скоблин с чинами Корниловского ударного полка
в Галлиполи. 1921 год*

*Награждение Н.В. Скоблина
орденом Святителя
Николая Чудотворца.
Крым. 1920 год*

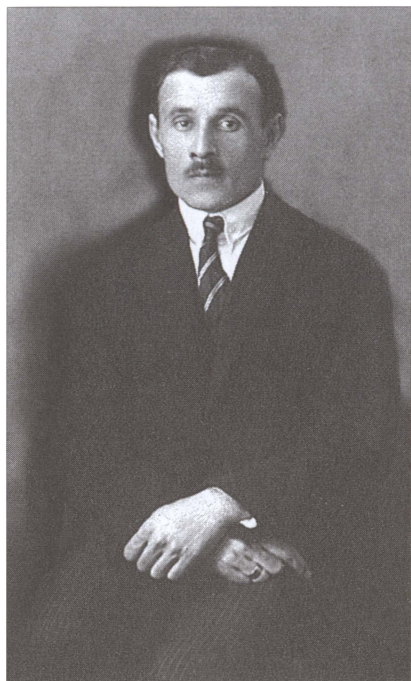
*Начальник Корниловской
ударной дивизии генерал-майор
Н.В. Скоблин. 1920 год*

*Н.В. Скоблин с полковниками М.Н. Левитовым
и К.П. Гордиенко. Галлиполи. 1921 год*

*Н.В. Скоблин с полковым священником
Корниловского ударного полка. Галлиполи. 1921 год*

*Н.В. Скоблин в Париже.
1924 год*

Н.В. Плевицкая

*Икона Офицерского генерала Дроздовского полка,
которой венчали Н.В. Скоблина и Н.В. Плевицкую*

А. П. Кутенов

П. Н. Врангель

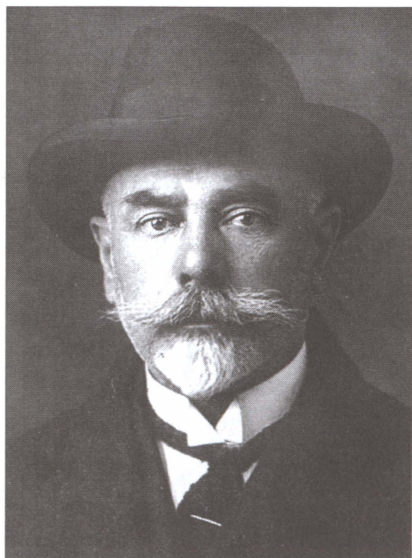
П.Н. Шатилов

Ф.Ф. Абрамов

Е.К. Миллер

А.И. Деникин

А.В. Туркул

В.К. Витковский

К.А. Фосс

В.В. Орехов

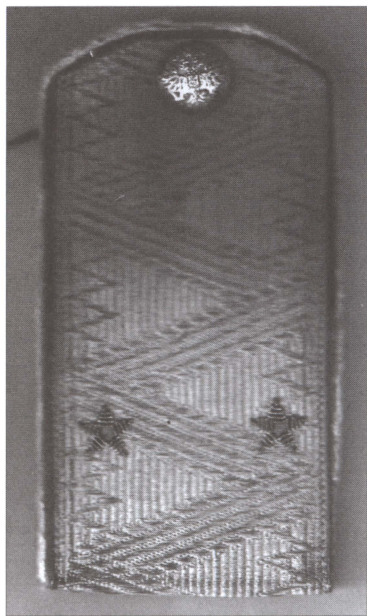

Карикатура из французской газеты на П.А. Кусонского. 1938 год

Место похищения генерала Миллера. Современный вид

*Портрет Н.В. Скоблина
кисти А. Ромасюкова.
Личная коллекция автора*

*Погон Н.В. Скоблина.
Из коллекции М.Ю. Блинова*

*Фрачный знак Корниловского ударного полка.
Личная коллекция автора*

Первый биограф Н.В. Скоблина в России Л.М. Млечин и автор

*Автор и племянница
Н.В. Скоблина
И.С. Скоблина*

*Памятник Н.В. Плевицкой
в селе Винниково
Курской области*

ОФИЦИАЛЬНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО о присвоении имени малой планеты

Институт теоретической астрономии
Российской Академии наук (ИТА РАН),
возглавляющий в России работы по изучению и каталогизации
малых планет Солнечной Системы,
от имени Международного Астрономического Союза (МАС)
настоящим свидетельствует,
что малая планета,
зарегистрированная в международном каталоге малых планет
под № 4229 и имевшая ранее предварительное обозначение 1971 BK,
получила имя

PLEVITSKAYA

в честь

Надежды Васильевны Плевицкой

Официальное сообщение МАС

(4229) Plevitskaya = 1971 BK

Discovered 1971 Jan. 22 by L. I. Chernykh
at the Crimean Astrophysical Observatory.

Named in memory of Nadezhda Vasil'evna
Plevitskaya (1884–1940), a splendid Russian
singer who sparkled on the stages of Russia,
Europe and America. Many great connoisseurs
of Russian art called her “Russian skylark” and
“nightingale”. Leonid Sobinov sang with her,
and Sergej Rakhmaninov accompanied for her.

Minor Planet Circular № 26762, 1996.

Обоснование названия на русском языке

Малая планета 4229 Плевицкая открыта
22 января 1971 г. сотрудником ИТА РАН
Л. И. Черных в Крымской астрофизической
обсерватории.

Названа в память Надежды Васильевны
Плевицкой (1884–1940), замечательной
русской певицы, блиставшей на подмостках
России, Европы и Америки. Большие
ценители русского искусства называли ее
“русским жаворонком” и “курским
соловьем”. С ней пел Леонид Собинов, ей
аккомпанировал Сергей Рахманинов.

Санкт-Петербург
18 декабря 1996 г.

Директор ИТА РАН

А. Г. Сокольский

Свидетельство о присвоении планете имени Н.В. Плевицкой

сия, какую мы, ее верные солдаты, всегда защищали и создавали, Россия свободы, справедливости, Россия Бога Живого — выйдет из этих событий Воскресшей!»

***

В демарше Туркула Миллер усмотрел нарушение воинской дисциплины. Разговор в управлении Русского общевойскового союза был тяжелым для генерала. С болью на сердце он слушал заявление Туркула, что он выходит из РОВС. На следующий день Миллер подписал приказ № 16: *«Ввиду выхода генерала Туркула из состава Русского общевойскового союза впредь до назначения нового командира полка или возвращения Туркула в РОВС и к занимаемой должности — группы Дроздовцев должны непосредственно или через начальство групп I армейского корпуса подчиняться во всех отношениях начальникам соответствующих отделов РОВС».*

Организация теряла еще только первую из своих живых легенд. Но не последнюю. Начальник канцелярии Русского общевойскового союза Кусонский писал генералу Абрамову: *«Я хочу поделиться с тобой своими впечатлениями от вчерашней беседы Евгения Карловича с двумя членами правления Туркуловского союза, явившейся результатом новой попытки “ликвидации” инцидента, инициатором которой, как я тебе писал, является (что для меня непонятно) Скоблин».*

Для этого доклада о программе, уставе и деятельности союза явился полковник Чернощевков и А.А. Лодыженский. Он никогда в армии не служил, но принимал участие в борьбе на юге России чуть не с самого начала и в Крымский период был симферопольский губернатор. При АПК (генерал Кутепов. — А.Г.) он как будто помогал чем-то в конспиративной работе, но Миллер говорил мне, что деятельность его была серьезной».

Союз преследует цель укреплять непримиримость, пробудить в военных кругах, а затем и во всей эмиграции, стержень

которой он должен составлять, волю к борьбе и ко всякого рода активности; союз составляет военно-политическую партию, он также имеет целью бороться со всеми упадочными настроениями и подготовить эмиграцию к грядущим событиям.

Выработанная, но еще не отпечатанная программа, как я понял, носит обычный фашистский характер, но с различными деталями по вопросам рабочему, земельному и пр. и пр.

Когда Миллер задал вопрос, о какой же активности идет речь, и что они будут делать, чтобы показать эту активность, то оба собеседника очень затруднились ответить, указав лишь на пример, что будут бороться с “Последними Новостями”, с союзом младороссов, а далее будут расширять свои действия. На мой вопрос, как же, например, они будут бороться с “Посл. Нов.”, я получил ответ, что не остановятся и перед тем, чтобы “убрать” Миллюкова.

Как я понял из всего разговора, “делегатам” очень хотелось бы получить от Миллера разрешение чинам РОВС вступать в ряды Туркуловского союза — только это их, по моему мнению, и интересовало. ЕК ответил, что от них он желает получить лишь информацию о союзе, а о всем прочем может говорить лишь с самим Туркулом.

На основании вынесенных мною впечатлений я, не претендуя на безошибочность, могу вынести следующие заключения: намерения у них клонятся к тому, чтобы вытянуть из РОВС все, что в нем, по их мнению, еще осталось пригодного, получить, так сказать, самое ценное из имущества организации, обреченной на смерть, обратить эти остатки в политическую партию с лозунгами, завоевывающими все более сторонников во всем мире, и тогда стать и господами положения, к которым придет и иностранная моральная и материальная помощь, не говоря уже о том, что они станут “стержнем” (слово из их устава) русской эмиграции. Иллюзий и фантазий

хоть отбавляй, но пока ничего не сделано, чуть ли не потому, что мешает генерал Миллер своим запрещением».

Генерал Витковский, будучи одним из старейших чинов Дроздовской дивизии, попытался примирить Миллера с Туркулом. Ничего из этого не вышло, кроме того, что Антон Васильевич затаил лютую злобу еще и на своего бывшего командира. Кстати, кандидатура Витковского в тот момент рассматривалась многими как идеальная для начальника Дроздовского полкового объединения. Против выступил лишь генерал Кусонский. В письме фон Лампе он отмечал: *«Назначить Витковского было бы равносильно накласть себе самому 2... (прости за выражение), ибо такое назначение никем бы или почти никем бы не было признано и, следовательно, мы сами поставили бы себя в смешное и недостойное положение».* Каким-то образом ему удалось отговорить председателя Русского общевойскового союза от этого решения.

Через несколько дней в Галлиполийском собрании состоялась экстренная встреча дроздовцев. В адрес Миллера было брошено множество упреков, и справедливости ради надо сказать, что далеко небеспочвенных. В результате «малиновые» постановили выйти из состава Русского общевойскового ооюза. (Справедливости ради стоит сказать, что из РОВС ушли в итоге не все дроздовцы. По некоторым данным, больше половины из них осталась, во главе с бывшим начальником штаба дивизии генерал-майором Бредовым.)

Чтобы понять, насколько это было серьезное заявление для ветеранов Белого движения, достаточно привести короткий отрывок из журнала «Вестник Галлиполийцев»: *«Годы изгнания, тяжелые условия жизни на чужбине, это — то же настоящее. Пусть горшее своей однообразной серостью, так непохожее на взлеты доблести в боях. Но что ж из этого;*

разве оно может зачеркнуть славное прошлое, убить веру в грядущее? У нас жив и никогда не умрет тот дух, который претворяет самую мрачную действительность в светлое служение Родине».

Демарш дроздовцев были готовы поддержать марковцы, которых активно агитировал Пешня. И уж само собой, готовились выйти из РОВС корниловцы. Миллер, конечно, не признал постановления дроздовцев и по-прежнему считал их составной частью союза, но кого он хотел обмануть этим? Авторитет председателя был на тот момент между нулем и ничем. Хотя сам он в письме Абрамову размышлял о другом: *«Помогать ему в преследовании обеих целей — и действий против большевиков, и популяризации фашистского учения я всегда буду рад. Но ответственность за его дела нести не хочу и не могу оставлять его в РОВС».*

Туркул не останавливался на достигнутом. Он словно взялся в кратчайшие сроки выместить на Миллере все обиды, накопленные за время его председательства в РОВС. Главный дроздовец договорился в результате до того, что обвинил Евгения Карловича в нежелании исправлять преступные приказы Врангеля. Речь шла о знаменитом приказе № 89, запрещавшим чинам Русской армии вступать в политические партии. Туркул заявил, что, начиная с 1930 года, призывал Миллера отменить эту «ошибку», а он его все не слушал:

«Человек “вне политики” — это человек “вне жизни”. Армия “вне политики” — это организм без души, который может оказаться не только бесполезным, но временами и прямо опасным для своего государства, т.к. армия без души может оказаться беспомощной жертвой политиканов, играющих на шкурных и низменных чувствах солдатской массы.

Так было у нас 20 лет тому назад, в 1917. Поэтому мы категорически восстаем против парализующей волю и разум формулы “Армия вне политики”, ибо каждый режим имеет свою армию, которая служит именно ему. Мы знаем также, что русского национального режима сейчас нет. Он, как и вся русская государственность, должен быть еще создан. И мы верим, что в создании его — именно мы, зарубежные кадры Российской армии, сыграем значительную роль. Процесс может оказаться обратным. Не армия воспримет политику случайно создавшегося режима, но режим будет таким, каким создаст его армия. Поэтому мы считаем политическую подготовку Российского офицерства совершенно и настоятельно необходимой».

Справедливости стоит сказать, что Туркул лукавил. Никогда до этого он не делал подобных заявлений. О необходимости активно бороться с большевиками — говорил, в необходимости назначения председателем РОВС Абрамова или Шатилова — уверял, а вот о партиях разговор никогда не заходил. Больше того: если бы Миллер получил Туркулу возглавить, скажем, боевую группу, то у главного дроздовца еще лет десять бы не появлялось таких мыслей. Только после выхода из РОВС Антон Васильевич и его соратники заговорили по-другому: *«Мы сейчас присутствуем при огромном сдвиге в настроениях многих (к сожалению, не всех) национальных организаций, прежде слишком замкнуто работавших в своей среде, работавших весьма напряженно и жертвенно, урывая много времени от заслуженного, после тяжелого физического труда, отдыха».*

Ныне все яснее и отчетливее обозначается стремление к координации действий между родственными по духу организациями, к постепенному созданию Российского Национально-

го Единого Фронта, с общими лозунгами, задачами и идеологией.

Наша газета "Сигнал" немало способствовала созданию таких настроений и неустанно твердила о необходимости такого сближения и взаимной солидарности. В первом же номере нашей газеты, от 20 февраля 1937 г., в передовой статье мы читаем: "Учитывая нарождение Нового международного антикоммунистического фронта от Тихого океана, через Италию до Балтийского моря, к которому, мы верим, примкнут и другие страны, мы открыто заявляем о нашей готовности идти со всеми честными людьми всего мира, ставшими на правильный путь решительной борьбы с мировым коммунизмом".

Поэтому — наш лозунг: "Всех, кто против коммунизма и поработителей нашего Отечества, но не против России, мы зовем на путь национально-освободительной борьбы и помощи ей". А во 2-м номере от 6 марта 1937 г. мы уже видим непосредственное обращение к национальным организациям: **"ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ В ЕДИНЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФРОНТ!"**

Но этого мало. Главная масса национально мыслящих русских людей в эмиграции совершенно инертна и дальше "сочувствия" не идет. Поэтому мы и обращаемся к ней и зовем: все честные русские люди, особенно же офицеры и солдаты, пополняйте ряды создающегося Единого Российского Национального Фронта, входите членами в национальные организации, которые ближе вам по духу, усиливайте их удельный вес.

Только смерть может избавить офицера от долга перед Родиной. Время не терпит. Сроки близятся.

Национальная эмиграция должна сплотиться, должна быть организована, должна заставить считаться с собой.

Идите все, и стар, и млад. Освобожденной России будут нужны все интеллектуальные силы национальной эмиграции, независимо от возраста. Смешно, наивно и даже преступно поэтому какое-то деление на "отцов и детей".

Вспомните 1914 год! Неужели же теперь, когда дело идет только о подготовке к освобождению нашей многострадальной Матери-России от кровавого ярма, больше 20 лет терзающего русский народ и уничтожившего свыше 50 миллионов людей, мы не можем рассчитывать на еще больший подъем?»

***

В 1933 году в Германии к власти пришел Гитлер, прославившийся непримиримой позицией по отношению к коммунизму. Она пришлась по вкусу многим русским эмигрантам, которые искренне считали, что национал-социализм способен не допустить экспансии ленинских идей в Европу. Это была роковая ошибка, связанная с тем, что большинство русских в той же Франции не читало откровений Гитлера в «Майн камф» или немецких газетах. Вряд ли идеи истребления «унтерменшей» и заселения благородной арийской расой огромного «жизненного пространства» в завоеванной России нашли бы столь уж горячую поддержку в русском зарубежье. Гитлер не был заинтересован в каком бы то ни было сотрудничестве с русскими. Все многочисленные попытки эмигрантов пробиться сквозь расовую догматику лидеров Третьего рейха терпели сокрушительные поражения. И при всем этом находились и неисправимые оптимисты, безотчетно верившие в «освободительную» миссию Гитлера. И что самое удивительное, такие находятся и сейчас! Большой чепухи трудно себе представить. Сам фюрер неустанно подчеркивал, что его партийная идеология не является товаром для экспорта. Он же столь же постоянно заявлял,

что религия в рейхе должна быть сведена к минимуму. Вот что писал об этом идеолог НСДАП Альфред Розенберг: *«Пусть все эти святоши сами роют себе могилы. Они предадут своего драгоценного Бога ради нас. Вместо крови своего Спасителя они будут благословлять священную кровь нашего народа. Они поменяют свой крест на нашу свастику. Они возьмут плод германской земли и причастятся им как символом вечного единства нашего народа, точно так же как когда-то причащались облатками, символизирующими плоть их Бога».*

Удивительно, но в сегодняшней России находятся те, кто считает: фюрер относился к славянам хорошо, а вот некоторые его сподвижники, будучи убежденными русофобами, осквернили сердечные чаяния фюрера о братском союзе двух народов. Во-первых, сам Гитлер славян ненавидел еще до вступления в НСДАП, и даже бывший подданный Российской империи, прибалтийский немец Шебнер-Рихтер, имевший на него огромное влияние, ничего с этим сделать не смог. Даже если предположить, что он не погиб бы во время пивного путча, ничего бы от этого не изменилось. Гитлер по этому вопросу занимал сторону Геббельса, который много раз заявлял: *«Русские — типичные азиаты, кто бы ими ни правил. Они не способны ни на что, кроме паразитирования на теле Германии. Необходимо сдерживать распространение этой заразы в Западную Европу».*

Во-вторых, это является гнусной клеветой на фюрера. Никто пока не смог привести доказательств того, что ефрейтор пылал страстными чувствами к русским. Напротив, ненавистью к ним проникнуты многие выступления. В-третьих, в «Майн кампф» четко обозначен вектор развития германской внешней политики. Да, фюрер всегда мыслил масштабно и там не сказано, что славян надо извести под корень в ближайшие годы. Однако про «земли на Востоке» забывать не рекомендую,

тем более что в примечаниях плана «Барбаросса» все сказано достаточно четко: *«В этих областях мы должны сознательно проводить политику сокращения населения. Средствами пропаганды, особенно через прессу, радио, кино, листовки, краткие брошюры, доклады и т.п., мы должны постоянно внушать населению мысль, что вредно иметь много детей. Нужно показывать, каких больших средств стоит воспитание детей и что можно было бы приобрести на эти средства. Нужно говорить о большой опасности для здоровья женщины, которой она подвергается, рожая детей. Развернуть широчайшую пропаганду противозачаточных средств. Наладить их широкое производство. Распространение этих средств и абортны ни в коей мере не должны ограничиваться. Всячески способствовать расширению сети абортариев. Организовать специальную переподготовку акушерок и фельдшерниц и обучать их производству абортыв. Врачи также должны иметь разрешение производить абортыв, и это не должно считаться нарушением врачебной этики.*

Лучше всего для нас было бы, если бы они вообще объяснялись на пальцах. Но, к сожалению, это невозможно. Поэтому — все максимально ограничить! Никаких печатных изданий. Самые простые радиопередачи. Надо отучить их мыслить. Никакого обязательного школьного образования. Надо понимать, что от грамотности русских, украинцев и всяких прочих только вред. Всегда найдется пара светлых голов, которые изыщут пути к изучению своей истории, потом придут к политическим выводам, которые в конце концов будут направлены против нас. Поэтому, господа, не вздумайте в оккупированных районах организовывать какие-либо передачи по радио на исторические темы. Нет! В каждой деревне на площади — столб с громкоговорителем, чтобы сообщать но-

восты и развлекать слушателей. Да, развлекать и отвлекать от попыток обретения политических, научных и вообще каких-либо знаний. По радио должно передаваться как можно больше простой, ритмичной и веселой музыки. Она бодрит и повышает трудоспособность».

Сегодня среди доморощенных поклонников Третьего рейха принято утверждать, что сам Иван Александрович Ильин положительно оценивал национал-социализм. Да, действительно, в начале 30-х годов Ильин видел в новом правительстве Германии положительные стороны: *«Я отказываюсь судить о движении германского национал-социализма по тем эксцессам борьбы, отдельным столкновениям или временным преувеличениям, которые выдвигаются и подчеркиваются его врагами. То, что происходит в Германии, есть огромный политический и социальный переворот; сами вожди его характеризуют постоянно словом “революция”. Это есть движение национальной страсти и политического кипения, сосредоточившееся в течение 12 лет, и годами, да, годами лившее кровь своих приверженцев в схватках с коммунистами. Это есть реакция на годы послевоенного упадка и уныния: реакция скорби и гнева. Когда и где такая борьба обходилась без эксцессов? Но на нас, видевших русскую советскую революцию, самые эти эксцессы производят впечатление лишь гневных жестов или отдельных случайных некорректностей».*

Но отрезвление произошло быстро. В «Наших задачах», написанных специально для чинов РОВС, он утверждал: *«Фашизм совершил целый ряд глубоких и серьезных ошибок, которые определили его политическую и историческую физиономию и придали самому названию его ту одиозную окраску, которую не устают подчеркивать его враги. Поэтому для будущих социальных и политических движений подобного*

рода надо избирать другое наименование. А если кто-нибудь назовет свое движение прежним именем (“фашизм” или “национал-социализм”), то это будет истолковано как намерение возродить все пробелы и фатальные ошибки прошлого.

Эти пробелы и ошибки состояли в следующем:

- 1. Безрелигиозность. Враждебное отношение к христианству, к религиям, исповеданиям и церквям вообще.*
- 2. Создание правого тоталитаризма как постоянного и якобы “идеального” строя.*
- 3. Установление партийной монополии и вырастающей из нее коррупции и деморализации.*
- 4. Уход в крайности национализма и воинственного шовинизма (национальная “мания грандиоза”).*
- 5. Смешение социальных реформ с социализмом и соскальзывание через тоталитаризм в огосударствление хозяйства.*
- 6. Впадение в идолопоклоннический цезаризм с его демагогией, раболепством и деспотией.*

Русские “фашисты” этого не поняли. Если им удастся во двориться в России (чего не дай Бог), то они скомпрометируют все государственные и здоровые идеи и провалятся с позором».

(Справедливости ради стоит сказать, что некоторые русские эмигранты так и не простили Ильину первоначальных заигрываний с национал-социализмом. Роман Гуль писал в 1949 году: «Перемены Вашего духовного лица я старался понять. Но вот к власти пришел Гитлер, и Вы стали прогитлеровцем. У меня до сих пор среди вырезок статей имеются Ваши прогитлеровские (из “Возрождения” и др.) статьи, где Вы рекомендуете русским не смотреть на гитлеризм “глазами евреев” и поете сему движению хвалу! признаюсь, ЭТОГО изменения Вашего духовного лица я НИКАК НЕ ПОНИМАЛ И НЕ ПОНИМАЮ.

Как Вы могли, русский человек, пойти к Гитлеру?» (Заметим в скобках, что категорически оказались правы те русские, которые смотрели на Гитлера «глазами евреев».)

В Русском общевойсковом союзе отношение к Гитлеру и его политике колебалось от сдержанного до выжидательно-го. Евгений Карлович Миллер, как и большинство генералов-участников Первой мировой войны, тяготел к Франции, с которой у России были союзнические обязательства. Но Париж, подписавший в 1935 году договор о взаимопомощи с СССР, уже не мог рассматриваться Белым движением как партнер в битве с большевиками. Впрочем, эта самая битва была столь отдаленной перспективой, что всерьез уже в нее мало кто верил. Скорее эмиграция рассчитывала на окончательный термидор коммунизма. Но и этого ведь в конечном итоге не случилось.

Но выход из тупика надо было искать. Поэтому Миллер (немецкая фамилия тут абсолютно ни при чем) начал склоняться к союзу с Третьим рейхом. В письме Абрамову он отмечал: *«Скажу откровенно, что по мере развития хода событий в Европе, я все более проникаюсь мыслью, что фашистское учение о государственном устройстве является, может быть, единственным якорем спасения от коммунизма при прогнившем парламентском режиме. Поэтому к мысли о популяризации фашистских лозунгов и среди эмиграции, и среди военных и чинов РОВС, в частности, я отношусь вполне сочувственно».*

Большинство руководителей Русского общевойскового союза поддержали Евгения Карловича. Однако немцам это было вовсе не нужно. Во-первых, никакая «Единая, Великая и Неделимая Россия» их в принципе не интересовала. А во-вторых, в самой Германии нашлись сразу несколько русских эмигрантов, объявивших себя убежденными националистами и полностью

поддержавшими гитлеровской шовинизм. Разумеется, с ними в первую очередь и сотрудничали немцы.

В отчаянии Миллер писал генералу Добровольскому: *«У меня имеются основания считать, что их связи и даже их деньги направляются типам вроде Туркула с тем, чтобы в результате было разложение Русского общевойскового союза. Кажется, в Берлине симпатизируют Масальскому, Меллер-Закомельскому и прочим мерзавцам. К несчастью, из всего происходящего можно заключить, что там не хотят пожать протянутую нами руку и что там берут верх сторонники захвата Украины или, по меньшей мере, украинские самостийники».*

Справедливости ради стоит сказать, что в отношении Туркула Евгений Карлович глубоко заблуждался. Безусловно, у главного дроздовца был какой-то могучий источник финансирования, позволявший издавать в Париже боевую газету «Сигнал» и вести независимую от Русского общевойскового союза полигику. Постоянные поездки Туркула в Берлин, его выступления на собраниях местной группы своей партии и хвалебные высказывания по адресу Гитлера словно бы указывали на его связь с немцами. Французов это откровенно раздражало, и они не сомневались, что Туркул — тайный агент гестапо. Но никаких доказательств не было. Уже после войны выяснится, что он сотрудничал с генералом Осима, японским военным аташе в Берлине. Возможно, именно поэтому главный дроздовец занял непонятную большинству чинов РОВС позицию в отношении отправки добровольцев в армию Франко.

***

В июле 1936 года в Испании вспыхнула гражданская война, расколовшая русскую эмиграцию. «Союз возвращения на Родину», существовавший на деньги Москвы, тут же организовал

отправку добровольцев в интернациональные бригады, защищавшие красное правительство Пиреней. За это всем участникам боевых действий была обещана амнистия от советского народа, предоставление гражданства и возможность вернуться в страну.

Многие чины Русского общевойскового союза в эти дни воспряли духом. Им предоставлялась долгожданная возможность продолжить борьбу с коммунизмом. О ней они мечтали бессонными ночами, когда перед глазами, сменяясь словно в калейдоскопе, проносились русские поля, луга и леса. О ней они молились ежедневно, ведь жажда мести за поруганную Отчизну становилась единственным смыслом их жизни. Огорчало лишь то, что воевать придется не в России, а в Испании. Но то, что против коммунистов, — компенсировало неудовлетворенность от превращения себя в ландскнехтов. Капитан Орехов писал в те дни: *«Наш долг — долг русской эмиграции — принять сильное участие в борьбе с большевизмом, всегда, везде и при всяких обстоятельствах. Не надо преувеличивать свои силы: никаких армий и никаких корпусов мы выставить не можем, единственно, что можно сделать — это создать значительный русский отряд под нашим флагом, который привлечет к себе русских людей, ненавидящих советскую власть».*

Журнал «Часовой», которые все воспринимали как неофициальный вестник Русского общевойскового союза, поместил в сентябре 1936 письмо одного из первых русских добровольцев в армии Франко:

«Вот уже четырнадцатый день, как я сражаюсь за наше общее дело на стороне Белой Гвардии.

Я уже писал перед отъездом, что при первых же известиях о восстании испанского офицерства против агентов III Интернационала, я твердо решил вместе с моими товарищами

бросить здесь все и идти сражаться. Хотя это грозило мне очень многими неприятностями, я это выполнил...

Перешло нас четверо человек границу Испанского Марокко. С первого же момента — то же, что было в Добровольческой Армии, когда к нам переходили с красной стороны. При первом же разговоре с пограничной охраной, когда выяснилось, что мы — русские, к нам отнеслись весьма недружелюбно. Надо вам сказать, что мы едва избежали больших неприятностей. Однако же, пройдя неизбежные опросы сержанта и лейтенанта из нижних чинов, мы добрались до командовавшего постом капитана, который оказался исключительно в курсе событий в России, знал о существовании русской эмиграции и очень сердечно отнесся к нам. Я никогда не забуду этот вечер на пограничном посту, где мы — гости испанского офицера — впервые увидели со стороны иностранца понимание опасности большевизма и необходимости борьбы с ним до конца.

Мы, как могли, в первый же день нашего прерывания в Белой Испании выполнили свой долг и поведали ему, как горек опыт нашей Гражданской войны — той же, что они ведут сейчас; той, что мы начали много лет тому назад.

Затем нас отправили в штаб района, где мы встретили уже прямо дружеское отношение. Мы изъявили — все четверо — желание отправиться немедленно на фронт. Жили два дня в казармах. К счастью, все наши документы оказались в полном порядке и вполне удовлетворили штаб. На третий день мы были зачислены в N-скую офицерскую резервную роту и отправлены в порт Сеута, откуда на пассажирском аэроплане нас перевезли на полуостров.

Вдумайтесь в это понятие: “офицерская рота”, в которой я нахожусь четырнадцатый день. Это то же самое, до странного, то же самое, что было у нас в первые месяцы До-

бровольческой Армии. Под знамена сейчас стеклись все; и стар, и млад. Рядом со мной в строю отставные штаб-офицеры, в то время как ротой командует капитан. Мы “числимся” в резерве, но уже участвовали в одном бою и трех стычках. Люди сейчас очень нужны. И, хотя нет названий “ударный” полк, наша часть с честью его заслужила.

Здесь, на испанском юге, все население против большевиков. Надо только видеть, как встречают белых. Красные зверствуют, как и у нас. Мы, вот, прошли уже десятка два селений, и я лично видел разрушенные, сожженные и загаженные храмы, трупы священников, трупы детей и женщин. Я лично видел и присутствовал при составлении протокола: жену ушедшего к Белым жандарма, мать четверых детей, изнасиловала при детях банда красногвардейцев, потом при ней же увела двоих ее мальчиков. Страшные сцены, которые естественно, ожесточают и белых. “Белые” — так они и называют себя.

Как солдат, я не могу писать многого, но скажу, что в испанской Белой Армии я почувствовал себя, как и мои товарищи, наконец, исполняющим свой долг. Наш поступок, то, что мы отказались от положенного нам маленького содержания, имея свои деньги, произвел огромное впечатление в нашей роте, где, кстати сказать, все довольствие и содержание идет на счет (личный) организатора роты — нашего капитана — когда-то богатого человека (теперь его имущества конфискованы правительством, и он сам приговорен к расстрелу).

Я, бывший русский офицер, горд и счастлив тем, что выполняю свой долг. Здесь борьба с большевиками не словами, а оружием. А что это большевики и не кто иной, надо посмотреть образцы пропаганды красных, действительно, талантливой. В городке С-о мы с налета захватили весь их пропагандный запас. Там мы захватили сажженные портреты Сталина и

Ленина, образцовые красные уголки, воззвания против религии, отвратительные антирелигиозные плакаты и пр. Испанские офицеры определенно говорят, что все это делается по приказанию резидента Сталина, живущего в Мадриде. В трагическое положение попали те офицеры (и даже генералы), которые пошли служить красным, Их держат, как спецов, при них комиссары, и их расстреливают при первой же боевой неудаче. Мы же здесь, в Белом лагере — все, от генерала и до последнего солдата — испанцы и немногие иностранцы — выполняем свой долг защиты веры, культуры и всей Европы от нового натиска красного зверя.

Если останемся живы, напишем. Если нет, запишите где-нибудь наши имена, чтобы их помянула Будущая Россия.

Искренне ваш, преданный б. поручик артиллерии Н.».

Разумеется, столь пламенный призыв не мог не найти пути к сердцам русских офицеров. Впрочем, были и те, кто категорически не согласился с такой трактовкой событий. Прежде всего — известный русский военный теоретик А.А. Керсновский: *«Когда, наконец, мы поумнеем и перестанем распинаться за чужих? С какой стати и почему проливаем потоки слез и чернил во имя какой-то совершенно ненужной, чуждой и безразличной нам Испании? И если бы только слезы и чернила! Нашлись русские люди, русские офицеры, пошедшие проливать свою кровь на поля Ламанчи, выручая потомков Дон Кихота, — ту самую русскую кровь, проливать которую за чужие интересы они не имеют права, ибо скоро она может понадобиться Матери-России. Без негодования нельзя прочесть ребяческое письмо русского белого офицера, напечатанное в “Часовом” и, увы, перепечатанное очень многими эмигрантскими газетами, в том числе и “Царским вестником”. Он, видите ли, “счастлив, что исполняет свой долг”, как будто*

борьба за испанское благополучие составляет долг русского офицера! Нам важно истребить русских большевиков, а на испанских нам должно в высшей степени наплевать. Пусть нам не морочат голову надоевшей пошлятиной, что борьба с "мировым злом" — наше "общее дело". Почему это вдруг сделалось "общим делом" сейчас, в 1936 году, а не было им в 1917, 1918, 1919, 1920, 1921-м? Что делали тогда эти посылающие нам сейчас свой привет г.г. испанские офицеры? Где они были тогда? Под Тихорецкой? Армавиром? Царицыным? Харьковом? Или, быть может, под Киевом и Орлом? Во всяком случае, опоздав к Московскому походу, они успели, конечно, прибыть к перекопским боям? Под Каховку? Где они были тогда? Много ли их стояло в строю наших офицерских рот? Изнасилованные испанские женщины, расстрелянные испанские священники. Подумаешь, нашли чем разжалобить! А наших русских женщин кто-нибудь жалел? А тысячи замученных русских священнослужителей нашли разве отклик в чьих-нибудь сердцах — французских, немецких, испанских? Это, небось, не было тогда "общим делом". Что за негодование: разрушен Альказар! А когда Иверскую сносили, кто из них возмущался? А когда разрушали старейший наш храм — Десятинную Церковь, воздвигнутую еще Владимиром Красным Солнышком, — кто из г.г. испанцев тогда возвысил свой негодующий голос? Укажите мне испанца, который протестовал бы против уничтожения храма Христа Спасителя! Не знаете. Вот и отлично. А я зато укажу вам русского офицера, туберкулезного, без права на труд, с отобраннным паспортом, которым не так давно — всего несколько месяцев тому назад — г.г. правые испанцы и г.г. правые французы перебрасывались, словно мячиком, через Пиренеи! Вот этот наш искалеченный и гонимый русский штабс-капитан заслуживает в тысячу раз более на-

шего внимания и сострадания, чем все испанские патеры, взятые вместе. Испанский “капитан X” шлет привет русскому офицерству. Запоздало это ненужное приветствие на целых 17 лет. Отчего они не посылали нам, русским, свой привет в 1919 году? Или это тогда не было “общим делом”? Победят белые испанцы — полпредство по-прежнему останется в Мадриде (либо удалится оттуда на самое непродолжительное время). А русских офицеров, имевших наивность (и более чем наивность) сражаться в их рядах за “общее дело”, немедленно же выставляют вон из Испании как “нежелательных иностранцев”. Да еще, чего доброго, предъявят им обвинение в советской пропаганде — как то всегда было в обычае у испанцев в отношении белых русских эмигрантов.

Когда, наконец, мы поймем, что иностранные националисты — будь то испанские белогвардейцы, французские “огненные кресты”, немецкие наци или итальянские фашисты — такие же враги нас, русских эмигрантов и нашей Родины, как и преследуемые ими коммунисты? Не спасать их надо, а повторить мудрые слова Тараса Бульбы: “Чтоб они подошли все, собаки!”».

Однако большинство чинов РОВС свой выбор сделали. Как утверждал генерал Скородумов, большевиков нужно бить везде, где они появятся. Поэтому бывшие добровольцы стали немедленно осаждать управление РОВС с требованиями поскорее отправить их на помощь братскому народу Испании, которому коммунисты уготовили такую же участь, как и их Родине. Однако не все было так просто. Много раз генерал Миллер проводил совещания с высшими начальниками Русского общевойскового союза. На повестке стоял только один вопрос: как организовать отправку добровольцев, если штаб Франко относится к русским с недоверием? Была и другая весьма существенная

проблема: Франция официально стояла в стороне от конфликта в Испании, поэтому переброску русских офицеров-эмигрантов следовало проводить скрытно. На это нужны были средства, которых не было. Больше того, не предвиделось.

Но такая мелочь, как отсутствие средств, не могла остановить ветеранов борьбы с коммунизмом. Генералы Скоблин и Пешня сразу заявили: Лавр Георгиевич Корнилов вел армию в бой, почти не располагая финансами, и ничего, показали большевикам, что такое русский офицер. А мы чем хуже? От слов они моментально перешли к делу, предоставив Русскому общевойсковому союзу всех чинов полковых объединений корниловцев и марковцев, готовых по первому зову бросить все и ринуться в атаку на ненавистный им уже 20 лет красный интернационал.

А вот генерал Туркул, в принципе согласный с тем, что с коммунистами надо бороться везде, где только можно, неожиданно заупрямился. Своего благословления дроздовским чином не дал, заявив, что тут каждый решает сам за себя.

Почин Туркула неожиданно поддержал возглавлявший группу чинов Алексеевского полка полковник Мацьлев. Нет, он, так же как и Антон Васильевич, не был толстовцем. В основе его отказа лежало исключительно отрицательное отношение к Скоблину и Шатилову, поэтому он под разными благовидными предложениями уклонился от предоставления своих однополчан на нужды испанцев.

Больше всех выражал несогласие с отправкой русских добровольцев в Испанию Антон Иванович Деникин. Генерал указывал, что совершенно недопустимо так расточительно относиться к драгоценным жизням, пока большевизм не свергнут: *«Конечно, все наши симпатии и пожелания успеха должны быть на стороне Испании Франко. Мы не можем не от-*

носиться с добрым чувством к тем русским людям — мятущимся душам, — которые пошли туда воевать; такие порывы были всегда у нас, даже в дни Англо-бурской войны. Мы испытываем моральное удовлетворение, когда слышим, что они поддержали там честь русского воина. Но массовое движение в этом направлении не составляет задачи русской эмиграции. Мы не можем позволить себе расточительности — реагировать так на всех полях противокommунистической борьбы, куда Россия во власти большевиков. Ибо кровь и жизнь русских нужна для ее освобождения и строительства».

Наконец Франко соизволил ответить на многочисленные запросы Русского общевойскаского союза. 25 декабря 1936 года генерал Миллер издал циркуляр о порядке приема в армию каудильо. Русских брали в Иностраннный легион с понижением в чинах. Они должны были сами добираться до территории Франко, иметь подписанные генералом Миллером удостоверения о благонадежности и переходить границу Испании по указаниям председателя РОВСа.

Отправка добровольцев происходила под контролем Скоблина. Человеком, который должен был ее организовывать, стал капитан Петр Пантелеймонович Савин, активный помощник Николая Владимировича в контрразведке. После долгих переговоров с посольством франкистской Испании в Риме удалось получить визы на въезд страну для обоих «линейцев». Однако Скоблин под предлогом болезни супруги от поездки отказался. При этом он не предупредил Миллера о том, что сам в Испанию поехать не сможет. Вместо этого сообщил Савину, что компанию ему составит идеолог «Внутренней линии». Рабочую визу переписать удалось достаточно быстро. Оставался последний нюанс — поставить Миллера перед фактом. Шатилова на эту встречу решено было не приглашать, поэтому Ско-

блин и Савин вдвоем доложили председателю РОВС, что его приказание выполнено и представители крупнейшей военной организации русской эмиграции завтра отправляются на переговоры с Франко.

Евгений Карлович был в бешенстве. Понимая, что участие Шатилова в деле явно неспроста, он выговаривал Скоблину за неуместную и даже вредную инициативу. Речь шла уже не о том, кто лучше проведет переговоры. На повестке дня стоял вопрос, почему не выполняются прямые приказы председателя Русского общевойскового союза. Однако ничего изменить уже было нельзя. Визы уже были получены, надо отправляться в дорогу. Миллер скрепя сердце был вынужден поручить Шатилову ведение переговоров, и даже выдал ему три тысячи франков на представительские расходы.

Благодаря авторитету и известности Шатилова со штабом Франко удалось быстро договориться. Чтобы совсем уже не обижать председателя РОВС, он выполнил его пожелание и два раза просил испанцев повысить жалование для русских добровольцев: *«Состояние финансовых возможностей у наших добровольцев чрезвычайно ограничено. Если еще добровольцы, находящиеся во Франции, частично смогут иметь небольшие деньги для проезда через Биарриц и даже через Геную, то добровольцы, находящиеся в Югославии или Болгарии, только в самых исключительных случаях смогут найти средства для оплаты всего пути до Испании».*

На обратном пути в Париж они заехали в Озуар-ля-Феррьер, где жил Скоблин, чтобы поделиться с главным корниловцем новостями. А чтобы еще раз указать председателю Русского общевойскового союза его реальный авторитет в организации, Шатилов выставил ему дополнительный счет на 700 франков. Сказать, что Евгений Карлович был возмущен этим до глуби-

пы души — это не сказать ничего. В письме генералу Абрамову он писал: *«Шатилов заявил мне, что не будет безвозмездно заниматься этими делами. Тем не менее, продолжает интересоваться этим вопросом и старается добыть под него деньги. Все эти проекты, по крайней мере, сейчас, я отношу к области фантазии. Ибо весь его план зависит от субсидии, которая должна быть получена от лиц, которые, по его словам, готовы дать из принципа на противокommунистическую работу. Во всей этой комбинации меня беспокоит та тайна, которою окружаются лица, желающие дать 15 тысяч франков в месяц, и желание Шатилова оставить за собою право распоряжаться этими деньгами. Он неисправим во всем, что касается денег. Он мне представил такой счет своих расходов! Тогда как от его спутника знаю, что они все это путешествие сделали за счет лиц, которые их пригласили туда. У меня не хватило мужества устроить очную ставку между Шатиловым и его спутником. Я не могу, да и не хочу заниматься вопросом, как он будет давать отчет в своих расходах тем, которые ему дадут деньги... Но поскольку этот вопрос своей финансовой стороной связан с Шатиловым, моя душа не может быть спокойной».*

Бывшего начальника штаба Врангеля постоянно обвиняли в том, что он любит деньги. Не знаю, как кто, а я пока не встречал человека, который деньги не любил. Да, Шатилов обладал комфортабельной квартирой, которой завидовали многие генералы. Но в этом нет ничего преступного. Как писал Фридрих Великий, умение обустроить уют на войне есть признак хорошего солдата. Гораздо важнее в этой истории другое: Миллер принял решение заменить Шатилова командиром марковцев генералом Пешней, о чем и сообщил представителям Франко и Савину. Но никаких дивидендов это не принесло.

Пешня и Савин энергично взялись за дело, не забывая информировать обо всех деталях своих соратников. В этом деле им активно помогал адъютант Скоблина капитан Григуль, который лично и формировал группы добровольцев по восемь человек для отправки на битву с испанскими коммунистами.

Первыми уезжали корниловцы. Провожая их на вокзале, Николай Владимирович тщательно инструктировал старшего группы капитана Белина: отдельного купе не занимать, сидеть порознь, поддерживать между собой зрительную связь и ничем не привлекать внимания полиции. У Скоблина были серьезные основания для опасений. Накануне полиция задержала группу молодых французов, которые отправлялись на помощь Франко.

Проводив корниловцев, их начальник немедленно отправил телеграмму французу Барреру, который выступал посредником в переправке русских добровольцев. Поскольку он был владельцем консервной фабрики, текст донесения был вполне безобидным: «Восемь ящиков консервов получены».

Баррер тут же заказал номера в скромном отеле, где приехавшие корниловцы могли пообедать и переночевать. Хозяйка пансиона, настроенная яро антикоммунистически, встретила ветеранов борьбы с ними, как своих близких друзей. Познакомившись со всеми, Баррер рассказал им дальнейший маршрут: нелегальный переход границы в условленном месте, где их встретит представитель Франко и поможет со скорейшей отправкой на фронт.

Таким образом, удалось пополнить испанскую армию 32 опытными бойцами. Все испортили русские газеты в Париже, в которых стали частенько появляться письма добровольцев из Испании. Превзошел всех журнал «Часовой», начавший публиковать статьи некоего Белогорского, который в одиночку добрался до частей Франко. Однако такого человека

никто в русской эмиграции не знал. Но и сохранить инкогнито ему недолго удавалось. Кто-то очень быстро определил: Белогорский — это генерал Шинкаренко, прославившийся стихами памяти барона Врангеля. Обсуждение его рассказов из жизни испанских борцов с коммунизмом привлекло внимание французских властей к проблеме нелегальных переходов границы. Было усилено наблюдение, и пятая группа, возглавляемая капитаном Максимовичем, была задержана полицией. После провала отправки добровольцев из чинов Русского общевойскового союза были прекращены.

Одним из последних русских в рядах армии Франко стал генерал Фок, участник легендарного «бунта маршалов». В бою под Кинто, влюбленный в свою профессию, он командовал артиллерией в одном из отрядов. Красные одержали верх, франкисты дрогнули и побежали. В качестве трофея победителям достался чемодан Фока, в котором были письма и документы, свидетельствующие о полном разрыве с генералом Миллером. Доставленные в Москву, эти бумаги были использованы советской печатью для пропаганды против «оголтелой белогвардейщины»: *«При генерале Кутепове Русский общевойсковой союз представлял собой крупнейшую в эмиграции военную, национальную организацию, сильную духом, непримиримую к большевикам и богатую денежными средствами. Теперь же нет действительной помощи больным, увечным, нетрудоспособным и старикам, что же касается профессиональных военных знаний, то эта широкая работа проводится помимо Вас, и началась она инициативой Великого Князя Николая Николаевича и генерала Головина, под общим руководством которого и ведется.*

Что Вы — человек, по своей психологии чуждый борьбе, учитывал и генерал Кутепов, который, считая Вас своим за-

местителем, как старшего из чинов, на время своих отлучек, приказ о Вашем заместительстве по Русскому общевойсковому союзу на случай оставления им поста Председателя Союза не отдавал. Мне, как и Вам, достоверно известно лицо, предназначавшееся генералом Кутеповым в его заместители, но которое упорно отказывалось (речь, вероятно, идет о генерале Абрамове. — А.Г.). Вступив в исполнение обязанностей председателя РОВС по чисто формальным основаниям, в трагические минуты исчезновения генерала Кутепова, Вы не могли не чувствовать своего несоответствия на занимаемом посту председателя активно-боевой организации — наследницы белой борьбы.

Я считаю, дабы сохранить Русский общевойсковой союз от окончательного развала и вернуть его к исполнению основной задачи — к активной борьбе с большевиками, что Вам надо уйти от занимаемого Вами поста и найти способ передать его в более сильные руки лица волевого, твердого, правильно понимающего обстановку и широкие национальные задачи в борьбе с большевиками».

Спустя несколько недель, в своем последнем бою, генерал Фок, израсходовав все боеприпасы, застрелился. Каудильо Франко не забыл подвига лейтенанта терсио Донна Мария де Молина, наградив его посмертно высшей испанской боевой наградой.

***

А Русский общевойсковой союз медленно, но верно шел к трагической развязке.

В письме к начальнику канцелярии РОВС генералу Кусонскому генерал фон Лампе осведомлялся 14 февраля 1937 года: «Я узнал о “моральном разрыве” между Миллером и Скобли-

ным. В чем дело и что верно в этом? Если бы не было дела Туркула, то это не имело бы значения».

Кусонский спустя четыре дня отвечал ему: «“Морального разрыва” еще нет, но уже можно заметить некоторый отрыв, и Скоблин недоволен Миллером потому, что последний не продвигает его вперед, на что он рассчитывал, зная о неспособности Витковского. Скоблин готов войти в блок с Туркулом, хотя в свое время был резко враждебен к действиям последнего и отлично видел, что из авантюры Туркула ничего не выйдет».

Что касается Туркула, то он фигурирует в этой переписке во многом условно. Во-первых, выход главного дроздовца из Русского общевойскового союза был неприятным, но не фатальным. Его всегда можно было уговорить вернуться. (Последняя такая попытка была предпринята в 1949 году. Но Туркул потребовал для себя должности заместителя председателя РОВС, что было неприемлемо.) А во-вторых, Антон Васильевич все еще сохранял дружеские отношения со Скоблиным. Их частенько видели вместе, ведь ему было необходимо узнать, что происходило в организации Туркула. Близкий к ней капитан Ларионов все больше статьи писал в газеты и о реальных планах генерала ничего сказать не мог. А пускать на самотек организацию главного дроздовца было нельзя.

Летом 1937 года Скоблин и Плевицкая активизировали травлю «старческих голов». Собственно, все это было не ново. Плевица еще задолго до этого критиковала того же Эрдели. Участники Ледяного похода просили ее одуматься, но Плевицкая, прикрываясь авторитетом Скоблина, всем заявляла: *«А вот Коленька думает так же. А если вам нравится смотреть на превращение РОВСа в пансион — не жалуйтесь потом».*

Но одно дело Эрдели, а совсем другое — Миллер. Переступить грань она долгое время не решалась. И все же, выступая в Обществе галлиполийцев, перед исполнением песни «Занесло тебя снегом, Россия», торжественно произнесла: *«Нужно сменить Миллера. Главнокомандующим должен быть Шатилов»*. В зале наступила тишина. Лишь несколько офицеров робко просили Плевницкую одуматься. Генерал Абрамов писал ей тогда: *«Глубокоуважаемая и дорогая Надежда Васильевна! Мы принимаем близко к сердцу все выступления против Е.К. (Миллер. — А.Г.) Мы отлично учитываем то, что у Е.К. много недостатков, но у кого их нет, и кто будет делать лучше него? Я пишу вам об этом также в доверительном порядке. Я разрешаю вам рассказать об этом Николаю Владимировичу, но только ему одному; это не должно идти дальше»*.

Тогда же Скоблин писал своему ближайшему помощнику по Корниловскому полковому объединению полковнику Трошину: *«Что ни говори, но Шатилов думает нашими думами, тем более его возраст есть гарантия, и он не потерял надежды на возвращение домой. Полагаю, что нам удастся поставить Шатилова вместо Витковского, но это трудно, не обойтись без энергичного нажима, тем более что мы, старшие начальники, будем каждый тянуть в свою сторону. Тем не менее, не все потеряно, и мы еще сможем добиться возвращения Шатилова. Ясно, что он не остается бездеятельным, он кое-что делает. Я немного в курсе его дел и по моем возвращении расскажу тебе то, что знаю. Все же пока что могу сказать тебе, что он ведет свою работу в Испании»*.

Последним аккордом прозвучало письмо начальника Объединения чинов Алексеевского полка генерала Зинкевича Ско-

блину 20 августа 1937 года: *«Нужно употребить все усилия к тому, чтобы привлечь генерала Шатилова к сотрудничеству в нашей работе. Все мы ощущаем двусмысленность ситуации, заключающейся в том, что от нашей деятельности отведен самый способный из наших генералов. В близком будущем, благодаря изменениям, вносимым в устав РОВСа, у генерала Шатилова не будет никаких причин к тому, чтобы не вступить в него опять. Может быть, позже удастся поставить его на пост председателя Высшего Совета, место, подходящее ему по праву. Прошу тебя не разглашать никому моих планов, ибо, если они провалятся, то отвечать за это будешь ты».*

В склоке «Кто должен возглавлять РОВС?» на стороне Миллера активно выступал начальник алексеевцев во Франции полковник Мацылев. Он пытался доказать, что Скоблин действует во вред организации и его нужно как минимум отстранить полностью от дел. А лучше всего — предать офицерскому суду чести. В письме Зинкевичу он указывал: *«Генерал Скоблин — человек скользкий, он всячески хочет играть роль. Он очень близок к генералу Миллеру, который, под его влиянием, наделал много глупостей».*

Добившись приема у председателя Русского общевойскового союза, он выложил ему все как на духу. Миллер не выглядел особо удивленным. Поведение генералов ему самому очень не нравилось. Он никак не мог разобраться, откуда у Скоблина и Туркула вдруг появилось столько денег. Это не была зависть бедного к богатому. Как председатель Русского общевойскового союза он обязан был знать, чем это занимаются его подчиненные, пусть один из них уже и ставший бывшим к тому моменту. Удалось выяснить, что Туркул устраивает благотворительные обеды, где и стремился пополнить каз-

ну своей организации на выпуск газет и организацию поездок по Европе для привлечения неофитов. Что касается Скоблина, то с ним было вроде все просто — жил на доходы от концертов своей жены. Однако, подсчитав количество концертов Плевицкой за последнее время, Миллер пришел к выводу, что тут что-то не так.

Разобраться в этом деле Евгений Карлович не успел. Через несколько дней он таинственно исчез.

Похищение генерала Миллера

19 сентября 1937 года корниловцы торжественно отмечали день святых Флора и Лавра — небесных покровителей полка. После молебна в соборе Александра Невского на рю Дарю, с выносом знамен, в Обществе галлиполийцев состоялся юбилейный банкет. Русская эмиграция чтит корниловцев и гордилась подвигом красно-черных воинов. В день полкового праздника поздравительные телеграммы на имя генерала Скоблина буквально завалили управление Русского общевойскового союза. Прийти и лично поздравить «меч Белого Сопротивления» было делом чести каждого русского патриота. Поэтому в тот день в Галлиполийском собрании был аншлаг, что бы ни говорили годы спустя потомки.

О том, как происходило празднование, сохранилось безупречное свидетельство одного из чинов полка: *«Нами были торжественно вынесены черно-красное Ударное знамя, Георгиевское знамя, Николаевское знамя 1-го полка и флаг штаба Корниловской ударной дивизии, сопровождавший нас в боях. Особую торжественность создало внимание к нам наших соратников (дроздовцев, марковцев и алексеевцев. — А.Г.) и потом целовавших наши знамена».*

Генералы Миллер и Деникин произнесли приветственные речи, прославлявшие подвиги доблестных корниловцев. Подчеркивая свое уважение к вождям Белого движения, им, не ме-

нее торжественно, отвечал Скоблин. Газета «Возрождение» в своем отчете о банкете писала: *«Заключительную речь произнес командир Корниловского Полка генерал Скоблин, в прошлом начальник Корниловской Дивизии. Генерал Скоблин состоит в полку с первого дня его основания; он — один из совершенно ничтожного количества уцелевших героев-основоположников. В его обстоятельной и сдержанной речи были исключительно глубокие места. Глубокое волнение охватывало зал, склонялись головы, на глазах многих были слезы. На вечере, как всегда, пленительно пела Н.В. Плевицкая».*

Банкет удался на славу. Гости и хозяева расходились в приподнятом настроении. Никто из них и представить не мог, что тот, кто сидел слева от Скоблина, будет на следующий день похищен. А сам Николай Владимирович станет самым проклинаемым участником Белого движения в русской эмиграции.

***

Ровно в 9.00 22 сентября председатель Русского общевойскового союза вышел из своего дома. Он был само спокойствие. Жена Евгения Карловича не заметила на лице мужа никаких признаков озабоченности. Он должен был заехать на Восточный вокзал, чтобы купить билеты до Белграда для невестки и внучки. Никто и никогда в семье Миллера не знал распорядок его рабочего дня. 22 сентября не стало исключением из правила.

Согласно показаниям Кусонского в суде, почти в 11.00 Евгений Карлович вошел в управление РОВС. Он сразу же зашел в кабинет начальника канцелярии и сказал, что хотел бы с ним переговорить. Спустя час Кусонский услышал от него: *«У меня сегодня много беготни. Сейчас я должен ехать на свидание и на завтрак. Может быть, после этого я вернусь в управление. Не считите меня, Павел Алексеевич, за сумасшедшего. Но я*

оставляю на всякий случай записку, которую прошу не вскрывать».

Кусонский удивился. За все годы знакомства с Миллером он никогда не слышал от него таких речей. Поэтому он просто ответил: *«За сумасшедшего вас не считаю. Записку, конечно, не вскрою и завтра утром верну вам ее нераспечатанной».*

В четверть первого Миллер вышел из управления Русского общевойскового союза. Он не оставил на столе бумаг, как обычно делал, когда рассчитывал вернуться. Однако и не взял с собой портфеля и бумажника, в котором были железнодорожные плацкарты и немного денег. Осталось в кабинете и пальто.

К просьбе Евгения Карловича Кусонский отнесся равнодушно. Вернувшись в свой кабинет, он положил записку в ящик стола, никому о ней не сказав. В 14.45 он ушел домой завтракать. Генерал даже не подумал позвонить в РОВС и узнать, вернулся ли Миллер.

В 20.00 должна была состояться традиционная встреча Общества северян, возглавлял которое председатель Русского общевойскового союза. Странное отсутствие Евгения Карловича заставило сотрудника управления поручика Асмолова позвонить ему домой. Супруга генерала, едва скрывая охватившее ее тут же беспокойство, ответила, что к обеду генерал не приехал и вообще не сообщил семье, что сегодня задержится по делам.

Спустя час жена Миллера сама перезвонила в управление РОВС и попросила известить полицию. Асмолов немедленно отправил курьера с запиской к Кусонскому, прося его как можно быстрее приехать на работу. Вскоре выяснилось, что в тот день Миллера никто нигде не видел. Тут же перезвонил взволнованный адмирал Кедров, которому о таинственном исчезновении Евгения Карловича сообщила его жена. Узнав, что Кусонский уже в дороге, первый заместителя председателя РОВС заявил, что вскоре приедет.

В 23.00 Кусонский приехал в управление. Пройдя в свой кабинет, он достал записку Миллера. Аккуратно вскрыл конверт, достал лист бумаги и прочитал: *«У меня сегодня в 12.30 час дня randevu с генералом Скоблиным на углу рю Жасмен и рю Раффе, и он должен взять меня на свидание с немецким офицером, военным агентом в Прибалтийских странах — полковником Штроманом и Вернером, состоящим здесь при посольстве. Оба хорошо говорят по-русски. Свидание устроено по инициативе Скоблина. Может быть, это ловушка, на всякий случай оставляю эту записку. Генерал Миллер»*. Закончив читать, Кусонский согласно армейской привычке пометил на конверте: **вскрыт в 23 часа.**

Спустя пять минут в кабинет быстрым шагом вошел адмирал Кедров. Кусонский не стал дожидаться вопросов и предпочел не вдаваться в долгие объяснения. Он молча протянул записку Миллера. Кедров погрузился в чтение. С каждым прочитанным словом на его лице отражалась все большая степень удивления, которое граничило с растерянностью. Однако оба эти чувства достаточно быстро уступили место негодованию. Возмущенный до глубины души нерадивостью Кусонского, адмирал высказал ему все, что он думает по поводу такой непростительной оплошности, не особенно выбирая выражения.

Руководители Русского общевоеинского союза решили известить полицию об исчезновении генерала Миллера. Но буквально тут же передумали. Кедров задумчиво сказал: *«А что если генерал Евгений Карлович лежит где-нибудь за городом раненый в автомобильной катастрофе и не имеет возможности дать знать? Ведь Скоблин должен знать об этом свидании и может дать нам необходимые указания»*.

У этого решения было вполне логичное объяснение. Отнеся эту записку в полицию, лидеры РОВС сразу бы подтвердили утверждения некоторых французских газет об их тесных связях с Третьим рейхом. Этого ни Кедрову, ни Кусонскому не хотелось. Поэтому они решили так: прошло уже и так почти полдня, поэтому еще один потерянный час принципиально ситуацию не изменит. Пока же — пошлем за Скоблиным. Знать бы, правда, где он сейчас.

Между тем поднятый среди ночи адъютант Корниловского ударного полка капитан Григуль сообщил, что Скоблин и Плевицкая сегодня решили остановиться в отеле «Паке». Будить генерала вызвался полковник Мацылев. О записке Миллера он ничего не в тот момент еще не знал. Сев в первое же попавшееся такси, он помчался в гостиницу. Постучал в дверь номера. Услышав недовольный голос Скоблина, он сообщил ему, что пропал генерал Миллер и Николая Владимировича срочно просят приехать в управление Русского общевойскового союза. Спустя пять минут начальник корниловцев, в коричневом костюме, без шляпы, с черным переброшенным на руку пальто, уже ловил такси. По дороге Мацылев рассказал ему немного, что сам знал о таинственном исчезновении председателя РОВС. Скоблин спокойно слушал, иногда перебивая, чтобы осведомиться о некоторых подробностях.

Приехали в управление. Поднялись по темной лестнице и вошли: первым Скоблин, за ним Мацылев. Пройдя в кабинет Кусонского, генерал закрыл за собой дверь. Полковник остался в приемной. Все дальнейшие диалоги участников событий приводятся по их собственным (за исключением, разумеется, Скоблина) показаниям следствию:

«— Что случилось?»

— Видите ли, Николай Владимирович, мы обеспокоены отсутствием известий о генерале Миллере. Он исчез бесследно. Но, прежде чем идти в полицию, мы хотели бы выяснить, что вы знаете о нем. Когда вы сегодня видели Евгения Карловича?

— Сегодня не видел. Видел его вчера, когда заходил в управление.

— Но нам известно, что сегодня у вас было с ним свидание.

— Ничего подобного.

— Но нам известно даже время и место свидания, половина первого, угол Жасмен и Раффе.

— Не знаю таких улиц. В половине первого? В это время мы с женой завтракали в ресторане Сердечного. Потом, в 4 часа, с Трошиным поехали благодарить генерала Деникина, за внимание к корниловцам. В 5 часов заехали к генералу Миллеру.

— Подумайте хорошенько!

— Нечего мне думать! Говорю же Вам, что с ним сегодня мы не встречались.

— Тогда поедem в полицию и известим ее об исчезновении Евгения Карловича».

Скоблин не имел ничего против этого. Вместе с Кедровым он вышел из кабинета Кусонского. За ними, надевая на ходу пальто, последовал сам начальник канцелярии Русского общевойскового союза. И тут случилась очередная неожиданная промашка Кусонского. Вместо того, чтобы немедленно ехать в полицию, он обратился к адмиралу Кедрову: «Михаил Александрович, можно вас на минуточку?» С этими словами он увлек его обратно в кабинет, словно желая обсудить подробности разговора со Скоблиным. Начальник корниловцев не стал их ждать и спокойно вышел на улицу. Когда же из здания управления РОВС вышли наконец Кедров, Кусонский и Мацылев, они с удивлением увидели, что Скоблина нигде нет. «Святой

Боже, он сбежал!» — только и смог вымолвить адмирал. Двое его попутчиков не смогли сказать даже этого, настолько были ошарашены всем происходящим.

Первым пришел в себя Мацылев. Он совершенно справедливо заметил, что, видимо, не все знает, и выразил сожаление, что от него скрыли важные детали. Кусонский, переглянувшись с Кедровым, протянул ему записку Миллера. При свете уличного фонаря полковник начал внимательно читать. С каждым предложением в его памяти всплывали все многочисленные подозрения, вызванные странным поведением Скоблина в последние годы. Дочитав до конца, он был уже убежден в виновности главного корниловца. Оставалось решить главный вопрос: куда он мог деться? В этот момент Кусонский высказал предположение, что Скоблин отправился предупредить жену о таинственном исчезновении Евгения Карловича Миллера. Офицеры решили немедленно ехать в гостиницу.

Через двадцать минут Мацылев, настойчиво постучав в дверь, распахнул ее. В номере тускло светила электрическая лампочка, на кровати лежала полуодетая, взволнованная Плевицкая.

«— Что случилось? Где Коля? Где Евгений Карлович? Вы должны мне все сказать! Вы увезли моего мужа? Что вы с ним сделали? Вы его в чем-то подозреваете? Скажите мне, ведь он человек самолюбивый, он может застрелиться.

— Надежда Васильевна, я приехал к вам потому, что надеялся застать его здесь. Неожиданно для нас он выбежал из управления и куда-то исчез. Ничего больше сказать не могу, не знаю. Я спешу. Внизу в такси меня ожидают Кедров и Кусонский. Мы едем в полицию, чтобы заявить об исчезновении генерала Миллера».

Окончательно убедившись, что помимо председателя Русского общевойскаского союза теперь куда-то пропал еще

и начальник корниловцев, трое офицеров отправились в полицию. Полусонные полицейские вообще долго не могли понять, чего от них хотят эти странные русские. На часах было 3 часа 15 минут.

Кусонский вспомнил, что у Скоблина был личный автомобиль, объект гордости хозяина и жгучей зависти большинства эмигрантов, едва сводящих концы с концами. Закончив дела в полиции, все трое отправились в гараж. К их огромному удивлению, машина с номером «1988 ОУ5» оказалась на месте. Охранник сказал, что владелец сегодня не появлялся.

* * *

А что же Скоблин? Выйдя из управления Русского общевосточного союза, он отправился в гараж, где работал полковник Воробьев, женатый на его сестре. Однако в ту ночь у него был выходной, и он мирно спал дома, в нескольких десятках километров отсюда. Узнав об этом, Николай Владимирович растерялся. Ведь, торопясь в РОВС, он уехал из гостиницы без бумажника. Неожиданно он вспомнил, что буквально в нескольких кварталах отсюда находится книжный магазин, принадлежавший полковнику-корниловцу Кривошееву. Тому самому офицеру, который был автором текста полкового марша, а потом, уже в Галлиполи, написал новый гимн ударников:

*Пусть наши ряды поредели,
Пусть многие в битвах легли,
Враги отходную спели, —
Мы знамя свое сберегли.
Цело наше Русское Знамя, —
Ему наше сердце верно...
Надежды горячи, как пламя,*

*И жизненно наше зерно.
Начав с Ледяного похода,
Чем русскому сердцу больней, —
Тем выше нам благо народа,
Тем русское любим сильней.
Пролитая кровь и страданья,
Потеря Родимой Земли,
Оставшихся за год изгнания
Сковали нас крепче семьи.
Как волны бы нас ни носили,
Пусть только туман впереди, —
В Вождя, в Воскресенье России
Сильна у нас вера в груди!
Мы честно боролись три года.
В изгнании год — ничего.
Нам Родина, Честь и Свобода —
И выше, и прежде всего!
«Безумцы!» нам крикнут, быть может,
Но искренно мы говорим:
«Мы верим, что Бог нам поможет,
Что правое дело творим».*

Скоблин немедленно отправился домой к Кривошееву. Постучав в окно, он разбудил жену полковника. Не зажигая света, она вышла на улицу:

«— Это вы, Николай Владимирович?

— Да. Где ваш муж?

— Он работает в городе. А который час?

— Около трех.

— Он продает газеты у метро.

— Можно попросить у вас стакан воды? (Спустя годы этот стакан воды трансформируется в стакан водки. — А.Г.)

— *Пожалуйста, прошу вас.*

— *У меня большая неприятность. Потерял бумажник. Хотел бы попросить у вашего мужа сто франков.*

— *Может быть, вам нужно больше?*

— *Если можете — лучше двести, верну вам завтра вечером».*

Галантно поцеловав на прощание руку Кривошеевой, он вышел из магазина. Глядя, как он уходит в ночь, она даже представить себе не могла, что стала последней, кто видел бывшего начальника Корниловской ударной дивизии, кавалера ордена святого Николая Чудотворца, генерал-майора Николая Владимировича Скоблина живым. По крайней мере — из русских эмигрантов.

***

В 5 часов 15 минут утра 23 сентября два полицейских инспектора произвели первый допрос Надежды Васильевны Плевицкой. Французским языком она не владела, поэтому в качестве переводчика был приглашен полковник Мацьлев. Удалось буквально по минутам воспроизвести, что делала певица накануне и чем был занят в это время ее муж.

Согласно ее показаниям, в тот момент, когда неизвестные похищали председателя Русского общесоинского союза, они завтракали в русском ресторане. После этого Скоблин отвез Плевицкую в магазин модной одежды «Каролина», где она заказала новые платья. Пока шла примерка, Николай Владимирович сидел в машине, ведь он терпеть не мог магазинов. Закончив с покупками, они отправились на вокзал, провожать в Брюссель приезжавшую на юбилей полка дочь генерала Корнилова.

Полицейских ее показания вроде бы удовлетворили, однако они решили на всякий случай отвезти ее к следователю, которому и было поручено расследование таинственного исчезновения лидера русской военной эмиграции. На новом допросе Плевицкая с еще большей тщательностью описала весь предыдущий день. Таким образом, в дело генерала Миллера был вложен первый документ, который гласил: Плевицкая и Скоблин вышли из отеля ровно в 12 часов. Через 20 минут он пришел в гараж и взял свой автомобиль. В 12 часов 25 минут они приехали в ресторан, вышли из него в 12 часов 50 минут. В магазине «Каролина» они были 12 часов 55 минут. Провели в нем 40 минут и уже в 14.00 приехали на вокзал.

Следователь немедленно взялся проверять показания Плевицкой. И сразу же стали выявляться нестыковки с версией певицы. Хозяин гостиницы показал, что Скоблин с супругой вышли из номера в 11 часов. Служащий гаража уверял, что машину забирали в 11.20. Официант, посудомойка и лакей ресторана, не сговариваясь, заявили, что генерал с певицей появились в 11 часов 25 минут. Запомнили они это лишь потому, что обычно Скоблин и Плевицкая занимали свой любимый столик. А в тот день почему-то присели к бару и заказали два бутерброда с икрой. Объясняя столь необычное для них поведение, генерал сказал, что они очень торопятся.

Владислав магазина модной одежды «Каролина» Эпштейн показал, что Плевицкая пришла к нему одна в 11 часов 55 минут. Примеряя платье, она говорила, что муж ждет ее на улице в машине. Эпштейн предложил ей пригласить Скоблина, но Плевицкая ответила, что это не нужно, зашла она всего на несколько минут. Однако несколько минут превратились в 1 час 35 минут, проведенные ею в магазине. Оформив заказ на

платье за 2700 франков, она оставила задаток, пообещав уже в ближайшие дни приехать и расплатиться полностью. Пять минут спустя после ее ухода из магазина в «Каролину» вошел Скоблин.

Следователь тут же пришел к выводу, что коли так, значит, и на вокзал Скоблин и Плевацкая приехали отдельно друг от друга. До сих пор непонятно, на основании чего был сделан вывод, что Плевацкая приехала туда на такси ровно на пять минут раньше Скоблина.

В результате у него получилось, что в промежутке между 11 часами 55 минутами и 13 часами 35 минутами генерала никто не видел и создать ему алиби не может. А это означает, что он вполне мог бы участвовать в похищении председателя Русского общевойскового союза Евгения Карловича Миллера. В ту же минуту следователь решил, что Скоблин явно передал своего «пленника» в руки немецкой разведки.

Между тем многие в эмиграции не поверили такому страшному обвинению. Широкую известность получила статья последнего начальника штаба Корниловской ударной дивизии полковника Месснера: *«Уважение, созданное на поле боя, уважение солдата к храброму солдату не может легко исчезнуть, и поэтому я не могу поверить в то, что генерал Скоблин как агент большевиков увез генерала Миллера. Чтобы поверить этому чудовищному обвинению, нужно нечто большее, чем порою явно фантастические сообщения французских газет и неясные обстоятельства, могущие оказаться просто случайным сцеплением обстоятельств.»*

Я не потому не верю в предательство генерала Скоблина, что оно невозможно — на свете все возможно, — а потому, что оно противоречит моему представлению о Скоблине. Я его, очень смелого, немного легкомысленного, считаю спо-

собным украсть человека, но только — ради ему близкой политической цели, а не по заданию большевиков».

Между тем, тщательно сравнив показания Плевицкой и свидетелей, полиция окончательно убедилась: ей было что скрывать. Судя по всему, она заранее подготовилась и именно поэтому так четко отвечала на вопросы и не путалась во времени и деталях. Это вывод позволил следователю утверждать, что Скоблин специально уговорил дочь генерала Корнилова возвратиться в Брюссель именно 22 сентября, поездом, который отходил в 14 часов 15 минут. Его присутствие на вокзале должно было бы лучше доказать: в момент похищения председателя Русского общевойскового союза Евгения Карловича Миллера Николай Владимирович Скоблин был совершенно в другом месте.

После допроса Плевицкая отправилась в Общество галлиполийцев. Ей надо было поговорить обо всем с адъютантом Скоблина, капитаном Григулем. Подробности их беседы неизвестны, но, по всей видимости, ничего особенно значимого сказано не было. Судить об этом позволяют показания корниловца в суде, где он честно и откровенно рассказал обо всем, что знал. Тем более он и так оказал следствию неоценимую помощь.

Дело в том, что именно Григуль был тем человеком, который сопровождал Плевицкую на допрос. Это его дочери (спустя годы ее почему-то станут называть уже внучкой. — А.Г.) певица передала в полиции на хранение некоторые вещи, в числе которых оказалась и записная книжка Скоблина. Девочка совсем забыла об этом и лишь через три дня рассказала отцу. Разумеется, Григуль узнал много раз виденный им блокнот генерала. Он решил немедленно сдать его в полицию.

Следствие было счастливо получить в свои руки такую весомую улику. Тем более, что на одном из листов обнаружили весьма подозрительную надпись: *«Особо секретным денежным письмом. Шифр: пользоваться Евангелием от Иоанна, глава XI. Числитель означает стих, знаменатель — букву. При химическом способе: двухпроцентный раствор серной кислоты. Писать между строк белым пером. Проявлять утюгом. Письмо зашифровывается: милостивый государь без многоуважаемый».*

Следователь немедленно решил, что все это явно неспроста. В своем рапорте он, в частности, написал: *«Если бы часы, указанные мадам Скоблиной, были проверены не сразу же на следующий день, а спустя несколько недель после похищения, то свидетели не смогли бы показать столь точно. Не будь письма, оставленного генералом Миллером, представленное алиби оказалось бы неоспоримым, и в отношении Скоблиных нельзя было бы высказать какое бы то ни было подозрение».*

В результате было принято решение арестовать певицу. Своим адвокатом она решила взять Филоненко, чем, мягко говоря, шокировала всю русскую эмиграцию. Дело в том, что сей служитель Фемиды прославился в 1917 году, когда принял участие в корниловском мятеже. Выступая потом в суде, он заявил: *«Я очень уважаю Лавра Георгиевича, но его нужно расстрелять. И я буду первым, кто отнесет цветы на его могилу».* Надо ли говорить, что все чины легендарного ударного полка питали после этого к Филоненко «особо трепетные чувства». И Скоблин не был исключением...

***

В день похищения председателя Русского общевойскаского союза Скоблин буквально вихрем носился по всему Парижу.

В 16.00 в сопровождении полковника Трошина и капитана Григуля он приехал к генералу Деникину и сказал ему: *«Ваше превосходительство, позвольте мне от имени всех корниловцев покорнейше поблагодарить Вас за то, что вы приняли наше приглашение и приехали на юбилей. Все мы были рады, а ваши слова о беспримерной доблести полка растрогали всех корниловцев до глубины души.*

— *Встрече со славными корниловцами я всегда рад!*

— *Ваше превосходительство, покорнейше прошу Вас принять участие и в праздновании юбилея чинов полка в Брюсселе. Присутствие генерала-первопоходника будет приятно всем корниловцам».*

Однако Антон Иванович от предложения отказался. Мотивировал он это тем, что у него сейчас есть срочные дела, а Скоблин мог бы и заранее об этом предупредить. Все уговоры генерала успехом не увенчались. Деникина не зря называли непреклонным...

(Через 60 лет после этих событий дочь генерала так опишет эти события: *«Скоблин приехал в своем автомобиле. Наши окна выходили во двор. И папа видел, что там два человека вокруг автомобиля гуляют. А Скоблин стал благодарить папу за то, что он приехал на Корниловские празднества, а потом начал его уговаривать поехать с ним в Брюссель, где будут новые торжества. Папа отказывался. А когда тот стал его упрашивать поехать на автомобиле, папа совсем рассердился. И вдруг открылась дверь в соседнюю комнату, а там натирал пол наш друг — казак, он услышал, что папа сердится, и вошел. Скоблин, увидев казака огромного роста, явно испугался, тут же простился и ушел. На следующее утро все газеты написали о похищении генерала Миллера и о том, что генерала Деникина тоже едва не похитили».*

Странно, что Антон Иванович не узнал Григуля и Трошина. Еще более странно, что Марина Деникина-Грей, автор книги о похищении Кутепова и Миллера, так и не узнала, кто же были эти два человека, которые прогуливались около автомобиля. Хотя они стояли навытяжку перед генералом в тот момент, когда Скоблин уговаривал его ехать в Брюссель. И оба проходили свидетелями по этому делу и выступали в суде...)

Спустя час трое корниловцев вошли в квартиру Евгения Карловича Миллера. Узнав о том, что председателя РОВС нет дома, они крайне огорчились. Выразив жене сердечную благодарность от лица всех чинов полка за те добрые слова, которые генерал высказал им на юбилее, Скоблин, Трошин и Григуль откланялись. Лишь Николай Владимирович на секунду задержался в дверях, смотря на кресло, в котором любил сидеть вечерами хозяин дома.

***

1 октября 1937 года в парижском Дворце правосудия Надежду Плевицкую подвергли первому по-настоящему серьезному допросу. Следователь, выражаясь фигурально, решил сразу зайти с козырных карт: пригласил присутствовать при этом жену и сына похищенного генерала Миллера. Их встреча с Плевицкой была весьма драматичной о чем можно судить даже по беспристрастной стенограмме:

«Следователь: Как вы провели четверг? Что делали? С кем встречались? Видели ли мужа?»

Плевицкая: Если бы я его увидела, я бы вцепилась в него, не отпустила бы от себя, на эшафот вместе с ним пошла, чтобы он ни сделал! Но я не нашла его. Не нашла моего Николая. Я знаю, генерал Миллер исчез, это несчастье. Но поймите, мой муж бросил меня. Покинул.

Следователь: Где же вы были весь день? Где его искали?

Плевицкая: Я сама не знаю. Я как безумная была. Ходила, брала такси, в Булонский лес, в Сен-Клу, сама не знаю куда. Я Парижа не знаю, улицы не помню. Всегда муж возил меня в автомобиле. В каждой машине мерещилось мне, не он ли? Галлюцинации какие-то. Я даже думала, не у Миллера ли он.

Следователь: Если вы думали, что ваш муж мог быть в доме генерала Миллера, почему вы не поехали туда?

Плевицкая: Я по-французски не говорю, на какой улице была тогда, не знала. Ну как я могла знать, как туда ехать? А потом я боялась. Может быть, он не там.

Следователь: Почему Вы не позвонили по телефону?

Плевицкая: Не умею говорить. Не могу. Вообще я растерялась.

Следователь: Где вы завтракали и обедали в тот день?

Плевицкая: Я не ела весь день. Была в кофе на площади Жанны Дарк около Тюйлериского сада. Надеялась, что сюда придет мой муж, здесь мы бывали часто.

Следователь: Были ли у вашего мужа деньги, когда он уходил из отеля "Паркс"?

Плевицкая: Нет, у него ничего не было. Уходя с Мацылевым, он оставил в отеле бумажник со всеми нашими деньгами.

Следователь: На какие деньги жили вы и ваш муж?

Плевицкая: Я давала концерты, хорошо зарабатывала, особенно в турне по Прибалтике, в Финляндии, на Балканах.

Следователь: Но мы знаем, что вы жили выше ваших средств.

Плевицкая: Нет, нет. А когда нам не хватало денег, мой друг Эйттингон выручал нас. Он — богатый человек, присылал нам деньги из Берлина. А сколько — точно не помню. Это знал мой муж, он вел наши денежные дела.

Миллер: Вы же знаете, что случилось. Вы обязаны помочь найти наших мужей.

Плевицкая: Но я ничего не знаю, я ни в чем не виновата.

Миллер: Умоляю Вас, скажите всю правду, все, что вы знаете.

Плевицкая: Но я, в самом деле, ничего не знаю! Как Вы могли поверить этим подлым слухам?

Следователь: Скажите, а почему Вы не пришли к мадам Миллер, узнав о постигшем ее горе? Ведь эта семья была Вам не чуждой

Плевицкая: Не знаю. Об этом совсем не думала.

В этот момент следователь вытащил из ящика стола записную книжку Скоблина. Это был сильнейший психологический удар. Плевицкая немигающим взглядом смотрела на нес несколько, показавшихся ей целой вечностью, секунд. Она с тревогой ждала вопроса. И он последовал, но вовсе не тот, к которому она морально успела подготовиться: «Скажите, что означает эта запись в блокноте вашего мужа: “Передать Е.К. о свидании в 12 ч. 30 м. 3 П 67 гри”?»

Плевицкая, едва отдышавшись, смогла выговорить лишь: «Ничего не знаю, ничего не понимаю».

Следователь, казалось, только этого ждал. Пристально глядя в глаза Плевицкой, он чеканил слова, как шаг на параде: «Все ясно. Ваш муж заманил генерала Миллера на свидание. Он главный виновник похищения. А Вы — его сообщница».

Оставшиеся вопросы, самым главным из которых был финансовый, сути уже не меняли. Плевицкая вдруг отчетливо поняла, что выбраться из этого капкана будет очень сложно, если вообще возможно. Ни одному ее слову следователь не верил. Вдова Миллера всем своим видом показывала, что считает именно Скоблина главным виновником похищения

председателя Русского общевоинского союза. Друзья мужа отвернулись от нее. Она осталась одна против всех. Русская эмиграция словно мстила ей за годы триумфа. Она еще не знала, что главный удар по ней наносится как раз в эту минуту...

***

Несмотря на всю закрытость «Внутренней линии», избежать утечки информации не удалось. Некоторые документы попали в руки членов Национально-трудового союза нового поколения. 9 октября 1937 года был обнаружен доклад парижского отделения. В зале Социального музея яблоку негде было упасть. В гробовой тишине люди слушали ужасающие подробности:

«Вся русская эмиграция взволнована сейчас исчезновением генерала Миллера. Наш союз в лице Председателя РОВСа потерял доброго друга, лично относившегося к нам с неизменной и глубокой симпатией. Этот удар, нанесенный большевиками РОВСу, фактически нанесен всей национальной эмиграции, ибо основным мотивом преступления несомненно являлось желание большевиков провести на руководящие посты РОВСа людей, тесно связанных с конспиративной организацией, именуемой "Внутренняя линия". На пути осуществления этого плана стоял генерал Миллер, которого надо было заменить своим человеком.

Цель же "Внутренней линии" заключалась:

- 1) в насыщении своими агентами всех национальных русских организаций в эмиграции.*
- 2) в объединении этих организаций под единым руководством и контролем "Внутренней линии", которая к этому*

времени должна была занять все командные посты в РОВСе и использовать его доблестный флаг.

3) в полной изоляции и дискредитировании НТСНП как организации, ускользнувшей от ее контроля и ведущей самостоятельную непримиримую и решительную борьбу с поработителями России.

До сего времени мы не вскрывали публично эту организацию, считая, что такое вскрытие может быть принято как интрига и клевета против самого РОВСа. Но о существовании подрывной и подозрительной работы “Внутренней линии” мы своевременно сообщали ответственным руководителям РОВСа и других организаций. Предавая гласности часть имеющихся у нас данных, мы настойчиво подчеркиваем, что большинство рядовых сотрудников в этой “Внутренней линии” — честные и порядочные люди, поверившие своим руководителям — людям с именами и боевыми заслугами в прошлом...»

Когда же один из докладчиков напрямую обвинил во всем генерала Шатилова, по залу пробежало заметное волнение. Пришедшие на это собрание ждали сенсации. И получили ее, услышав: «“Внутреннюю линию” надо выжигать каленым железом!»

В своих воспоминаниях «Новопоколенцы» Борис Прянипников приводит финальную часть своего выступления: «Для нас нет никакого сомнения в том, что похищение генерала Миллера организовано большевиками.

В расчеты большевиков не входила записка генерала Миллера.

Допустим на несколько минут, что генерал Миллер записки не оставил. Посмотрим, какие положительные результаты получили бы большевики:

1. Факт второго похищения Председателя РОВС должен был показать всем, что именно Русский общевойсковой союз почитается большевиками врагом № 1.

2. По всем данным, нужный “свой человек”, Н. Скоблин, становится в легальном порядке начальником I Отдела РОВС. Такое положение, как одного из руководителей организации “враг № 1”, придает ему исключительный авторитет.

3. Этот искусственный, раздутый авторитет безусловно обеспечивал ему решающее влияние в проектируемом и весьма вероятно инспирированном “Внутренней линией” центре объединенных организаций.

4. Наконец, устранялся с пути неудобный для “Внутренней линии” генерал Миллер, знавший много о ее деятельности.

Национально-трудовой союз нового поколения принужден был бы выбирать между вступлением под контроль “Руководящего Центра” или травлей со стороны линейца Скоблина и руководимых им через агентуру “Внут. линии” эмигрантских организаций, входящих в этот центр, за срыв “святого” дела объединения.

Таким образом, через “Внутреннюю линию”, большевистский агент направлял бы деятельность объединенной русской эмиграции, а НТСНП, как не поддавшийся на провокацию, стал бы изолированным в эмигрантской среде, травимый и гонимый своими же.

Такое положение могло быть желательным только большевикам. Весь этот план сорван запиской генерала Миллера».

***

Русский общевойсковой союз ответил достаточно оперативно. Начало в информационной войне положил «Вестник гал-

липолийцев», в статье о похищении генерала Миллера написавший: «Роль Скоблина в этом деле не ясна». Дальше в ход пошла «тяжелая артиллерия» в лице Ивана Лукьяновича Солоневича. обстоятельно побеседовав с генералом Абрамовым, он вынес твердое убеждение, что Скоблин предателем быть не может, потому что этого не может быть никогда. В своей газете «Голос России» он опубликовал огромную статью в поддержку главного корниловца: *«В наше время возможны всякие варианты азефовщины. Однако генерал Скоблин, главным образом благодаря его жене Н.В. Плевицкой, был вполне обеспеченным человеком и имел возможность разъезжать по Европе на собственном автомобиле. Плевицкая не так давно получила весьма основательную премию по поводу ее автомобильной катастрофы. Я не склонен предполагать генерала Скоблина таким идиотом, который имея на глазах целый ряд примеров, начиная от Слащева и кончая Тухачевским, стал бы продавать свою душу за чертовы черепки. За ним — немалый боевой стаж, а Надежда Васильевна — глубоко и искренне верующая женщина, и предположение, что она могла участвовать в предательстве, мне кажется чрезвычайно маловероятным».*

Правда, достаточно быстро Иван Лукьянович изменил свою точку зрения и впоследствии писал:

«Я не хочу повторять всей истории наших софийских мытарств. Да, были самые лучшие отношения с РОВСом. Да, я слал ему на добровольную цензуру свои сомнительные статьи. Да, написал под его диктовку и скоблинскую статью. Нужен был, во-первых, скоблинский удар по черепу, и, во-вторых, нужно было на своем собственном опыте прощупать ту страшную настойчивость, с которой из года в год пряталось от глаз эмиграции то самое место, в котором сходятся нити Мон-

кевицей, Линицких, Коморовских, Скоблиных и Н. Абрамовых. Эта настойчивость была прощупана. Всякие иллюзии были сметены.

Думать о том, что Скоблин действовал в одиночку, могут только люди безнадежно наивные. Вся сеть осталась нераскрытой. Всякая посылка в Россию неизбежно запутается в этой сети. Да и зачем слать? Террор? Три-пять актов за двадцать лет — и это на полтора миллиона коммунистов? Пропаганда? А что пропагандировать? РОВСовскую аполитичность? Заниматься шпионажем? Пусть занимаются те, кого для этого дела нанимают иностранные контрразведки.

Знаю, умные люди скажут: разваливаю и ту, пусть слабую, работу, какая была. Отвечаю: вся эта работа была ерундой. Новую можно строить только в том случае, ежели скоблинская база будет окончательно расчищена. Мы не можем тратить на одного рядового коммуниста по десяти наиболее жертвенных людей эмиграции — никаких кадров не хватит.

Словом, после скоблинской истории, а также и ее продолжения стало совершенно ясно: никаких дел «на Россию» с этой публикой вести нельзя. Нельзя вести даже и помимо этой публики, ибо она пронюхает и... выдаст. Нельзя вести еще и потому, что попробуйте вы доказать, что Иван Лукьянович — не просто второе издание Скоблина».

Следующий номер «Вестника галлиполийцев» содержал уже две статьи на заданную тему. Тон задал капитан Ларионов: «Я не хочу разбирать всю нагроможденную чепуху, все хрупкое, подтасованное здание фантастических преувеличений большого воображения и просто клеветы». Еще дальше пошел капитан Полянский: «РОВС пережил еще один удар, и этот удар только закалил в борьбе, научил и сплотил то основное ядро, которое составляет его силу».

Но это была только прелюдия. Все ждали, что же скажет Шатилов. И он не мог долго стоять в стороне, наблюдая, как втаптывают в грязь его имя. 16 октября в парижской газете «Последние новости» вышло интервью с генералом, где он постарался расставить все точки над «i» в истории «Внутренней линии».

«Организация возникла в 1926—27 годах по личной инициативе генерала Кутепова, который подобрал несколько надежных офицеров и поручил им наблюдать за тем, чтобы в нашу среду не проникали большевистские агенты. На этих офицерах лежала задача укреплять авторитет начальников, сохранять связь с Софией и одновременно обслуживать Кутепова, привлеченного Великим князем Николаем Николаевичем для специальной деятельности.»

Цели “Внутренней линии” имели исключительно местное — зарубежное значение и такими оставались все время. Свою работу генерал Кутепов вел по другим каналам.

Месяца два спустя после моего ухода я узнал от генерала Миллера, что он приказал деятельность “Внутренней линии” прекратить. А спустя, примерно, год я узнал от некоторых начальников 1-го армейского корпуса, с которыми встречался, что организация возобновила работу и что во главе ее поставлен генерал Скоблин.

Миллер, как и я, никогда во главе “линии” не стоял и ею не управлял. Он имел к ней отношение только как начальник РОВС. “Внутренняя линия”, по моему убеждению, давно умерла. Но я не хочу отмежеваться от тех, кто бескорыстно и с полным сознанием долга принимал участие в этой работе.

Я членом организации не состоял, но по внутренней переписке организации, руководство которой в значительной части

было возложено на меня (я принимал доклады, давал задания и указания), мое имя также обозначалось псевдонимом. Поскольку существовал какой-то, я его не соблюдал и обещания не приносил. Однако и устава никакого не было».

Не успела русская эмиграция вдуматься в содержание этого интервью, как заговорил «великий немой» капитан Закржевский: *«Мы оберегали РОВС и помогали его возглавлению. И обратите внимание: за указанный период, с осени 1930 по осень 1935, у нас не было ни крупных потрясений, ни похищений. Значит, мы свою роль выполняли честно и в достаточной мере бдительно. Генерал Миллер не только знал о работе “Внутренней линии”, но знал всех ее чинов, доверял ей и неоднократно пользовался ее услугами».*

Разумеется, оба послания не остались без внимания членов НТСНП. Они разобрали интервью Шатилова буквально по предложениям, указав минимум пятнадцать пунктов, в которых ближайший помощник Врангеля обманывал русскую эмиграцию. Еще больше досталось Закржевскому, который, дав интервью, снова принял «обет молчания». А отвечать все же надо было, слишком серьезные были пункты обвинения. Вот лишь некоторые из них. Похищение генерала Кутепова не было предотвращено. Генерал Миллер был похищен видным деятелем «Внутренней линии» Скоблиным. Именно «линейцы» и провоцировали конфликты между РОВС и НТСНП.

И все же Шатилов больше не проронил ни слова. Дескать, я все сказал, а там — думайте, что хотите. Вместо него выступил капитан Ларионов. *«Целью выступления НТСНП было не разоблачение, а сведение личных счетов. Не очистка рядов от провокаторов, а внесение розни в ряды национальных организаций. Не служение идее Национальной Революции, а само-*

реклама. Не борьба с большевиками, а борьба с РОВС. Полагая, что союз тяжело болен, решили “придушить дядюшку”, чтобы воспользоваться на правах родственника кое-каким добришком. Но Русский общевоинский союз еще не развалился и найдет внутренние силы, чтобы перенести очередной большевистский удар». В довершение он обвинил Прянишникова во лжи и пригрозил подать в суд. «Борец за правду» немедленно успокоился и продолжил свои разоблачения лишь спустя 20 лет.

Однако НТСНП не собирался останавливаться в своем расследовании действий «Внутренней линии»: «*Наши разоблачения, как это легко было предвидеть, всколыхнули эмиграцию и вызвали в ней самые разнообразные чувства и настроения. Не нужно думать, что это печальная привилегия только нашей эмиграции, являющаяся прямым результатом господствующего у нас разброда умов. Тем не менее всегда, как и у нас сейчас, создается обстановка нервозности и напряжения, которую спешат использовать ловцы рыбки в мутной воде. Если мы не хотим попасть на крючок этих ловцов, нам необходимо соблюдать максимум выдержки и спокойствия, а главное, не давать возможности быть властителями наших дум тем, кто главной своей целью ставит внесение раздоров в национальную эмиграцию.*

К сожалению, нам не известен ни один положительный факт, который мы могли бы внести в актив “Внутренней линии”. Ни один большевистский провокатор (а сколько их было в эмиграции?) не был “Внутренней линией” публично разоблачен. По крайней мере, мы о таких случаях не слышали. Что, кроме демагогических фраз, могут выставить в свою защиту ответственные руководители “Внутренней линии” и их анонимные коллеги... или покровители?

Из сопоставления пассива и актива “Внутренней линии” становится очевидным, что она не только не была “глазами и ушами РОВС”, его “ангелом хранителем”, что это не только вредная, но и преступная организация.

Защищая ее, каждый чин РОВС, каждый вообще порядочный русский человек должен отдавать себе отчет, какую он принимает на себя ответственность.

“Внутренняя линия” должна быть до конца разоблачена (включая центр) и распущена как организация, одинаково вредная для РОВС и Национального дела.

Говорить же о том, что, разоблачая ее работу, “вытаскиваешь публично грязное белье”, могут только люди, потерявшие всякое уважение к своему званию эмигранта, не понимающие ни размаха работы этого “Третьего треста”, ни приносимого им вреда».

***

Похищение Миллера и таинственное исчезновение Скоблина дало журналистам всего мира прекрасный шанс проявить себя. Каждый уважающий себя автор считал своим долгом выдвинуть версию, обставив ее умопомрачительными деталями, каждая из которых словно выходила из-под пера минимум Эдгара По. Начало было положено французскими газетами. Организатором похищения председателя Русского общевойскового союза четко называли НКВД, пусть даже авторы и не могли расшифровать эту странную аббревиатуру. Прокоммунистические издания, напротив, уверяли всех, что это дело рук гестапо. Эмигрантская печать ежедневно выдавала одно разоблачение за другим, благо многочисленные выступления членов НТС давали прекрасную пищу для размышлений.

Не остались в стороне и советские журналисты. К примеру, газета «Известия» в своей передовице писала: *«Фашистские газеты объявили: “генерал Миллер похищен представителем Советского Союза Скоблиным. Его погрузили на советский пароход и повезли в Ленинград”. Действительно, как могут обойтись жители Ленинграда без генерала Миллера? Второе, удешевленное, издание дела Кутепова состряпано».*

Корреспондент «ТАСС» передавал из Парижа: *«Все отчетливее выясняются связи Скоблина с гитлеровским гестапо и звериная злоба и ненависть, которую питал Скоблин к Советскому Союзу. Ряд газет приводит заявление директора одного из парижских банков, который сообщил, что Скоблин располагал крупными средствами и часто менял в банке иностранную валюту. Из заявления банкира вытекает, что источником средств Скоблина являлась гитлеровская Германия».*

Вести следствие в такой ситуации сложно. Каждый твой шаг будет рассматриваться сотнями глаз, каждый из которых мнит себя гением сыска и норовит лезть с советами. Но работа есть работа. В первые же дни после похищения председателя Русского общевойскового союза полиция потрудилась на славу. Были произведены обыски в квартире Миллера, управлении РОВС, Обществе галлиполийцев, в помещении Русского национального союза участников войны и Русского исторического союза. С особой тщательностью изымались документы из квартир Трошина, Савина, Григуля. И разумеется, Скоблина. В результате в деле скопилась груда бумаг на непонятном для французов языке. Пришлось нанять целую группу переводчиков, которая с утра до вечера несколько месяцев подряд только и делала, что готовила материалы для следствия. А поскольку никто не мог сказать точно, что именно надо искать, пришлось переводить все.

Пока переводчики трудились не покладая рук, полиция начала внимательно изучать показания свидетелей и уже готовые документы на французском. Их разочарованию не было предела. Достаточно быстро выяснилось, что толку от этого никакого нет. Единственным достижением можно было считать то, что в похищение Миллера не обвинили весь Русский общевойсковой союз. Эта версия была выдвинута с самого начала, но в процессе следователи пришли к мнению, что подобный маккивализм несчастным эмигрантам не под силу.

Следом за ней была отброшена в сторону теория, что Миллера похитили фашисты. Сначала долго выясняли, какие именно: португальские, испанские, германские или итальянские. Потом пришли к выводу, что единственная ниточка, которая связывала это дело с какой-либо фашистской партией, это Туркул, запятнавший себя постоянными поездками в Берлин. И сидеть бы главному дроздовцу на скамье подсудимых, если бы в дело не вмешалась газета «Правда». Ее передовица убедила следствие, что они пошли по ложному следу:

«Исчезновение генерала Миллера было проведено с целью поставить во главе белой эмиграции более подходящего для Гитлера человека, что, несомненно, в интересах той части белой эмиграции, которая связана с фашистской Германией. "Попюлер" передает далее небезынтересные сведения о положении внутри "Российского общевойскового союза". Миллер, по словам газеты, не проявлял того рвения и горячности в отношении службы Гитлеру и генералу Франко, которых хотели бы от него некоторые из главарей РОВСа. Миллер будто бы отказался обратиться с воззванием к чинам РОВСа, вступить в войска испанских мятежников. Некий генерал, которого газета обозначает буквой "Т", недавно тайно отправился в Германию. В Германии "Т" тесно связан с белогвардейским

генералом Глазенапом. По возвращении из Германии «Т» имел встречу с Миллером. После этой встречи Миллер говорил некоторым из своих друзей, что он испытывает тревогу за свою дальнейшую судьбу».

Знаменитый советский диверсант Павел Судоплатов, спустя почти 70 лет после событий, писал в воспоминаниях: *«Статья была согласована с руководством разведки и опубликована, чтобы отвлечь внимание от обвинений в причастности советской разведки к похищению генерала Миллера».*

Разумеется, аббревиатуру «Т» все расшифровали правильно — Туркул. И, естественно, просчитались. Во-первых, после их предыдущего свидания, закончившегося выходом Антона Васильевича из РОВС, никаких предпосылок для новых радостных встреч не было. Во-вторых, если Миллер кому и высказывал свою тревогу, так это Кусонскому. Было это всего один раз, в тот роковой день. И фамилия Туркул нигде не фигурировала. В-третьих, широкую известность получила одна из статей генерала в партийной газете «Сигнал»: *«Мы приветствуем добровольцев, борющихся в армии Франко, но ни один член союза не имеет права выезжать туда без моего ведома и разрешения».* Поэтому следствие, еще раз внимательно изучив все имеющиеся в деле данные, пришло к выводу, что главного дроздовца им подставляют. Таким образом, он навсегда был вычеркнут из списка подозреваемых.

Но еще до оглашения это решения Туркул взялся энергично обустроить собственную защиту. Начал он с того, что рассказал заинтересованной публике совершенно фантастическую историю. Дескать, однажды за чашкой кофе Скоблин предложил Туркулу и его жене съездить летом 1937 года в его автомобиле в Финляндию, чтобы посетить Валаамский монастырь. Однако близость советских пограничников отбила у Антона

Васильевича тягу к любованию архитектурным ансамблем, поэтому он вежливо отказался.

Закончив взывать к общественности, Туркул взялся объясняться с лидерами Русского общевойинского союза. Вот что он писал генералу Абрамову: *«У меня нет больше сомнений в том, что Скоблин сыграл роль провокатора в моем выходе из РОВСа, восстанавливая Миллера против меня рассказами о моих высказываниях по его адресу. Цель его состояла в подготовке к занятию высокого поста в РОВСе для того, чтобы руководить деятельностью РОВСа в направлении, указанном ему большевиками».*

В результате следствие окончательно остановилось на той единственно верной версии, о которой с самого начала говорило большинство чинов РОВС: Евгений Карлович Миллер похищен агентами Лубянки. В дело был подшит первый существенный документ: *«Действительно, большевики всегда недобрым оком взирали на белые русские организации, представлявшие собой антикоммунистические ядра, которые, в особом случае, могли бы образовать отряды для сотрудничества с националистами всех стран, где могли бы вспыхнуть революционные волнения, вызванные коммунистической пропагандой. Также они всегда пытались разваливать или уничтожать такие группировки, в частности РОВС, как наиболее мощную, к тому же по своей структуре военизированную.*

Не подлежит отрицанию то, что около генерала Миллера должны были находиться крупные агенты ГПУ. Действительно, ничто не доказывает того, что Скоблин был единственным и даже самым важным. Генерал Миллер находился в сети, расставленной большевиками. Очевидно, что его похищение бесспорно является делом рук ГПУ, которое благодаря количеству своих агентов, введенных в Русский общевойинский союз

и в ближайшее окружение его председателя, не имело особых трудностей для завлечения его в ловушку».

***

Получив все возможные сведения о жизни русской эмиграции в целом и Николае Владимировиче Скоблине в частности, следствие неожиданно обнаружило, что совершенно не располагает данными о финансовой сфере потенциального виновника похищения председателя РОВС. Поэтому было принято решение провести еще один обыск в доме генерала. Он принес богатейший улов: список соединений Красной Армии, донесения о деятельности русских эмигрантских организаций и политических деятелей, списки чинов РОВСа с адресами по округам Парижа, записка о гарнизоне Варшавы и вооружении польской армии, отчет о работе большевистских агентов в среде эмиграции во Франции за июнь—сентябрь 1934 года, графики агентурной сети, донесения о деятельности управительных органов РОВСа, список начальников групп 1-го армейского корпуса в районе Парижа, переписка с генералом Добровольским, смета расходов по отправке в СССР белого эmissара...

Венчал это своеобразное «зеркало мира» совершенно уникальный документ: секретный доклад о намерениях Германии после освобождения от пут Версальского договора, на котором рукой Скоблина было написано: «Старцу Миллеру не показывать». И это не говоря уже о том, что в архиве обнаружилось совершенно секретное письмо Евгения Карловича. В нем он просил главного корниловца назвать имена трех генералов, способных, в случае нужды, принять на себя обязанности председателя РОВС.

Некоторые документы писались условным языком, действующие лица проходили под псевдонимами. Часть бумаг была

зашифрованной. Скоблин пользовался тремя шифрами: цифровым, буквенным и смешанным. Из того, что удалось в конечном итоге расшифровать, особый интерес вызывает переписка генерала с Абрамовым и Фоссом.

О лучшем следствии и мечтать не могло. Даже переписка с генералом Добровольским не вызвала у них столь бурного восторга, а ведь в ней содержались весьма важные детали. В который уж раз на страницах этой книги прошу вас обратить на них внимание: *«Нельзя переделать людей, особенно тогда, когда они достигли почтенного возраста. Обо всем мы поговорим при встрече. Мой бывший начальник должен понять, что я буду вынужден бросить его дела. Кстати, мне кажется, что он ограничивается лишь приветами, не желая оказать мне малейшую помощь».*

И все же полиции крупно не повезло. Нет, данные о финансах семьи Скоблина они получили полные, благо Николай Владимирович вел очень педантичный учет аж с 1922 года. Но они не знали, что буквально накануне из дома генерала был увезен весь архив «Внутренней линии». Дело вот в чем: уезжая в 1935 году из Парижа в Софию, Закржевский взял с собой лишь малую толику своего огромного архива. Оставшиеся документы были тщательно упакованы в чемоданы и доставлены домой к Скоблину.

Генерал почему-то не нашел им лучшего места, чем забросить в самый дальний угол чердака. Потом выяснилось, что это была только часть архива. Несколько увесистых папок оказались у Савина. Лишь прочитав в газете о таинственном исчезновении Миллера, он понял, насколько сейчас важны эти документы. Тем более, что за ними уже приходили посланцы Шатилова. Сославшись на то, что они были изъяты у него во

время обыска, он отправил визитеров восвояси. А сам немедленно поехал домой к Скоблину и забрал те самые пресловутые чемоданы.

Через несколько лет он откроет их и начнет тщательно знакомиться с историей «Внутренней линии». Выбрав самые интересные, на его взгляд, документы, он составит легендарную книгу «Гибель генерала Миллера». Почему легендарную? Дело в том, что тираж ее был всего 100 экземпляров, и она стала библиографической редкостью еще до того, как вышла из типографии. К счастью, сегодня она все-таки доступна исследователям и является важнейшим свидетельством по этой теме.

* * *

24 сентября 1937 года генерал Абрамов издал приказ № 1 о вступлении в должность председателя Русского общевойскового союза, с сохранением за собой должности начальника III отдела и переносе центра из Парижа в Софию. Адмирал Кедров назначался начальником отдела во Франции.

Первое, что он сделал на этой должности — назначил следственную комиссию РОВС по делу Скоблина. Во главе ее он поставил генерала Эрдели, известного своей нелюбовью к главному корниловцу. 20 октября комиссия начала работу.

Возможности ее были невелики. Все основные документы находились в руках французской полиции. Поэтому было принято решение ограничиться лишь допросами чинов Русского общевойскового союза и изучением тех немногочисленных документов, которые были под рукой. Нетрудно догадаться, что среди них почетное место занимали «Инструкция» и «Идеология чинов «Внутренней линии». Одним из первых дал показания бывший начальник контрразведки генерал Глобачев: *«Почему в 1932 году, когда генерал Миллер принимал Федосенко, он*

ничего мне не сказал о разговоре с ним и, главное, о том, что Федосенко назвал ему имя Скоблина как советского агента? Помню, что я добивался у многих узнать, в чем заключался большевизм Федосенко, но так и не добился. А расскажи мне генерал Миллер, что говорил Федосенко, я бы проверил Скоблина. Приблизительно в то же время я очень был озабочен тем, что говорил невозвращенец Железняк на первых порах своего бегства из парижского торгпредства. Он сказал, что в окружении генерала Миллера есть один генерал, который состоит на советской службе, и что если бы он назвал его имя, то все были бы поражены. Имени генерала назвать не хотел, очевидно боясь мести. Для меня была задача выяснить этого генерала, но как? В окружении генерала Миллера было много генералов, нельзя же было считать всех предателями. Вот тут-то генерал Миллер мог бы помочь своей откровенностью после разговора с Федосенко».

Все с удивительным единодушием проклинали Скоблина и Плевицкую. Тон всеобщим выступлениям задал Шатилов. Именно его допрашивали первым. Суть показаний генерала свелась к тому, что Николай Владимирович, коварный интриган, стравливал генералов друг с другом. А все потому, что его активно науськивала Плевицкая. А «Внутренняя линия» тут вовсе ни при чем.

Эту позицию активнее всех отстаивал главный редактор журнала «Часовой» Орехов, еще недавно считавшийся самым горячим апологетом главного корниловца: *«К Скоблину я лично никогда не питал ни малейшего доверия. Он всегда подчеркивал хорошие отношения с генералом Шатиловым. Но за глаза его всегда ругал».* (Сбылось пророчество Шатилова, который еще за три года до этого писал генералу фон Лампе: *«Орехов — флюгер и оппортунист. Главное для него — деньги. Я не буду жалеть, если “Часовой” кончит свое существование».*)

В посыле проклятий на голову Скоблина договорились даже до того, что обвинили его в полной военной бездарности. Вот что писал, в частности, И.Ф. Патронов: *«Проведя три года на войне в тесном сотрудничестве с нашими генералами, я видел среди них, наряду с неспособными, немало честных, храбрых и способных начальников. Правда, талантов среди них оказалось мало. Но когда в гражданскую войну начали производить в генералы вчерашних штабс-капитанов, то оказалось, что они, будучи хорошими и отличными на штабс-капитанских ролях, оказались зачастую никуда не годными генералами. О Скоблине как командире полка и начальнике дивизии я уже писал. Таких дурых карьер было много в гражданской войне. Nomina sunt odiosa!»*

Схожую позицию занял Роман Гуль. Вспоминая одну из встреч на квартире Александра Ивановича Гучкова, он писал: *«Доклад был интересен, изобиловал фактами ужасов советских концлагерей. После доклада А.И. спросил: нет ли у кого вопросов к докладчику? И тут же из первого ряда поднялся Скоблин, задав, как мне показалось, совершенно глупый вопрос: “Скажите, пожалуйста, неужели среди заключенных, когда они стояли в строю перед чекистом, бившим их товарища, никого не нашлось, кто бы бросился на этого мерзавца?” Не помню, что ответил докладчик. Помню, я подумал: “Какой дурак Скоблин...” Но после похищения генерала Миллера, когда выяснилось, что бежавший в СССР Скоблин предал его чекистам, я вспомнил вопрос и понял, что вопрос был вовсе не так уж глуп: провокатору надо было лишний раз публично подчеркнуть свою совершенную “непримиримость к коммунизму”».*

И это было еще только началом. В ближайшем же номере «Часового» появилась статья Орехова о предателе, который

чуть было не уничтожил весь Русский общевоинский союз: «В военной среде есть много достоинств, но и, надо признать, есть недостатки. Один из них — неправильное понимание слова “товарищество”. Из-за нежелания подорвать “товарищеские” отношения делаются непоправимые ошибки.

Блестящее прошлое генерал-майора Скоблина в Добровольческой, а потом Русской армии несомненно и достаточно известно. В период Галлиполи генерал Скоблин реорганизовал Корниловский ударный полк и во главе его прибыл в Болгарию.

В 1923 году генерал Врангель отстранил генерала Скоблина от командования полком без объяснения причин. Ходили, однако, слухи, что история отстранения была крайне неблагоприятна для генерала Скоблина.

В 1929 году генерал Кутепов восстановил генерала Скоблина в должности командира Корниловского ударного полка. Последний период командования полком генерала Скоблина был ознаменован, с одной стороны, исключительно ценной консолидацией сил полка и налаживанием связи между его чинами, а с другой стороны, не понятным никому разгоном старшего офицерского состава полка. Целый ряд штаб-офицеров, из которых многие (как, например, полковник Левитов) создавали боевую славу полка, вынуждены были оставить полк из-за разногласий с его командиром. Последние два — два с половиной года генерал Скоблин не внушал к себе ни доверия, ни симпатии со стороны старшего командного состава 1-го армейского корпуса. Генерала Скоблина обвиняли в двоядушии и подпольной деятельности.

Особенно были поражены его странным поведением начальники частей и групп 1-го корпуса, собиравшиеся в 1935 году для представления генералу Миллеру доклада о необходимости реформ в РОВСе. Генерал Скоблин играл тогда двойную

игру. С одной стороны, он умышленно разжигал недовольство генералом Миллером и всячески против него интриговал, с другой — оставался с генералом Миллером в самых лучших отношениях и, как потом выяснилось, неправильно, “с черного хода” доносил генералу Миллеру о заседаниях командиров частей, облыжно оговаривая совершенно неповинных людей.

Располагая средствами, генерал Скоблин хитро привлекал на свою сторону молодежь, всегда противопоставляя себя генералу Миллеру, и в то же время старался войти в доверие к последнему. Правда, о двойной роли генерала Скоблина некоторые начальники предупреждали генерала Миллера, но недостаточно единодушно и энергично. Пусть жуткое предательство Скоблина послужит нам всем предостережением.

Нельзя из-за неправильно понимаемого чувства “товарищества” не обнаруживать истинной физиономии людей, пусть находящихся в самых высоких чинах.

Надо не ограничиваться каскадами громких фраз и мастерским устройством церемоний, на что генерал Скоблин, кстати, был мастером, а претворять наши чувства, нашу веру в Россию, нашу жертвенность в дело. Сейчас есть пути. Это поняли уже некоторые. Пример генералов Шинкаренко, Фока и других говорит сам за себя. Надо, наконец, установить такой порядок вещей, чтобы чувство ответственности в наших рядах — от высших до низших — понималось так, как это было в Российской Императорской армии».

Наряду со Скоблиным главным виновником похищения генерала Миллера считался начальник канцелярии Кусонский. Его открыто называли старым ротозеем. Слышать это выпускнику Николаевской академии Генерального штаба было очень

огорчительно. В результате он сделал заявление для следственной комиссии Русского общевойскового союза:

«Наиболее близким мне человеком, с которым я часто делился своими мыслями и сомнениями и мнение которого я всегда высоко ценил, является полковник Станиславский. Так как после всего случившегося многие находили, что мне следовало вскрыть записку тотчас же по выходе генерала Миллера из дверей управления, то я заявляю, что, если бы я даже поделился на этот раз с полковником Станиславским секретом и он самым настоящим образом стал бы доказывать необходимость вскрыть записку, то я все равно ее не вскрыл бы.

Хочу заверить, что хотя и убежден, что более раннее вскрытие мною записки генерала Миллера и, следовательно, более ранняя тревога ничуть не изменили бы трагической развязки, но считаю себя виновным в позднем вскрытии упомянутой записки, почему откровенно доложил начальнику Русского общевойскового союза о недопустимости дальнейшего занятия мною каких-либо ответственных должностей в РОВСе».

Вердикт членов комиссии был единодушный: *«Записка, оставленная генералом Миллером в полдень 22 сентября, — единственный ключ к раскрытию тайны его исчезновения. Более раннее вскрытие этой записки, вероятно, не могло бы уже воспрепятствовать похищению генерала Миллера, но оно могло и должно было помешать бегству Скоблина. Поэтому комиссия ничего не имеет добавить к следующему заявлению, сделанному ей генералом Кусонским.*

Бесследное исчезновение генерала Миллера среди бела дня в Париже было тщательно до мелочей подготовлено могущественной организацией, располагающей громадными денежными, техническими и политическими возможностями, недоступными никакой частной группе и с очевидностью облича-

ющими “руку Москвы”. Так называемая “Внутренняя линия” к похищению Генерала Миллера не причастна. Решительно осуждаем Белградский центр Национально-трудового союза нового поколения, подавший сигнал к необоснованным и вредным для всего русского дела обвинениям “Внутренней линии” в службе большевикам».

Комиссия генерала Эрдели закончила свою работу 28 февраля 1938 года и представила свой доклад начальнику I отдела РОВС. Результаты их работы никогда не публиковались, и что там выяснили, неизвестно. Достоянием общественности стали только отдельные пункты:

«Для осуществления преступного замысла Скоблину не было никакой надобности иметь сообщников в среде Русского Зарубежного Офицерства. Это предоставило бы только ряд излишних опасностей как лично для него, так и для руководивших им агентов советской власти. По тщательно проверенному Комиссией дознанию, ни в частях 1-го Армейского корпуса, ни вообще в РОВСе сообщников у Скоблина в деле похищения Генерала Миллера не было.

В воинскую среду вносились чуждые ей начала, интриги, слежки и разложения. Вокруг главы РОВСа Генерала Миллера искусственно создавалась атмосфера пустоты и общего недоброжелательства, невольно толкнувшая ближе к Скоблину, искавшим войти в его доверие.

Комиссия не может, с другой стороны, не осудить заправил “Внутренней линии”: Генерала Шатилова, Капитана Фосса и Капитана Закржевского. Комиссия сожалеет и о том покровительстве, которое оказывало их деятельности командование.

Организация “Внутренней линии” внедрилась в РОВС, т.е. в военное объединение, построенное по принципам воинского подчинения, вопреки первоначальному замыслу, в виде неко-

ей тайной силы. Сила эта образовала у себя независимую от местных начальников РОВСа линию подчиненности, во главе с особым центром, ускользавшим от влияния возглавителя РОВСа.

Во-вторых, при таком ее устройстве она являлась орудием нских личных честолюбивых целей к ущербу, для самого возглавителя РОВСа и для общего направления жизни Воинского союза.

В-третьих, работа в этой организации своими формами тайнодействия отравляющим образом повлияла на некоторых ее участников.

Наконец, она возбудила к себе недоверие соприкасавшихся с РОВСом национальных организаций молодежи, следствием чего явился публичный скандал «разоблачений», вредный для всей эмиграции в целом.

Польза же, которая ожидалась при первоначальном возникновении “Внутренней линии”, была невелика.

По единодушному выводу Комиссии, “Внутренняя линия” должна быть упразднена».

Но и этого хватило, чтобы вызвать недовольство нового председателя Русского общевойсского союза. Хорошо зная не любовь Эрдели к «Внутренней линии» в целом и к Скоблину в частности, Абрамов требовал назначить кого-нибудь другого главой комиссии. Кедров категорически отказывался. В довершение всего, Абрамов узнал, к какому выводу пришло следствие относительно его самого: *«Вы в течение тринадцати лет были непрерывно и умышленно вводимы капитаном Фоссом в заблуждение, совершенно этого не заметив, и что в такое же заблуждение вы были введены и генералом Шатиловым во время вашего приезда в Париж, когда вы у него жили».*

Абрамов тут же сформировал новую комиссию, которая должна была расследовать деятельность «Внутренней линии». Возглавил ее полковник Петриченко. Результаты работы и этой комиссии никогда не публиковались. Известно лишь то, что ничего преступного в деятельности контрразведки Русского общевойскового союза обнаружено не было. Больше того, комиссия пришла к удивительному выводу: дело сфабриковано, Николай Владимирович Скоблин невиновен. Интересно, что это заявление совпало со статьей капитана Орехова в журнале «Часовой»: *«Генерал Миллер принял пост председателя РОВСа как тяжкий крест. Он часто говорил об этом своим ближайшим друзьям и сотрудникам.»*

Ему было очень тяжело. Он не был и не стремился быть тем, что сейчас модно называть “вождем”. Глубоко порядочный, кристально честный человек, истинный патриот, генерал в лучшем смысле этого слова, он добросовестно и честно нес свои тяжелые обязанности. Очень тяжелые. Международная обстановка крайне осложнилась за эти годы, во Франции произошли перемены, которые, естественно, затрудняли работу РОВСа, внутри союза произошел ряд прискорбных событий, осложнивших и без того трудную работу его председателя. Но Евгений Карлович с истинно христианским смирением продолжал свое дело. Его работоспособность была изумительной, он занимался делами с 8 часов утра до позднего вечера. Не было почти ни одного собрания — военного, общественного, национально-политического, на котором бы не появлялся Евгений Карлович.

Наряду с трудными обязанностями председателя РОВСа он находил время заниматься еще дорогими ему делами объединений Николаевского кавалерийского училища, лейб-гвардии гусарского Его Величества полка и 7-го Белорусского полка, командиром которого он в свое время был.

Исключительно благородный и благожелательный человек, генерал Миллер относился с доверием ко всем людям. Он не мог допустить фактов обмана, измены и интриги. Вся его натура была вне этого. Увы, жертвой такого идеального отношения к людям он и пал. Пал на посту, как честный воин, как патриот, отдающий Родине и Идее все, вплоть до своей жизни.

Редакция "Часового" всегда с чувством глубочайшего негодования относилась к бессовестным обвинениям и выступлениям некоторых господ, травивших нашего безукоризненно честного и благородного начальника. Свою честность, безупречную и жертвенную, он сохранил до последнего дня своей жизни. Ясно, что предатель просил Евгения Карловича дать слово о сохранении "свидания" в секрете, негодяй знал, что слово генерала Миллера свято. И оказался прав. Генерал Миллер свое последнее честное слово сдержал, но какой ценой!

Но он оказал и последнюю великую услугу нашему общему делу. По воле Божьей, по чудесному наитию он оставил записку "на случай"... Эта записка открыла убийцу, который без этого, вероятно, добил бы общевойсковой союз в ближайшее же время страшной провокацией.

Расчет большевиков был ясен: убрать благородного, неподкупного возглавителя, и тем или иным путем посадить на его место своего агента. Тогда вся военная эмиграция оказалась бы в руках большевиков. Генерал Миллер не дал этому свершиться. Генерал Миллер спас не только Русский общевойсковой союз, но и всю эмиграцию, а, может быть, в конце концов и все русское дело. Этого не можем мы забыть. Мы обязаны позаботиться о том, чтобы выполнить недосказанную последнюю волю нашего незабвен-

ного генерала и всеми средствами сохранить Русский общевоинский союз и наше воинское единство. Это зависит только от нас.

Наши же чувства глубокого почитания, преданности и благодарности всегда будут обращены к памяти павшего за Россию рыцаря без страха и упрека, благороднейшего честнейшего Евгения Карловича Миллера».

***

Следствие медленно, но верно двигалось к завершению. Были по нескольку раз допрошены жена и сын генерала Миллера. Шатилов, Кедров, Кусонский, Мацылев, Трошин, Григуль, Туркул, Павлов, Семенов и многие другие были единодушны: о деятельности Скоблина Плевицкая знала все.

Плевица все отрицала. После первоначального шока к ней вернулась уверенность. Внешне она была самым спокойствием, стойчески отбиваясь от обвинений и четко придерживаясь своей линии поведения: она ни в чем не виновата. О деятельности мужа ничего не знает. В его причастность к похищению председателя Русского общевоинского союза не верит. Где он сейчас — не знает. Лишь 1 марта 1938 года она неожиданно для всех заявила следователю:

«— Пока я была в модном доме “Каролина”, возможно, мой муж мог отлучиться. Но если он уезжал, то не знаю куда.

— Если ваш муж нагнал вас тотчас по выходе из модного дома, то вы были должны перейти улицу, чтобы сесть в автомобиль? — немедленно ухватился за ниточку следователь.

— Когда я вышла, мужа не было. На Северный вокзал я поехала в такси одна. Минут через десять на своей машине приехал мой муж.

— Однако раньше вы почему-то говорили, что в моторе вашей машине была какая-то неисправность, и именно это послужило задержкой отъезда от магазина. Когда же вы говорите правду: тогда или сейчас? Я отвечу за вас. Вы снова лжете! Вы знали, где был ваш муж и что он делал! Вы ему помогли, вы — соучастница преступления!

— Нет, клянусь! Я ничего не знаю, ничего!»

В кабинете наступила тягостная тишина, которую нарушал лишь плач Плевицкой. Наконец она взяла себя в руки и заявила, что хотела бы переговорить с глазу на глаз с женой генерала Миллера. Следователь не возражал, предоставив им 10 минут.

«— Наталия Николаевна, неужели вы думаете, что я способна на предательство? Ведь я так любила Евгения Карловича, он такой милый, хороший. Помогите мне выйти из тюрьмы. На свободе я разыщу Колю и узнаю, что случилось с Евгением Карловичем.

— А как вы можете это сделать?

— Я поеду в Россию, куда, как говорят, бежал мой муж.

— Да и я думаю, что он там.

— Я разыщу его. У него остались два брата. Они у большевиков. Я узнаю, где ваш муж. Вы не верите мне! Я не пала так низко, как вы думаете! Пусть меня накажет Бог, если я лгу вам. Знаете что, я готова ехать в Россию в сопровождении французского инспектора. Я тоже несчастна, ничего не знаю о муже. Я его ненавижу! Он меня обманул и предал, как предал других. Я в тюрьме, а он счастлив в России. Вы такая чистая и благородная, я вас всегда любила, вами восхищалась. Помогите мне уехать. Клянусь, я разыщу наших мужей...»

Поняв, что Миллер перетащить на свою сторону не удастся, Плевицкая потеряла к ней всякий интерес. Воспользовавшись тем, что в кабинет вошел следователь, она снова изобразила на

лице высшую степень безразличия и приготовилась и дальше играть свою роль. Не дожидаясь новых вопросов, она глубоко вздохнула и произнесла: *«Никакого алиби для мужа я не подготавливала. Ничего не знаю...»*

***

9 сентября 1938 года дело было передано в суд. Спустя почти три месяца, 5 декабря, состоялось первое заседание. Плевицкая, в черном шелковом платье, с гладко зачесанными и стянутыми черным шелком волосами, в черных лайковых перчатках и в туфлях черной замши, с переброшенной на левую руку котиковой шубкой, совершенно спокойно смотрела на собравшихся. Она словно бы вышла на столь привычную ей эстраду, и казалось, если бы не декорации, она сейчас исполнит *«И будет Россия опять»*.

Ровно в 13.00 раздался гонг: *«Встать, суд идет!»* Началось чтение обвинительного акта: *«26 января 1930 года генерал Кутепов, председатель Русского общевойскового союза, исчез при таинственных обстоятельствах. Бывший русский офицер стал жертвой похищения, все поиски обнаружить его след остались безрезультатными; виновники не были раскрыты. 22 сентября 1937 года, в свою очередь, исчез его преемник, председатель РОВСа генерал Миллер.*

Полное согласие проявлялось между обоими обвиняемыми, как в повседневной совместной жизни, так и в действиях, которыми были отмечены подготовка и проведение покушения, жертвой которого стал генерал Миллер».

Допрос Плевицкой:

«— Ваше имя?

— Надежда

— Профессия?

— Певвица. Замужем, детей нет. Под судом не состояла. До эвакуации с Белой армией всю жизнь провела в России, за границу не выезжала.

— Если Вы были с Белыми армиями, как вы объясните афиши концертов в Курске “наша красная матушка”?

— Это ложь. Я красной матерью никогда не была. Это могла быть жена Ленина или Троцкого. Я тогда была молодой женщиной, и никто не смел меня так называть. Я была при красных, как многие русские женщины, которые остались.

— Вы ничего не знали о подготовке покушения на генерала Миллера?

— Клянусь, ничего не знала!

— Вам известны обстоятельства исчезновения генерала Миллера. Ради его жены, сына и брата, скажите, где он. Поймите, еще есть время. А после допроса будет поздно. Я уверен, что вы знаете, где Миллер и Скоблин.

— Суду французскому я могу смотреть в глаза с чистой совестью. Господь Бог — мой свидетель. Он видит, что я невиновна.

— Эксперты установили, что вы и ваш муж жили не по средствам. Значит, деньги поступали к вам из тайных источников?

— Я никогда счетами не занималась. Считать я не умела. Все хозяйственные дела вел муж.

— Вы получали деньги от господина Эйтингтона. Кто он такой?

— Очень хороший друг, ученый-психиатр. А его жена — бывшая артистка Московского Художественного театра.

— Вы были в интимных отношениях с Эйтингтоном?

— Я никогда не продавалась. Подарки получала. А если муж одалживал деньги, то этого я не знаю.

— Как же так? Ведь вы сами говорили на допросах, что Эйтингтон одевал вас с головы до ног?

— Нет. Так я сказала случайно. Подарки от мадам Эйтингтон получали и другие, например Жаров с женой.

— Русских нравов я не знаю, но все-таки странно, что жену генерала одевал человек со стороны.

— Своей женской чести я не марала и никогда не получала дары ни за какие интимные дела. Кто знает Эйтингтона, никогда не поверит, что тут были какие-то пикантные происшествия.

— Когда полковник Мацылев вернулся без вашего мужа, почему у вас возникла мысль, что его в чем-то заподозрили? Разве вы не говорили того, что, заподозренный, ваш муж мог не снести оскорбления, покончить с собой?

— Нет, я этого не говорила! Я не думала, что моего мужа могли в чем-то подозревать.

— Когда вы узнали об исчезновении генерала Миллера?

— Узнала от полковника Мацылева тогда, когда он приехал ночью спрашивать, не вернулся ли Николай Владимирович.

— Вспомните точно, что вы тогда сказали. Какими были ваши первые слова?

— Ну, как я могу вспомнить? Я страшно испугалась, начала спрашивать: “Где мой муж? Что вы сделали с ним?” Потом, когда полковник Мацылев сказал, что с ним приехали адмирал Кедров и генерал Кусонский и они ждут на улице, я высунулась в окно и крикнула, что Николай Владимирович, может быть, у Миллера или в Галлиполийском собрании. А они мне сказали: “Когда Николай Владимирович вернется, пришлите его в полицейский комиссариат. Мы все сейчас туда едем”.

— Считаете ли вы вашего мужа виновным в похищении генерала Миллера?

— Не знаю. Раз он мог бросить меня, значит, правда, случилось что-то невероятное. Я не могу допустить, что он виноват, считала его порядочным, честным человеком. Нет, невозможно допустить. Но записка генерала Миллера и то, что он меня бросил, — против него.

— Умоляем вас, скажите правду!

— Не знаю. Я правду говорю. Я ничего, ровно ничего не знала».

Допрос Леонида Райгородского (в ночь с 23 на 24 сентября он приютил Плевицкую в своей квартире).

«— Где сейчас ваш шурин, господин Эйтингтон?

— Он проживает в Палестине.

— Верно ли, что он с ног до головы одевал Плевицкую и давал Скоблиным большие деньги?

— Марк Эйтингтон — богатый, независимый человек. Помогал ли он Плевицкой деньгами, я не знаю. Через меня эти деньги не проходили. Но Эйтингтон помогал многим. Его отец основал госпиталь в Лейпциге, там его именем названа улица. После смерти он оставил сыновьям 20 миллионов марок. Марк Эйтингтон — почтенный человек, уважаемый ученый, ученик Фрейда, друг принцессы Марии Бонапарт. Он чист как снег.

— А не он ли сбывал в Лондоне и Берлине советскую пушнину?

— Это не он, а его брат. В такой торговле нет ничего предосудительного, но к ней Марк не имел отношения».

Технический эксперт Эзар, осматривавший автомобиль Скоблина, опроверг заявление Плевицкой о неисправности в моторе. А комиссар судебной полиции Рош достаточно подробно объяснил суду, почему следствие не поверило алиби Надеж-

ды Васильевны. После них судьи вызвали свидетелей, которые могли пролить свет на судьбу Миллера. Следствию стало известно, что в день похищения председателя РОВС от дома № 41 по бульвару Монморанси, в котором помещалась школа для советских детей, в послеобеденное время отошел грузовик. В бумагах префектуры полиции грузовик был записан 13 августа 1937 года на имя советского полпреда во Франции Потемкина, под номером 235 X СД. Грузовик прибыл в Гавр и остановился на пристани, к которой был пришвартован советский пароход «Мария Ульянова». Четыре матроса сняли с грузовика тяжелый ящик и подняли его на борт парохода, который немедленно отплыл в СССР.

Допрос Монданеля и Шовино:

«— Узнав о похищении генерала Миллера, я оповестил полиции соседних государств и направил инспектора Папена для дознания.

— Зачем? Ведь в Гавре был комиссар Шовино, обративший внимание на загадочное поведение советских служащих?

— В среду 23 сентября у меня имелись записи трех телефонных сообщений от Шовино. В одной из них значилось, что грузовик прибыл в два часа дня, а в другой — между тремя и четырьмя. Поэтому я послал Папена для выяснения противоречий.

— Вы приказали Папену произвести дознание о деятельности Шовино, после чего он и был уволен?

— Нет, я дознания не производил и судьбу Шовино не решал.

— Отставленный от должности, я прибыл в Париж и разговаривал с господином Монданелем в его кабинете, — заявил Шовино.

— Не помню, чтобы Шовино был у меня после 23 сентября. Такого разговора у меня с ним не было.

— Выйдя из кабинета господина Монданеля, я встретил контролера Фурнье, шедшего с докладом к нему. Мы долго разговаривали, и Фурнье наверное помнит об этом.

— Господин Монданель, а вы не помните?

— Не припоминаю.

— Кто ваш прямой начальник?

— Господин Муатесье, директор Сюртэ Насиональ.

— Он не говорил вам, что правительство собралось послать миноносец вдогонку за “Марией Ульяновой”?

— Нет, не говорил.

— Известно ли вам, что “Мария Ульянова” обычно проходила через Кильский канал? Почему вы не просили немецкие власти произвести обыск на пароходе?

— Не было смысла. Не будучи уверенным в том, что тело Миллера на ее борту, мы не могли обращаться к немецким властям. А гаврский след уверенности не давал.

— А, вы вообще ничего не знали про Кильский канал! Не добившись от вас сведений, семь месяцев спустя, мы непосредственно обратились в немецкое посольство. И от немцев узнали, что “Мария Ульянова” через Кильский канал не проходила.

— Какого размера был ящик?

— В длину примерно 1 метр 60 сантиметров.

— Какого роста был генерал Миллер?

— 1 метр 70 сантиметров.

— Кто обычно грузит багаж на пароходы?

— Портовые грузчики. Меня удивило, что ящик перенесли советские матросы.

— В наказание за ваши сведения вас перевели из Гавра в Париж?

— Нет, я предпочел уйти в отставку. Начальство Сюртэ Насиональ было раздосадовано вниманием, которое я уделил “Марии Ульяновой”».

Допрос Кусонского:

«— Как боевой русский генерал вы совершили ряд стратегических ошибок! Ваш начальник ушел на тайное свидание. Неужели записка, переданная с такими словами, не встревожила вас? Но есть другая ошибка, более серьезная; записка Миллера раскрыла вам Скоблина. Доказательство его лжи было в ваших руках. Если бы вы проявили больше сообразительности и проворства, то Скоблин сидел бы тут, рядом с женой! Ошибка, непростительная для доблестного генерала! Зачем вы задержали адмирала Кедрова? Не для того ли, чтобы дать Скоблину возможность бежать?»

— Прошло четырнадцать месяцев, и всех подробностей припомнить не могу.

— Стратегическая ошибка».

Показания Мацьлева:

«Уходя на роковое свидание 22 сентября и передавая записку генералу Кусонскому, генерал Миллер просил ее вскрыть лишь в том случае, если возникнет беспокойство, не указывая точно часа и не давая определенного срока. Записка была вскрыта; когда выяснилось, что генерал Миллер не вернулся домой к обеду и не присутствовал на собрании Общества Северян, которое состоялось в 8 часов вечера и на котором он должен был присутствовать. Тогда-то и возникло беспокойство, заставившее генерала Кусонского вскрыть оставленную ему записку.

Скоблина стали разыскивать, думая узнать от него, на основании записки, где находится ген. Миллер, а отнюдь не от того, что его в то время хотели задержать, подозревая в предательстве.

По поручению адмирала Кедрова, я поехал за Скоблиным в отель “Паке”, где он ночевал, в уверенности, что его вызывают на совещание, как лицо, близко стоящее к генералу Миллеру и

могущее дать необходимые указания о возможном пребывании генерала Миллера.

Во время разговора адмирала Кедрова и ген. Кусонского со Скоблиным в управлении РОВС на рю Колизе, записка Миллера не была ему показана. На все вопросы адмирала Кедрова, обращенные к Скоблину, не виделся ли он в этот день с Миллером, не знает ли он что-либо о свидании, которое ген. Миллер должен был иметь — Скоблин отвечал абсолютным незнанием. Если в этот момент и могло зародиться подозрение против Скоблина, то все же оно было далеко от мысли о предательстве, так как, во-первых, разговор был кратким (необходимо было торопиться ехать в полицию сделать заявление об исчезновении Миллера, раз последняя надежда узнать что-либо от Скоблина отпала); во-вторых, записка, указывая, что свидание устраивается Скоблиным, и что он на нем будет, не исключала возможности допустить, что Миллера завлекли в ловушку, пользуясь именем Скоблина, но что сам Скоблин в этом не участвовал.

В эту минуту, ни адмирал Кедров, ни я, не подозревали Скоблина в предательстве. В противном случае нам не нужно было бы “хитро заманивать его в комиссариат”, как советуют теперь некоторые, ни приставить “часового к двери”, как рекомендуют другие, а просто мы бы его не выпустили из рук.

Выяснив, что Скоблину ничего не известно об имевшемся днем свидании, было решено ехать в полицию для заявления об исчезновении генерала Миллера, о чем адмирал Кедров и заявил Скоблину.

Скоблин не бежал из управления РОВС, а по окончании разговора вышел первым на лестницу, правда быстрым шагом, и, не сказав ни слова, стал по ней спускаться впереди нас. Только выйдя на улицу, мы увидели, что он исчез, но тогда еще не было уверенности в его бегстве, а следовательно, и предатель-

стве. Можно было предположить, что взволнованный, он поехал к себе домой предупредить жену об исчезновении генерала Миллера. Поэтому, не найдя его на улице, мы сразу на такси помчались в отель “Паке”, в надежде там найти Скоблина.

Предположим, что лицам, состоящим в партиях и организациях, естественно видеть в сочленах возможного предателя. В офицерской среде взаимоотношения иные. Там отношения основаны на взаимном доверии и предательство Скоблина, к нашему горю и стыду, принадлежавшего к этой среде, расценивается как чудовищное и невероятное, именно потому, что он был офицером. Заподозрить его мы смогли только тогда, когда он сам расписался в предательстве, а именно бежал неизвестно куда.

Те зарубежные организации, которые хотят представить РОВС, как находившийся всецело в руках ГПУ, жестоко ошибаются и своими скороспелыми заключениями отнюдь не помогают ни русскому воинству, ни русскому делу вообще. Если бы то, о чем кричат некоторые “общественные деятели”, было правдой, то спрашивается, какой смысл большевикам похищать генерала Миллера?»

Показания генерала Кочкина:

«Генерал Кутепов приказал мне передать Скоблину, что он должен порвать с этой женщиной или жениться на ней. Я отказался, и в итоге дело было поручено генералу Веселовскому. Плевицкая развелась с Левицким, который от стыда за беспутство жены скрылся в Бессарабии, и вышла замуж за Скоблина».

Допрос Шатилова:

«— Считаете ли вы чету Скоблиных виновными?»

— В этом нет никаких сомнений. Плевицкая знала все, что делал ее муж. Она была его злым гением. Ее влияние сказывалось решительно во всем: и в политике, и в полковых делах.

Скоблин был прирожденным интриганом, он разжигал недовольство против генерала Миллера, обвиняя его в бездеятельности. Несомненно, он и в этом деле выполнял волю жены. Они оба — агенты ГПУ.

— Как относился генерал Миллер к Франции?

— Он любил Францию как вторую родину. В 1934 году он хотел уйти на покой с поста председателя РОВСа, но генералы убедили его остаться.

— После похищения генерала Кутепова Плевицкая ежедневно посещала мадам Кутепову и была в курсе расследования этого дела. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Да, она не покидала мадам Кутепову.

— Бывала она одна у мадам Кутеповой?

— Нет, не одна. Бывали и другие дамы. А Плевицкую я заставал там каждый раз, когда приходил к генеральше».

Антон Иванович Деникина вызвали в суд для свидетельских показаний. Его допрос был подробно описан 10 декабря 1938 года в парижской газете «Последние новости», выходящей под редакцией профессора Миллюкова: «Появление генерала Деникина вызывает сенсацию. С любопытством поднимаются головы, чтобы разглядеть бывшего Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. Генерал медленной поступью проходит через зал и занимает свидетельское место. Свое показание он дает по-русски, через переводчика, короткими и точными фразами. Достоинство, с которым он держится, прямота и ясность ответов производят большое впечатление на суд. На обычный вопрос о том, состоит ли свидетель в родстве или свойстве с обвиняемой, генерал отвечает: “Бог спас!”

— Знали ли вы Скоблина?

— Знал его по Добровольческой армии, которой я командовал.

— Знали ли вы его в Париже?

— Изредка встречался с ним на собраниях воинских организаций.

— Знали ли вы Плевицкую?

— Нет. Даже не бывал на ее концертах. Незадолго до похищения генерала Миллера Скоблин познакомил меня с нею на банкете корниловцев.

— Был ли у вас с визитом Скоблин 22 сентября?

— Скоблин, полковник Трошин и капитан Гризуль приезжали благодарить меня за участие в банкете корниловцев. В это время генерал Миллер был уже похищен.

— Не предлагал ли вам Скоблин съездить в его автомобиле в Брюссель на праздник корниловцев?

— Он предлагал поездку автомобилем два раза и раньше. А это было его третье предложение.

— Почему вы отказались?

— Я всегда, вернее, с 1927 года подозревал его в большевизанстве.

— Вы опасались его или ее?

— Не доверял обоим.

— Вы убеждены, что Скоблин был советским агентом, но доказательств не имеете?

— Да.

— Знаете ли точно, что Плевицкая была сообщницей в похищении генерала Миллера?

— Нет.

— Думаете ли, что она знала заранее о преступлении?

— Убежден».

Допрос Беседовского:

«— Знали ли вы Плевицкую?

— В полпредстве о Плевицкой я ничего не знал. В полпредстве аппаратом ГПУ на Францию ведал чекист Янович, официально занимавший должность архивариуса. От него я случайно узнал, что деятельность белых организаций освещается изнутри. Главный осведомитель — близкий к Кутепову человек. Его фамилию Янович не назвал. Сказал только, что это генерал, женатый на певице. Тогда я не знал ни генералов, ни певиц.

— Куда девался Янович?

— В 1937 году расстрелян Ежовым.

— Вы бежали, спасая жизнь свою, жены и детей. Когда вы ринулись к выходу, то на вас навели револьверы?

— Ну, это в порядке вещей.

— Но ведь это происходило в Париже!

— Вы знаете, что полпредство пользуется правами экстерриториальности. На рю де Гренель имеются подземные ходы и глубокие погреба. Я их сам осматривал.

— Но не доходили до конца?

— О нет, что вы!»

Показания полковника Воробьева:

«— По Вашим словам, Плевицкая плохо обращалась с Вами и другими членами семьи. Но со своим мужем она была другой?

— Она держала его под каблуком, как я уже сказал Вам. Он подчинялся ей во всем.

— Как Вам кажется, она его любила?

— Она любила только себя.

— Что думала об этом Ваша жена?

— Тамара удивлялась, что ее брат женился на этой певице, и что он все-таки смог стать генералом. Жена часто называла его дураком. Считала его не слишком умным человеком.

Мы жили долгие месяцы в Озуар-ля-Феррье. У меня сохранились самые плохие воспоминания. Плевицкая держала своего мужа под каблуком, с нами же обращалась как со слугами. У них был сад, собаки и кошки. В доме не было денег, питались одними кашами. Скоблины часто уезжали на машине на два-три дня в Париж. Они останавливались в гостинице на улице Виктора Гюго. Плевицкая, казалось, жила на широкую ногу, хотя в последнее время концерты не приносили ей ничего, но дома было нечего есть. Николай говорил, что надо экономить, но у меня не было впечатления, что он стеснен в средствах.

Однажды у нас вышла ссора, и мы уехали в Париж. Это было, кажется, в июне 1937. Я нашел работу: ночным сторожем и пожарником на стоянке у порт де Терн. Все вчетвером мы поселились в гостиничном номере Иль де ля Жатт. Но нам было лучше там. И мы перестали ездить к Плевицкой».

Показания Феодосия Скоблина:

«Когда мой брат купил дом в Озуаре, я поначалу жил у него. Я был слугой своей невестки. Около сентября 1934 я переехал из Озуара в Париж. У меня произошла семейная ссора с Плевицкой. Своего брата я видел лишь изредка».

Показания Сергея Скоблина:

«Николай мечтал видеть всю свою семью, всех своих родных рядом с собой, но его жена все время пыталась рассорить нас».

Показания Савина:

«— Почему бежал Скоблин?»

— Скоблин не бежал, а “его бежали”. Я не верю в бегство Скоблина. До моего отъезда в Испанию генерал Миллер и генерал Скоблин продолжали сотрудничать в секретной работе. Мне показали записку генерала Миллера. Я не узнаю его под-

писи. У меня есть много писем Евгения Карловича. Миллер не мог оставить такой записки».

Савин стал фактически последним допрошенным свидетелем. Надобности в новых показаниях судьи уже не испытывали. Все было понятно. Сохранилось безупречное свидетельство известного литератора русского зарубежья Нины Берберовой, которой удалось весьма точно описать атмосферу в стенах суда: *«Плевицкая одета монашкой, она подпирает щеку кулаком и объясняет переводчику, что “охти мне, трудненько нонче да заприпомнить, что-то говорили об этом деле, только где уж мне, бабе, было понять-то их, образованных грамотеев”.*

На самом деле она вполне сносно говорит по-французски, но играет роль. А где же сам Скоблин? Говорят, он давно расстрелян в России. И от этого ужас и скука, как два камня, ложатся на меня.

В перерыве бегу вниз, в кафе. Репортер коммунистической газеты уверяет двух молодых адвокаток, что генерала Миллера вообще никто не похищал, что он просто сбежал от старой жены с молодой любовницей. Старый русский журналист повторяет в десятый раз: “Во что она превратилась, Боже мой! Я помню ее в кокошнике, в сарафане, с бусами. Чаровница!.. “Как полосыньку я жала, золоты снопы вязала...”

Собравшиеся в зале эмигранты увидели похудевшую бледную, с выступающими скулами, с запавшими щеками всю в черном женщину. Поникая поза, размеренные жесты. Участники процесса с чувством презрения и сочувствия одновременно смотрели на то умоляющую, то кидаящуюся из стороны в сторону, растрепанную, кричащую, рыдающую, обезумевшую от страха женщину.

Сидевшие в зале считали, что Плевицкая избегает или не смеет смотреть на толпу русских людей, потому что чувствует их враждебность — и свое одиночество. Все против одной. Одна — против всех».

Суд отказался выслушивать крестницу Николая Владимировича Елену Воробьеву. Спустя 40 лет после этих событий она скажет: *«Помню дядю с тетей со своих трех или четырех лет. Я ходила в детский сад в Софии. Каждый раз, когда они приезжали в этот город, я ни на минуту не расставалась с ними. Они жили в гостинице. Я спала со своей тетей, а дядя спал на маленьком диване. Он обожал меня, всегда звал “своей малышкой”. Потом, когда мы переехали на юг Франции, они тоже жили там, и все повторилось: дядя спал на диване, а я — с тетей.*

В Озуаре она и шага не могла ступить без мужа или без меня. Она не знала ни слова по-французски, а после аварии часто страдала от головных болей.

С другой стороны она была артисткой, артисткой до кончиков ногтей, жила сердцем и голосом. Она воплощала собой весь русский народ. Она была “госпожой Генеральшей” и целиком соответствовала своему чину. Она навсегда останется в памяти благодаря своему достоинству и величю, тогда как другие будут забыты навсегда. Моя любовь отдана ей навеки!»

Выступление обвинителя:

«Плевицкая была подстрекательницей своего мужа. Это как раз то, о чем говорили нам свидетели. И я хочу собрать, словно в букет, те выражения, которые они высказали у барьера. Один из них сказал: она — двигательная сила своего мужа. Другой — она носила генеральские лампы. Третий: Скоблина звали — генерал Плевицкий. И последнее: она была

его злым гением. Вышедшая из рядов Красной Армии, она вернулась в ГПУ, чьим двойным агентом была.

Вот, господа присяжные, моральный портрет этой женщины с глазами, временами полными слез, сознающей ужасную ответственность, играющей комедию простодушной наивности и старающейся отвечать с непонимающим видом на все неприятные вопросы: "Я ничего не знаю!"

Сегодня нужно уже платить! Есть еще время сказать правду. Что вы сделали с генералом Миллером? Не видите ли вы его живым в ваших снах? Говорите! Как тягостно это молчание!

Будем уважать страдания русских эмигрантов, восхищаться их верой, их идеалами. И все это предала эта женщина! Над всем этим она надсмехалась! И если мы должны сдерживать наш гнев, мы можем выразить ей все наше презрение, ибо это предательство, платное предательство. Соучастница преступления, предавшая дружбу. Судите ее, господа присяжные, без ненависти, конечно, но и без пощады. Да совершится французское правосудие!»

Зал находился под сильным впечатлением этого выступления. Жена генерала Миллер украдкой вытирала слезы. Закрыв лицо руками, на скамье застыла Плевицкая. Все ждали, какой будет вынесен приговор.

«Какую роль сыграл генерал Кусонский в этом деле? Не были ли он сообщником? И не выдал ли он Скоблина на расправу, удержав Кедрова? В таком деле возможны все догадки. А в материалах следствия нет ни одного документа, обвиняющего в том, что они были советскими агентами.

Чьим агентом был Скоблин? По жене — советским, или по Туркулу — немецким? Генерал Миллер не найден ни живым, ни

мертвым. В его смерти сомнений нет. Нет и доказательств. Вот почему можно привлечь Скоблина к суду только по обвинению в насильственном лишении свободы, а Плевицкую — в сообщничестве. Кто руководил Скоблиным, Советы, или гестапо, или личные цели, все это не имеет значения. Важно, что против обвиняемых собраны достаточные улики. Плевицкая помогла Скоблину в похищении генерала Миллера, ее участие предельно ясно и доказано. В ее деле нет смягчающих вину обстоятельств. Поэтому не поддавайтесь чувству сострадания, в данном случае неуместному. Я требую для обвиняемой бессрочной каторги!

Приговор должен быть примерным! Пусть те, кто толкнул эту женщину на преступление, знают, что рука французского правосудия умеет карать беспощадно!»

Суд поставил перед присяжными семь вопросов:

Был ли 22 сентября 1937 года на французской территории похищен и лишен свободы человек?

Длилось ли лишение свободы больше одного месяца?

Была ли Плевицкая сообщницей в этом преступлении?

Было ли совершено 22 сентября 1937 года на французской территории насилие над генералом Миллером?

Если было, то не с обдуманым ли заранее намерением?

Если было, то не с завлечением ли в западню?

Была ли Плевицкая сообщницей преступников?

Когда присяжные закончили совещание, старшина, положив руку на сердце, ответил «да» на все вопросы, поставленные судом. Смягчающих обстоятельств найдено не было. Приговор был оглашен в тот же день: 20 лет каторжных работ, еще 10 лет после этого осужденной запрещается ступать на землю Франции. Плевицкая вздрогнула. В зале изумление. Такого вердикта не ожидал никто. Прокурор, закрывая суд,

торжественно произнес: *«Суд предостерегает этим приговором иностранцев, совершающих преступление на французской земле».*

Никаких шансов смягчить приговор не было априори. Адвокат Филоненко сразу сказал: тут не помогут ни письма в газеты, ни обращение к президенту республики. Безусловно, оставался маленький повод для кассационной жалобы — один из присяжных не назвал своей профессии. Но надеяться на пересмотр приговора было верхом наивности.

Журнал «Русские записки» писал в те дни: *«Судоговорение в процессе Плевицкой и закончивший его неожиданно суровый приговор выросли в большое событие в жизни русской эмиграции. Обозревателю приходится на нем остановиться — не только в связи с судьбой, постигшей подсудимую, и со степенью ее ответственности, сколько в связи с тем, что было названо “климатом” зала суда.*

Впечатление присутствовавших на процессе — о личности подсудимой по временам как бы вовсе забывали. Находишься на скамье подсудимых сам Скоблин, его жена могла бы сойти на роль свидетельницы — или, в худшем случае, соучастницы; самая возможность предания ее суду — а на суде возможность ее обвинения — подвергалась сомнению и была предметом оживленных споров.

Судили, в сущности, тех, кто стоял за Плевицкой, — и шансы осуждения довольно равномерно распределились между двумя противоположными направлениями. Выбор был поставлен резко обеими сторонами: советская власть или русская эмиграция? Роль парижских агентов советской власти, особенно после буквального повторения трагедии с генералом Кутеповым, представлялась как бы априори — бесспорной не только для русской эмиграции в целом, у которой нет другого мнения.

Но в пользу этого предположения говорили объективные факты, представшие в ярком освещении перед присяжными. Во-первых, бегство Скоблина в связи с запиской, оставленной генералом Миллером, подлинность которой так неудачно оспаривала противная сторона. Не менее трудно было оспаривать искусственность алиби, которое пыталась отстоять для своего мужа Плевицкая: тут на нее легла главная тень.

Плевицкая платила тут за тех, кто, по тем или иным причинам, остался вне пределов досягаемости суда. И защита Плевицкой оказалась делом чрезвычайно трудным. Принуждены же были ведь и защитники признать допустимость гипотезы о советской причастности к делу, лишив себя тем самым возможности защищать сколько-нибудь ясно и убедительно противоположную позицию.

Но Плевицкая пострадала и за другое обстоятельство — к удивлению, особенно подчеркнутое той же защитой. Она была “иностранка”, на нее пала ответственность за преступление, совершенное при участии эмигранта во Франции — и преступление не первое. “Надо положить этому конец!” — внушал присяжным прокурор. Для него это было яснее, чем всякие другие гипотезы относительно виновников преступления. Надо показать пример!

Надо, к сожалению, признать, что и неудачная позиция, выбранная защитой, и самый состав вызванных свидетелей давали присяжным обильные иллюстрации этого тезиса. Достоинство эмиграции было поддержано частью этих свидетелей, но, увы, далеко не всеми».

Однако были и те, кто считал, что суд так и не раскрыл всю шпионскую сеть большевиков и поэтому необходимо продол-

жать следствие. Бурцев писал в те дни генералу Деникину: *«Посмотрите, что делается во Франции по делу Миллера. Кому следует из властей я доставил блестящие сведения: о непосредственных участниках похищения Миллера, большевиках Белецком, Г. (который сбежал), спокойно живущем здесь Любарском, затем о тех, кто служит орудием у большевиков, как Завадский и его целая организация, Савин (только что сегодня мне сказали, что он сбежал в Италию), Ларин (бывший дроздовец, глава возвращенцев), глава бельгийского ГПУ Григорьев, работающий и в Париже среди русских, известный всем писатель Крымов, миллионер, нажившийся на связях с большевиками, кто тесно связан был с Алексеем Толстым, когда тот подготавливал похищение Куприна или сманивал в Россию французского писателя Жида, и т.д. Все эти темы требуют не только опубликования, но многократных повторений и смелых формулировок. Надо, чтобы наш негодующий протест слышали не только русские, но и французы, и весь мир. Нужен боевой Национальный комитет, властный, сильный комитет. Политическое положение ужасное. Но начать настоящую нужную борьбу с большевиками мы можем в любое время, когда этого мы захотим. Итак, нужно, чтоб мы захотели как следует бороться с большевиками».*

В этой связи интересна и позиция Льва Троцкого. В письме Зборовскому и Эстрину он указывал: *«Что касается процесса жены генерала Миллера, то, разумеется, наши друзья не могут и не должны ни прямо, ни косвенно участвовать в этом деле. Отдельных лиц могут, разумеется, вызвать официально, в качестве свидетелей.*

В этом случае насколько я понимаю, законы не позволяют уклониться от дачи показаний. Но схема показаний должна

быть точно разработана заранее. Необходимо прежде всего заявить, что внутренних счетов между белыми и ГПУ мы не знаем, что из среды белых вербуются агенты-убийцы, и где кончается провокация, где начинается "белая оппозиция", нам невозможно судить».

***

В тюрьме Надежда Васильевна Плевицкая вела дневник. Оригинал хранится в США, в архиве Колумбийского университета. Тетради, исписанные неровным почерком, были переданы туда в числе документов адвоката Филоненко после смерти певицы. Полностью дневник никогда не публиковался.

Мне повезло ознакомиться с его содержанием. Отдельные фрагменты привожу на страницах этой книги. Но самое интересное для большинства — слухи и сплетни русского Парижа — публиковать категорически отказался. На эмиграцию за прошедшие годы было и так вылито достаточно грязи. Достаточно вспомнить очень популярное сегодня у ряда публицистов утверждение — в вырождении классического русского национализма в современный российский нацизм виновата... русская эмиграция. Дескать, она не подготовила почву для преемственности.

Да, действительно: подавляющее большинство людей не понимают значения слова «нация» в статьях и выступлениях русских эмигрантов. Да, сегодня слова «националист» или «правый» приобрели ярко выраженный шовинистический оттенок. Но к русскому зарубежью это никакого отношения не имеет.

Великие русские философы Франк и Вышеславцев вывели такую формулу нации: *«Объединение людей, связанных вместе*

в неразрывное целое общностью культуры, государственных и экономических интересов, историческим прошлым и общностью устремлений на будущее». То есть национальное единство фиксировалось не на этническом, расовом или языковом принципе. Главное — жить на благо России. Не случайно уже тогда в эмиграции появилось весьма точная формулировка: «Российская нация основывается на духовном родстве всех граждан страны».

Еще дальше пошел Иван Александрович Ильин. В одной из статей цикла «Наши задачи», написанных специально для чинов Русского общевосточного союза, он писал: *«Быть русским значит не только говорить по-русски. Но значит — воспринимать Россию сердцем, видеть любовь ее драгоценную самобытность и ее во всей вселенской истории неповторимое своеобразие, понимать, что это своеобразие есть Дар Божий, данный самим русским людям, и в то же время — указание Божие, имеющее оградить Россию от посягательства других народов, и требовать для этого дара — свободы и самостоятельности на земле. Быть русским значит созерцать Россию в Божьем луче, в ее вечной ткани, ее непреходящей субстанции, и любовью принимать ее, как одну из главных и заветных святынь своей личной жизни. Быть русским значит верить в Россию так, как верили в нее все русские великие люди, все ее гении и ее строители. Только на этой вере мы сможем утвердить нашу борьбу за нее и нашу победу. Может быть и не прав Тютчев, что “в Россию можно только верить”, — ибо ведь и разуму можно многое сказать о России, и сила воображения должна увидеть ее земное величие и ее духовную красоту, и воле надлежит совершить и утвердить в России многое. Но и вера необходима: без веры в Россию нам и самим не прожить, и ее не возродить».*

Немногие знают, что в рядах белых армий сражались и евреи, о чем свидетельствует, к примеру, генерал Туркул: «В 3-й, помнится, роте моего батальона командовал взводом молодой подпоручик, черноволосый, белозубый и веселый храбрец, распорядительный офицер с превосходным самообладанием, за что он и получил командование взводом в офицерской роте, где было много старших его по чину. Он, кажется, учился где-то за границей и казался нам иностранцем.

В Корбины к нему приехала жена. У нас было решительно запрещено пускать жен, матерей или сестер в боевую часть. Ротный командир отправил прибывшую ко мне в штаб за разрешением остаться в селе. Я помню эту невысокую и смуглую молодую женщину с матовыми черными волосами. Она была очень молчалива, но с той же ослепительной и прелестной улыбкой, как и у ее мужа. Впрочем, я ее видел только мельком и разрешил ей остаться в селе на два дня.

Утром после ее отъезда был бой. Красных легко отбили, но тот подпоручик в этом бою был убит. Мы похоронили его с отданием воинских почестей. Наш батюшка прочел над ним заупокойную молитву и хор пропел ему “Вечную память”.

Вскоре после того меня вызвали к командиру корпуса в Харьков. Проходя по одной из улиц, я увидел еврейскую похоронную процессию. Шла большая толпа. Я невольно остановился: на крышке черного гроба алела дроздовская фуражка. За черным катафалком в толпе я узнал ту самую молодую женщину, которую видел мельком в батальонном штабе. Мы с адъютантом присоединились к толпе провожающих. Вокруг меня стали шептаться: “Командир, его командир”. Оказалось, что жена подпоручика во время моего отсутствия перевезла его прах в Харьков.

Вместе с провожающими мы вошли в синагогу. По дороге мне удалось вызвать дроздовский оркестр; и теперь уже не на православном, а на еврейском кладбище с отдаaniem воинских почестей был погребен этот подпоручик нашей 3-й роты. Его молодой жене, окаменевшей от горя, я молча пожал на прощание руку».

Почему же об участии евреев в Белом движении ничего не известно? Причин несколько. Первая, и, пожалуй, главная состоит в том, что большинство евреев не поддерживали лозунга добровольцев «Единая, Великая, Неделимая Россия». Вторая заключается в том, что многие евреи скрывали свою национальность. Им было стыдно, что одним из лидеров Советской России стоял именно еврей — Троцкий. Безусловно, был и страх попасть под волну антисемитских проявлений толпы. От этого, увы, никуда не деться.

Один из участников Белого движения писал по этому поводу: *«Еврейству открывался, может быть, неповторимый случай биться так за русскую землю, чтобы раз навсегда исчезло из уст клеветников утверждение, что Россия — для евреев география, а не отчизна. По существу здесь не могло и не может быть выбора: победа противных большевизму сил через страдания ведет к возрождению всей страны и в том числе еврейского народа».*

Да, действительно, была в эмиграции тенденции сваливания всех возможных бед на евреев. Об этом все знают. Но мало кто знает, что была и противоположная точка зрения: позорно для национального достоинства валить все на каких-то жидомасонов. Лучше всех ее обозначил Иван Лукьянович Солоневич: *«Измерять градус национализма одной непримиримостью к большевизму или одним жидоедством — этого еще недостаточно. Вот вам Марков Двад-*

цать Второй. И непримиримости, и жидоедства — сколько хотите. Марков Двадцать Второй утверждает, что Россией правят жидаы — и вот до чего они довели! И так как мы, русские, сами собою править не можем, то надлежит править нами — немцам.

Очень может быть, что немецкое правление было бы значительно лучше еврейского — мы еще не пробовали и, следовательно, не знаем. Однако — в какой именно степени теория Маркова Двадцать Второго является теорией национальной? — По-моему — ни в какой».

Русская эмиграция была сильна умами. Они могли реагировать на ситуацию в СССР и предлагать разумные и достойные альтернативы, никому в то время не нужные. Вспомним, что писал последний русский философ, ученик Вышеславцева и Франка Роман Николаевич Редлих: «Монархии рухнули, их заменила демократия, демократию подлатали, подвели ее к двухпартийной системе. Народ достаточно хорошо угадывает и почти везде отдает нужное большинство правым, с нужной поправкой с левой стороны, если потребуется. Я верю, что народ голосует вовсе не так глупо, как это кажется. Многие сами толком не понимают, почему они так голосуют, но они голосуют так, чтобы существовало равновесие, то, чего не было в начале XX века, когда был выбор между фашизмом или кабаком. Мы должны войти в тот концерт народов, который хоть фальшиво, но играет. Это хоть плохой, но концерт. Это одна из наших важнейших задач. Мы можем очень любить Россию и не хотеть европеизироваться, но приходится это делать. Это нам диктует обстановка. Сколько мы можем сохранить своего оригинального? Чем больше, тем лучше. Но не

все. Потому что Европа лучше нас работает, дальше нас видит. Нам придется подравняться.

Это — задача России. Наша задача лежит в самой России. Мы должны участвовать в самом процессе. Как участвовать? Я вижу главную задачу, конечно, в воспитании народа. Кто будет ее нести? Нести должен весь русский народ, это понятно. Но для того, чтобы он ее нес, нужно его нагружать. Для того, чтобы его нагружать, нужно иметь либо власть, либо кадры, которые готовы принять на себя эту нагрузку. А это должны быть высококвалифицированные кадры. Не только интеллектуально, но и этически».

К моменту распада Советского Союза большинство виднейших представителей первой волны рассеяния почили в могилах немые. Немногие оставшиеся — были уже в слишком преклонном возрасте и на власть, естественно, не претендовали. Их дети давно уже стали иностранцами русского происхождения, которых историческая Родина мало волновала. Можно ли их в этом винить?

***

В мае 1940 года в управление полиции пришел священник. Он был лапидарен: Плевицкая умирает и хотела бы исповедоваться в присутствии полицейского. Отказать ей в этом было невозможно. Ее исповедь, если это, конечно, можно так назвать, была аккуратно записана и подшита к делу о похищении председателя Русского общевойскаского союза генерала Миллера:

«Я люблю генерала Скоблина. Он моя самая большая любовь. Жизнь мою отдала бы за него. Три года не вижу его, умираю от тоски по нему. Его нет, нет, нет, ничего не знаю о нем, и это убивает меня. Я скоро умру. Не знаю, где он находится,

как, поклявшись, сказала вашим судьям. Но вам одному, миленький мой, хочу открыться, чтоб вы знали, что я утаивала от суда до сих пор.

Мой дорогой муж генерал Скоблин был очень честолюбив. Вы знаете, был он властным человеком. Его власть на себе знаю. Чуть что спрашивала о его делах, так он сразу начинал орать на меня. И была я ему покорна, никогда не перечила.

Верьте мне, крест святой, верно служил он генералу Кутепову. Несколько лет верен он был и генералу Миллеру. А потом, как пришел Гитлер к власти в 1933 году, так с Колей приключились перемены. Стал он тогда насмехаться над Миллером и захотел занять его место, возглавив РОВС. А врагом Миллера стал он в 1936 году. Тогда правительство Народного Фронта захотело подружиться с СССР. Наперекор Миллеру, Коля мой ратовал за союз белых русских с немецкими вождями, он-то надеялся, что силой восстановят царский строй в России.

Тогда же он рассказывал о встречах и разговорах с советскими деятелями. И идеям СССР стал сочувствовать. Ну, тут и я поняла, что Коля изменил генералу Миллеру. А Коля жил на деньги от моих концертов. Я купила ему автомобиль и дом в Озуар-ля-Феррьер. Когда исчез генерал Миллер, в тот страшный день 22 сентября 1937 года, были мы вместе в Париже. Чудилось мне, что муж мой в опасности. Не спалось ему сперва, едва забылся к 11 часам. А потом вздрогнув, словно душил его кошмар, весь в поту, он пробудился. Я нежно обняла его, приласкала. Он плакал, говоря: “Прости меня, Надюша, я несчастный человек. Я — предатель”. И стал мне рассказывать: “Я обманул Миллера, сказав, что везу его на политическое свидание. Я отвез его в Сен-Клу, в указанный мне дом, а там он попал в руки врагов. Миллер спокойно сидел в моей машине. Мы вошли в указанную мне виллу. Нас приняли трое

мужчин, хорошо говоривших по-русски и по-немецки. Генерала Миллера провели в соседнюю комнату, а я остался в передней. Прошло минут десять, мне предложили уйти. Я спросил: “Могу ли повидать генерала Миллера?” Меня ввели в небольшой салон. Миллер лежал на диване. Он не шевелился. “Что вы с ним сделали?” — спросил я. “Он спит, ваше превосходительство, мы сделали ему укол”, — ответил по-французски один из этой тройки”.

Я рассказала вам всю правду. И больше ничего не знаю».

Уже в XXI веке в эфире радиостанции «Свобода» прозвучало уникальное интервью. Последним русским, кто видел Плевицкую в тюрьме и кому она исповедалась в своих грехах, был Григорий Алексинский. Служащий уголовной полиции, он курировал дела, связанные с русскими.

«Эмиграция решила, что Скоблин изменил белому делу и стал тайным агентом большевиков под влиянием жены, Плевицкой. Потому что она раньше пела в Советском Союзе, а я считаю, что Плевицкая была вовсе невиновна. Сам Скоблин был виновен.

Мои коллеги из министерства внутренних дел приехали, чтобы ее выслушать. Они меня сразу забрали, потому что, говорят, что без вас мы не сможем: она по-французски почти не говорит. Она была уже больная, умирающая, ей ногу отняли. Мне было ее очень жалко. Она рассказала мне, что ее муж был обработан своим собственным братом, который был советский агент. Он ему сказал, что советский режим — это переменная вещь, а Россия — вечная, поэтому он должен им помогать, и сам того не желая, ты будешь создавать будущее великой России. Это было во время войны, за месяц до того, как немцы вошли в Париж.

Никто этим не интересовался, ни французы ни русские, были другие проблемы. Она очень честно говорила и очень хо-

рошо объяснила, как ее муж стал изменником. Скоблин был очень храбрый генерал, но очень малокультурный человек. Дело в том, что в армии офицеров совершенно не готовили к политической жизни и политическим дебатам.

Она ничего такого не рассказала, кроме того, что мы все давно знали. Что она была безумно в него влюблена. Сначала у нее был роман с одним офицером, потом она порвала, перешла к белым, влюбилась в Скоблина и стала его верной женой.

5 октября 1940 года Надежда Плевицкая тихо скончалась в Центральной тюрьме города Ренн. Французские газеты сухо и коротко сообщили о конце «певицы на службе ГПУ». В бурных событиях Второй мировой войны ее смерть не привлекла к себе равным счетом никакого внимания. О ней все забыли. Или предпочли забыть, вспоминая только ее песню «Занесло тебя снегом, Россия» без указания автора. Одна из русских газет, публикуя некролог, предпочла вовсе не вспоминать про похищение председателя Русского общевойскаского союза: *«Душа народа, голос расы, песня нации — так можно было бы описать Надежду Плевицкую, когда она стояла и пела о вечном страдании и горе. Ее дикция была безупречна, исполнение — без малейшего призвука безвкусицы и “пересола”. Все на грани несравненного мастерства».*

Интересно, что в конце 80-х годов, тогда еще в Советском Союзе, появилась новая версия смерти «Курского соловья». Ввел ее в оборот Гелий Рябов, тот самый, который написал в свое время сценарий для популярного фильма «Рожденная революцией». Он утверждал, что Плевицкую казнили немцы. Привязали ее к двум танкам и разорвали. Версию подхватили. Особенно усердствовал известный домисливатель истории Белого движения Черкасов-Георгиевский. На все просьбы предоставить документы он отвечал гробовым молчанием, которое иногда прерывалось потоками неприкрытого хамства. Дей-

ствительно, куда проще обвинить всех в богоборчестве и ма-
сонстве.

В разговоре с одним из потомков русских эмигрантов первой волны я попросил его прокомментировать эту версию. Он был лапидарен: «Чепуха, дорогой Армен Сумбатович!» И в тот же день выслал отрывки статей из парижских газет, благодаря которым можно утверждать: Рябов и Черкасов-Георгиевский в погоне за сенсацией ввели всех в заблуждение. Для тех, кто в этом сомневается, существует и свидетельство дочери генерала Деникина: *«Я посетила женскую тюрьму, куда Плевицкую заключили после процесса на двадцать лет и где Плевицкая содержалась в общей камере. Я хотела узнать, от чего она умерла. Камера эта на сорок кроватей больше не существовала. Мне дали адреса надзирательниц, бывших уже в отставке, которые могли помнить Плевицкую. От них я узнала разные подробности, например, как Плевицкая ходила в католическую церковь. За ней приезжали полицейские и сопровождали ее. В церковь нужно было пройти через маленький садик, где росли маргаритки. И Плевицкая сказала однажды надзирательнице: “Ой, как мне бы хотелось сорвать этот цветочек, но это запрещено”. У нее болела нога и она вообще себя в последнее время плохо чувствовала. Когда городок, где была тюрьма, заняли немцы, они ею заинтересовались. Похищение Миллера и Кутепова все еще имело значительную политическую ценность. Немцы поместили ее в свой госпиталь, но в конце концов ей пришлось ампутировать ногу. Потом ее вернули в тюрьму, и через две недели в тюремном госпитале она умерла. Надзирательница мне рассказывала, что только она одна шла за гробом Плевицкой, больше никого не было. Я искала на кладбище ее могилу, но мне сторож сказал, что она в общем захоронении, в дальнем углу кладбища. Это был холм,*

поросший густой травой. И вдруг я смотрю — несколько маргариток. Очень хорошие, красивые маргаритки...

Мне хотелось узнать, кто ее навещал в тюрьме, должны были остаться записи. Но, к сожалению, тетради эти были отданы в секретный архив. Я достала допуск, и мне дали тоненькую папку, где на желтенькой бумажке было написано, что архив забрали немцы. И стоял штамп немецкой комендатуры».

Процесс над Надеждой Васильевной Плевицкой был отражен и в художественной литературе русской эмиграции. К примеру, Владимиром Набоковым в рассказе «Помощник режиссера»: *«Мелькают последние кадры — Славская в тюрьме. Смирено вяжет в углу. Пишет, обливаясь слезами, письма к госпоже Федченко, утверждая в них, что теперь они — сестры, потому что мужья обеих схвачены большевиками. Просит разрешить ей губную помаду. Рыдает и молится в объятиях бледной юной русской монашенки, которая пришла поведать о бывшем ей видении, в котором открылась невиновность генерала Голубкова. Причитает, требуя вернуть ей Новый Завет, который полиция держит у себя, — держит, главным образом, подальше от экспертов, так славно начавших расшифровывать кое-какие заметки, нацарапанные на полях Евангелия от Иоанна. Вскоре после начала Второй мировой войны, у нее обнаружилось непонятное внутреннее расстройство, и когда одним летним утром три немецких офицера появились в тюремной больнице и пожелали увидеть ее, немедленно, — им сказали, что она умерла, — и может быть, не солгали».*

***

Генерал Абрамов, ставший председателем Русского общевойскового союза, мечтал сложить с себя эти хлопотные полно-

мочия. Он сразу же предложил эту должность бывшему руководителю Особого совещания при ВСЮР генералу Драгомирову, который жил в Белграде. Но тот не согласился. Именно его отказ и вынудил Федор Федоровича издать свой знаменитый указ № 1, о переносе центра из Парижа в Софию. Однако он совсем забыл о договоренностях между СССР и Болгарией о недопущении работы на ее территории белоэмигрантских организаций. Все многочисленные заявления Абрамова, что это чисто номинальный перевод, действия не возымели. Пришлось искать обходные пути.

15 ноября 1937 года он обратился с письмом к проживавшему в Париже заслуженному профессору Николаевской академии Генерального штаба генерал-лейтенанту Гулевичу: *«Позволяю себе обратиться к вам с покорнейшей просьбой, принять на себя возглавление РОВСа. Могу заверить, что принятие вами этой должности будет встречено всеми начальниками отделов РОВСа с полным удовлетворением и готовностью быть вам ревностными помощниками во всех ваших начинаниях. Разрешите надеяться на благоприятный ответ. В этом случае вступление ваше в должность желательно было бы произвести до 1 декабря сего года».*

Генерал знал сложное положение Русского общевойскового союза и отказаться от такого предложения не мог. Он тут же послал Абрамову телеграмму, в которой выразил согласие. Однако Федор Федорович внезапно передумал. Сделав вид, что никакого согласия он не получал, Абрамов снова обратился к Драгомирову. В этот раз он оказался покладистее, но заметил, что для перевода центра в Югославию нужно согласие правительства. Кабинет министров три месяца изучал этот вопрос и в результате ответил отказом. И тут же последовала новая неприятность. Гулевич, негодуя, что Абра-

мов ведет двойную игру, ответил ему через газеты: *«Не входя в рассмотрение причин, вызывающих столь вредное для дела промедление, я признаю своевременным заявить, что считаю себя освобожденным от принятых обязательств по отношению ко мне, как вас лично, так и начальников отделов РОВС».*

Нового председателя Русского общевойскового союза нашли в Бельгии. Выбор этот удивил многих.

Генерал-лейтенант Алексей Петрович Архангельский сразу после революции оказался в рядах Красной Армии. Это, так сказать, официально. В то же время он входил в состав подпольного «Национального центра», который занимался отправкой офицеров на Юг. Зимой 1919 года он прибыл в Добровольческую армию, где был весьма прохладно встречен Деникиным. Он назначил офицерский суд чести, который оправдал Архангельского. Но никакой видной роли в Белом движении он не играл. Больше того, большинство чинов РОВС вообще не знало, кто это такой. Известно было лишь, что он дружит с Кусонским, который, по слухам, и подсказал Абрамову кандидатуру нового председателя Русского общевойскового союза. 20 марта 1938 года Абрамов отдал приказ о назначении Архангельского с переносом центра в Бельгию: *«Выяснившиеся за последние пять месяцев общественно-политические условия не позволяют мне продолжать исполнение обязанностей Начальника Русского общевойскового союза на месте моего постоянного жительства. Ввиду чего приказываю в исполнение должности Начальника Русского общевойскового союза вступить Генерального Штаба генерал-лейтенанту А.П. Архангельскому.*

Призываю всех чинов Русского общевойскового союза оказать своему новому Начальнику всемерную поддержку на его

трудном и ответственном посту во имя великой идеи, которой мы все служим, — во имя спасения нашей Родины.

Приношу искреннюю благодарность всем, кто в трудные дни после гибели Генерала Миллера оказал Русскому общевосточному союзу и его возглавлению свое доверие и моральную поддержку».

Случилось это очень вовремя. Крупнейшая организация русского зарубежья опять оказалась втянутой в грандиозный шпионский скандал. Выяснилось, что агентом НКВД был сын Федора Федоровича.

***

Во время эвакуации белых армий из Крыма Абрамов оставил на попечение родственников маленького Колю. Он рос при советской власти и, разумеется, впитал в себя всю идеологию: ненависть к буржуям, фашистам и белогвардейцам. В 1931 году он неожиданно появился в Берлине. Фон Лампе тут же сообщил об этом Абрамову. Тот выслал болгарскую визу и немного денег на дорогу.

Разумеется, генералу не нравились откровенные просоветские речи своего наследника. Он поручил его перевоспитание капитану Фоссу. Тот начал привлекать Николая к акциям «Внутренней линии». Было решено внедрить его в НТСНП, куда он по возрасту вполне подходил. Жена Абрамова вспоминала позднее: *«Мы жили с мамой и Николаем Федоровичем как на вулкане. Семь лет на краю пропасти. Если бы теперь мне кто-нибудь сказал, что можно долгие годы принимать у себя дома смертельного врага, улыбаться, подставлять щечку для поцелуя, кормить его любимыми блюдами, я бы ни за что не поверила. Но так было».*

Уроки Клавдия Александровича не прошли даром. Абрамов-младший начал с того, что предложил создать в рамках Национально-трудового союза нового поколения тайную организацию. Но его настойчивые предложения не нашли поддержки среди «нацмальчиков». Невзирая на родство с известным лидером Белого движения, он был исключен из НТСНП. В Русском общевойском союзе были возмущены таким решением. Отношения между двумя организациями, которые и так нельзя было назвать безоблачными, испортились до предела.

Летом 1934 года СССР и Болгария договорились об установлении дипломатических отношений. 23 ноября советский полпред Раскольников вручил царю Борису верительные грамоты. Уже через несколько дней представитель Страны Советов заявил категорический протест правительству, обвинив некоторых видных членов НТС в подготовке его убийства. Болгарские власти приняли мсры. А уже скоро в орбиту следствия попал и Николай Абрамов. Были выявлены его связи с резидентом НКВД на Балканах, а в дальнейшем и с чекистами в Софии. Разведчик Дмитрий Федичкин спустя почти 50 лет вспоминал: *«Он был предан Советской власти, мужествен, инициативен. Можно привести множество примеров, когда дети не разделяют взглядов своих отцов, поступают вопреки их воле. Но тут было совершенно другое: чтобы обезвредить антисоветские действия РОВС, Николай должен был скрывать от отца свое истинное лицо. По этому поводу у нас шли бурные дебаты. Одни говорили, что неэтично, безнравственно побуждать сына скрытно действовать против родного отца. Другие стояли на совершенно противоположной позиции: ничего безнравственного тут нет! Сын защищает свое отечество от происков врага, сбежавшего*

за кордон. И совсем неважно, что врагом этим оказался родной отец».

В октябре 1938 года его арестовали. Абрамову-младшему были предъявлены обвинения в связях с советской разведкой. Разумеется, он пытался все отрицать, но без особого успеха. Ему было дано 7 дней на размышления. Отец предлагал ему застрелиться и тем самым смыть пятно позора с фамилии. Однако Николай категорически отказался. Единственное, что смог сделать генерал — попытаться не допустить излишней огласки. Получив визу во Францию, Абрамов-младший уехал. Больше его никто и никогда не видел в русском зарубежье.

А издания русского зарубежья словно соревновались друг с другом: кто больше ударит Русский общевоинский союз.

Газета «Россия», май 1939 года: *«Военно-бюрократическая попытка верхов РОВС залатать все те прорывы, тяжчайшие предательства, которые беспрерывно имели место в течение последних десяти лет — это совершенно безнадежное занятие. Prestиж ответственного руководства РОВС, система управления и основы организации союза окончательно безнадежно скомпрометированы. Да и в самом деле, каков может быть авторитет и доверие, когда большевистский шпионаж, измена и предательство явились не случайным печальным явлением, а многолетней и систематически повторяющейся практикой.*

Предательство генерала Монкевица и Неандера, позже — большевистские предатели, наводчики, находившиеся в непосредственном окружении доблестного генерала Кутепова. Далее, в окружении генерала Миллера разворачивается скоблинада и шпионско-большевистская “Внутренняя линия”... Ранее этого вскрывается шпионско-предательская работа в

штабе 4 отдела РОВС в Белграде, где заведующий канцелярией генерала Барбовича, ротмистр Коморовский, совместно с Линицким вел работу в пользу большевиков. Наконец, в настоящее время, мы снова были потрясены новой для нас, но по существу многолетней шпионско-большевистской работой Николая Абрамова в штабе 3 отдела РОВС в Софии. Мы уже не говорим о некоторых других провалах. И разве сейчас кто-нибудь из белых воинов и вообще из рядов национальной эмиграции может поручиться за то, что эта военная организация в своем ответственном управлении не продолжает оставаться пронизанной и опутанной сетью большевистских шпионов-provokаторов. Об этом нужно сказать открыто, честно, твердо и громко.

В конце концов, создалось положение, при котором, к сожалению, весьма незначительный процент воинских чинов остался в рядах РОВС, а подавляющая масса белых воинов, не найдя в этой организации морального, военного и национально-политического смысла вышла из нее.

На каком-то непонятном основании в ответ на закономерную, созидательную и патриотическую критику — со стороны руководящего актива союза всегда раздавался окрик: “Не Ваше дело!”, “Вы разлагаете союз!”, “Большевик”, “Разлагатель”... По какому-то роковому непониманию вот уже около десяти лет, когда впервые в центре РОВС было обнаружено предательство генерала Монвевица и когда одно большевистское предательство стало следовать за другим, — в ответ на требование всей национальной эмиграции широко вскрыть все предательства в рядах союза и реорганизовать его — неизменно со стороны верхов союза раздается злобный окрик: “Не ваше дело!”»

Газета «Возрождение», май 1939 года: «Так вышло само собой, а иначе и не могло случиться: что люди, которые завладе-

ли командными постами в эмиграции, люди, представляющие отжившие свой век течения и давно уже уязвленные в своем самолюбии, отвернувшиеся от России, оказались ныне вне событий.

Общественный центр тяжести и всей этой жестокой и оскорбительной для русского имени истории заключается, однако, не в ее трагических подробностях, а в том, что “Внутренняя линия” — “питательный бульон” для разводки провокаторов, продолжала существовать и во главе ее продолжал оставаться все тот капитан Фосс — злой гений, губивший и погубивший теперь генерала Абрамова.

Генерал Шатилов указывает на капитана Фосса, как на вдохновителя и руководителя “Внутренней линии”, требования которого были для него — генерала Шатилова — обязательны. Донесения капитана Фосса в комиссию не соответствуют действительности. Его заявления или прямо неверны, или искажают дело, или дают ему умышленно ложное освещение. Общая их цель прикрасить истинную деятельность “Внутренней линии” и генерала Шатилова.

Заключения очевидны. Наименее из них невыгодное могло бы состоять в том, что Абрамов в течение тринадцати лет был непрерывно и умышленно вводим в заблуждение капитаном Фоссом, совершенно этого не замечая».

Газета «Последние новости», май 1939 года: «Скандал, разыгравшийся в Софии, имеет тем большее значение, что генерал Абрамов и его ближайший помощник капитан Фосс находились в зашифрованной переписке с генералом Скоблиным и Плевицкой перед похищением генерала Миллера. Какую роль сыграл Николай Абрамов? Сколько человеческих жизней лежит на его совести?»

Газета «За Родину!», май 1939 года: «Провокация Абрамова как будто пробил лед — “Внутренняя Линия” получила осве-

щение на страницах почти всех органов национальной печати, сейчас, после очевидно преступной работы “Внутренней линии” ее возглавителей, ее вольных и невольных сообщников и пособников, уместно спросить: так кто же был прав?»

Газета «Меч», май 1939 года: «Налицо определенное желание, столь неумное и столь чреватое последствиями, замять, скрыть, не вынести сора из избы. Если присмотреться к делу Скоблина и к делу Абрамова, то в них можно увидеть большую аналогию. Заключается она, помимо, конечно, основных мотивов предательской работы, в безнаказанности главных участников и в упорном желании оставшихся замазать все эти дела. Главное несчастье в том, что стоящие во главе организации и обывательская масса облегчают спецотделу ОГПУ вести беспроблемную игру».

Газета «Сигнал», май 1939 года: «Все делалось силами и влиянием «Внутренней линии», применявшей чисто большевистские методы борьбы, как провокация, клевета, компрометация противников, взрыв изнутри конкурирующих организаций. Напомним чрезвычайно характерное обстоятельство, что первая и неудачная статья И. Солоневича о Скоблине была написана по личному совету генерала Абрамова. Напомним, что главная атака против И. Солоневича шла именно из окружения генерала Абрамова (“Психологический трест”), явившегося источником всех последующих против И. Солоневича инсинуаций.

Когда выяснилось, что начальником РОВС генерал Абрамов, после скандала с его сыном, оставаться не может, он предложил этот пост заслуженному профессору генералу Гулевичу. Он согласился, однако, предупредив: заняв пост начальника РОВС, он, генерал Гулевич, “Внутреннюю линию” ликвидирует. На это заявление он ответа не получил и генерал Абрамов назначил генерала Архангельского.

Было ясно, что генерал Абрамов искал себе бездеятельного заместителя, и нашел такового в лице генерала Архангельского».

В Софии скандал пытались замаять. Решили даже не докладывать новому председателю Русского общевойскового союза генералу Архангельскому. Только спустя три месяца, в конфиденциальном письме Абрамов доложил, что возникли трудности, но «Внутренняя линия» всегда на страже. Чувствуя неладное, она изолировала Николая от работы РОВС, поэтому никаких особых тайн он не разведал.

Но НТСНП и Туркул снова выступили единым фронтом, будоража эмиграцию очередным этапом русской войны, в этот раз на Балканах. Первый удар нанесли по РОВС его бывшие чины. Полковник Пятницкий в передовице журнала «Сигнал» отмечал: *«Нам решительно непонятно, как генерал Абрамов сам может оставаться в занимаемой должности. Требовать его отставки — не наше дело. Это — дело РОВС. Но мы высказываем лишь удивление, что генерал Абрамов сам допускает возможным ожидать таких требований».*

Скандал вынудил генерала Архангельского приступить к расследованию дела Николая Абрамова. Разумеется, тут же всплыла на поверхность и «Внутренняя линия». В течение 10 дней председатель Русского общевойскового союза лично руководил ходом работы проверочной комиссии. Как и следовало ожидать, она не нашла никаких ошибок в деятельности контрразведки. В письме начальник отделов РОВС Архангельский отмечал: *«Двухгодичное наблюдение за ним не дало ничего подозрительного. Сам он проявлял антибольшевистское настроение и, как знакомый с советской действительностью, был привлечен к работе против большевиков. Однако с нача-*

ла 1937 года стали обнаруживаться подозрения в предательстве, и за Николаем Абрамовым со стороны нашего аппарата была установлена слежка. Естественно, что в это время он был устранен от настоящей работы. Подозрения нагромождались, но установить подлинность их, поймать с поличным не удалось. Была привлечена и болгарская полиция. Хотя все оставалось в области подозрений и косвенных улик, тем не менее, летом прошлого года обо всем было доложено Генералу Абрамову, который спросил сына. Последний ответил категорическим отказом — “не виноват”, но тем не менее Генерал Абрамов велел сыну уехать из Болгарии. Интерес дела, необходимость выяснить его до конца не позволяли предавать его огласке, на чем настаивала полиция.

Генерал Абрамов, собрав старших начальников, находящихся в Софии, 7 февраля, “отбросив личное и руководствуясь пользой дела”, рассказал все, что он знает по этому тяжелому для него делу. К особо секретным делам Русского общевосточного союза Николай А. никогда не имел доступа, и отец с ним этими делами не делился, а со времени женитьбы и жил с ним на разных квартирах. Отношения отца с сыном были холодные, что наблюдалось всеми.

Привлечение Николая А. к разведывательной работе сопровождалось колебаниями отца, который уступил сыну, боясь упрека в том, что “оберегает сына от опасной работы, на которую идут другие...” Несомненно, что Николай А. узнал технику работы в известной ограниченной области».

Архангельский попытался поставить точку в затянувшейся череде скандалов с контрразведкой. Он отдал приказ, согласно которому «Внутренняя линия» считалась распущенной и деятельность ее чинов прекращалась во всех отделах РОВС. Но, как и в случае с аналогичными попытками

Миллера, ничего из этого не вышло. «Внутренняя линия» продолжила свою работу, больше уже не привлекая к себе ненужного внимания.

Похищение в Париже генерала Миллера вызвало у эмиграции новый виток подозрений в отношении братьев Солоневичей. На собрании группы дроздовцев в Софии было заявлено, что *«это — советская сволочь, которой верить никак нельзя. Они из той породы, которая под пение “Боже, Царя храни” способны на какую угодно гнусность. Они страшнее явно большевизанствующих активистов»*. Еще дальше пошел генерал Зинкевич: *«Если станет известно, что Борис с его атлетической фигурой втаскивал генерала Миллера в советский автомобиль, то мы ни на минуту не усомнимся в достоверности такого факта»*.

Деятельность Ивана Солоневича все больше беспокоила Москву. В январе 1937 года замначальник ИНО НКВД майор Шпигельглас на один из отчетов болгарских агентов наложил резолюцию: *«Не пора ли обезвредить?»* Подготовка операции и подбор исполнителей заняли почти год.

2 февраля 1938 года в 10 часов утра в редакции газеты «Голос России» прогремел взрыв. Открывавший «пакет с книгами» секретарь Солоневича студент Михайлов погиб мгновенно, буквально разорванный на куски. Тамара Солоневич, находившаяся рядом, была смертельно ранена и скончалась по дороге в больницу. Иван и Юрий Солоневичи во время взрыва были в соседней комнате и не пострадали. Для определения вида взрывчатого вещества была создана специальная комиссия, которой передали куски бумаги, картона и целлулоида, найденные в телах погибших. На обрывках оберточной бу-

маги удалось обнаружить несколько болгарских слов, из чего последовало заключение, что упаковка бомбы производилась в Софии.

Полиция арестовала боевиков РОВС Барабанова, Маркова и Тренко, подозревая их в подготовке взрыва. Однако «Внутренняя линия» была тут вовсе ни при чем. В то же время Фосс был убежден: все это подстроено советской разведкой специально, чтобы повысить авторитет Солоневича в эмиграции. Интересно, что так же считал великий русский философ Иван Александрович Ильин. В его архиве сохранился набросок статьи: *«Безбожные, а потому глубоко пошлые люди. Пролганные, циничные, советские ловчи́лы. Ni foi, ni loi. Пустые души, в которых есть только личная злоба и жажда мести по отношению к коммунистам. И эту личную злобу они театрально разыгрывают как пламенный патриотизм, делая себе на этом эмигрантскую карьеру среди демагогирующих штабс-капитанов. Приехали демократами-республиканцами — и к Милюкову; не пристроились — объявили себя, держа нос по ветру, монархистами, чтобы писать о Вел. кн. Кирилле такие вещи и таким тоном, от которого порядочному немонархисту стыдно становится.*

Если бы коммунисты не посадили их в концлагерь — то они все и сейчас ловчились бы там, предавая Россию ради собственного устройства, разыгрывая свою советскую карьеру по “спортивным” организациям и по “интуристам”.

Это люди, растлившие себя в советской службе.

Убийство госпожи Солоневич производит впечатление ужасной и грязной истории, случившейся с отвратными людьми: сатана черта растерзал, злодеи живого лемура переехали, волка поезд раздавил. И все, что они делают — насыщено самовлюбленностью, пьяною рисовкою, каким-то нескрываемым бесстыдством, эксгибиционизмом.

В наше слепое время люди думают: все, что против коммунистов — все хорошо. Но вот поднимается черное на красное, растление справа на растление слева — и мы опять будем задыхаться».

Покушение на Солоневича способствовало бегству Раскольникова. Член большевистской партии с 1910 года, активный участник революции и Гражданской войны, он был послом СССР в Болгарии. В 1937 году Раскольников обнаружил, что его книга «Кронштадт и Питер в 1917 году» включена в СССР в список для обязательного изъятия из библиотек и уничтожения, а его самого вызывают в Москву. Он решает остаться за границей и вступает в борьбу со Сталиным и публикует два знаменитых документа: «Как меня сделали врагом народа» и «Открытое письмо Сталину»: «Вы объявили меня “вне закона”. Этим актом вы уравнили меня в правах — точнее, в бесправии — со всеми советскими гражданами, которые под вашим владычеством живут вне закона. Со своей стороны отвечаю полной взаимностью: возвращаю вам входной билет в построенное вами “царство социализма” и порываю с вашим режимом.

Ваша безумная вакханалия не может продолжаться долго. Бесконечен список ваших преступлений. Бесконечен список ваших жертв, нет возможности их перечислить.

Рано или поздно советский народ посадит вас на скамью подсудимых как предателя социализма и революции, главного вредителя, подлинного врага народа, организатора голода и судебных подлогов».

Собственно, об этой истории все прекрасно наслышаны. За кадром для большинства остался лишь один момент: кто помог Раскольникову бежать? Павел Николаевич Бутков спустя полвека приоткрыл завесу тайны: «Капитан Фосс тогда особое внимание обратил на меня и всячески старался привлечь

к этой работе, но сначала давал небольшие поручения. Было обращено внимание на советское полпредство и тогдашнего полпреда в Софии Раскольников.

В это время я получил задание от капитана Фосса каждый день после обеда следовать за полковником Сухоруковым, когда он выходил из полпредства на улице Московской и шел на бульвар Царя-Освободителя, где за памятником Александру II стояло высокое новое здание. Там и жил полковник Сухоруков со своей женой. Я, идя позади, говорил, чтобы он не терял времени и принимал нашу помощь, так как и его Сталин с Ежовым не пощадят, и всегда старался передать ему записку с объяснением, куда ему вместе с женой идти со своими личными вещами. Эту записку он никак не хотел сначала принимать, но я ее просто подкладывал под дверь его квартиры. И полковник Сухоруков принял наше предложение и исчез из полпредства».

А вот что писал в начале 90-х годов его старший брат Владимир, который через несколько лет станет председателем Русского общевойскаского союза: *«Из недавно вышедших воспоминаний посла СССР в Болгарии Ф.Ф. Раскольников и его жены Музы стало известно, что Раскольников в своем “письме Сталину” признавался, что их работу в Болгарии полностью сорвала “внутренняя линия капитана Фосса”. Стоит подчеркнуть, что мастер своего дела капитан Фосс имел в советском посольстве своих сотрудников, включая и личного шофера военного атташе полковника Сухорукова. Когда работа шофера провалилась — о ней узнал Яковлев, Сухорукова сейчас же отозвали, и он исчез с горизонта военных ведомств СССР, скорее всего, был ликвидирован в 1939 году. Такая же судьба постигла и его заместителя — майора Я.П. Середу, участника Гражданской войны в Испании (на стороне, конечно, крас-*

ных). В Испании Середя отличился, был ранен. Он считался специалистом уличного боя и хорошим организатором конспиративной работы. Середу проводимая капитаном Яренко тактика "игры на нервах" довела до того, что через год он попросил его сменить».

***

22 июня 1941 года Германия напала на СССР. Был нанесен удар небывалой дерзости, стремительности и силы. Уже в первые недели кадровая советская армия фактически перестала существовать. Спустя всего шесть дней немецкие танковые дивизии прошли Минск. Блицкриг застал врасплох управление НКВД, которое не успело вывезти или уничтожить архив.

Изучая захваченные документы, немцы заинтересовались личным делом агента советской разведки в Париже, некоего Третьякова. Гестапо достаточно быстро нашло во французской столице человека с такой фамилией. Его подвергли многочисленным допросам, но он упорно отрицал свою связь с Лубянкой. Сотрудники гестапо вынуждены были признать свою ошибку: арестованный ими офицер русской императорской гвардии, человек безупречной репутации, никакого отношения к НКВД не имел. Значит, был и другой Третьяков. Его нашли летом 1942 года.

Бывший министр правительства Керенского, участник Яского совещания Сергей Николаевич Третьяков. Блестяще образованный, владевший иностранными языками, отличный оратор, он всегда требовал уважения к себе. А ведь эмигрантская жизнь была нелегкой. Семья Третьяковых, у которого были две дочери и сын, нуждалась в деньгах. Французские

банки посчитали его кредитоспособным и дали ему займы несколько сот тысяч франков. И свою кредитоспособность он оправдал, сумев продать Рябушинским национализированную большевиками Костромскую мануфактуру.

Сделка была покрыта туманом. Полученные сто тысяч долларов, сумма по тем временам немалая, позволили Третьякову расплатиться с банками и на несколько лет обеспечить семье безбедное существование.

Но шли годы, средства исчерпались и настала острая нужда. Пришлось покинуть просторную и удобную квартиру и поселиться в дешевом отеле. Жена торговала парфюмерией, одна из дочерей мастерилла дамские шляпки. Сам Третьяков поступил на службу в журнал «Иллюстрированная Россия». Разъезжая по Парижу в метро, он собирал подписку и заказы на объявления.

В то время он опустил, сильно пил. Однажды он покушался на самоубийство, приняв большую дозу веронала. И умер бы, если бы в критическую минуту не пришла его дочь, вызвавшая «скорую помощь».

В своих разъездах Третьяков нередко бывал у Кириллова, бывшего деятеля Союза городов в Сибири. Тут он случайно встретился со старым знакомым, инженером Огороковым, во время Гражданской войны возглавлявшим Министерство торговли. Он не скрывал своих связей с большевиками. По всей видимости, эта встреча и стала роковой для Третьякова.

В 1934 году он снял сразу три квартиры в доме № 29 на рю дю Колизе. Две из них были на третьем этаже, одна из них как раз над помещением управления РОВСа. В третьей квартире на четвертом этаже поселился он сам с семьей. Генерал Миллер в этот момент как раз искал более дешевое помещение. Третьяков и предложил председателю Русского общевойскового

союза квартиру на третьем этаже. Цена оказалась подходящей, и в декабре 1934 года управление переехало туда.

После похищения генерала Миллера и переноса центра РОВСа в Брюссель в этой квартире находилось управление I отдела во главе с генералом Витковским. 10 июня 1942 года он был вызван на допрос в гестапо. Немцев интересовало, что может рассказать Витковский о Третьякове. В своих воспоминаниях Владимир Константинович рассказал подробности той беседы: *«Состоит ли он членом нашей организации? Бывает ли он в Управлении нашем? Каково к нему отношение и вообще мнение о нем? На все эти вопросы я дал ответы, сводящиеся к следующему: С.Н. Третьякова я знаю как общественного деятеля и как хозяина квартиры, которую мы у него нанимаем для Управления. Членом он у нас не состоит, как не воинский чин. В Управление иногда заходит, ибо живет в том же доме. Отношение к нему, как к лицу постороннему, нормальное и доброжелательное. Ничего предосудительного за ним не замечалось. О причинах этих справок о Третьякове мне ничего не сказали, и на этом разговор был окончен».*

Спустя семь дней начальник канцелярии отдела полковник Мацылев сообщил по телефону Витковскому, что в управление приехали немецкие офицеры и хотят его срочно видеть. Генерал поспешил в Русский общевойсковой союз. Пригласив в свой кабинет сотрудников тайной полиции, он услышал шокирующее его известие: утром был проведен обыск у Третьякова, который сознался в том, что он агент НКВД. Немцы попросили разрешения осмотреть кабинет Витковского. Тот, разумеется, не возражал. Вскоре был обнаружен микрофон, спрятанный под плинтусом около камина, напротив письменного стола. От микрофона тянулся провод к приемному устройству в квартире Третьякова. При дальнейшем осмотре выявились следы более

ранней проводки и установки микрофонов в бывшем кабинете генерала Миллера. Вот лишь три его шифровки в Москву, опубликованные спустя 60 лет:

«9 января 1936 года. 10.55. Миллер читает начальнику канцелярии РОВСа Кусонскому письмо, написанное им генералу Дитерихсу. В письме подчеркивается, что во Франции признают, что лишь соглашение Франции и Германии может дать мир Западной Европе, и никакие франко-советские пакты не устроят Германию. Миллер далее пишет о польско-германском соглашении, направленном против России, в которое он искренне верит. Он считает также, что Франция никогда не будет воевать с Германией из-за России...»

«24 января 1936 года. 11.15. Миллер в своем кабинете заслушивает сообщение руководителя информационного отдела РОВСа Трубецкого. По сведениям последнего, в Румынии в ближайшее время произойдет изменение ее внешней политики от профранцузской к прогерманской. Румыно-польско-германское соглашение, направленное против СССР, не за горами. Отношения между большевиками и румынским правительством должны скоро осложниться...»

«4 сентября 1936 года. 16.30. В беседе с Миллером Трубецкой полностью поддержал позицию Кутепова, направленную на активизацию террористической деятельности РОВСа на территории СССР. По мнению Трубецкого, такая боевая работа, которую РОВС проводил в последние годы руководства Кутепова, была своевременна и совершенно необходима. Соглашаясь с Миллером в том, что в настоящее время в основную задачу активной работы РОВСа не входит индивидуальный террор хотя бы по той простой причине, что средства РОВСа истощились, Трубецкой тем не менее напомнил Миллеру, что за последние четыре года РОВС посылал своих людей

в Россию с исключительной целью проведения террористических актов. Он подчеркнул, что генерал Абрамов и капитан Фосс неоднократно направляли своих людей в СССР с единственной целью убийства...»

На следствии выяснились удивительные подробности. Рабочие и коммунисты из французского Министерства почт, телеграфов и телефонов провели прямой провод из управления Русского общевойскового союза в здание советского полпредства. Сидя в своем кабинете, резидент НКВД в Париже годами подслушивал разговоры лидеров военной эмиграции.

Разумеется, в ходе допросов затронули и похищение Миллера. Третьяков сказал, что кроме него на Москву работал и генерал Кусонский. Педантичные немцы внесли эти показания в протокол, но большого значения им не придали. Бывший начальник канцелярии РОВСа был к тому времени уже мертв.

***

Осенью 1962 года русская эмиграция снова заговорила про контрразведку Русского общевойскового союза. Борис Прянишников опубликовал десять статей под заголовком «Гибель генерала Миллера». Досталось всем: и мертвым, и живым. Неутомимый борец за правду назвал «Внутреннюю линию» третьим этапом операции «Трест»: *«Он был основан большевиками в то время, когда их секретные службы были слабы, когда нужно было в первую очередь обезопасить советский строй внутри самой страны. С 1922 года до 1927 года прошло пять лет — срок, вполне достаточный не только для обеспечения внутренней безопасности. Этот срок был более чем достаточен для проникновения в эмигрантские организации и для создания в них разветвленной сети информаторов и даже целых открытых и тайных провокационных организаций».*

Прянишников в очередной раз призвал «линейцев» показаться и помочь в разоблачениях. Ответом ему была тишина. Молчал и председатель Русского общевойскового союза генерал фон Лампе. Лишь его помощник ответил двумя ироничными статьями, суть которых сводилась к тому, что *«если доказанный советский агент работал на генерала Шатилова, то логика говорит просто и ясно — Павел Николаевич был приемлем для НКВД»*.

Начался очередной виток бесконечных взаимных обвинений. Каждая из сторон ссылаясь на вердикт суда по делу Плевицкой. Неутомимый Прянишников использовал свидетельства Ивана Солоневича и Ксении Деникиной. Антон Иванович в Русский общевойсковой союз никогда не входил, информацию о его деятельности он получал только в бытность председателем генерала Кутепова. Соответственно, судить о работе «Внутренней линии» генерал, равно как и его жена, мог только по многочисленным газетным публикациям, в которых вымысла было на десять порядков больше, чем правды. И все-таки она написала достаточно большую статью о «Внутренней линии»:

«В последнее время в печати снова поднят вопрос о разных "Трестах", "Внутренних линиях" и прочих оккультных организациях отравивших нашу эмиграцию. Весьма возможно, что сейчас своевременно будет вспомнить эти дела, потому что, без всякого сомнения, эта научья сеть опутывает ее. А практика и приемы большевистской провокации остаются неизменными, хотя бы потому, что они дошли до предела — хуже, подлее и ниже уже не может быть.»

Поэтому попытки пролить свет хоть на какие-нибудь уголки этой деятельности могут принести пользу и послужить предостережением тем, кто вновь может попасться, как по-

пались генералы Кутепов, Миллер и многие другие, имена которых менее известны.

Российская эмиграция, невзирая на разъедающие ее язвы, все же представляла и представляет до сих пор опасность для советского влияния и пропаганды, чем и объясняется та страстность, с которой большевистская полиция охотится за ней.

Вот почему главным оружием для борьбы советской власти с зарубежными российскими людьми является моральная “пятая колонна” — провокация. Провокация, неспревыоденная по низости и искусству и проводимая государственными средствами.

Первые шаги ее восходят еще ко временам гражданской войны в России, с тех пор, все крепнувшей поступью она перешла в Европу и шагнула за океан.

Недавно мне пришлось прочесть статью, где трактуется о “Внутренней Линии”, причем она подкидывается монархистам. Свив свое гнездо в сердце РОВСа, она одинаково работала во всех слоях. Только наша левая общественность, более привычная к такого рода явлениям, и лучше на них реагировала и лучше их скрывала.

Правые, левые, монархисты, социалисты, новые, старые, эмигранты — все мы одинаковые враги для НКВД, и всех нас одинаково этот спрут старается рассорить, сравить, развратить и задушить. Всем одинаково надо бороться с ним.

И сидим ведь все одинаково перед разбитым корытом...

Так о “Внутренней линии”.

Эта организация возникла из основанной еще в Болгарии генералом Кутеповым в 1922 или 1923 году контрразведки для борьбы с большевистскими агентами, проникавшими в армей-

ские части. Сформирована она была, по поручению Кутепова, неким капитаном Фоссом.

Понемногу, однако, организация, номинально подчинявшаяся начальнику РОВСа, но фактически, с годами, попавшая всецело в руки трех лиц — капитана К.А. Фосса, генерала П.Н. Шатилова и штабс-капитана Н.Д. Закржевского, выродилась в подпольный и очень странный организм, со множеством щупальцев в разных странах и обществах российского рассеяния.

От членов этой организации требовалось полное и слепое подчинение, безоговорочное исполнение всяких приказов, даже если эти приказы были непонятны и казались странными и аморальными. Вся деятельность была законспирирована настолько, что о ней полностью не знал даже председатель РОВС генерал Миллер, считавшийся ее начальником. Не знал он и личного состава “Внутренней линии”. Очевидно, генерал считал, что главной целью ее является работа в СССР. Насколько она была широка и в чем проявлялась — неведомо, но в результатах ее после разоблачений “Треста” можно не сомневаться.

Что же касается деятельности Линии в эмиграции, то она заключалась в собирании всяческих сведений в среде русского беженства, напряженной слежке за жизнью и деятельностью отдельных лиц (даже не очень подозрительных по большевизму, ибо слежка велась за генералами Богаевским, Деникиным и даже самим Миллером и организацией, дискредитировании их путем анонимных листовок и слухов и т.д. Методы были чекистские, включая — псевдонимы, клички, сыск и угрозы смертью тем, кто хотел уйти из “аппарата”. В главе II “Совершенно секретной идеологии организации” есть пункт: Выхода из организации не существует.

Для кого, с какой целью и на какие средства велась эта странная работа — вот вопрос, который поставил в тупик эмигрантское общественное мнение, когда это дело всплыло наружу. И особенно, когда раздались голоса, винившие “Внутреннюю линию” в похищении генерала Миллера.

Эта тайная организация, одним из видных участников которой был предатель — генерал Скоблин, возглавлялась от начала бессменно капитаном Фоссом, который был многолетним помощником генерала Абрамова.

Только в 1934 году из возмущенного доклада генерала Эрдели Миллер с удивлением узнал о некоторых странных аспектах работы “Внутренней линии” и приказал деятельность ее прекратить. Но, под давлением разных лиц, он переменял решение и в конце года Линия возобновилась официально (неофициально работа ее не прекращалась ни на один день) и была подчинена... Скоблину.

В 1935 году генерал Миллер случайно узнал, что 1) “Внутренняя линия” имеет орденский устав, 2) что она ведет оккультную работу и 3) что в Париже ее фактически возглавляет Шатилов, отстраненный год тому назад...

Вся жуткая работа “Внутренней линии”, столь напоминающая океанную технику ГПУ, вся тайна и конспирация, окутывавшая ее деяния и деятелей, давали основание тем, кто устно и в печати задавал вопрос, является ли она вольным или невольным орудием большевизма?

Во всяком случае, линия представляет собой невидимый, но сильный организованный аппарат, с одним центральным управлением и суровой дисциплиной.

Призывая зарубежных воинов и патриотов в борьбе — “За счастье своего народа, за неприкосновенность Отчизны, за

ее честь и славу, к сохранению священного огня неугасимой лампы — традиций Российского воинского духа и обращаясь ко всему боровшемуся, непримиримому, неспособному к действию в сторону наименьшего сопротивления, не признающему кривых и обходных путей”, линия явно злоупотребляла хорошими словами, ибо практика ее нарушала и оскверняла самый смысл этих слов.

Надо принять во внимание следующие обстоятельства:

Что российская эмиграция состояла главным образом из военных, а эта среда совсем была непривычна не только к конспирации, но и просто к “политике”. И представляла поэтому нетрудную добычу для чекистов, которые с такой легкостью и успехом фабриковали всякие “Тресты” и “Братства”.

“Внутренняя линия” легко вербовала своих членов и среди порядочных честных русских людей, в душе которых не умирала жажда активной противобольшевистской борьбы, основанная на любви к своей Родине. Так как призыв шел сверху от Скоблина, Абрамова, Шатилова, с которыми вместе боролись и которым тогда верили, то и сомнений в пользе и чистоте работы вначале не возникало. Тем более, что вожди этой организации не скупились на хорошие, благородные слова и прикрывались высокими мотивами и патриотическими побуждениями. И подавляющее большинство рядовых членов были добросовестно убеждены, что работают на настоящее национальное дело, на спасение Родины.

Страшно подумать, сколько их погибло... зря.

Только впоследствии, когда “аппарат” стал давать трещины и из них подозрительно запахло, у некоторых появились сомнения.

Какой-то никому не известный “центр”, возглавляемый тоже никому не известным капитаном Фоссом. Какую же мораль-

ную цену имеют приговоры этого оккультного капитана и почему надо считать их непогрешимыми?

И вот “не признающим кривых и обходных путей” рекомендуется практика исполнения: втираться всякими способами в эмигрантские общества, провоцировать и разлагать их изнутри, если анонимная власть найдет их неудобными; следить за частной жизнью отдельных людей и доносить обо всем неведомому начальству: “создавать легенды” (на человеческом языке это называется клеветой и ложью), чтобы погубить репутацию определенных лиц или учреждений и так далее.

Стоило говорить столько прекрасных и героических слов, подготавливая людей к подобной деятельности.

Вопросов задавать не разрешалось, какое бы сомнение у исполнителей ни возникало. Власть Центра была абсолютной, и Центр не мог ошибаться.

А теперь известно, что в Центре этом были Шатилов и Скоблин и вероятно еще подобные имена, которых мы не знаем...

В конце концов, за свою многолетнюю “деятельность” ни одной большевистской организации Линия не разложила и даже не обнаружила, ни одного имени большевистского провокатора не огласила. Почему? Сама не знала? Тогда это приговор ее деятельности. Знала и не открыла? Предоставив этим чекистам и дальше свободно вращаться в эмигрантском обществе, предавать и продавать нас, делать свое страшное дело. Как и чем можно объяснить и оправдать это?

Пункта 1-го своей программы Линия не исполнила, следов ее деятельности за железным занавесом не видно, и 3-й интернационал стоит на том же месте. Но пункт 5-й претворился в жизнь. Сыскная, подрывная и деморализующая работа в среде

российской эмиграции, без сомнения, способствовала ее разложению.

Кому это пошло на пользу?

Во всяком случае, эти “Линии”, “Легенды”, “Аппараты” — действующие в туманном и чадном полумраке подполья, пользующиеся для достижения цели иезуитскими традициями, азефовскими приемами и чекистской практикой, переплелись в такой порочный клубок, что отделить правых от неправых нет возможности. Жуткий мир тайных и безответственных действий, превратной и растленной добродетели, где нарушаются все нравственные законы, не может не разлагать человека.

В этом подполье орудовали большевики и другие “контрразведки”, из них — более интенсивно немецкая.

Теперь можно, пожалуй, без преувеличения сказать, что всякая эмигрантская организация, не только политическая, но и благотворительная, спортивная, церковная — всякая была (и есть...) под надзором ГПУ, в нее просачивались большевики и часто играли доминирующую роль. Еще далеко не все разоблачено, но и то, что известно, показывает, что “особая работа” — и генералов Кутепова, Миллера, и Гучкова, и “нацмальчиков”, и остальных — все было если не в руках чекистов, то пронизано ими. Главное стремление советских агентов в том и состоит, чтобы путем устройства, а не только инфильтрации, таких “работ” и тайных организаций обнаруживать наиболее действенную часть эмиграции. А обнаружив, они уже находили средства ее обезвредить или уничтожить.

Средства же у них богатые...

Они убивали не только тех, кого удавалось путем тонкой и омерзительной провокации заманить на свою территорию, но и за границей. А главным образом, умно и ловко пользова-

лись шантажом, игрой на самолюбиях и честолюбиях, ложью, завистью и клеветой— этим ползучим, как ядовитая змея, оружием низких. Вносили всюду разлад, склоку, вызывая недоверие и соперничество — во все слои, все общества, объединения, союзы. Донося, “дезинформируя”, возбуждая взаимную ненависть, стравливали людей, и те чаще бессознательно, чем сознательно работали на большевиков».

Да и Солоневич не бог весть какой свидетель в этом деле. Он ведь сначала с пылом доказывал, что Скоблин не может быть агентом НКВД. Потом передумал и начал с не меньшим жаром уверять всех, что именно Николай Владимирович работал на Лубянку: *«Я совсем не стыжусь моей первой защиты Скоблина. Слишком взвинчены нервы у зарубежья и слишком щедро кидает оно обвинения в провокации. Приказ генерала Архангельского о роспуске внутренней линии — только канцелярская отписка. Внутренняя линия продолжает жить и действовать. Она должна быть вырвана с корнем. Вопрос только в том — как это сделать?»*

У Ивана Лукьяновича были основания так писать. Взрыв в редакции газеты, который лишь чудом не унес его жизнь, он приписал «Внутренней линии». Поэтому тональность его выступления понятна. Но еще древние говорили: «Гнев — есть кратковременное безумие». Даже его брат Борис негодовал, что один из самых блистательных журналистов русского зарубежья травит РОВС: *«Иван Лукьянович нужен эмиграции. Он крупный мыслитель, публицист и особенно полемист, и именно в этом качестве он нам нужен. Какая-то часть деятельности И.Л. уже идет параллельно с работой наших худших врагов. Никто, разумеется, не скажет, что это делается сознательно, но в политике не это важно — важен объективный результат.*

А вот высказывания И.Л. о “верхах” эмиграции: Деникин — вопиющая бездарность, Абрамов — трус, Архангельский — вывеска, Витковский — болван, Зинкевич — идиот, Фосс — чекист, Семенов — “убожество высказываний”, Байдалаков — говорит “вредный вздор”, Георгиевский — “микроорганический кандидат в Ленины”, Члены РОВС — “генеральские денцики”, Командование РОВС — “горькая сволочь” и “большевицкая агентура”... Я прошу прощения у названных выше деятелей эмиграции, что повторил лишний раз оскорбления, нанесенные им “Нашей Газетой”. Но собранная мной в этакий букет сумма высказываний И.Л. весьма выразительна и характерна. И на мой взгляд — не требует комментариев.

Не кажется ли вам, читатель, что эти последние высказывания носят какой-то неприятный привкус борьбы с политическими конкурентами? Так сказать, борьба за власть над душами и мозгами эмиграции, причем в этой борьбе И.Л. не стесняется в методах?

А разрушительные усилия не прекращаются. Посмотрите, сколько брошено оскорбительных слов в адрес генералов вообще! Тут — целый букет тренировочных слов для ведения — “полемики”.

Генералы от канцелярии, Генералозавры, Мотивировка, которая не стоит выведенного генерала, Генеральские доносы (правда, в этом пришлось извиняться в № 23 перед ген. А. Лампе), Бацилла генералина, грязная поверхность генеральского руководства, Тон генеральской непогрешимости, Средний мужик советского колхоза умнее среднего генерала эмиграции,. Дети генеральского возраста, Всегенеральское “ату”! Разве все это не называется травлей? Разве тут не “ату” против генералов?»

Закончилось все очень быстро. Прянишников в очередной раз потрбовал от председателя Русского общевойсского союза генерала фон Лампе дать оценку «Внутренней линии». Алексей Александрович опять процитировал распоряжения Архангельского о роспуске. Однако Прянишников удовлетворен не был. Он с настойчивостью требовал признать, что все это провокация, которая сыграла на руку НКВД. Ответить ему фон Лампе не успел. 28 мая 1967 года он умер в Париже. Журнал «Вестник первопоходника», в некрологе председателю РОВС отмечал: *«Генерал Лампе был идейным и верным русским воином, бескорыстным и честным, всегда готовым помочь другим, что он доказал во время пребывания своего представителем Красного Креста, особенно во время пребывания в Линдау, где он подвергся преследованию оккупационных французских войск за свою защиту и “укрывательство” от выдачи коммунистам русских эмигрантов, в частности бежавших от коммунистов во время 2-й Мировой войны.*

Путь генерала Лампе и его личность могут служить для нас примером служения России. Будем помнить о нем и следовать его примеру бескомпромиссного антикоммуниста и верного долгу русского офицера, остающегося на своем посту до смерти».

Фактически о «Внутренней линии» больше никто, кроме Прянишникова, не вспоминал. Если не считать того, что в 1964 году в Бразилии вышла книга Свитова с громким названием «Язва на теле русской эмиграции». Прочитую лишь короткий отрывок из нее: *«Скоблин был религиозным человеком и его главной мыслью всегда был возврат к Святой Руси и ее восстановлению. Для этой цели у него не было никаких оградительных начал и он считал себя вправе делать все. Граждан-*

ская война еще продолжалась, когда Дзержинский направил к белым, с целью осведомления, известную певицу Н.В. Плевицкую, которая была замужем за бывшим офицером артиллерии, служившим в Красной армии. Скоблин был всегда против уничтожения пленных и ему с трудом удалось вырвать из рук контрразведки чету Плевицких. Он увлекся новой знакомою. Она уговорила его поступить на службу ЧК. Планы Скоблиных были такие: он будет давать большевикам сведения, а они ему будут платить хорошие деньги. Он же в душе останется антибольшевиком, ну, а когда белые вернутся на Родину, тогда они всем им покажут. Тщеславие Скоблина и нужда в деньгах привели его в столь запутанное положение, что выпутаться из него было трудно. Мистически уверенный, что на нем лежит Божий выбор для восстановления Святой Руси, он становится двойным агентом...»

Все это очень хорошо. И даже интересно. Но только не соответствует действительности. О том, что Скоблин был религиозным человеком и обладал главной мыслью, нет свидетельств. Ближко знавшие его люди об этом не вспоминали. И в письмах его подобные тезисы не содержались. Второй муж Плевицкой не был поручиком артиллерии. «Курский соловей» не была в руках контрразведки белых. Можно было продолжать и дальше, но нужно ли?

А что самое интересное — нужно. Продолжим цитировать Свитова. Итак, он утверждает, что в 1929 году Шатилов вместе с Гучковым взялся формировать правительство и назначил Скоблина будущим военным министром и диктатором. Остановимся, переведем дыхание и прочтем эти слова еще раз. Согласимся, но проверим. Итак, после смерти Врангеля вся его благодать (по выражению Прянишникова) перешла на Шатилова. Генерал от кавалерии очень любил себя и власть. Но и Гучков

любил себя и власть не меньше. Судя по февралю 1917 года — даже больше. Предположим на секунду, что они вдвоем действительно взялись формировать правительство. И назначили Скоблина военным диктатором, чтобы эта должность не досталась Кутепову. Свитов пишет, что он сам был в Париже и потому точно об этом знает. Весьма странно. Даже в сентябре 1937 года, на пике травли Скоблина, все утверждали, что Николай Владимирович был очень дружен с Александром Павловичем Кутеповым. Об этом говорила на исповеди Плевицкая, а сей момент любят повторять любители конспирологических теорий. Поэтому есть все основания полагать, что если бы Скоблину был предложен такой пост — он бы тут же сообщил об этом своему командиру. А Кутепов, если верить Свитову, узнал об этом случайно. И что самое замечательное, больше об этом факте никто и никогда не писал.

Обратите внимание на дату. 1929 год. Скоблин только-только восстановлен в должности командира полка. Неужели кто-то всерьез поверит, что первое, что будет делать в такой ситуации Николай Владимирович — пакостить Кутепову? И не надо говорить, что он специально раздувал в тот момент интриги, выполняя задание Москвы. До вербовки оставался еще целый год.

Но и это еще не все. Свитов утверждает, что Скоблин и Туркул планировали устроить переворот еще в Галлиполи. Доказательств не приводится, да и бог с ними. Поверим, что так и было. Но зачем же тогда Гучкову ставить на пост диктатора такого человека? Чтобы он в первый же день приказал его расстрелять за февраль 1917 года, а Туркул с радостью привел бы приговор в исполнение? Или Александр Иванович уверовал, что убежденный монархист Николай Владимирович Скоблин скажет: «Да правильно сделали все тогда, давайте, господин

Гучков, продолжайте дальше в том же духе)? Если сам Свитов пишет, что Врангель понимал, что Скоблин был хорош только в бою и как политик был очень слабым, неужели этого не понимал его начальник штаба? А куда делась в этот момент благодать Петра Николаевича, перешедшая целиком на Павла Николаевича? И как все это корреспондируется с утверждениями Прянишникова, что Скоблин сам неоднократно говорил: «Возглавить РОВС должен Шатилов»? Почему будущий диктатор России не лоббировал свою кандидатуру? Если бы такой факт имел место, Прянишников бы этом с радостью написал.

А почему, собственно, именно Скоблин должен был стать военным министром и диктатором? Среди начальников первого армейского корпуса в 1929 году было гораздо больше авторитетных и известных людей, чем Николай Владимирович. Он, как и Туркул с Пешней, относился к категории «молодых генералов», которым «старые» не очень-то и доверяли. Это первое. Скоблин на тот момент не входил еще во «Внут. линию», которая только-только начинала действовать. И с Шатиловым особо дружеских отношений тогда не поддерживал. Это второе. А есть и еще малость: а кем тогда в этом правительстве видел себя Шатилов? С Гучковым — понятно. Это премьер-министр. А Шатилов? Министр парфюмерной промышленности? Или министр плодородных земель? Совершенно очевидно, что Шатилов мог видеть себя при премьер-министре Гучкове только диктатором.

Подобным вздором эмигрантская литература переполнена с избытком. Но есть и вовсе удивительные воспоминания. К примеру — адъютанта Корниловского ударного полка капитана Григуля. В 1967 году в Париже вышла юбилейная памятка — «50 лет корниловцам». В ней, в частности,

содержалась его статья «Корниловцы в рассеянии». Разумеется, не обошлось в ней и без «Дела Скоблина»: «Праздник 20-летия полка состоялся в Париже 21 сентября 1937 года. Собрались, во главе с командиром полка генералом Скоблиным, корниловцы из Франции и Бельгии; почетными гостями были генерал Миллер, генерал Деникин, генералы Шатилов, Богаевский, Стогов, Кусонский, адмирал Кедров и специально приехавшая из Брюсселя наша родная Наталия Лавровна, дочь нашего шефа, генерала Корнилова. Присутствовали представители воинских частей и общественности. При знаменах, с почетными часовыми, в переполненном соборе служили молебен; затем был в ресторане роскошный банкет.

А на следующий день генерал Миллер исчез. Вот что произошло: Скоблин предложил адъютанту полка капитану Григулю с женой проводить (вместе с Плевицкой) отъезжающую Наталию Лавровну; затем Скоблин, Трошин и Григуль посетят генералов Деникина и Миллера, чтобы поблагодарить их за вчерашнее присутствие на празднике. Оказалось, что генерал Миллер, покинув утром дом, еще не возвратился. Побывав у генерала Деникина, снова поднялись к Миллеру — генерала не было. Его супруга в сторонке высказала Григулю свою тревогу, пообещав позвонить, если генерал не вернется к ночи. Около 10 часов ночи Наталия Николаевна Миллер позвонила — генерал не возвратился. Свою тревогу она сообщила адмиралу Кедрову, который спешно созвал в канцелярию РОВС (улица дю Колизэ) генералов Кусонского и Стогова и полковника Мацылева. Последний привез из отеля и Скоблина.

Оказалось, что в папке генерала Кусонского была записка, в которой генерал Миллер отметил: “Утром в сопровождении Скоблина еду на свидание”. Вразумительных объяснений Ско-

блин не дал, и адмирал Кедров предложил всем отправиться в полицию. Все поднялись, Скоблин вышел первым и... исчез! Наутро Плевицкая, вся в слезах, пришла в семью Гризуль: "Колю ночью Мацылев увез на улицу Колизе; я прождала до утра, а Коли все нет..." Подъехала полицейская машина; Плевицкой было предложено ехать в префектуру вместе с И.Я. Гризулем и его дочерью, в качестве переводчицы. Плевицкая была арестована. Днем выяснилось, что Скоблин, сбежав из канцелярии РОВС, постучался к нашему капитану Кривошееву и попросил займы 2—3 сотни франков: "Кошелек дома забыл!" С этим и все концы в воду. Факты же сами за себя свой вывод сделали.

Велика была драма корниловцев, их смущение, разочарование, почти физическая боль. "Дело Скоблина" грозило разложением полка. Но Господь милостив! На первом собрании корниловцев-парижан полковник Бояринцев ободряющим словом призвал всех к стойкости, к сохранению единения Корниловской семьи».

На страницах этой книги я почти по часам разобрал два дня: 22 и 23 сентября. И объяснить бесчисленное количество неточностей в коротком фрагменте воспоминаний очевидца событий капитана Григуля не в силах. Особенно в свете того, что в остальных частях статьи «Корниловцы в рассеянии» ошибок нет.

Но самую удивительную версию произошедшего рассказала дочь барона Врангеля Наталья Базилевская: «Скоблин был во главе Корниловского полка. Его корниловцы на руках носили! Женат он был на певице Плевицкой. Чудно пела! Она была агентом Советов. Поскольку штаб-квартира РОВС находилась в Париже, еще генерал Кутепов создал внутри РОВС подчиненную только ему структуру, которая вела разведывательную и диверсионную работу на

территории советской России (оказалось, под контролем ОГПУ). В Париже была специальная контора, где они встречались, вся их боевая группа РОВС — Скоблин, адмирал Кедров, Кусонский, другие. Вот что интересно: должен был состояться корниловский обед (праздновали двадцатилетие корниловского полка), Скоблин — во главе его, и должен был присутствовать Миллер, который взял место Кутепова (того уже украли Советы). Обед начался, Скоблин сидит — а Миллера нет! Тут Кусонский вспоминает, что Миллер ему дал конверт, который велел открыть, если его не будет на обеде. Конверт открыли и прочитали: «У меня свидание с людьми из Советов, которые готовы помочь нам устроить в России тайные ячейки» (помните, «Трест», операцию ОГПУ). Все сразу бросились обратно в контору — решать, что делать. Одни должны были пойти к жене Миллера и сообщить ей об исчезновении (они жили в гостинице), а другие — в полицию. Решили так, стали одеваться — пальто, шубы. Скоблин вышел первым (а контора была на втором этаже). Когда вышли остальные, то Скоблина уже не было».

Разбирать подробно этот все нарастающий пласт чепухи я не стану.

***

Между тем охота на ведьм продолжается. Два американских историка — Марк Аронс и Джон Лофтус, работавшие в архивах Ватикана и западных спецслужб в конце 90-х годов, пришли к выводу: генерал Туркул работал на Главное разведывательное управление Генерального штаба СССР. Причем чуть ли не с Галлиполи. Легендарный герой Белого движения, убеж-

денный монархист, заклятый враг коммунизма, он якобы снабжал дезинформацией секретные службы Франции, Германии, Италии, Японии и США. С ним лично встречались и консультировались Бенито Муссолини, министр иностранных дел Третьего рейха Иоахим фон Риббентроп, шеф немецкой военной разведки адмирал Канарис, один из основателей ЦРУ Аллан Даллес и десятки других политиков, несших ответственность за внешнеполитические решения своих правительств. Все они доверяли Туркулу, даже не догадываясь, что сообщаемые им сведения исходят из ГРУ.

Все это не ново. Впервые генерала заподозрили в связях с советской разведкой задолго до «Русской войны в Париже». Достаточно вспомнить Льва Троцкого. В статье с весьма символическим названием «Сталин, Скоблин и К^о» он, словно заправский прокурор, выносил вердикт: *«31 октября 1931 года немецкая газета "Rote Fahne" неожиданно опубликовала сообщение о том, что белогвардейский генерал Туркул, оперировавший в то время на Балканах, подготавливает террористическое покушение на Троцкого, Горького и Литвинова. По содержанию этого сообщения, по его тону, наконец, по его анонимности было совершенно очевидно, что информация исходит из самых глубин ГПУ. Советская печать не заикнулась об этом предупреждении ни единым словом, что еще более подчеркивало высоко официальный источник информации немецкой газеты Коминтерна. Троцкий находился в то время уже в изгнании, в Константинополе; Блюмкин за связь с Троцким был уже расстрелян. Естественно возникал вопрос: какую цель преследует ГПУ, делая это печатное предупреждение? Что имена Горького и Литвинова, состоявших под охраной ГПУ и не нуждавшихся в печатном предупреждении, были прибавлены только для маскировки,*

являлось очевидным для всякого мыслящего человека уже и тогда.

Французские и немецкие большевики-ленинцы обратились к посольствам СССР во Франции и Германии с письменными заявлениями примерно такого рода: "Раз вы сообщаете, что готовится покушение на Троцкого, значит, вы знаете, кто, где и как его подготавливает. Мы требуем от вас единого фронта по отношению к белогвардейским террористам. Мы предлагаем вам выработать совместно меры обороны". Ответа не последовало. Наши французские и немецкие товарищи и не ждали никакого ответа. Им нужно было только подтверждение того, что, делая свое предупреждение, ГПУ хотело лишь заранее обеспечить свое алиби, а вовсе не помешать террористическому акту. Французские и немецкие товарищи приняли тогда свои собственные меры: охрана на Принкипо было значительно усилена.

Недавно, в процессе Плевицкой, весь этот эпизод всплыл снова на поверхность. Комиссар судебной полиции, согласно газетным отчетам, показал на суде следующее: "Туркул был когда-то храбрым генералом. В документах имеются указания, что он подготавливал одно время покушение на Троцкого. Генерал Туркул был недоволен не только Львом Троцким. Он был недоволен и генералом Миллером".

Почему покушение Туркула не состоялось? Вероятнее всего, белогвардейцы не хотели попасть под маузеры большевиков-ленинцев. На процессе Плевицкой приподнят еще один уголок завесы над предисторией московских процессов. Ближайшие годы, может быть, даже месяцы, принесут раскрытие всех остальных тайн. Каин Джугашвили предстанет перед мировым общественным мнением и пред историей таким, каким

его создали природа и термидорианская реакция. Его имя станет нарицательным для крайних пределов человеческой низости».

Но это было только начало. Слишком многие поступки и заявления Антона Васильевича Туркула в годы Второй мировой войны внушали опасения. Прежде всего — нежелание подчиняться генералу Власову, которого главный дроздoveц постоянно называл «большевиком». Англичане и американцы тогда провели тщательное расследование. Выдвигалось три версии:

1. Антон Васильевич работал на Москву.

2. Туркул не был советским агентом и специально тянул время, чтобы спасти русских эмигрантов от участия в очередной аванюре.

3. Советская разведка использовала генерала «втемную», передавая ему информацию через источники, в надежности которых главный дроздoveц не сомневался.

Допрашивали Туркула несколько месяцев. Опросили десятки свидетелей, изучили сотни документов. В результате пришли к выводу: Антон Васильевич никогда не работал на Лубянку.

Все происходящее произвело на генерала гнетущее впечатление. Именно тогда он и решил эмигрировать из Европы в Южную Америку. Даже написал письмо сыну генерала Кельнера, чтобы он помог ему получить визу в Венесуэлу. Когда же все было готово к отъезду, Антон Васильевич неожиданно передумал. Сдается мне, что это произошло после оглашения результатов следствия союзников.

Безусловно, Антон Васильевич Туркул был очень сложным человеком. Да, он однажды опарашил всех: СССР — лишь одна из временных форм вечной России, после неизбежного крушения которой возродится монархия. Подобные мысли тогда часто посещали русских эмигрантов. Другой вопрос, что не

каждый из них решился бы это произнести вслух. Туркул сказал. Но из этого вовсе не следует, что он работал на советскую разведку. Виной всему характер Антона Васильевича, который рубил сплеча правду-матку, от чего часто сам же и страдал. Уверен, что генерал и сам жалел, что когда-то оскорблял Евгения Карловича Миллера.

Безусловно, можно подозревать Туркула в работе на советскую разведку. Ведь подозревают же в этом самого Деникина! Только вот ведь штука какая: подозревать можно кого угодно. И обвинять можно. Только вот с доказательствами не очень складывается.

***

По-разному сложились судьбы людей из окружения Николая Владимировича Скоблина в РОВС. Ничего не известно о капитане Закржевском. Капитан Орехов, так же как и капитан Ларионов, дожил до глубокой старости. Перед смертью завещал свой архив передать России, когда рухнет коммунизм.

Капитан Фосс в годы Второй мировой войны был арестован гестапо по доносу членов НТС (впрочем, есть и иная версия — это как раз он написал донос на «нацмальчиков»). Владимир Николаевич Бутков вспоминал спустя годы: *«Пришел официальный запрос начальнику Фосса (хорошо знающего его по совместной десятилетней службе) Генерального Штаба полковнику Георгию Костову — Начальнику РQ-I Генерального Штаба в Военном Министерстве Болгарии. Костов собрал своих сотрудников из разведки и контрразведки, знавших давно Фосса и его работу, и прочел им вслух все обвинения новопоколенцев (имена НТС-овцев, поставивших подписи под этим доносом, известны, но мы не станем*

их называть). После того как полковник Костов закончил чтение, раздался дружный и громкий смех всех присутствовавших.

Костов написал ответ в штаб Гестапо, которое арестовало Фосса (последний служил на оккупированных немцами территориях в Абвере, ничего общего с гестаповцами не имея), и Фосс был сразу же освобожден. Его вернули на прежнюю службу с повышением».

Тогда же капитан Фосс в очередной раз попал в поле зрения советской контразведки. В директиве НКВД СССР № 136 об активизации агентурно-оперативной работы по пресечению подрывной деятельности зарубежной антисоветской организации НТСНП от 19 марта 1943 года отмечалось: *«Начальник разведки “Русского общевойскового союза” (РОВС), бывший капитан Дроздовского полка Фосс Клавдий Александрович назначен немцами помощником коменданта города Николаева на Украине и за особые заслуги перед оккупантами награжден Железным крестом. Назначением в город Николаев Фосса немцы преследуют цель создания на оккупированной территории Советского Союза опорного пункта для заброски своей агентуры из числа белоэмигрантов в наш тыл и сколачивания различных антисоветских формирований. Фосс располагает для этого значительными кадрами, а также имеет многочисленные родственные связи на советской территории. Вместе с Фоссом на Украину прибыли члены РОВС Громов, Станчулов Леонид, Гаврилуш Алек».*

В эмиграции много спорили: был ли Фосс агентом советской разведки? Это чепуха. Клавдия Александровича можно обвинить во многом, но только не в работе на Москву. Я не возьмусь даже назвать более лютого врага большевизма, чем

дроздовский капитан. И чтобы поставить точку в этой череде бесконечных слухов и домыслов, приведу только одно свидетельство.

Владимир Николасвич Бутков: *«Будучи необыкновенно способным и талантливым разведчиком, укрепил и развил работу “Внутренней линии”. Фосс раскрыл более десяти коммунистических так называемых “конспираций” и обезвредил сотни отчаянных болгарских террористов. Вот почему он был постоянно “на мушке” у болгарской коммунистической партии и советского ОГПУ. И вот почему Фосс все время получал ордена и повышения по службе. На Фосса было совершено более десяти покушений, и все были неудачными. Его охраняли два телохранителя: один — его старый и верный вестовой-дроздовец, другой — приставленный к Фоссу агент болгарской разведки.*

Следует сказать несколько слов о причинах яростных нападков определенных эмигрантских кругов на “Внутреннюю линию” в целом и на К.А. Фосса в частности. После похищения в 1937 году генерала Миллера, старшие начальники РОВС создали комиссию по расследованию этого дела и расследованию деятельности “Внутренней линии”. Фосса связали с деятельностью Скоблина, считая, что, являясь руководителем “Внутренней линии” в Болгарии, Фосс должен был быть замешан в грязную историю с предательством Скоблиным. Комиссия побывала в 1938 году и в Софии, где долго и тщательно расследовала деятельность капитана Фосса. В результате комиссия сделала вывод о том, что Фосс ничего общего с преступной деятельностью Скоблина не имел. Капитан был полностью “обелен”, с него сняли все “обвинения” и извинились за доставленные неприятности».

Генерал Шатилов, как и Фосс, тоже был арестован немцами. Под следствием ближайший соратник барона Врангеля находился десять месяцев. Доказать его причастность к «Внутренней линии» в гестапо так и не смогли. Ни на одном из документов подписи Шатилова не было. Сам же он утверждал, что к основанной генералом Кутеповым «Внутренней линии» имел отношение только как начальник 1-го отдела Русского общевойскового союза. По всем остальным вопросам он советовал немцам обращаться к другим лидерам РОВСа, которые были вне досягаемости в тот момент. После многократных настойчивых обращений русских эмигрантов Шатилов был не только отпущен на свободу, но и с него полностью сняли все подозрения.

Долгие годы он держался в тени. И только спустя фактически 20 лет после похищения Миллера вернул себе былой авторитет. Приказом председателя Русского общевойскового союза генерала фон Лампе он стал почетным чином Союза. Скончался ближайший соратник барона Врангеля 5 мая 1962 года от рака крови.

Первые годы Второй мировой войны генерал Абрамов проживал в Софии. Он своевременно выбрался из Болгарии, спасаясь от стремительно наступавших армий маршала Толбухина. В ноябре 1944 года Абрамов был введен в состав Комитета освобождения народов России, возглавленный генералом Власовым. В 1948 году переехал в Соединенные Штаты и поселился в доме пенсионеров Казачьего комитета в городке Фривуд Эйкрс. Вечером 8 марта 1963 года на улице Лэйквуда погиб под колесами автомобиля.

Антон Васильевич Туркул в 1950 году вернулся к активной политической деятельности. В августе принял участие в съезде

ветеранов РОА под Шляйхсхеймом, где был избран председателем Комитета объединенных власовцев, который возглавлял до своей смерти. Генерал пытался представить власовское движение как логическое продолжение Белой борьбы. Умер в ночь с 19 на 20 августа 1957 года. Его прах похоронен на дроздовском участке русского мемориального кладбища Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. Лучшей эпитафией ему были его же собственные слова: *«Шестьсот пятьдесят дроздовских боев за три года гражданской войны были осуществлением в подвиге и в крови святой для нас правды».*

Борис Витальевич Прянишников прожил долгую жизнь. Порвал с Национально-трудовым союзом нового поколения, написал две книги воспоминаний и сотни статей, в которых активно разоблачал «Внутреннюю линию». Некролог ему был помещен в монархической газете «Наша страна», в № 2709—2710 от 27 июля 2002 года: *«На сотом году жизни в городе Сильвер Спринг, штат Мэриленд, скончался один из первых белых воинов Борис Витальевич Прянишников. Из потомственных дворян Области Войска Донского, будучи кадетом повочеркасского Донского Императора Александра Третьего кадетского корпуса, участвовал в подавлении большевицкого восстания в Ростове на Дону в ноябре 1917 года.»*

Летом 1918 года, тайно покинув отчий дом, добрался до станицы Мечетинской и там поступил в Партизанский полк Добровольческой Армии, впоследствии переименованный в Алексеевский. Прodelал с полком Второй Кубанский поход и был награжден георгиевской медалью 4-й степени. В боях под Каховкой в августе 1920 года был ранен, но остался в строю, за что был награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

После сидения на острове Лемносе, попал в городок Ямбол в южной Болгарии. Тут в 1922 году произведен в первый офицерский чин. В 1925 году переехал во Францию, где ряд лет спустя вступил в Национально-трудовой союз нового поколения. Вышел из НТС после Второй мировой войны, когда власть в этой организации захватил состоявший на службе американцев левый оппортунист Е. Романов-Островский».

Со смертью последнего участника «Русской войны в Париже» она окончательно стала достоянием истории.

Из агентурного дела Николая Скоблина

Тут необходимо сделать еще одно важное отступление. Впервые о советском агенте «Фермере» широкой общественности рассказали в 1989 году, после публикации статьи в газете «Неделя». После этого известный журналист Леонид Млечин, получив документы, написал книгу. С тех самых пор на нее ссылаются абсолютно все авторы, которые пишут о похищении генерала Миллера. Как российские, так и зарубежные. Но необходимо признать: некоторые факты, введенные в исторический оборот Млечиным, нуждаются в дополнительной проверке. Слишком уж много в них содержится ошибок. Нужно учитывать и то обстоятельство, что после Млечина никто из историков, занимающихся историей РОВСа или советской разведки, с документами этими не работал. Поэтому проверить Леонида Михайловича не представляется возможным. По крайней мере — на эту минуту.

У автора есть свой взгляд на описываемые события. Но в рамках этой книги излагать его не стану. Иначе это будет просто бесконечная история, которую едва ли кто-то из читателей осилит до конца. Собранных мной за эти годы документов и свидетельств о жизни Николая Владимировича с лихвой хватит на объемный трехтомник.

О Скоблине заговорили на Лубянке сразу после похищения генерала Кутепова, увенчавшего конец второй фазы операции «Трест». Советские контрразведчики решили начать этап борьбы с русской военной эмиграцией. Был придуман простой, как все великое, план: завербовать кого-нибудь из начальников РОВСа. Но кого? И кто сможет это сделать? По всем управлениям ОГПУ СССР была разослана ориентировка, суть которой сводилась к тому, что нужен надежный человек, в прошлом белогвардеец, который знаком с лидерами Русского общевосточного союза лично и смог бы уговорить их работать на советскую разведку.

Вскоре пришел ответ, подписанный начальниками контрразведывательного и иностранного отделов ОГПУ Украины: *«Вы обратились к нам с просьбой подыскать сотрудника, который мог бы выполнять работу в Югославии. Мы решили рекомендовать вам для этой цели нашего секретного сотрудника “Сильвестрова”. Последний является проверенным человеком, весьма толковым, решительным и настойчивым. О вашем решении просим срочно нас известить, так как, если вы не найдете возможным использовать “Сильвестрова” по Югославии, мы отправим его на другую работу».*

«Селивестров» — это бывший штабс-капитан Корниловского ударного полка Петр Георгиевич Ковальский. В Белом движении он был с первого дня. В бою под Таганрогом был тяжело ранен, и после выздоровления решил, что хватит с него пролитой крови. Он решил вернуться к родителям и поступить в университет. Но его мобилизовали в армию гетмана Скоропадского, служить которому он не собирался. Ковальский тут же предложил свои услуги Петлюре, который отчаянно нуждался в офицерах. Его немедленно произвели в полковники, а

через неделю он стал генерал-квартирмейстером. Но счастье было недолгим. Скоро ему в руки попала телеграмма с требованием немедленно задержать дезертира Ковальского. Арестовывать сам себя он не захотел, предпочтя сбежать в Одессу, где рассказал о своем легендарном босвом прошлом в рядах Корниловского ударного полка. Учтя, что его отец был железнодорожником, его назначили комендантом станции «Новоросийск».

После этого был «Бредовский поход», закончившийся в Польше, где армию интернировали. Большинство офицеров мечтало о продолжении борьбы за Россию, о новом Кубанском походе. А вот Ковальский все для себя решил. Он предпочел остаться в Польше. Три года он жил, буквально побираясь. Ночами он мечтал только об одном — наесться вдоволь. И однажды не выдержал. Пришел с повинной в консульство СССР. Нельзя сказать, что там ему были сильно рады. Все же он был корниловцем, а чекисты понимали — это самые лютые враги советской власти. Но вернуться на Родину ему разрешили. Призвали в Красную армию, потом перевели в ГПУ. Поселился он в Харькове, официально работал бухгалтером...

Его немедленно затребовали в Москву и заставили написать, кого из лидеров Белого движения он знает лично:

«1. Генерал Кутепов. Мы познакомились в общежитии Красного Креста в Новочеркасске в 1917 году, где собиралось первое ядро Добровольческой армии. Встречались часто. Во время обороны Ростова Кутепов был в опале у Корнилова (Корнилов не любил бывших гвардейцев) и был младшим офицером в офицерской роте, от командования был отстранен за оставление Таганрога. Встречались, повторяю, часто, но были довольно далеки.

2. Генерал Скоблин. Мы познакомились в 1917 году при формировании Отдельного ударного отряда 8-й армии. Ско-

блин был штабс-капитаном. Мы были большими приятелями. Почти год служили в одном полку — Отдельный ударный отряд, Корниловский ударный полк, Славянский ударный полк. После ранения один раз гостил у него в Дебальцево, другой и последний раз кутили в Харькове в “Астраханке” в 1919 году.

3. Генерал Скало. Бывший “императорский стрелок”, познакомились с ним в Кременчуге, когда он был назначен начальником обороны района. Были большими друзьями, часто пьянствовали, вместе отступали в Польшу, где сидели в Щелковском лагере. Жили в одном бараке, часто пьянствовали и там. Последний раз виделись в 1920 году.

4. Генерал Шатилов. Познакомились на Царицынском фронте, часто встречался с ним в штабе Врангеля, близко знаком не был».

Из этого списка ГПУ больше всего интересовал, безусловно, Шатилов. Но сомнительно, чтобы он вспомнил какого-то Ковальского. На втором месте шел Скоблин. Что о нем знали в Москве? В иностранном отделе ОГПУ на него была составлена такая справка-характеристика: *«Скоблин Николай Владимирович. 1893 года рождения, из дворян Черниговской губернии. Убежденный белогвардеец, одним из первых прибыл на Дон по приказу Корнилова. Генерал-майор, командир Корниловского Ударного Полка. Галлиполиец. Личностные качества: храбрость, хладнокровие, выдержка, умение расположить к себе окружающих, общительность. Вместе с тем циничен, склонен к интриганству и карьеризму. Существует на доходы от концертной деятельности жены. Может быть взят в разработку в качестве агента».*

Бывший советский разведчик Кирилл Хенкин был убежден — в таких случаях всегда взывали к патриотизму: *«Сотрудники парижской резидентуры ОГПУ, а затем и НКВД уве-*

ряли вчерашних бойцов белогвардейских армий, иных противников большевиков, что, проиграв на полях сражений схватку с пролетариатом, они просто обязаны помочь покинутой ими Отчизне. На чем ловили агентуру для советской разведки? На чувстве вины дворян-интеллигентов перед многострадальным народом, которому они должны были помочь подняться еще в Октябре, вместо того чтобы бороться против него. Если бы они сразу пошли служить пролетарской России, а не сражаться против нее, все было бы совершенно иначе!»

Нужно отметить, что стопроцентно достоверной информации о лидерах Русского общевойскового союза у иностранного отдела ГПУ не было, несмотря на многолетнее наблюдение за русской эмиграцией. Долгие годы они были вынуждены ориентироваться на показания вернувшихся в СССР. В частности, на воспоминания генерала Слащева, который лично знал всех лидеров Белого движения на Юге России. Но легче от этого не было, ведь он всячески превозносил себя, давая вчерашним соратникам уничижительные характеристики. Вот лишь несколько из них: *«Кутепов — строевой офицер, не бравший с момента производства книги в руки, так что мог недурно командовать ротой, но не больше. Это типичный представитель “строевого офицера” в скверном смысле этого слова, великолепно замечавший, если где-нибудь не застегнута пуговица или перевернулся ремень, умевший равнять и муштровывать часть и производить сомкнутое учение, но решительно ничего не понимавший в области командования войсками, их стратегического и тактического использования и сохранения войск в бою. Все это дополнялось крайним честолюбием, эгоизмом, бессмысленной жестокостью и способностью к интригам.*

Начальник Дроздовской дивизии — генерал Витковский, был сколок с Кутепова и так же мало, как и он, смыслил в военном деле; я их обоих называл хорошими фельдфебелями. Командир конного корпуса Барбович — человек очень симпатичный, но мало знающий. Лично храбрый и хорошо бы командовал эскадроном и даже полком, но дальше никуда не годился...»

В результате долгих размышлений было принято решение попытаться завербовать Скоблина, для чего Ковальский был тут же отправлен в Европу.

***

Однако вместо Парижа, где жил Скоблин, Ковальский почему-то оказался в Вене. Резидент ОГПУ, встретив гостя из Москвы, не скрывал удивления: как вербовать Скоблина в Австрии? Ковальский молчал. Он и сам не понимал, что происходит. Тут же была послана гневная шифровка на Лубянку: «Прибыл “Сильвестров”. Сообщение о его прибытии от вас получил на пять дней позже. Из разговора с ним выясняется, что никаких определенных связей у него нет, а старых знакомых он растерял. С нашим аппаратом выяснить их местопребывание невозможно. Вообще по белым он специально не работал. Работал в Варшаве по военной линии, ездил в Румынию по легенде, которую держали в руках не мы, а румыны. В прошлом он белый, но этого мало.

Я удивлен, что заранее не было все приготовлено, не проверены адреса, не написаны письма и т.д. Он сейчас здесь будет сидеть без дела и ждать, пока вы пришлете рекомендательные письма, наведете справки, и за это время может провалиться со своим персидским паспортом.

Так как генерал Скоблин, по газетным данным, находится во Франции и почти все знакомые “Сильвестрова” находятся

там же, то, очевидно, придется его туда послать для вербовки. Следует обсудить, не целесообразнее ли передать его другому заграничному аппарату, который работает на Францию. Случай с "Сильвестровым" говорит, что такого рода посылки необходимо тщательнейшим образом готовить, заранее точно проверять адреса, по которым источник может начать работу, разработать легенду, по которой он идет, посылать людей не со связями вообще, а с совершенно определенными связями. Словом, посылать, зная наперед, с чего начнется работа и где ее можно начать. Без такой подготовки всякая посылка людей закончится плачевно, и будет только стоить много денег».

Пока возникла непредвиденная пауза, бывший штабс-капитан фактически писал письма жене. Вот одно из них: *«Жив, здоров, поправился на три с половиной килограмма, все свободное время болтаюсь в горах (живу в отрогах Альп). Какая это прелесть — сочетание дикой природы с культурой! Что Европа, конечно, далеко впереди нас, это всем известно, но, видя эти достижения культуры и техники, хочется скорее сесть на "Наш паровоз" (время покажет, "кто кого") и обогнать гнилую Европу.*

Дорогой Раек! Да наша последняя проститутка гораздо полнее (по своему внутреннему содержанию), честнее и порядочнее любой из здешних женщин. Ты себе представить не можешь, как мне хочется поболтать с нашими бабами из райсовета в платочках и посмеяться с ними над чопорными, беспринципными, продажными европейками.

Следи за тем, чтобы тебе аккуратно выдавали содержание. Ваш Петя».

Необходимо признать: Ковальский не был готов к такой работе. Это отчетливо проявилось в дальнейшем. 21 января

1931 года его арестовали в Вене. Он обернулся, услышав русскую речь, хотя в кармане у него был чешский паспорт. И если бы не ротозейство следователя — быть бы международному скандалу. У советского агента при себе был пузырек с химическими чернилами для тайнописи. И ручка, которой он составлял донесения. Он их почему-то не хранил в тайнике, как полагалось бы, а таскал с собой. Чернила ему удалось уничтожить. Он, под видом того, что в пузырьке находится лекарство, попросил стакан воды. И выпил содержимое на глазах у следователя. А на ручку в полиции внимания не обратили. Их гораздо больше занимали списки, которые были обнаружены у Ковальского. Он сказал, что это личный состав объединения чинов Корниловского ударного полка. Австрийцы проверять не стали, допустив, таким образом, вторую ошибку. А третья ошибка состояла в том, что не был дан запрос в Министерство иностранных дел. Иначе бы выяснилось, что у господина Ковальского паспорт до этого был персидский и в Чехословакии он не был.

***

В Париже Ковальский оказался в сентябре 1930 года. Довольно быстро выяснив адрес Скоблина, он немедленно отправился к нему домой. И начал вербовку. Скоблин был готов. Просил он за свои услуги 250 долларов в месяц и 5 тысяч франков единовременной выплаты. 250 долларов тогда — это примерно 4,5 тысячи долларов нынешних. Чуть меньше платила в месяц Литвиненко британская разведка в XXI веке. Это вполне приличные деньги для агента.

Ковальский не был уполномочен решать финансовые вопросы, поэтому предложил Скоблину немного подождать. А чтобы на Родине быстрее приняли решение, было составлено письмо в Москву:

«ЦИК СССР. От Николая Владимировича Скоблина. Заявление.

12 лет нахождения в активной борьбе против советской власти показали мне печальную ошибочность моих убеждений. Осознав эту крупную ошибку и раскаиваясь в своих проступках против трудящихся СССР, прошу о персональной амнистии и даровании мне прав гражданства СССР.

Одновременно с сим даю обещание не выступать как активно, так и пассивно против советской власти и ее органов. Всецело способствовать строительству Советского Союза и обо всех действиях, направленных к подрыву мощи Советского Союза, которые мне будут известны, сообщать соответствующим правительственным органам. 10 сентября 1930 года.

Заявление Скоблина сопровождал отчет Ковальского: «Генерал пошел на все и даже написал на имя ЦИК просьбу о персональной амнистии. По моему мнению, он будет хорошо работать. Жена генерала согласилась работать на нас.

Подписка Скоблина написана симпатическими чернилами "пургеном" и проявляется аммоньяком (летучая щелочь). Беда в том, что когда аммоньяк улечувивается, то снова письмо теряется. Пусть у нас его проявят какой-либо другой щелочью после первого чтения. Визитная карточка служит паролем. Генерал будет разговаривать с любым посланным от нас человеком, который предъявит такую визитную карточку».

Москва немедленно ответила: «Вербовку генерала считаем ценным достижением в нашей работе. В дальнейшем будем называть его "Фермер", жену — "Фермерша". На выдачу денег в сумме 200 американских долларов согласны. Однако деньги ему надо выдавать не вперед, за следующий месяц, а за истекший, так сказать, по результатам работы. Пять тысяч франков выделены.

Однако прежде, чем мы свяжем “Фермера” с кем-либо из наших людей, нужно получить от него полный обзор его связей и возможностей в работе. Пусть даст детальные указания о людях, коих он считает возможным вербовать, и составит о них подробную ориентировку. Возьмите у него обзор о положении в РОВС в настоящее время и поставьте перед ним задачу проникновения в верхушку РОВС и принятия активного участия в его работе. Наиболее ценным было бы, конечно, его проникновение в разведывательный отдел организации.

В докладе “Сильвестрова” упоминается о том, что она (Плевицкая. — А.Г.) также дала согласие. Однако мы считаем, что она может дать нам гораздо больше, чем одно “согласие”. Она может работать самостоятельно. Запросите, каковы ее связи и знакомства, где она работает, кого и что может освещать. Результаты сообщите. В зависимости от них будет решен вопрос о способах ее дальнейшего использования».

Скоблину сразу же сократили жалованье. Но это нормальная практика для разведки.

Агенту всегда платили меньше, чем он запрашивал при вербовке, а затем, если вербовка была удачной, постепенно повышали выплаты. Именно потому, что Скоблин ничего и не сделал, и должен был еще доказать свою ценность, его приняли на службу не на его условиях, а на условиях нанимателя.

Новый агент составлял отчеты для Ковальского, который пересылал их в Москву. Вот один из них: *«Главную роль во всем РОВС играет генерал Шатилов, который, пользуясь своим влиянием на генерала Миллера, держит все и всех в своих руках. Практически РОВС — это он. Миллер лишь представляет. Среди эмигрантских организаций Шатилов не пользуется симпатией. Опирается на нас — корниловцев...»*

Иностранный отдел, чтобы закрепить успех, приказал Скоблину подписать два важных документа:

1. *«Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик о персональной амнистии и восстановлении в правах гражданства мне объявлено. Настоящим обязуюсь до особого распоряжения хранить в секрете».*

2. *«Настоящим обязуюсь перед Рабоче-Крестьянской Красной Армией Союза Советских Социалистических Республик выполнять все распоряжения связанных со мной представителей разведки Красной Армии безотносительно территории. За невыполнение данного мною настоящего обязательства отвечаю по военным законам СССР».*

***

Содержится в деле и отчет о «Бунте маршалов»: «22 февраля с.г. без предупреждения к генералу Миллеру явилась группа командиров отдельных воинских объединений РОВС во Франции: генерал Витковский — командир 1-го корпуса, генерал Скоблин — командир Корниловского полка, генерал Туркул — командир Дроздовского полка, генерал Пешня — командир Марковского полка, Орехов — командир железнодорожной роты, редактор журнала “Часовой” и др. Всю эту группу возглавлял генерал Витковский.

Командиры частей вручили генералу Миллеру меморандум, суть которого сводится к следующему: у главного командования авторитета нет, и борьба не ведется. РОВС не имеет никакой политической линии и поэтому уже давно потерял среди эмигрантов всякий престиж. Особый комитет по розыску генерала Кутепова истратил массу денег, но ничем не помог французам найти следы преступления. В меморандуме пред-

лагается провести реорганизацию РОВС. В противном случае лица, подписавшие этот документ, выйдут из организации».

Это тот самый случай, когда документ вызывает очень много вопросов. Не столь важно, что событие произошло не 22 февраля, а 23 февраля. Но Русский общевоинский не мог иметь в то время политическую линию только потому, что не имел ее никогда. Знаменитый приказ Врангеля «Армия вне политики» как раз и был направлен на запрещение подобного явления: *«При существующей политической борьбе против Армии несомненно некоторые политические группы сделают все возможное, чтобы извратить значение этого приказа и отыскать какой-то тайный смысл в нем, дабы бороться против его осуществления».*

Ввиду этого считаю нужным указать следующее:

Образование “Русского общевоинского союза” венчает упорную четырехлетнюю работу по объединению русского зарубежного офицерства с Русской Армией и, сохраняя ныне существующую организацию как офицерских союзов и обществ, так и войсковых частей Армии, приводит ее в стройную систему.

Вместе с сим — и это главное — образование “Русского общевоинского союза” подготавливает возможность на случай необходимости под давлением общей политической обстановки принять Русской Армии новую форму бытия в виде воинских союзов, подчиненных Председателям Отделов «Русского общевоинского союза».

Это последнее соображение — дать возможность армии продолжить свое существование при всякой политической обстановке в виде воинского союза — не могло быть приведено в приказе ввиду его секретности.

«Никаких других целей образование “Русского общевоинского союза” не преследует, что Вам и надлежит иметь в виду в случае борьбы за проведение его в жизнь».

Кроме этого, в меморандуме предлагалось не реорганизовать Русский общевоинский союз, структура которого всех устраивала. На первом же заседании комиссии генерал Фок сформулировал задачи:

«1. Сохранение кадров.

2. Подготовка политической обстановки, когда кадры могли бы потребоваться России.

3. Объединение вокруг РОВС всех национальных организаций.

4. Продолжение активной борьбы с большевиками всеми способами, вплоть до жесточайшего террора, как в России, так и за границей.

5. Разрешение финансового вопроса для проведения вышеизложенных задач».

***

Едва ли не главным документом считается письмо Скоблина своим кураторам, сразу после похищения генерала Миллера: *«Дорогой товарищ Стах! Пользуясь случаем, посылаю Вам письмо и прошу принять, хотя и запоздалое, но самое сердечное поздравление с юбилейным праздником 20-летия нашего Советского Союза.*

Сердце мое сейчас наполнено особенной гордостью, ибо в настоящий момент я весь, в целом, принадлежу Советскому Союзу, и нет у меня той раздвоенности, которая была до 22 сентября искусственно создана. Сейчас я имею полную свободу говорить всем о моем Великом Вожде Товарище Сталине и о моей Родине — Советском Союзе.

Недавно мне здесь пришлось пересматривать старые журналы и познакомиться с № 1 журнала "Большевик" этого года. С большим интересом прочитал его весь, а статья

“Большевики на Северном полюсе” произвела на меня большое впечатление. В конце этой статьи приводятся слова Героя Советского Союза Водопьянова, когда ему перед полетом на полюс задали вопрос: “Как ты полетишь на полюс, и как ты там будешь садиться? А вдруг сломаешь — пешком-то далеко идти?” “Если поломаю, — сказал Водопьянов, — пешком не пойду, потому что у меня за спиной сила, мощь: Товарищ Сталин не бросит человека!”

Эта спокойно сказанная фраза, но с непреклонной верой, подействовала и на меня. Сейчас я тверд, силен и спокоен и тоже верю, что Товарищ Сталин не бросит человека. Одно только меня опечалило, это 7 ноября, когда вся наша многомиллионная страна праздновала этот день, а я не мог дать почувствовать “Васеньке” о великом празднике.

Не успел оглянуться, как снова прошло 2 недели со дня Вашего отъезда. Ничего нового в моей личной жизни не произошло. От безделья и скуки изучаю испанский язык, но полная неосведомленность о моем “Васеньке” не дает мне целиком отдаться этому делу. Как Вы полагаете, не следует ли Георгию Николаевичу теперь повидаться со мной и проработать некоторые меры, касающиеся непосредственно “Васеньки”? Я бы мог дать ряд советов чисто психологического характера, которые имели бы огромное моральное значение, учитывая почти 2-месячное пребывание в заключении и необходимость ободрить, а главное, успокоить. Крепко жму Вашу руку».

Еще один пример, когда возникают сомнения в подлинности. Прежде всего, в 1937 году торжественно отмечалось 20-летие Октябрьской революции, а не 20-летие СССР, который был создан 30 декабря 1922 года. Подобное совмещение дат могло произойти только много лет спустя, когда эти события нивелировались у потомков в одно.

Именно к этому дню в столице приурочили открытие «говорящих часов» и рубиновых звезд над Кремлем. Об этом писала газета «Правда». А «Комсомольская правда» напечатала интервью Куприна, которого пригласили на военный парад на Красную площадь. Так вот, в газете черным по белому написано: парад в честь 20-летия Великого Октября. А как быть с торжественным докладом товарища Молотова? Вот что он, в частности, говорил: *«Также трудящиеся капиталистических стран и колоний переживают в эти дни радостное чувство по случаю победы Октябрьской революции. И вот двадцать лет, как мы идем своею новою дорогою, идем к коммунизму, сознавая, что на нашу долю выпало счастье проложить верный путь к светлой жизни всего человечества. Это поднимает сознание масс нашей страны и сплачивает трудящихся...»*

Можно также вспомнить про сотни открытых к этому празднику школ, библиотек и детских садов, десятки поставленных по всей стране спектаклей. И все это приурочивалось именно к юбилею революции. Не говоря уже о том, что был снят документальный фильм: «1917—1937. Празднование двадцатой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции в СССР». Тогда же появился и фильм «Ленин в Октябре». Режиссер Михаил Ромм вспоминал спустя годы: *«Премьера состоялась 6 ноября 1937 года, в Большом театре. Присутствовало все Политбюро во главе с генсеком. После просмотра он начал аплодировать стоя, и весь зал, естественно, тоже. Назавтра, 7 ноября, фильм уже показывали в столичных кинотеатрах “Ударник”, “Центральный” и еще в 16 городах».* А реклама того фильма гласила: «К 20-летию Великого Октября». И не слова про 20-летие СССР. Потому что отмечали его 30 декабря 1942 года. Всесоюзный староста товарищ Калинин выступал с докладом по этому поводу. Он так и назывался:

«К 20-летию образования СССР (1922—1942)». Опубликовано был 31 декабря того же 1942 года.

И еще один важный нюанс. В 1995 году в исторический оборот был введен любопытный документ, который имеет непосредственное отношение к генералу Скоблину: *«Париж. Шведе и Яше. Лично. Ваш план принимается. Хозяин просит сделать все возможное, чтобы прошло чисто. Операция не должна иметь следов. У жены должна сохраняться уверенность, что “Тринадцатый” жив и находится дома. Алексей»*. Едва ли оба документа можно считать подлинными, поскольку они противоречат друг другу. Значит, один из них является фальшивкой. Но какой?

И остался невыясненным главный вопрос: где, когда и при каких обстоятельствах погиб Николай Владимирович Скоблин? Пока единственной версией рассматриваются воспоминания Павла Судоплатова: *«Скоблин бежал из Парижа в Испанию на самолете, заказанном для него Орловым (когда Орлов в 1938 году бежал, он сохранил золотое кольцо Скоблина в качестве доказательства своей причастности к этому делу). Сам Скоблин погиб во время воздушного налета на Барселону в период гражданской войны в Испании»*.

В середине 90-х годов одна российская журналистка встречалась с легендарным советским диверсантом по просьбе родственников Скоблина. В беседе Судоплатов рассказал, что, скорее всего, Николая Владимировича убили в самолете и сбросили над Испанией. Интересно, что в конце беседы Судоплатов неожиданно сказал: *«Не нужно вам интересоваться этим делом»*. Самому мне, к огромному сожалению, не довелось лично пообщаться со знаменитым диверсантом. Уверен, что он мог бы многое рассказать об этом деле. Другой вопрос — если бы захотел.

Смерть генерала Миллера

Для похищения председателя РОВС была сформирована оперативная группа, которую возглавил заместитель начальника иностранного отдела Сергей Шпигельглас. В нее вошли Георгий Косенко, Вениамин Гражуль и Михаил Григорьев. Шпигельглас был опытным разведчиком, неоднократно выполнявшим за рубежом ответственные задания. Сергей Михайлович родился 29 апреля 1897 года в местечке Мосты Гродненской губернии в семье бухгалтера. После окончания Варшавского реального училища поступил на юридический факультет Московского университета. В 1917 году с третьего курса был призван в армию. Служил в чине прапорщика в 42-м запасном полку.

После Октябрьской революции стал сотрудником органов Военного контроля, а потом перешел в Особый отдел ВЧК. По его линии выполнял специальные задания в Двинске, Орше и Минске. С 1922 года стал сотрудником иностранного отдела. Владел французским, немецким и польским языками. До 1926 года работал в Монголии, с территории которой вел активную агентурную работу по Китаю и Японии. Находился на нелегальной работе во Франции. С октября 1936 года стал заместителем начальника внешней разведки.

Шпигельглас был мастер обставлять все так, чтобы комар носа не подточил. Тем более это была уже вторая попытка.

Первоначально похищение генерала Миллера планировалось на декабрь 1936 года. Именно тогда во Францию и приехали два сотрудника советской разведки, которым предстояло стать теми германскими офицерами. Но в последний момент последовал приказ из Москвы: «Отложить проведение операции». В сентябре 1937 года никаких препятствий уже не существовало.

На следующий день после похищения председателя Русского общевойскового союза полицейский комиссар из Гавра сообщил своему начальству, что советский пароход «Мария Ульянова» в эту ночь снялся с якоря и вышел в море при весьма загадочных обстоятельствах. Как только на корабль погрузили какой-то большой деревянный ящик, привезенный из Парижа, так сразу же начали отдавать швартовы.

В среду, 22 сентября, как показал чиновник порта Оливье Колан, он был на пароходе «Мария Ульянова» и беседовал с капитаном по административным делам. Неожиданно во время беседы в каюту вошел кто-то из команды и взволнованно начал говорить капитану по-русски. Капитан немедленно извинился перед Коланом, заявив, что он вынужден прекратить разговор, так как из Москвы пришла «весьма важная» радиограмма, и он немедленно снимается с якоря и идет в Ленинград.

Когда Колан спускался по трапу с «Марии Ульяновой», он увидел, что на набережную к мосту, где грузили товар на пароход, подъехал серый грузовик с дипломатическим номером. Через 25 минут этот грузовик исчез.

Другие служащие порта, в свою очередь, видели «дипломатический грузовик». Более того, в нем заметили вице-консула СССР Козлова, представителя Совторга и еще двух неизвестных. Они быстро сгрузили какой-то деревянный ящик, затем неизвестные поднялись на пароход, а грузовик уехал с при-

стани. Деревянный ящик был длиной 6—7 футов и шириной 3 фута, обитый железом.

Грузовик был зарегистрирован 13 августа 1937 года, то есть почти за месяц до похищения генерала Миллера, на имя советского посла в Париже Владимира Потемкина.

В тот же вечер премьер-министр Франции Даладье вызвал к себе Потемкина, рассказал ему о полицейском расследовании по делу похищения генерала Миллера, о том, какие серьезные подозрения падают на советское посольство, и, чтобы как-то успокоить французское общественное мнение, предложил послу отдать приказ о возвращении «Марии Ульяновой». В противном случае угрожал выслать эсминец на перехват. В ответ он услышал, что французская сторона будет нести всю ответственность за задержание иностранного судна в международных водах, и предупредил, что Миллера на судне все равно не найдут. Французы отступились, вероятно, осознав, что живьем свою добычу чекисты не отдадут.

***

Председатель Русского общевойскового союза генерал Миллер 29 сентября 1937 года после первого допроса во внутренней тюрьме на Лубянке передал следователю торопливо написанное карандашом письмо жене. Видимо, еще не до конца понимая всю тяжесть своего положения, Евгений Карлович просил переправить записку в Париж. Конечно, никуда письмо отправлено не было, его аккуратно подшили к делу белогвардейского лидера. Это послание 70-летнего генерала сохранилось в архивах и было впервые опубликовано спустя полвека после его гибели: *«Дорогая Тата! Крепко тебя целую, не могу тебе написать, где я, но после довольно продолжительного*

путешествия, закончившегося сегодня утром, хочу написать тебе, что я жив и здоров и физически чувствую себя хорошо. Обращаются со мной очень хорошо, кормят отлично, проездом видел знакомые места. Как и что со мной случилось, что я так неожиданно для самого себя уехал, даже не предупредив тебя о более или менее возможном продолжительном отсутствии, Бог даст когда-нибудь расскажу, пока же прошу тебя поскольку возможно взять себя в руки, успокоиться, и будем жить надеждой, что наша разлука когда-нибудь кончится.

Я надеюсь, что смогу указать адрес, по которому можешь дать сведения о здоровье своем, детей, внуков. Крепко тебя, мою дорогую, целую и молю Бога, чтобы вся эта эпопея закончилась благополучно».

Сидел Миллер в одиночной камере № 110 и в первые дни никак не мог сориентироваться. Мысленно он все еще был в Париже, беспокоился об оставленных делах, писал инструкции своему заместителю по Русскому общевойсковому союзу генералу Кусонскому: *«Дорогой Павел Алексеевич! Писать Вам о том, что и как произошло тогда во вторник, как и где я нахожусь сейчас, я, конечно, не могу, ибо такого содержания письмо, несомненно, не было бы Вам послано. Совершенно я не знаю, что и как произошло в Париже после того, как я “выбыл из строя”. Хочу же написать Вам только по вопросам частного и личного характера, касающимся других лиц, совершенно непричастных ни к какой политике...»*

Евгений Карлович словно не верил, что оказался на знаменитой Лубянке, что допрашивают его чекисты. Об этом красноречиво говорят его показания:

«Если условия жизни и работы населения улучшатся, ожидать в России перелома путем народного взрыва нельзя, и тогда непредрешающая эмиграция, согласная идти по воле

народа, должна быть осведомлена об этом русскими людьми (не г.г. Эррио и другими иностранцами, которым никто не верит), к которым она может иметь полное доверие.

Таковыми лицами, сейчас находящимися в СССР, являются ген. Кутепов и я, мнения которых для чинов РОВСа и для других офицерских и общественных организаций несомненно авторитетны — в разных кругах одно или другое имя.

Если бы нам дана была возможность лично убедиться объездом обоим вместе хотя части страны в том, что население не враждебно к власти, что положение его улучшается, что оно довольно установившимся порядком в области экономической и общегосударственно-административной; и что оно не стремится в массе к перемене власти и общегосударственного порядка, одним словом, что существующее положение отвечает “воле народа”, то наш долг был бы об этом сообщить эмиграции, дабы открыть новую эру возвращения русских людей в Россию, население которой получило, наконец, такое правительство и такое государственное устройство, которое его удовлетворяет и соответствует улучшению его благосостояния.

Но нужны, по крайней мере, два голоса — Кутепова и мой, чтобы эмиграция хотя бы непредубежденно поверила или, по крайней мере, прислушалась и задумалась бы о дальнейшем.

А там уже будет зависеть от Советского правительства — дать желающим возможность вернуться, послать своих “ходоков” и вообще поставить возвращающихся в такие условия жизни, чтобы они не противоречили бы нашим заявлениям. Тогда вопрос о русской эмиграции ликвидируется сам собой в течение нескольких лет, а вопрос о необходимости борьбы и взаимоуничтожения русских людей отпадет для большинства эмиграции тотчас же в самое ближайшее время.

Будучи лично знаком с председателем Международного Офиса по Беженцам при Лиге Наций доктором Хансоном, я мог бы обратиться и к его содействию для облегчения разрешения этого вопроса, стоящего непосредственно в его компетенции».

27 декабря 1937 года посмотреть на похищенного лидера белой эмиграции пришел сам Николай Ежов. То, что это всемогущий народный комиссар внутренних дел СССР, генерал узнал только в самом конце их свидания. Евгений Карлович снова повторил просьбы сообщить о своей судьбе жене, вернуть часы и предоставить бумагу для написания воспоминаний. При этом весьма скупно генерал рассказывал о том, чего добивались от него следователи:

«Никакой непосредственной связи с организацией повстанческих движений я не имел и вообще за эти 7 лет бытности председателем РОВС слышал всего о двух крупных повстанческих движениях — в Восточной Сибири и на Северном Кавказе, когда — точно не помню.

Больше всего о своей работе в СССР как чисто террористического характера по мелким коммунистам (что невозможно было проверить), так и вредительского, особенно на железных дорогах, и даже повстанческого характера громко провозглашало на собраниях и печатало в своей газете Братство Русской Правды. Что оно делало на самом деле — я не знаю. Многих из нас, и военных, и гражданских эмигрантов, удивляло, как могло Братство так открыто похваляться своими антибольшевистскими подвигами в газете, издаваемой в Берлине, в период самого действенного существования Рапальского договора, и потому к работе и заявлениям Братства очень многие относились скептически. В частности, чи-

нам РОВС было воспрещено вступать членами в Братство. В 1933 году Братство закончило свое существование.

Ведется ли какая-нибудь повстанческая работа в Национально-трудовом союзе нового поколения, я не знаю, так как со времени переноса центра союза из Парижа в Белград, совпало с началом более "активной" деятельности союза, отношения между НТСНП и РОВС сильно испортились, и кончилось тем, что в начале 1936 г. мне пришлось воспретить членам РОВС входить и в этот союз, как бы ничем идеологически от РОВСа и не отличающийся.

Новый Белградский центр — председатель Байдалаков — стал работать под сильным влиянием Георгиевского, статьи которого, печатающиеся в союзной газете "За Россию", достаточно ярко указывают на любовь к красивой фразе. Скрываются ли за этими словами какие-либо достоинства — я решительно не знаю. Причиной порчи взаимоотношений было стремление говорунов из НТСНП хаять РОВС за то, что мы "ничего не делаем", а потому — "идите в наш союз", где работа кипит, т.е. переманивали чинов РОВСа к себе.

Я предвижу опять упреки, что я ничего сенсационного не сказал о деятельности РОВСа: да, потому что ничего такого не было. Я враг всяких бессмысленных авантур, и за время моего пребывания в эмиграции и у других не видел еще ни одной, из которой вышел толк. Я поставил задачей по мере моих сил и возможностей выполнить завет генерала Врангеля. Его последние слова были: "Берегите армию! Боже, спаси Россию!"

Кому суждено спасти Россию и вывести ее опять на ее исторический путь Великой Державы при условии благоденствия ее многочисленных народов и в первую очередь Русского народа — Вами ли, нами ли или нам всем вместе общими уси-

лиями — это один Господь Бог знает. Но беречь армию был мой первый долг, сохранить нашу великую организацию, несмотря на разбросанность по всему свету; сохранить наши воинские взаимоотношения, несмотря на то, что прапорщик занимает место инженера, а старший капитан или полковник у него же работает простым рабочим; сохранить дисциплину, несмотря на то, что основное правило дисциплинарного устава — “не оставлять проступка подчиненного без взыскания” — отошло и единственным наказанием в руках начальника осталось право исключения из воинской организации, из РОВСа, который является Русской армией, всякий начальник должен стараться сохранить в возможно полном составе, а не распылить; уберечь наших воинских чинов от морального падения, несмотря на бесконечно тяжёлые условия материальной жизни, взаимной поддержкой в трудные минуты; дать отцам и матерям возможность воспитать детей русскими, несмотря на слишком частую необходимость посылать их в развращающие их французские школы — беречь армию и сохранить ее и ее сыновей для России — вот моя задача, которой я посвящал все свои силы».

Для чекистов такие данные не представляли никакой ценности. По воспоминаниям доктора Ландовского, участника доставки генерала из Франции в СССР, в ответ на советы дать ложные показания и тем купить себе спасение Миллер тогда ответил: *«Я врать не буду. Так как большевики мне ненавистны, я, как царский генерал, не позволю себе играть на руку этой банде убийц».* В конце марта 1938 года Евгений Карлович обратился к Ежову с повторной просьбой разрешить ему бывать в церкви. Для него, воспитанного в православии, отлучение от церкви было нестерпимее тюремного заточения. Генерал даже готов был перевязать лицо повязкой, чтобы во

время службы его никто не узнал, но ответа на свою просьбу так и не дождался. Спустя месяц он написал письмо митрополиту Московскому.

«Москва. 16 апреля 1938 года.

Его Высокопреосвященству Владыке Сергию, Митрополиту Московскому. Ваше Высокопреосвященство! С разрешения Народного Комиссара Внутренних Дел обращаюсь к Вам с нижеследующей просьбой.

Будучи длительно изолирован от внешнего мира, я особенно болезненно ощущаю невозможность посещения церкви. Условия, при которых я покинул свой дом, не позволили мне взять с собой даже Евангелие, чтение которого, особенно в настоящие дни, было бы для меня большим утешением. Поэтому примите милостиво мою покорнейшую просьбу и подарите мне Евангелие на русском языке.

Был бы глубоко благодарен, если бы Вы нашли возможность подарить мне также "Историю церкви", хотя бы один из учебников, которым пользуются воспитанники семинарий или духовной академии.

Все мое время я посвящаю чтению книг, получаемых из местной библиотеки, но был бы счастлив, если бы мог часть времени из немногих оставшихся мне лет (мне 71-й год) посвятить возобновлению и расширению моих познаний Библии и Житий Святых. Эти две книги я решаюсь просить у Вас, высокочтимый Владыко, во временное пользование на 2—3 месяца, а по прочтении обязуюсь их Вам возвратить.

Препоручаю себя святым молитвам Вашим, прошу Вас, высокочтимый Владыко, верить чувствам искренней благодарности моей.

Вашего Преосвященства покорный слуга раб Божий Евгений».

На всех допросах Миллер твердо держался такой позиции: ни он сам, ни возглавляемый им Русский общевоинский союз не имели никакого отношения к антисоветским восстаниям внутри страны. Пожалуй, Евгений Карлович был одним из немногих, кто в сталинских тюрьмах не предал ни одного из своих соратников и ничего конкретного так и не сказал. Сравните сами русского генерала с Тухачевским, Дыбенко, Думенко и всеми остальными, которые готовы были дать любые показания, лишь бы сохранить свою жизнь. Вместо признаний в антисоветской деятельности Миллер предпочитал писать письма наркому внутренних дел Николаю Ежову. Последнее датировано 27 июля 1938 года.

«Народному комиссару Внутренних Дел Союза ССР и Генеральному Комиссару Государственной безопасности Ежову.

На этих днях минуло 10 месяцев с того злополучного дня, когда, предательски завлеченный в чужую квартиру, я был схвачен злоумышленниками в предместье Парижа, где я проживал как политический эмигрант по французскому документу, под покровительством французских законов и попечением Нансеновского Офиса при Лиге Наций, членом коей состоит СССР.

Я ни одного дня не был гражданином СССР и никогда моя нога не ступала на территорию СССР. Будучи тотчас связан — рот, глаза, руки и ноги — и захлороформирован, я в бессознательном состоянии был отвезен на советский пароход, где очнулся лишь 44 часа спустя — на полпути между Францией и Ленинградом.

Таким образом для моей семьи я исчез внезапно и бесследно 22 сентября прошлого года. Моя семья состоит из жены 67 лет и трех детей 38—41 года. Хотя в первые дни по прибытии в Москву я еще очень плохо соображал под влиянием

исключительно сильной дозы хлороформа, мне все же ясно представлялось, какой удар, какое потрясение, какое беспокойство должно было вызвать мое исчезновение у моей жены и детей. Что я был похищен агентами Советской власти, в этом, конечно, никаких сомнений у моей жены быть не могло: пример Кутепова был слишком памятен, да и все эти 7¹/₂ лет со дня вступления моего в должность председателя РОВСоюза сколько раз возникали эти опасения и разговоры, причем положение пленников Советской власти всегда рисовалось в самых ужасных красках, что ныне должно было вызвать у жены моей худшие опасения за мою дальнейшую судьбу.

Первое движение мое поэтому по прибытию в тюрьму было — дать знать моей жене, что я жив и здоров и пока что физически благополучен. Краткое письмо моей жене с этим известием я передал в начале октября допрашивавшему меня следователю. Не получив его обещания послать письмо по назначению, я в начале ноября передал начальнику тюрьмы при особом заявлении маленькую записку аналогичного содержания без подписи и без указания, где именно я нахожусь, прося добавить к моей записке какой-нибудь промежуточный адрес, по которому моя жена могла бы мне ответить о состоянии здоровья своего, детей и внуков.

Не получив никакого отклика на это заявление от 4-го ноября (как и на другие заявления от того же числа касательно похищенных у меня денег, принадлежащих другим лицам), я в личной беседе с Вами просил Вас настойчиво связать меня с моей женой, дабы ее успокоить относительно условий моего существования и самому получить сведения о ней и детях.

28 декабря в дополнение к личному разговору, а затем в конце марта и в апреле и моим заявлениям к Вам, я к Вам обращался вновь с этой просьбой, но никакого ответа не получил.

Прошло 10 месяцев, и я ничего не знаю о моей семье и семья моя, видимо, ничего не знает обо мне.

Я вполне понимаю, что усердие не по разуму Ваших агентов, решившихся похитить меня с нарушением всех международных законов и поставивших Вас перед “совершившимся фактом”, поставило Вас и все Советское правительство в затруднительное положение и в необходимость впредь, до нахождения приличного выхода из создавшейся обстановки, скрывать мое нахождение в СССР, но все же я не могу не обратиться к Вашему чувству человечности — за что Вы заставляете так жестоко страдать совершенно невинных людей — моя жена и дети никогда никакого участия в политике не принимали. Особенно же меня беспокоит состояние здоровья моей жены, всю жизнь страдавшей большой нервностью, выражавшейся в болезненных приступах при всяком волнении и беспокойстве. Моя жена по матери своей — родная внучка жены А.С. Пушкина, урожденной Гончаровой, бывшей вторым браком за Ланским, и унаследовала, как и ее мать, и сестры, большую нервность, свойственную семье Гончаровых... Меня берет ужас от неизвестности, как отразилось на ней мое исчезновение. 41 год мы прожили вместе!

Никогда, ни в какие эпохи самой жестокой реакции ни Радищев, ни Герцен, ни Ленин, с историей которых я ознакомился по их сочинениям, изданным Институтом Ленина и Академией, не бывали лишены сношений со своими родными. Неужели же Советская власть, обещавшая установить режим свободы и неприкосновенности личности с воспрещением сажать кого-либо в тюрьму без суда, захочет сделать из меня средневекового Шильонского узника или второе издание «Железной маски» времен Людовика XIV — и все это только ради сохранения моего инкогнито?

Убедительно прошу Вас посмотреть на мою просьбу в данном случае с точки зрения человечности и прекратить те нравственные мучения мои, кои с каждым днем становятся невыносимее. 10 месяцев я живу под гнетом мысли, что я, может быть, стал невольным убийцей своей жены и все это вследствие своей неосторожной доверчивости к гнусному предателю, а когда-то герою гражданской войны в Добровольческой армии...

Надеюсь, что Вы найдете время ответить и на другие вопросы и просьбы, содержащиеся в моих заявлениях и письмах. Надеюсь также, что Вы отнесетесь благожелательно ко всему вышеизложенному, я — Ваш пленник — буду ждать с понятным нетерпением Вашего решения и приближающегося годового срока моего заключения».

И это письмо осталось без ответа.

Судьбу белого генерала Миллера окончательно и бесповоротно решил новый нарком внутренних дел Лаврентий Берия. Это было сделано в экстренном порядке, за несколько часов. Повезли расстреливать генерала Миллера 11 мая 1939 года. По правилу, применявшемуся к особо секретным смертникам, генерала доставили в московский крематорий. Незадолго до казни на одном из допросов он сказал: *«Я не покончу жизнь самоубийством, прежде всего потому, что мне это запрещает моя религия. Смерть будет моей последней службой Родине и Царю. Я докажу всему миру и моим солдатам, что есть честь и доблесть в русской груди. Подло я не умру».*

Дело, заведенное на него в НКВД, было после расстрела уничтожено, но несколько документов уцелели: письма Миллера и его последние допросы случайно попали в другую папку. Это и сохранило их для истории. Интересно, что в документах дела белогвардейского генерала Миллера Евгений

Карлович фигурирует как «Иванов». На бланке Народного комиссариата внутренних дел предписывалось начальнику внутренней тюрьмы *«выдать арестованного Иванова Петра Васильевича, содержащегося под номером 110, коменданту НКВД товарищу Блохину, чтобы немедленно привести в исполнение приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР, над осужденным к расстрелу по закону от 1 декабря 1934 года».*

Расстреляли председателя Русского общевойскового союза 11 мая 1939 года в московском крематории. Бывший лидер Белого движения на Севере России с достоинством встал к стенке, сверля своих палачей взглядом из-под совсем седых бровей. Через несколько часов в дело генерала был вложен последний документ: *«Приговор в отношении сего Иванова, осужденного Военной Коллегией Верховного суда СССР, приведен в исполнение в 23 часа 5 минут и в 23 часа 30 минут сожжен в крематории в присутствии коменданта НКВД Блохина и начальника внутренней тюрьмы ГУТБ НКВД Миронова».*

Почему Евгения Карловича расстреляли именно в этот день, а не двумя месяцами раньше или полгода спустя? Ответ становится очевиден, если вспомнить, что происходило в Советском Союзе. 4 мая наркома по иностранным делам Литвинова, который был известен как сторонник сближения СССР с Англией и Францией и создания антигитлеровского альянса, сменил на этом посту Молотов. Это означало, что путь к пакту открыт. И если до этого еще можно было бы рассуждать, что и Миллер для чего-нибудь пригодится, то после назначения нового главы внешнеполитического ведомства такая возможность даже теоретически переставала существовать. Это и решило судьбу председателя Русского общевойскового союза.

Документы датированы 11 мая 1939 года. Они написаны одной и той же рукой, одними и теми же чернилами. Только бланки отличаются. Можно с большой долей вероятности утверждать, что ближе к вечеру (по утрам советские учреждения не работали) народный комиссар внутренних дел Лаврентий Берия, получив срочные указания от Сталина или Молотова (никто другой не мог решить судьбу Миллера), вызвал Ульриха, и тут же дежурным секретарем были написаны две бумаги. Одну подписал Ульрих теми же секретарскими зелеными чернилами. Берия красным карандашом поставил подпись на другой. Дальше был вызван комендант...

Долгие годы о судьбе Евгения Карловича ничего не было известно. Только после распада Советского Союза и открытия архивов стали появляться подробности гибели председателя Русского общевойскового союза. 11 сентября 1996 года Архиерейский собор Русской православной церкви за рубежом издал циркулярный указ о совершении панихиды по генералу Миллеру во всех храмах в тот же день или в ближайшее воскресенье.

«Циркулярно. Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей. 27 апр./10 мая 1996. Номер 50

Всем епархиальным преосвященным и настоятелям церквей, непосредственно председателю синода подчиненным.

Указ

Слушали обращение председателя Русского общевойскового союза, поручика В.В. Гранитова, относительно генералов А.П. Кутепова и Е.К. Миллера, похищенных большевицкими агентами в Париже. По документам некоторых рассекреченных архивов КГБ, установлены данные об их смерти. Преосвященный Архиепископ Серафим, Брюссельский и Западно-

Европейский недавно обратил внимание на то, что церковное отпевание генералов не было совершено.

Председатель РОВСа просит благословения для совершения отпевания нашей Церковью генералов Кутепова и Миллера.

Постановили: Совершить отпевание мученически скончавшихся генералов Александра П. Кутепова и Евгения К. Миллера в Синодальном соборе в Нью-Йорке, во время предстоящего Архиерейского Собора, вечером, в день Усекновения главы Св. Иоанна Предтечи, 29 авг./11 сент.1996 г.

Председатель Архиерейского Синода Митрополит Виталий

Заместитель Секретаря Архиерейского Синода Епископ Илларион».

Этот указ был опубликован в санкт-петербургском церковно-общественном журнале прихожан РПЦЗ «Возвращение». В комментариях к нему отмечалось:

«“Души их во благих водворяются. И память их в род и род”,— такими, воспеваемыми по традиции, псаломскими торжественными стихами завершает Святая Церковь величественное чинопоследование панихиды. Это напрямую относится к стойким борцам за освобождение России, доблестным белым вождям, замученным большевиками: генералу от инфантерии Александру Павловичу Кутепову и Генерального Штаба генерал-лейтенанту Евгению Карловичу Миллеру, возглавлявшим Русский общевоинский союз в годы наивысшей его активности и опасности для коммунистического режима в России (1928—1930—1937гг.). Надеждою на “весенний поход”, то есть, продолжение вооруженной борьбы с “советами” освящен период первого из них на этом посту.

Сменивший его генерал Миллер одобрил участие белых русских воинов в военных действиях во всех уголках земли, где

только шла вооруженная борьба с коммунистами. В частности, поддержка Каудильо Франко в гражданской войне в Испании была объявлена им продолжением священной Белой борьбы. В это время и тайная война ОГПУ против РОВСа достигла своего апогея, жертвами которой явились нагло похищенные советскими агентами Генералы».

Первая панихида по генералам прошла 11 сентября 1996 года в ябургском соборе во имя Святой Великомученицы Екатерины. Ее участник, известный историк Белого движения на Северо-Западе России Сергей Геннадьевич Зирин писал автору этих слов: *«Портреты русских генералов были помещены в рамки со стеклом, угол каждого был отмечен Георгиевской лентой. Во время панихиды портреты вождей Русского Воинства на чужбине держались на руках».*

***

Участники похищения председателя Русского общевойскового союза Шпигельглас, Косенко и Григорьев в 1938 году были арестованы, в 1940 году расстреляны, а в 1956 году реабилитированы. Гражурль продолжал работать в разведке. Умер он в 1956 году.

Скоблин и «дело Тухачевского»

Одна из самых распространённых легенд о Скоблине — его участие в деле Тухачевского. Какую книгу ни открой — везде написано: именно он стоял у истоков появления знаменитой «красной папки» на столе у Сталина. Каждый уважающий себя автор, не утруждая себя изучением сути вопроса, тут же испишет десятки листов про хитроумного гитлеровского разведчика Шелленберга, наивного генсека и коварного Скоблина. В СССР эта версия впервые прозвучала в ходе знаменитой хрущевской оттепели. Тогда надо было найти доказательства о подлости руководства страны и в ход пошли воспоминания двух человек — перебежчика Вальтера Кривицкого и уже упоминавшегося Вальтера Шелленберга. В кратком изложении история выглядит следующим образом.

16 декабря 1936 года в Париже генерал Скоблин сообщил представителю немецкой разведки, что в СССР готовится военный заговор, во главе которого стоит первый заместитель наркома обороны маршал Тухачевский, с которым он совсем недавно провел тайные переговоры в Лондоне. Верхушка заговорщиков находится в контакте с генералами вермахта и разведывательной службы. Естественно, немцы ухватились за возможность одним ударом обезглавить Красную Армию. На высочайшем уровне были изготовлены фальшивки, которые спустя некоторое время оказались на столе у Сталина. Мни-

тельный вождь тут же сгноил всех своих военных гениев, что сказалось в 1941 году. Отражать гитлеровскую агрессию оказалось некому.

Давайте разбираться.

Начнем со свидетельства Павла Судоплатова. *«Миф о причастности немецкой разведки к расправе Сталина над Тухачевским был пущен впервые перебежчиком В. Кривицким, бывшим офицером разведки. При этом он ссылаясь на белого генерала Скоблина, видного агента ИНО НКВД в среде белой эмиграции. Скоблин, по словам Кривицкого, был двойником, работавшим на немецкую разведку. В действительности Скоблин двойником не был. Его агентурное дело полностью опровергает эту версию.*

Выдумку Кривицкого, ставшего в эмиграции психически неустойчивым человеком, позднее использовал Шелленберг в своих мемуарах, приписав себе заслугу в фальсификации дела Тухачевского».

В 1939 году в Лондоне вышли в свет воспоминания советского перебежчика Вальтера Кривицкого. Его настоящее имя Самуил Гершевич Гинзберг. Сотрудник иностранного отдела, с 1934 года работал в Германии. Это именно он раскрыл содержание секретных переговоров между Японией и Германией, получив в переснятом виде полную подборку секретной переписки японского военного атташе с высшим военным и политическим руководством в Токио.

Осенью 1937 года Кривицкий получил указание вернуться в СССР. Поскольку после возвращения в СССР наверняка был бы репрессирован, он и принял решение обратиться к французскому правительству за политическим убежищем. Так вот, в своих воспоминаниях «Я был агентом Сталина» он пишет: *«Генерал Скоблин — центральная фигура заговора ОГПУ против*

Тухачевского и других генералов Красной Армии. Скоблин играл тройную роль в этой трагедии макиавеллиевского масштаба и был главным действующим лицом, работавшим по всем трем направлениям. В качестве секретаря кружка Гучкова он был агентом гестапо. В качестве советника генерала Миллера он был лидером монархистского движения за рубежом. Эти две роли выполнялись им с ведома третьего, главного хозяина — ОГПУ.

Скоблин был главным источником “доказательств”, собранных Сталиным против командного состава Красной Армии. Это были “доказательства”, родившиеся в гестапо и проходившие через “питательную среду” кружка Гучкова в качестве допинга для организации Миллера, откуда они попадали в сверхсекретное досье Сталина.

Исчезновение двух парижских генералов 22 сентября 1937 года в Париже стало в столицах мира событием номер один. Такое же место занимали сообщения о казни восьми генералов в Москве 12 июня. Однако в печати нигде не прослеживалась связь между этим двумя событиями, за исключением одного органа информации. 27 октября 1938 года официальный печатный нацистский военный орган “Немецкая армия” в специальной статье, посвященной чистке Красной Армии, сообщал о том, что человек, оклеветавший Тухачевского и его коллег, был “предателем, хорошо известным генералом Скоблиным, проживающим в Париже, человеком, который предал большевикам двух генералов — Кутепова и Миллера”».

Когда поднимается завеса над загадкой казни высшего руководства Красной Армии, то становится очевидной подлинная подоплека «заговора, которого никогда не знала история».

Схожую оценку дал и советский разведчик Леопольд Треппер: «Генерал Скоблин нанес визит Гейдриху отнюдь не по сво-

ей инициативе. Произошло разделение ролей в осуществлении этой задачи между Сталиным и Гитлером: первый, по сути дела, задумал всю эту махинацию, второй выполнил ее. Сталин стремился сломить последнюю организованную силу, противодействующую его политике. Гитлер же воспользовался непредвиденным случаем обезглавить Красную Армию».

Но активнее всего цитируют воспоминания руководителя разведки Третьего рейха Вальтера Шелленберга: «В соответствии со строгим распоряжением Гитлера, дело Тухачевского надлежало держать в тайне от немецкого командования, чтобы заранее не предупредить маршала о грозящей ему опасности. В силу этого должна была и впредь поддерживаться версия о тайных связях Тухачевского с командованием вермахта; его как предателя необходимо было выдать Сталину. Поскольку не существовало письменных доказательств таких тайных сношений в целях заговора, по приказу Гитлера (а не Гейдриха) были проведены налеты на архив вермахта и на служебное помещение военной разведки. На самом деле, были обнаружены кое-какие подлинные документы о сотрудничестве немецкого вермахта с Красной Армией. Чтобы замести следы ночного вторжения, на месте взлома зажгли бумагу, а когда команды покинули здание, в целях дезинформации была дана пожарная тревога.

Теперь полученный материал следовало надлежащим образом обработать. Для этого не потребовалось производить грубых фальсификаций, как это утверждали позже; достаточно было лишь ликвидировать “пробелы” в беспорядочно собранных воедино документах. Уже через четыре дня Гиммлер смог предъявить Гитлеру объемистую кипу материалов. После тщательного изучения усовершенствованный таким образом “материал о Тухачевском” следовало передать че-

хословацкому генеральному штабу, поддерживавшему тесные связи с советским партийным руководством. Однако позже Гейдрих избрал еще более надежный путь. Один из его наиболее доверенных людей, штандартенфюрер СС Б., был послан в Прагу, чтобы там установить контакты с одним из близких друзей тогдашнего президента Чехословакии Бенеша. Опираясь на полученную информацию, Бенеш написал личное письмо Сталину. Вскоре после этого через президента Бенеша пришел ответ из России с предложением связаться с одним из сотрудников русского посольства в Берлине. Так мы и сделали. Сотрудник посольства тотчас же вылетел в Москву и возвратился с доверенным лицом Сталина, снабженным специальными документами, подписанными шефом ГПУ Ежовым. Ко всеобщему изумлению, Сталин предложил деньги за материалы о “заговоре”. Ни Гитлер, ни Гиммлер, ни Гейдрих не рассчитывали на вознаграждение. Гейдрих потребовал три миллиона золотых рублей — чтобы, как он считал, сохранить “лицо” перед русскими. По мере получения материалов он безло просматривал их, и специальный эмиссар Сталина выплачивал установленную сумму. Это было в середине мая 1937 года. 4 июня Тухачевский после неудачной попытки самоубийства был арестован.

Часть “иудиных денег” я приказал пустить под нож, после того как несколько немецких агентов были арестованы ГПУ, когда они расплачивались этими купюрами. Сталин произвел выплату крупными банкнотами, все номера которых были зарегистрированы ГПУ».

Согласимся: звучит красиво. Высокопрофессионально работала немецкая разведка! Но это — если принимать вымыслы за чистую монету. Нужно учитывать, что воспоминания разведчиков, как правило, содержат минимум сведений о том, чем

они занимались на самом деле. Зато — переполнены всевозможными слухами и байками для доверчивых читателей. И на продажах это всегда складывается в лучшую сторону. Мемуары Вальтера Шелленберга — классический пример тому.

Начнем с простого вопроса — видел ли когда-нибудь Вальтер Шелленберг золотой царский червонец? И сразу перейдем к главному, чтобы не размениваться на детали. Нас интересует «красная папка». Так вот, великолепноработанная немцами фальшивка никогда не фигурировала ни на допросах, ни на процессах 1937 года. И позднее тоже. В следственных делах обвиняемых, в архивах ЦК КПСС и КГБ СССР нет ни слова про эти документы. И вот тут возникает вопрос: какой смысл было тратить три миллиона рублей золотом, чтобы полученные материалы испарились тут же, как с белых яблонь дым?

Снова обратимся к воспоминаниям Павла Судоплатова: *«Как непосредственный куратор немецкого направления наших разведорганов в 1939—1945 годах утверждаю, что НКВД никакими материалами о подозрительных связях Тухачевского с немецким командованием не располагало. Сталину тоже никто не направлял материалов о Тухачевском по линии зарубежной разведки НКВД. В архиве Сталина были обнаружены данные о том, что так называемые компрометирующие материалы об амбициях Тухачевского, поступившие из-за рубежа, были не чем иным, как выдержками из материалов зарубежной прессы».*

С Судоплатовым полностью согласен и бывший в то время начальником отдела «Иностранные войска Восток» в германском Генеральном штабе генерал-майор Карл Шпальке. *«Ни господин Гейдрих, ни СС, ни какой бы то ни было партийный орган не были, по-моему, в состоянии вызвать или только за-*

планировать подобный переворот — падение Тухачевского или его окружения. Не хватало элементарных предпосылок, а именно, знания организации Красной Армии и ее ведущих личностей. Немногие сообщения, которые пересылались нам через “абвер 3” партийными инстанциями на предмет проверки и исходившие якобы от заслуживающих доверия знатоков, отправлялись нами почти без исключения обратно с пометкой “абсолютный бред”».

Полагаю, в этом вопросе наступила ясность. А вот теперь осталось прояснить роль Николая Владимировича Скоблина в этой истории. Он действительно встречался с маршалом Тухачевским в Лондоне в 1936 году (о чем свидетельствовал его младший брат Сергей). Но существует версия, что знакомы они были чуть ли не с 1917 года. Лейб-гвардии Семеновский полк, в котором служил поручик Тухачевский, был дислоцирован под Киевом, по соседству с Корниловским ударным полком, где штабс-капитан Скоблин был заместителем командира полка. Проверить эту теорию теперь уже не представляется возможным. Так вот, в газете «Возрождение» позднее писали: *«Когда Тухачевский был в Париже, в эмигрантских кругах передавали, будто он виделся с одним из русских военных и говорил ему, что власти Сталина скоро наступит конец, что вожди Красной Армии сговорились между собой, и следует ожидать в недалеком уже будущем установки в России национальной диктатуры. Мы не беремся утверждать, что военный, видевшийся с Тухачевским, был именно Скоблин, хотя наш информатор на этом настаивает. Во время состоявшихся якобы свиданий Тухачевского со Скоблиным в Париже обсуждался вопрос о выработке такой программы-минимум. На первых порах должна была быть установлена диктатура Тухачевского. Скоблин был знаком с текстом и одобрил его».*

Все правильно. Скоблин, как начальник контрразведки Русского общевойскового союза, и был уполномочен непосредственно генералом Миллером на проведение таких переговоров. Однако историк В.В. Голицын, работавший с архивами французской контрразведки, в письме автору этих слов отмечал: *«2-е бюро Генштаба Франции (в чьем “поле” были подобные контакты) отследило этот сигнал (а изначально это был именно слух в среде русской парижской эмиграции) и направляло запрос в и-сервис. Англичане ответили, что такого контакта быть не могло, ибо советских “водили” круглосуточно. Так что, слух так и остался слухом. Такая засветка, как прямые контакты с военной делегацией, являются оперативным безумием».*

Есть и еще один важный нюанс. Начальник второго отдела РОВС генерал фон Лампе в письме Шинкаренко обозначил позицию, которая была близка подавляющему числу белых: *«Вы спрашиваете мое мнение о судьбе Тухачевского. Я думаю, что тот факт, что он и уже с ним погибли — для России благоприятен. Их победа затянула бы дело надолго. Победа Сталина (а она налицо) поведет к дальнейшему террору, так как никто и никогда в этом случае не мог удержаться на наклонной плоскости, и тогда режим дойдет постепенно до того, до чего он и должен был прийти и до чего доходил во Французской революции — до абсурда. Сам Сталин, конечно, погибнет и станет жертвой либо террористического акта, либо дворцового переворота, так как после ликвидированных им вождей осталось слишком много сочувствующих и, что главное, тех, кого можно считать к ним причастными. Само опасение за собственное существование приведет их к необходимости покончить со Сталиным. И тогда вместе с ним может пасть и режим».*

Ход мысли генерала вполне понятен. Русскую революцию было принято сравнивать с Французской. Как известно, за пять лет был пройден путь от робеспьеровского террора до диктатуры Наполеона. И фон Лампе был убежден: победы Тухачевский — правление большевиков могло бы затянуться. Исходя из этого, Скоблин вполне мог бы помочь свалить Тухачевского, выступив инициатором создания той самой «красной папки».

Вот только не было ее.

И последний штрих на это полотно. О роли чехословацкого лидера Бенеша. Посол в Праге Александровский отмечал в письме уже после расстрела маршалов: *«Чехи действительно имели косвенную сигнализацию из Берлина о том, что между рейхсвером и Красной Армией существует какая-то особая интимная связь и тесное сотрудничество. Конечно, ни Бенеш, ни кто бы то ни было другой не могли догадаться о том, что эта сигнализация говорит об измене таких крупных руководителей Красной Армии, как предатели Гамарник, Тухачевский и др. Поэтому я легко могу себе представить, что Бенеш делал из этих сигналов тот вывод, что советское правительство в целом ведет двойную игру и готовит миру сюрприз путем соглашения с Германией. Никто из нас не понял и не мог понять этого смысла поведения Бенеша и его клеветы Лаурина, не зная о том, что против нас работает банда изменников и предателей. Зная же теперь это, мне становится понятным очень многое из тех намеков и полупризнаний, которыми изобиловали разговоры со мною не только Лаурина, Бенеша, Крофты, но и ряда других второстепенных политических деятелей Чехословакии».*

То есть Бенеш не мог бы посредником в передаче изготовленной по предложению Скоблина «красной папки». В противном случае он не интересовался бы странными контактами Москвы и Берлина.

Послесловие

Споры о том, что же на самом деле произошло со Скоблиным, продолжались в русском зарубежье долгие годы. Каких только версий ни строили! К примеру, в вышедшей в 50-е годы книге эмигранта второй волны Курганова были такие строки: *«В Сибири обитал в мое время и генерал Скоблин, “герой Белой борьбы”. Предав генералов Кутепова и Миллера, он отправился в Советский Союз под именем Ивана Соловьева. “Благодарный” Сталин отправил его в сибирский лагерь, как и других, оказывавших ему услуги. Некоторые из парижских эмигрантов-заключенных узнали Скоблина, и он был спешно переведен в другой лагерь»*. Естественно, что от истины это, мягко говоря, далеко.

Эмиграция не особенно выбирала выражения. Плевицкую и Скоблина обвиняли во всех возможных грехах. Вспомнить хотя был Романа Гуля:

«Закончила Н.В. концерт неким, так сказать, “эмигрантским гимном”:

Замело тебя снегом, Россия,

Запуржило суровой пургой.

И одни только ветры степные

Панихиду поют над тобой!

И со страшным, трагическим подъемом: Замело! Занесло! Запуржило!..

Гром самых искренних эмигрантских аплодисментов. “От души”. Крики искренние — “Бис!”, “Бис!”. И кому тогда могло прийти в голову, что поет этот “гимн” погибающей России — не знаменитая белогвардейская генеральша-певица, а самая настоящая грязная чекистская стукачка, “кооптированная сотрудница ОГПУ”, безжалостная участница предательства (и убийства!) генерала Кутепова и генерала Миллера, которая окончит свои дни — по суду — в каторжной тюрьме в Ренн и перед смертью покается во всей своей гнусности».

Но это еще не самое страшное. В 1953 году, после смерти Сталина, в Париже была распространена листовка: *«Но что все это значит и какую имеет ценность для “отца” Чекана (священник собора Александра Невского в Париже. — А.Г.), совершавшего “моление” о “новопреставленном”, принимая во внимание все те темные слухи о его жизни в Болгарии, а также и здесь. Кстати, построенный для него в Озуар-ла-Ферьер Плевицкой и Скоблиным храм пустует; туда не пошли». То есть Скоблина обвинили еще и в безблагодатности. Для православного человека — обвинение очень тяжкое.*

Чины Русского общевойскаского союза пытались анализировать произошедшее. Как могло получиться так, что герой Белой борьбы, начальник Корниловский ударной дивизии генерал-майор Николай Владимирович Скоблин оказался в стане заклятых врагов? Точнее всего сомнения эмиграции описал профессор Даватц: *«В психику русского офицера вносились чуждые ему элементы подпольной войны. В процессе такой работы наши офицеры сталкивались с людьми заведомо полу-*

почтенными и совсем не почтенными. А наше военное общественное мнение провозгласило эту работу единственно необходимой для спасения России!

Трудно даже приблизительно оценить опасность от вторжения в офицерскую психику этой моды на всякую конспирацию. Вынужденные на бездействие, наши массы утешались тем, что где-то и кем-то ведется работа, и целый ряд “добровольцев” входил в эту “работу”, которая считалась почтенной и почетной.

Но это еще полбеды. Беда наступила тогда, когда стало распространяться мнение, что в борьбе с большевиками все средства допустимы, что ради этой борьбы возможно вступление в любую агентуру, что с офицерской честью это вполне совместимо и даже почетно...

Одним словом, мы начали с Захарченки-Шульц и кончили... Скоблиным.

Вот поэтому и надо положить предел».

Были и попытки оправдать Скоблина. В моем архиве есть вот такой любопытный документ — письмо есаула Лейбгвардии Атаманского полка Грекова полковнику Гегелашвили: «Мне дали прочесть газету “Русское слово” (Буэнос-Айрес. — А.Г.) от 12 ноября (1967 года. — А.Г.), там есть статья полк. Месснера к 50-летию Добрармии. И вот под фотографией генерала Кутепова Месснер перечисляет героев Добровольческой армии: “Марков, Нежинцев, Скоблин...” Когда я прочел это, то сознаюсь, я просто хотел разорвать газету в клочки, подумав, что это не делает чести газете, поместившей это. А о писавшем подумал, что он совсем или исписался, или ошалел от “глубокомыслия”. Ведь мне кажется, каким бы героем Скоблин не был, он своим предательством

вычеркнул навсегда свое имя из списка не только героев, но вообще честных людей.

Ведь Иуда Искариот тоже все свои хорошие дела затмил своим предательством и сам Спаситель сказал, что лучше бы было такому человеку не родиться, а полковник Месснер Скоблина ставит в один ряд со всеми нашими доблестными, никогда не потерявшими честь, героями Гражданской войны. Ведь полковник Месснер должен понять, что Скоблин оскорбил не только Корниловский полк, но и всех нас российских офицеров; я хорошо помню это время в Париже, когда знакомые французы говорили: "Неужели среди русских офицеров мог оказаться такой предатель?" Мне было стыдно, и я не знал, что отвечать. Вот я и думаю, что, не мог ли бы ты, через полковника Эйхенбаума подействовать на Месснера, чтобы меньше писал чепухи, потому что про Скоблина просто стыдно было читать, неужели и подрастающее поколение после таких статей его считает еще героем. Грустно так».

Племянницы генерала, И.С. Скоблина и Т.И. Иванова, все эти годы безуспешно пытались доказать, что их дядя был невиновен. Им не удалось и, возможно, никогда не удастся реабилитировать генерала. Есть ведь и потомки генерала Миллера. Вместе они пытаются восстановить подробности событий 22 сентября 1937 года. Но сделать это сложно. Франция не спешит публиковать документы из следственного дела Надежды Плевицкой. Да это и невозможно. В начале 1960-х годов большая часть их была уничтожена. Сергею Владимировичу Скоблину, младшему брату генерала, было настоятельно рекомендовано не заниматься этим делом. Дети у него молодые и красивые... Но Сергей до конца своих дней оставался верен своему брату. Вчитайтесь в эти страшные в своей проникновенности строки:

*Ты русский белый генерал,
Таким ты был, таким ты и остался,
А смерть всегда ты презирал
И пред врагом не преклонялся.
Я подвигам твоим горжусь,
Не верю я в твою измену,
Брат — честью тебе клянусь,
Найду проклятую гиену.
Я верю Господу, мажусь,
И в память нашего отца
С тяжелым именем влачусь,
Но буду Скоблин до конца.*

В свою очередь, и в России не рассекречено дело генерала. На то есть причины. Все, что относится к деятельности иностранных резиденттур, будет всегда храниться под грифом «Совершенно секретно». Таковы законы разведки.

Не так давно во Франции был снят фильм «Тройной агент» теперь уже покойным режиссером Эриком Роммером. В интервью радиостанции «Свобода» он говорил: *«Я прочитал историю генерала Миллера. Мне это показалось интересным. Но поскольку я чувствовал, что это жгучая тема, я изменил имена. Так что это, действительно, фильм-вымысел. “Бесы” Достоевского — это тоже вымысел, хотя и основанный на реальной истории.*

Не то, чтобы это меня подтолкнуло, но я прочитал маленький рассказ Набокова “Помощник режиссера”, в котором он смешал историю генералов Кутепова и Миллера.

История Скоблина и Плевицкой очень тяжелая. Я все изменил. Я не стал делать из нее певичу. Моя главная героиня

ня — гречанка. Я хотел, чтобы мои персонажи говорили по-французски. Я не хотел делать фильм о белых русских, которые между собой говорят по-французски, и не хотел делать фильм на русском, потому что я французский режиссер. Так что я все изменил, и эта женщина-певица стала в моем фильме художницей. Этот фильм — история с женской стороны. Мы знаем о похищении только то, что ей рассказал муж. Я не показываю факты. Я показываю то, что рассказано персонажами. Ее рассказ может быть правдой, а может и не быть. Принцип моего фильма: мы никогда не узнаем правду. В этом, я думаю, я близок к Достоевскому. Я следовал его примеру. Дмитрий Кармазов рассказывает свою версию смерти отца, и никто не знает, правда это или нет.

Племянница Скоблина, которая мне помогла в работе, утверждает, что ее дядя был невиновен. На основании этих открытых и известных исторических данных я рассказываю историю, не принимая ничью сторону».

Популярностью фильм не пользовался. Что, собственно, и было ожидаемо. Ведь и в современной России подлинная история Скоблина по-прежнему мало кому интересна. Без устали продолжают лгать про Николая Владимировича и его родственников. В феврале 2008 года «Экспресс-газета» удивила читателей: «Любовница Ягоды — Шура Скоблина, племянница белогвардейского генерала Скоблина, одновременно тайного агента НКВД — была приставлена к Тухачевскому следить за ним и доносить обо всех контактах маршала. Та послушно вела слежку и несколько лет писала на него доносы. С каждым разом они становились все более злобными — ревнивая по натуре Скоблина очень болезненно воспринимала внимание Тухачевского к другим дамам».

А на одном из центральных телеканалов был показан документальный фильм про Николая Владимировича. В нем сообщались удивительные подробности: Плевицкая сбежала от полиции, и только случайная встреча с капитаном Григулем помогла восторжествовать правосудию. Скоблин служил командиром разведки Корниловской конной дивизии. А до Великой войны каким-то образом был завсегдатаем балов в Смольном...

Под конец я уже не выдержал и написал открытое письмо создателям сего «документального кино». Привожу его со значительными сокращениями.

«Картина снята исключительно плохо с исторической точки зрения. Можно только удивляться вопиющему непрофессионализму сценаристов, которые взялись делать фильм о Н.В. Плевицкой, не зная о ее жизни толком ничего и руководствуясь статьями в бульварной прессе

Остановлюсь лишь на моменте появления в вашем фильме Н.В. Скоблина. Одного перечисления допущенных ошибок будет вполне достаточно, чтобы оценить по достоинству этот фильм.

Удивительно лжива ваша версия развода поручика Левицкого и Н.В. Плевицкой. Ничего общего с историей это не имеет. Развод был получен только в Галлиполи в 1921 году. До этого офицер, служивший в Корниловской ударной дивизии, втайне надеялся вернуть Н.В., которая, последовательно, увлеклась сначала командиром второго Корниловского ударного полка полковником Пашкевичем, а после его гибели — начальником дивизии генерал-майором Скоблиным.

Совершенно непонятно, почему вы произносите фамилию одного из героев Великой войны на французский манер. Нико-

лай Владимирович был русским человеком. Его отец — русский, мать из старинного черкесского княжеского рода. Так почему же, скажите на милость, он стал Скоблин? Я отвечу за вас. Так его называла покойная М.А. Деникина-Грей. А вы бездумно повторили.

Никто Н.В. не арестовывал и расстрелом не грозил. Ее доставили в штаб второго Корниловского ударного полка, где ее сразу узнал полковник Пашкевич. Полковник, а не один из генералов, как вы изволите утверждать. И отбил ее не отряд корниловцев, как вы считаете, а команда конных разведчиков.

Скоблин не был самым молодым генералом Добровольческой армии, хотя одним из молодых — безусловно. И не надо превращать его в карьериста. Николай Владимирович — один из самых молодых, награжденных золотым Георгиевским оружием за храбрость. Его карьера во время Гражданской войны была обычной для того времени. К примеру, первопоходник Левитов командовал полком в чине поручика, и лишь на последнем этапе Белой борьбы он стал полковником. Я мог бы также назвать дроздовцев-походников Туркула, Манштейна и Харжевского, но нужно ли?

Вы упорно путаете Пашкевича и Скоблина. Происходит это потому, что вы никогда не держали в руках книгу “Корниловский Ударный Полк” (Париж, 1936). Поэтому мне и приходится объяснять вам очевидные вещи. Именно Пашкевич всеми считался спасителем “Курского соловья”. Н.В. же увидел Плевицкую только на ее первом концерте для чинов Корниловской ударной дивизии. Тогда же он был ей и представлен.

Плевицкая не воспринимала свое, как вы утверждаете, спасение равнодушно. Она любила полковника Пашкевича, о кото-

ром в вашем фильме вообще нет упоминания. Скоблин предложил Плевицкой руку и сердце в Галлиполи, а не в Курске, как вы утверждаете

Эвакуация Русской армии (а не Добровольческой) из Крыма не происходила в спешке, как вы утверждаете, а была тщательно подготовлена и образцово проведена, что признавали даже советские историки.

Вы утверждаете в своем фильме, что корниловцы бросали на Плевицкую косые взгляды. Существуют десятки свидетельств, как галлиполийцы в целом и корниловцы в частности любили Плевицкую и гордились ею. Обратных мне не встречались, хотя я занимаюсь этой темой долгие годы.

Скоблин и Плевицкая не перебрались в Европу, как вы утверждаете. Посмотрите на карту. Турция (а Галлиполи именно там) — это Европа. Странно, что приходится объяснять школьный курс географии.

Оставьте фантазии про маленькие концертные сборы. Все турне Н.В. были сверхприбыльными, о чем существуют сотни свидетельств. Овациями ее награждали в то время гораздо больше, чем когда-то в России. И выступала она не в “пырловках”, а в лучших концертных залах мира. И разумеется, никогда она не могла упрекать Скоблина, что он насильно ее увез из России. Плевицкая ушла в эмиграцию добровольно.

РОВС — это Русский общевоинский союз, а не российский.

С чего вы взяли, что Скоблин “очень быстро заинтересовал чекистов”. Произошло это (здесь и далее — согласно официальной версии) в 1929 году. Завербовал их не Эйтингон, а штабс-капитан Ковальский.

Публика не переставала ходить на концерты Плевицкой. Откройте парижские газеты 20-х годов и убедитесь в этом лично

Скоблин и Плевацкая не принимали никакого участия в похищении генерала Кутепова. Даже в 1937 году их никто в этом не обвинял. Поэтому, чем молоть вздор, прочтите лучше материалы судебного процесса. Равно как и не принимал в этом участие Сергей Эфрон.

В 1930 году генерал Миллер не доверял безмерно Скоблину. В силу исключительно того, что они были лишь шапочно знакомы.

То, что вы называете большим виноградником под Ниццей, есть заброшенная ферма, которую Скоблин купил на паях с полковником Гордеенко. Было это не в 1930 году, а в 1926 году. И не на деньги НКВД, а на гонорар с гастролей Плевацкой. И не в Ницце, а в департаменте Вар. И прогорели они не потому, что год был неудачным, а в силу того, что, кроме Гордеенко, там некому было работать.

Штабс-капитан Ковальский не водил Скоблина и Плевацкую по ресторанам. Было всего три встречи. Первая в Озуарла-Ферьер, вторая в парикмахерской, третья — в ресторане.

Вы цитируете обязательства Плевацкой перед СССР и утверждаете, что это из ее воспоминаний. Подскажите, из каких именно?

С чего вы взяли, что Скоблин возглавлял международный отдел РОВС. И, кстати, объясните, что это такое?

В 1937 году, равно как и до этого, Скоблин не был основным претендентом на возглавление РОВС. Утверждать так могут лишь те, кто никогда не был знаком с историей этой организации. При живых Шатилове и Абрамове это было бы просто невозможно. Деникин не мог быть соперником Скоблина в силу того, что вообще не входил в РОВС.

Говоря о юбилее Корниловском ударного полка, вы показываете фотографию первопоходников, снятую в Харькове в 1919 году. На ней, в частности, И.П. Романовский. Поведайте,

как он мог быть в 1937 году в Париже, если был убит за 17 лет до этого?

Безымянный, по-вашему, офицер, который спас Деникина — полковник Колтышев. А безымянный помощник Миллера — начальник канцелярии РОВС генерал Кусонский.

Кусонский вспомнил про записку Миллера не в 11 вечера, как вы утверждаете, а значительно раньше.

Офицер, сообщивший Скоблину об исчезновении Миллера — полковник Мацылев. Странно, что вы этого не знаете.

Никто Скоблина в управление РОВС не арестовывал. Оставьте свои фантазии и прочтите материалы следствия.

Откуда берется информация, что Скоблина вывезли в Испанию? А почему не в Португалию, как писали некоторые эмигрантские газеты?

Плевицкая не отправлялась в штаб РОВС. Это к ней приехал полковник Мацылев. Обвинений в шпионаже ей не предъявляли, не надо фантазий

Думаю, уже довольно. Нет, лично я благодарен вам. Это хороший стимул для автора этих слов и дальше изучать жизнь Н.В. Скоблина и Н.В. Плевицкой. Но вот рядового зрителя жалко. Посмотрев эту откровенную чепуху, он получил лживые и подлые домыслы о жизни великой русской певицы, вместо действительно интереснейших подробностей ее жизни. Которые вы не захотели найти».

Ответа, разумеется, не получил. Но этот самый случай, когда молчание показательное.

Разумеется, я далек от мысли, что поток неприкрытой лжи и откровенных домыслов в одночасье прекратится. Людям, к сожалению, свойственно верить в легенды, имеющие мало общего с действительностью. Николай Владимирович таковой и является. Пусть даже для кого-то и сугубо отрицательной. Но мало кто будет отрицать, что судьба генерала Скоблина — составляющая часть истории России XX века. Нашего прошлого. Трагического и поучительного.

И последнее: автор этих слов постоянно слышит, что он пытается добиться реабилитации Скоблина. Это абсолютно не соответствует действительности. И вот почему.

Термин «реабилитация» был придуман Лаврентием Павловичем Берией в 1953 году, как юридический. Его не было в советском уголовном праве. Введен он был с очевидной целью: в соответствии с советским Уголовно-процессуальным кодексом оправдать осужденного, если приговор вступил в законную силу. Или чтобы прекратить следствие можно было только при появлении так называемых «вновь возникших обстоятельств», каковые признавались возникшими после того, как вступал в законную силу обвинительный приговор по фальсификаторам следствия. Реабилитация в том виде, в каком она существует сегодня — это признание порядочным человеком. Генерал-майор Николай Владимирович Скоблин в такой реабилитации не нуждается.

А Надежда Васильевна Плевницкая обошлась и без досужих разговоров о юридических формальностях. В 1996 году одна из малых планет получила имя великой русской певицы. Не столь давно в ее родной деревне Винниково был открыт музей. Ирина Лоташова, директор музея, писала автору этих слов: *«Он позволит вернуть в культурную память имя яркой звезды русской эстрады, чья человеческая и творческая жизнь является одной из граней целостной картины того времени, понимание которого необходимо для формирования современного общества.»*

Эпоха модернизации и глобализации ведет к стремительному вымыванию из культуры явлений и форм традиционной культуры. Новый музей будет способствовать сохранению национального достояния — исторической памяти и развитию народного певческого творчества в России.»

Основная библиография

Послужной список генерал-майора Н.В. Скоблина.

Составлен 23.11.1932 г. в Париже.

Статьи Н.В. Скоблина.

Рецепты «Последних новостей» для спасения РОВС.
1934 год.

Основные издания: Русская эмиграция.

Александров В. Дело Тухачевского. Париж, 1962.

Белогорский Н. Вчера. Мадрид, 1964.

Бурцев В.Л. Большевистские гангстеры в Париже. Похищение генералов Кутепова и Миллера. Париж, 1939.

Витковский В.К. В борьбе за Россию. Сан-Франциско, 1963.

Иогансен В. Дело генерала Лампе. Буэнос-Айрес, 1961.

Как фальсифицируется общественное мнение. Издание НТСНП. Только для членов союза. Париж, 1937.

Кириенко И.К. 1613 г. От славы и чести к подлости и позору февраля 1917 г. Сан-Паоло, 1963.

Корниловский ударный полк. Составлена под руководством полковой комиссии и отредактирована М.А. Критским, Париж. 1936.

Корниловский ударный полк. 1917—1974. Материалы для истории. Ответственный составитель М.Н. Левитов. Париж, 1974.

Корниловцы. Юбилейная памятка. Париж, 1967.

Курганов Г.С. Тайны русской революции и будущее России. США, 1959.

Лампе фон А.А. Пути верных. Париж, 1960.

Ландовский И. Красная симфония. Буэнос-Айрес, 1968.

Миллер Е.К. Армия. Доклад на конференции Национального союза в Париже 13 сентября 1924 года. Белград, 1924.

Миллер Е.К. Борьба за Россию на Севере. Белое Дело. Том 4. Берлин, 1927.

НТС на службе России. Франкфурт, 1978.

Ответ на книгу Кириенко. Издание объединения чинов Корниловского ударного полка. Париж, 1965.

Плевицкая Н.В. Дежкин карагод. Париж, 1925.

Плевицкая Н.В. Мой путь с песней. Берлин, 1930.

Правда о третьем «Тресте». Доклады Б.В. Прянишникова и И.А. Брянского. Париж, 1937.

Прянишников Б.В. Незримая паутина. США, 1982.

Савин П. Гибель генерала Миллера. Париж, 1939.

Свитков Н. Язва на теле русской эмиграции. Сан-Паоло, 1964.

Скородумов М.Ф. За Россию. Лос-Анджелес, 1966.

Солоневич Б.И. Не могу молчать. Париж, 1939.

Столыпин А.П. На службе России. Посев, 1986.

Яремчук-второй А.П. Русские добровольцы в Испании. США, 1982.

Grey M. Le general meurt a minuit. Paris, 1981.

Krivitsky V. I was the Stalin's Agent. Lnd, 1939

L'enlèvement du général de Miller par le général Skobline: le procès de la Plevitzkaïa. Paris, 1939.

Orlov A. The Secret History of Stalin's Crimes. New York, 1953.

Основные издания. СССР, современная Россия и иностранные.

Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944—1945. М.: Посев, 2009.

Антонов В.С., Карпов В.Н. Нелегальная разведка. М.: Международные отношения, 2007.

Антонов В.С., Карпов В.Н. Разведчицы. М.: Молодая гвардия, 2004.

Арсеньева Е. И звезды умеют любить. М.: Эксмо, 2004.

Байдалаков В. Да возвеличится Россия, да гибнут наши имена. М., 2002.

Белое движение. Исторические портреты. М.: АСТ, 2004.

Берберова Н. Курсив мой. М.: АСТ, 2009.

Бортневский В.Г. Избранные труды. СПб., 1999.

Бугров Ю.А. Надежда Плевницкая. Удаль и печаль. Курск, 2006.

Бурлак В. Русский Париж. М.: Вече, 2008.

Бутков П.Н. За Россию. СПб., 2001.

Внутренняя линия. Идеология организации. Белое дело. 2010.

Генерал Кутепов. М.: Посев, 2009.

Гладков Т. Аргузов. М.: Молодая гвардия, 2008.

Голдин В. Солдаты на чужбине. Архангельск, 2006.

Голдин В. Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. Архангельск, 2010.

Гончаренко О. Белоэмигранты между звездой и свастикой. М.: Вече, 2005.

Гончаренко О. Изгнанная армия. М.: Вече, 2012.

Грибков И., Жуков Д., Ковтун И. Особый штаб «Россия». М.: Вече, 2011.

Деникина-Грей М. Мой отец — генерал Деникин. М.: АСТ, 2005.

Дерябин А. Гражданская война в России 1917—1922. Белые армии. М.: АСТ, 1998.

Дорба И. Свой среди чужих. М.: Вече, 2012.

Дязтерев К., Колпакиди А. Внешняя разведка СССР. М.: Эксмо, 2009.

Ерофеева-Литвинская Е. Сценарий для богини. Рипол, 2009.

Император Николай Второй и революция. М., 2010.

Кантор Ю. Война и мир маршала Тухачевского. М.: Время, 2005.

Костиков В. Не будем проклинать изгнание. М.: Вагриус, 2004.

Кравчинский М. Звезды царской эстрады. Нижний Новгород: Деком, 2011.

Кугель А.Р. (Ното Новус). Театральные портреты. Петроград, 1923.

Кулешов А. Аксаковы. История разбитых судеб. М.: Территория, 2009.

Лехович Д. Деникин. Жизнь русского офицера. М., 2006.

Между Россией и Сталиным. М., 2004.

Минаков С.Т. 1937. Заговор был. М.: Яуза, 2010.

Млечин Л. Сеть: Москва—ОГПУ—Париж. 1991.

Млечин Л. «Фермер» сообщает из Парижа. М., 1992.

Млечин Л. Алиби для великой певицы. М.: Гей, 1997.

Мозохин О. Борьба советских органов государственной безопасности с терроризмом. М.: Кучково поле, 2011.

Надежда Плевицкая. Возвращение в Россию. М., 1993.

Нестьев И.В. Звезды русской эстрады. М.: Советский композитор, 1970.

- Никандров Н. Иван Солоневич. М.: Алгоритм, 2007.*
Очерки истории Российской внешней разведки. Том II. М., 2006.
- Павлов В. Трагедии советской разведки. М.: Центрполиграф, 2000.*
- Пермикин Б.С. Из записок 1912—1959 гг. М.: Посев, 2011.*
- Плевицкая Н.В. Держин карагод. М., 2011.*
- Политическая история русской эмиграции. М., 1999.
- Прокофьева Е. Надежда Плевицкая. Смоленск, 2000.*
- Прудникова Е., Колпакиди А. Двойной заговор. М.: Олма, 2009.*
- Ракша И. Охота на волков. М., 1998.*
- Ракша И. Белый свет. М., 2004.*
- Раскольников М.В. Тень быстротечной жизни. М.: Советский писатель, 1991.*
- Русский исход. М.: Дрофа, 2009.
- Свириденко Ю., Ершов В. Белый террор. Политический экстремизм российской эмиграции 1920—1945. М., 2000.*
- Симбирцев И. Спецслужбы первых лет СССР. М.: Центрполиграф, 2008.*
- Скороходов Г.А. Тайны граммофона. М.: Алгоритм, 2004.*
- Стронгин В. Надежда Плевицкая. Великая певица и агент разведки. М., 2005.*
- Суворов В. Очищение. М.: АСТ, 1998.*
- Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930—1950 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997.*
- Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны. Симферополь, 2011.
- Треппер Л. Большая игра. М.: Политиздат, 1990.*
- Флейшман Л. В тисках провокации. М.: Новое литературное обозрение, 2003.*

Шварев Н. Разведчики-нелегалы СССР и России. М.: Звоница, 2008.

Шелленберг В. Лабиринт. М., 1991.

Ширинский Н. Боги сцены российской империи. М., 2004.

Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1986.

Шнейдер И. Записки старого москвича. М.: Советская Россия, 1970.

Черкасов-Георгиевский В. Вожди Бельных армий. Смоленск: Русич, 2003.

Черкасов-Георгиевский В. Генерал П.Н. Врангель — последний рыцарь Российской империи. М.: Центрполиграф, 2004.

Ратиев А.Л. То, что сохранила мне память. София, 1999.

Штейнберг А. Друзья моих ранних лет. Париж, 1991.

Hauptmann-Gurski A. La Plevitskaya: A Gypsy Singer's Life in Tsarist Russia and in Exile. 2006.

Robinson P. The white russian army in Exile, 1920—1941. Oxford, 2002.

Статьи в эмигрантских газетах и журналах.

Абрамов Ф.Ф. Редактору «Вестника галлиполийцев».

Алексинский А. Борьба с провокацией.

Ариель. Душегубы.

Аресты в Белграде.

Блестящий смотр.

Большой вопрос.

Бурцев В.Л. Злые собаки.

Бутков В.Н. Воспоминания председателя РОВС.

Вазимов Е. Барельеф.

В городе и свете.

Вето. Плевницкая в Озуар-ла-Ферьер.

Виноградов Н. О так называемом «Тресте».

«Внутренняя линия» и НТСНП.

В последнюю минуту (две разные статьи с одним названием).

В Париже агенты ГПУ похитили двух царских генералов.

Вонсяцкий А. Награда в 25 000 франков.

Вожди и заветы.

Второй съезд национальных групп во Франции.

Генерал Миллер (две разные статьи с одним названием).

Генерал Миллер в Болгарии (две разные статьи с одним названием).

Генерал Миллер в Сербии.

Годовщина первого похода.

Головань. Белый рыцарь.

Даватц В.Х. Н.В. Плевницкая.

Даватц В.Х. Чем мы сильны?

Даватц В.Х. Тяжелая правда.

Две смуты.

Дело генерала Миллера.

Дело Плевницкой. Из зала суда.

Дело Скоблина (две разные статьи с одним названием).

Деникин А.И. Дела эмигрантские.

Деникина К. Внутренняя линия.

День памяти Кутепова в Болгарии.

Дункель. К корниловцам.

Еще одна провокация большевиков против РОВС отбита.

Загадка Скоблина.

Заявление генерала Шатилова.

Зеленов В. Предательство генерала Миллера.

Злодейское похищение генерала Миллера.

Знаменательная история.

Из приказа по Корниловскому ударному полку.
Из информации по I отделу РОВС.
Из писем.
Информация управления РОВС.
Информация по II отделу РОВС.
Иогансен В.М. Статистика.
Иогансен В. Защита генерала Лампе.
Иогансен В. Я обвиняю генерала Лампе.
Исчезновение генерала Миллера.
Карьера Плевицкой.
Касьянов С. Из далекого и близкого прошлого.
К годовщине гибели генерала Миллера.
К делу доноса В. Орехова и др. на Бориса Солоневича.
Комиссия генерала Эрдели.
Коморовский А. День Белой борьбы.
Коморовский А. Сочувствие и содействие.
Коновалов К. Письмо в редакцию «Часового».
Кондратьев И.М. Носители чести и доблести воинской.
Кондратьев И.М. Письмо в редакцию.
К похищению генерала Миллера.
К похищению генерала Е.К. Миллера.
К пребыванию генерала Скоблина и Н.В. Плевицкой в Софии.

Корниловские дни.
Корниловский праздник.
Куприн А.И. Дежкин Карагод.
Куприн А.И. Н.В. Плевицкая. 7 января 1925 года.
Кусонский П.А. К белградским арестам.
Лампе А.А. Русский общевойсковой союз.
Ларионов В. Удар в спину.
Ларионов В. Маститые лидеры оборончества.

Ларионов В. Младшие богатыри.

Лекторский А.М. В защиту доброго имени. Ответ Б.В. Прянишникову.

Лисовский Ю. По методу И. Солоневича.

Мацьилев С.А. Показания следственной комиссии.

Мацьилев С.А. Разъяснение.

Мержеевский В. На пути соблазнов.

Мержеевский В. Ответ Б. Прянишникову.

Мержеевский В. Пути эмиграции.

Мержеевский В. Граждане второго сорта.

Месснер Е.Э. Моя служба с генералом Скоблиным.

Месснер Е.Э. Удар по офицерству.

Миллер Е.К. Свержение коммунистического ига.

Миллер Е.К. Памятите о России.

Миллер Е.К. Мы должны свои знамена победоносно донести до родной земли.

Моисеев М. Воспоминания старого корниловца.

Московский адвокат — президент республики.

«Нацмальчики».

Наш долг и грядущая Россия.

Н.Б. Письма из Испании.

Н.В. Скоблин.

Недостойная болтовня.

Новиков В. Национальная идея и Корниловский полк.

Обо всем понемногу.

Около виллы Скоблиных.

Окунев В. «Внут. линия» за работой.

Окунев В. Существует ли «Внутренняя линия»?

Окунев В. Три шага налево, два шага направо.

Окунев В. Дело Солоневича.

Окунев В. Напрасные надежды.

Олехнович А.С. О совете российского зарубежного воинства.

Опишня И. Тухачевский и Скоблин.

Опишня И. Генерал Кутепов и «Внут. линия». «Возрождение».

Орехов В.В. Генерал Миллер.

Орехов В.В. Двадцатилетие со дня похищения генерала Миллера.

Орехов В.В. Наш долг.

Орехов В.В. На тему дня.

Орехов В.В. Съезд национальных организаций.

Орехов В.В. На ту же тему.

Орехов В.В. Похищение генерала Миллера.

Орлов Г. О желтой прессе в эмиграции.

Орлов Г. Порочное явление.

Отзывы русской печати. Апрель—май 1939 года (газеты «Возрождение», «Последние новости», «Россия», «За Родину!», «Меч», «Сигнал». Подборка И.Л. Солоневича).

От главного правления Общества галлиполийцев.

Отказ Н.А. Цурикова от звания «Почетный член НТСНП».

Отклик чинов РОВС в Болгарии на компанию И. Солоневича против РОВС.

Открытое письмо русских артистов.

Открытое письмо И. Солоневичу.

Открытое письмо М.М. Зинкевичу.

Павлов В.Е. Ответ на статью С. Касьянова.

Павлов А.Г. Казачество и нездоровое русское политическое сознание.

Панихида по Врангелю.

Парижские визиты.

Патронов И. Генералы, штабс-капитаны, неизвестные солдаты.

Передовая статья.

Письма, адресованные генералу Абрамову.

Письмо генерала Туркула.

Письмо генерала Миллера.

Плавинский Н. Корниловский ударный полк.

Плавинский Н. Дело Коморовского.

Плавинский Н. Сомкнем свои ряды.

Плавинский Н. К восстановлению истины.

Подгорный. Сохраним РОВС.

По делу генерала Миллера.

После похищения генерала Миллера.

После злодеяния большевиков.

Похищение генерала Миллера (три разные статьи с одним названием).

Праздник корниловцев в Париже.

Предательство Скоблина.

Прибытие генерала Миллера в Архангельск.

Приезд генерала Скоблина в Болгарию.

Прянишников Б.В. «Внутренняя линия» защищается.

Прянишников Б.В. Без полемики.

Прянишников Б.В. Тайны «внутренней политики».

Прянишников Б.В. Микрофон в кабинете генерала Миллера.

Прянишников Б.В. Гибель генерала Е.К. Миллера (цикл из десяти статей).

Прянишников Б.В. Фальсификаторы истории.

Прянишников Б.В. Явное и тайное.

Расследование по делу Скоблина.

Речь генерала Миллера корниловцам.

РОВС и его «радетели».

Рождественский С. Похищение генерала Миллера (с поправками Б.В. Прянишникова).

Саккар. Молодость генеральши Скоблиной.
Свитков Н. Возрождение «Внутренней линии».
Свитков Н. Вынужденное молчание.
Свитков Н. Не рой другому яму.
Свитков Н. Культ личности.
Свитков Н. Моим хулителям, судьям и обвинителям.
Скандал в русской эмиграции в Париже.
Слезкин Ю. Письмо в редакцию.
Солоневич И.Л. Азёфовщина.
Солоневич И.Л. Два зайца генерала Деникина.
Солоневич И.Л. Дело всего зарубежья.
Солоневич И.Л. Дело Миллера—Скоблина.
Солоневич И.Л. Похищение генерала Миллера.
Солоневич И.Л. S.O.S.
Солоневич И.Л. Разорванный фронт.
Солоневич И.Л. Пути, ошибки, итоги.
Солоневич И.Л. Акция генерала Власова.
Солоневич И.Л. Чечевичная похлебка.
Соседов В. Корниловцы.
Соседов В. Ставка на раешник.
Среди марковцев-железнодорожников.
Столыпин А.П. Что такое «Внутренняя линия»?
Суворовец.
Судьба генералов Кутепова и Миллера.
Судьба предателя.
Судьба генерала Скоблина.
Тарусский Е. Гармоника.
Тарусский Е. Корниловцы.
Театральное эхо.
Театр «Буфф».

Троцкий Л.Д. Сталин, Скоблин и К°.

Цуриков Н. Моральная победа.

Цуриков Н. Своим и чужим.

Шильдкнехт Е. Мы ждем извинения.

Щербатов А. Тайное и явное.

Статьи в зарубежных газетах.

Laqueur W., Rapoport V., Schwartz S. The Mystery of Max Eitingon.

L'Ouest-Eclair. 24.09.1937 г., 25.09.1937 г., 26.09.1937 г., 03.10.1937 г. L'Illustration. 09.10.1937 г. Le Figaro. 27.09.1937 г. Evening post. 23.09.1937 г., 25.09.1937 г., 27.09.1937 г. NY Times. 26.09.1937 г., 15.12.1938 г.

Time. 26.12.1938 г. The straits time. 24.11.1940 г. The Argus. 24.09.1937 г.

Полная подборка статей из немецких газет 1937—1938 гг. по похищению генерала Миллера.

Отдельные статьи в современных российских изданиях (в личном архиве их более 100).

Бузина О. Оттенки белого и красного.

Кулешов А. На «внутренней линии».

Кисленко А. Надежда Плевницкая: без вины виновата?

Кулешов А. Мичман русского флота С.С. Аксаков.

Левин М. Русская военная эмиграция накануне ВМВ.

Минаков С. Советская военная элита в политической борьбе 20—30-х годов.

Млечин Л. Похищение в Париже.

Окулов А. Тевтон с русским сердцем.

Семенов К. Лицом к солнцу: участие белоэмигрантов в гражданской войне в Испании.

Файтельберг-Бланк В., Савченко В. Поющая шпионка, которая очень любила деньги.

Черкашина Л. Последняя служба генерала Миллера.

Черкашина Л. Внучка пушкинской мадонны.

Дневники, документы, письма, воспоминания, кинохроника и аудиозаписи.

Колтышев П.В. 1941 год.

Плевицкая Н.В. Тюремные дневники.

Дело Е.К. Миллера из архива ФСБ РФ.

Документы «Внут. линии» из архива А.П. Архангельского. Колумбийский университет, США.

Документы «Внут. линии» из архива Б.В. Прянишникова. Гуверовский архив, США.

Донесения агентов ИНО ГПУ, в которых фигурирует Н.В. Скоблин. 1921—1924 гг. Из архива ФСБ РФ.

Донесения в Москву С.Н. Третьякова из архива ФСБ РФ.

Документы по К.А. Фоссу из информационного отдела Союза Андреевского Флага.

Допрос В.И. Красавина. 23.08.1943 г.

Обращение Н.В. Плевицкой к президенту Франции.

Обращение Н.Н. Миллер к президенту Франции.

Обращение Н.Н. Миллер к русской военной эмиграции.

Приказ П.Н. Врангеля об учреждении орденой думы Николая Чудотворца. 1920 год.

Приказ Е.К. Миллера об освобождении П.Н. Шатилова с поста начальника I отдела РОВС. 1934 год.

Приказ № 32 от 05.10.1937 г. об образовании комиссии по делу Скоблина.

Приказ об исключении Н.В.Скоблина и Н.В.Плевицкой из Союза Галлиполийцев. 1937 год.

Письма С.В. Рахманинова Н.В. Плевицкой. 1926 год.

Письмо Н.В. Скоблина П.Н. Врангелю. 1922 год.

Письмо Н.В. Скоблина баронессе Врангель. 1932 год.

Письмо Н.В. Скоблина Е.К. Миллеру. 1933 год.

Письмо Н.В. Скоблина В.В. Свечину. 1937 год.

Письма Н.В. Плевицкой к М.М. Филоненко.

Письмо Н.В. Плевицкой Эппштейну.

Письмо Н.В. Плевицкой Елене.

Письмо Н.Н. Головина А.П. Архангельскому. 7 октября 1942 года.

Письмо есаула Лб.-гв. Атаманского полка Г.А. Грекова полковнику С.Д. Гегелашвили. 1967 год.

Письмо Р.Б. Гуля И.А. Ильину.

Переписка П.А. Кусонского с К.И. Глобачевым. Октябрь 1937 года.

Письмо П.П. Савина В.Д. Мержсевскому.

Письмо Л.Д. Троцкого М. Зборовскому. 8 ноября 1938 года.

Письмо В.В. Шульгина В.А. Маклакову. 15 января 1930 года.

Письмо А.И. Деникина А.П. Архангельскому. 16 мая 1946 года.

Письмо В.К. Витковского А.В. Туркулу. 21 ноября 1931 года.

Воспоминания Н. Абрамовой.

Воспоминания Г. Алексинского.

Воспоминания Н.П. Базилевской.

Воспоминания А.Н. Вертинского.

Воспоминания И. Гессена.

Воспоминания Р.Б. Гуля.

Воспоминания Г.Д. Гребенщикова.

Воспоминания М.А. Деникиной-Грей.

Воспоминания Дон-Аминадо.

Воспоминания Ю.П. Иваска.

Воспоминания А.В. Караджева.

Воспоминания Г.А. Ламздорфа.

Воспоминания Н.Н. Мишутупкина.

Воспоминания Н.А. Раевского.

Воспоминания К. Хенкина.
Воспоминания А.А. Чернова.
Воспоминания З. Шаховской.
Воспоминания А.П. Щербатова.
Воспоминания В.В. Шульгина.
Воспоминания Ф. Юсупова.
Схема «Внутренней линии» из архива гестапо.

Разное

Интервью Б.В. Прянишникова.
Интервью автора с Л.М. Млечиным.
Интервью автора с Ю.Г. Кобаладзе.
Интервью автора с Т.К. Гладковым.
Интервью автора с А.И. Колпакиди.
Интервью автора с Ю. Кузаковым.
Интервью автора с О.Б. Мазохиним.
Интервью автора с В.Ж. Цветковым.
Интервью автора с И.Е. Ракша.
Интервью автора с О.Г. Гончаренко.
Письма автору Н.В. Вишневого (внук генерала Кельнера).
Письма автору В.Н. Грекова (его отец был в охране Е.К. Миллера).
Письма автору Т.И. Ивановой (дочь полковника Воробьева, крестница Н.В. Скоблина).
Письма И.С. Скоблиной (племянница Н.В. Скоблина).

Содержание

Предисловие.....	3
Первый корниловец.....	6
Похищение генерала Миллера	223
Из агентурного дела Николая Скоблина	343
Смерть генерала Миллера.....	359
Скоблин и «дело Тухачевского».....	376
Послесловие	385
Основная библиография.....	397

Научно-популярное издание
Военный архив

Гаспарян Армен Сумбатович

**ГЕНЕРАЛ СКОБЛИН.
ЛЕГЕНДА СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ**

Выпускающий редактор *К.К. Семенов*

Корректор *Е.Ю. Таскон*

Верстка *А.Ю. Киселев*

Подготовка к печати

художественного оформления *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строние 5.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 16.07.2012. Формат 84×108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 13. Тираж 2000 экз. Заказ № 1299.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

c-mail: printing@yareoslavl.ru www.printing.yareoslavl.ru

ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»
ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 7.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-71, (499) 940-48-72, 940-48-73.

Интернет: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».

Тел.: (499) 940-48-70.
E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!
Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:

В Москве:

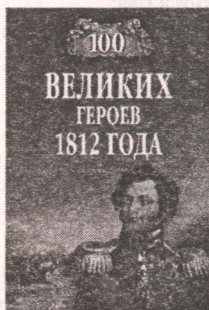
Компания «Лабиринт»
115419, г. Москва,
2-й Рощинский проезд, д. 8, стр. 4.
Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79
www.labyrinth-shop.ru

В Киеве:

ООО «Издательство «Арий»
г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 26, а/я 84.
Тел.: (380 44) 537-29-20, (380 44) 407-22-75.
E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»
в московских книжных магазинах:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Новый книжный».

100

Знаменитая серия книг

Более 150 томов

Энциклопедическая полнота

www.veche.ru

ВОЕННЫЙ АРХИВ

Николай Владимирович Скоблин (1893—1937) считается одним из самых успешных советских разведчиков. Большая часть биографии «Фермера» до сих пор остается под грифом «совершенно секретно». Эта книга открывает читателю максимально возможную информацию о легендарном агенте внутри эмигрантских организаций — Русского общевоинского союза и таинственной «Внутренней линии», о которой до сих пор мало что известно. Работая над книгой, журналист Армен Гаспарян, лауреат премии «Патриот России», изучил сотни документов и воспоминаний людей, близко знавших Николая Владимировича, встречался с родственниками Скоблина. Ряд фотографий в книге публикуется впервые.

ISBN 978-5-9533-6441-6

9 785953 364416

